БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

100 лет
НА БЛАГО ОТЕЧЕСТВА

100 лет
университетскому образованию
и науке в Беларуси

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА БЕЛАРУСИ

ОСНОВОПОЛОЖНИКИ БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (1919–1981)

МИНСК
БГУ
2020

УДК 378.4(476-25)(092)
ББК 74.484.7(4Беи-2Мин)д
И73

Серия основана в 2017 г.

Авторы:
**А. Д. Король, А. В. Бурачонок, А. А. Гужаловский,
О. И. Ершова, С. А. Захаркевич, В. А. Кохнович, В. С. Макаревич,
А. Н. Максимчик, Э. Л. Малиновская, О. И. Малюгин,
А. А. Торканевский, С. Н. Ходин, М. Ф. Шумейко,
В. В. Яновская, О. А. Яновский**

Под общей редакцией А. Д. Короля

Научный редактор О. А. Яновский

Редакционная коллегия:
А. Д. Король (отв. ред.), Д. Г. Медведев, О. А. Яновский,
Н. Н. Герасимович, А. Г. Кохановский

Рецензенты:
член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор исторических наук *И. А. Марзалюк*;
академик НАН Беларуси,
доктор химических наук *О. А. Ивашкевич*;
доктор исторических наук *А. М. Литвин*

И73 **Интеллектуальная** элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1981) / А. Д. Король [и др.] ; под общ. ред. А. Д. Короля ; науч. ред. О. А. Яновский. – Минск : БГУ, 2020. – 303 с. – (Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества).
ISBN 978-985-566-911-2.

В третьей книге из серии «Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества» продолжен рассказ о выдающихся ученых, профессорах и преподавателях первого университета Беларуси. В 23 очерках представлены жизненные биографии, путь в науке и высшей школе тех, кто был у истоков создания БГУ, осваивал и развивал новые направления фундаментальных и прикладных научных знаний, формировал научные школы. Эти люди в 1921–1981 гг. не только оказывали бесценную помощь в подготовке тысяч специалистов для важнейших областей народного хозяйства БССР и всего Советского Союза, но и своими знаниями укрепляли экономическую, оборонную, интеллектуальную мощь страны.

УДК 378.4(476-25)(092)
ББК 74.484.7(4Беи-2Мин)д

ISBN 978-985-566-911-2

© БГУ, 2020

Создателям
системы высшего образования
и науки Беларуси посвящается…

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Третья книга из серии «Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества» содержит очерки о выдающихся ученых и педагогах Белорусского государственного университета, которые, создавая свое настоящее, на десятилетия опережали время и формировали будущее гуманитарных и естественно-научных отраслей. Это имена известных личностей, в полной мере олицетворяющих понятия «элита» и «интеллигенция».

Хронологически книга охватывает период с 1921 по 1981 г. Избранный формат не позволяет представить всех значимых деятелей БГУ, на века внесенных в летопись университета. Приоритет отдавался ученым, имеющим неоспоримые заслуги перед университетом и страной. В то же время важно было вернуть и сохранить имена педагогов, незаслуженно забытых, но оказавших значительное влияние на становление ряда образовательных и научных учреждений Беларуси, научных школ. Поэтому данное издание содержит главу «Из плеяды первых…», где рассказывается о малоизвестных широкому кругу читателей, но великих профессионалах – экономистах, филологах, историках, медиках... Например, очерк об Александре Александровиче Манове воссоздает образ профессора-экономиста БГУ, прошедшего в 1920–30-х гг. сложный профессиональный путь, пережившего трагические военные годы, одного из организаторов современного Белорусского государственного экономического университета.

Книги серии построены по хронологическому принципу. И все издания возвращают нас к истокам – первым десятилетиям истории БГУ. Это своего рода напоминание, укрепление в памяти значимой роли сотен незаурядных интеллектуалов в утверждении научного и дидактического первенства университета, определении направлений системы белорусской высшей школы. Без участия представителей университетского сообщества в Беларуси не проводилось ни одно важное научное, учебно-образовательное, общественно-политическое мероприятие.

Значительное внимание в третьей книге уделено интеллектуалам, работавшим в БГУ четыре послевоенных десятилетия. Уникальны судьбы университетских ректоров. После очерка в первой книге о Владимире Ивановиче Пичете в данном издании представлены биографии двух знаковых ректоров, воссоздавших в неимоверно сложных послевоенных условиях разрушенный БГУ и предопределивших его развитие: ученого в области географической на-

уки ректора и академика Константина Игнатьевича Лукашёва и академика-физика Антона Никифоровича Севченко. По масштабам роли в университетской истории их имена стоят вровень с всебелорусским первым ректором В. И. Пичетой.

Все герои третьей книги «Интеллектуальная элита Беларуси» заслуживают глубочайшего уважения и внимания.

Надеюсь, что в этих очерках и в двух последующих книгах каждый найдет примеры для осмысления собственного пути в науке и высшем образовании.

Ведь чем выше степень диалогичности человека, его способности к самоизменению, тем крепче историческая память. И образование настолько личностное, насколько оно диалогичное. Книга может послужить подспорьем не только для исследователя, но и для студента.

Ректор БГУ
доктор педагогических наук, профессор
Андрей Дмитриевич Король

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА БЕЛАРУСИ

«Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1981)» – третья книга серии «Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества». Она выдержана в стилистике двух предыдущих. Все внимание авторов 23 очерков о выдающихся ученых и педагогах первого белорусского университета – Белорусского государственного – сконцентрировано на представлении современному коллективу нашей альма-матер значимости научной, преподавательской, организаторской деятельности выдающихся представителей самых разных наук, внесших неоценимый вклад в развитие знаний. Результаты их научного и педагогического творчества бесценны для Беларуси и имеют очевидную общечеловеческую значимость. Их судьбы – пример служения избранному делу, стремления к максимальной самореализации, органичной включенности в сложные общественно-политические процессы.

По замыслу каждая из книг отправной хронологической точкой имеет 1919–1921 гг. – время рождения Белорусского государственного университета – и раз за разом захватывает новый двадцатилетний период его деятельности. Таким образом, третья книга обобщает научное и педагогическое творчество выдающихся ученых, пришедшееся на 1919–1981 гг. Условно весь текст разделен на три части, они сформировались лишь по завершении написания очерков и в определенной степени отражают важные результаты деятельности БГУ как «кузницы кадров» и «очага знаний» высшей категории. Две последующие книги продолжат рассказ таким образом, чтобы, не прерывая связь поколений, завершить повествование в целом о столетнем периоде деятельности Университета и его выдающихся интеллектуалов. Постоянное обращение к прошлому через имена незаурядных представителей многотысячного коллектива БГУ позволяет видеть логику и результаты развития, неразрывность творческой деятельности и судеб вот уже четырех поколений университетских интеллектуалов. Значимо то, что многие из них прошли путь от студента БГУ до профессора и даже ректора, не только стали вровень со своими учителями, но и превзошли их.

Для авторов было важно найти, обобщить и последовательно изложить в сравнительно небольших очерках главное из многолетней творческой жизни ученых. И одновременно обратить внимание: их труд был и остается востребован, способствовал развитию многих областей знаний в масштабах страны, составляет весомую часть интеллектуальных достижений Беларуси.

Некоторые герои очерков широко известны, вошли в белорусскую историю.

Однако многие оказались забытыми или воспринимаются в университетском коллективе без надлежащего пиетета. Поэтому при подготовке книги, как и ранее, была продолжена скрупулезная исследовательская работа с привлечением большого и разнообразного комплекса источников. При написании текста использованы материалы, выявленные не только в Национальном архиве Республики Беларусь, Национальной библиотеке Беларуси, Центральном научном архиве НАН Беларуси, архиве БГУ, Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства, отделе редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа НАН Беларуси, Музее истории медицины Беларуси, но также в Российском государственном архиве социально-политической истории, Государственном архиве Российской Федерации, Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, отделе рукописей Российской государственной библиотеки и даже в Центральном государственном архиве Республики Дагестан, Государственном архиве Ростовской области и др. Неоценимыми по своему значению стали семейные и личные архивы, любезно предоставленные родными и близкими тех, о ком повествуют очерки. Например, таким образом много уникальных сведений и фотографий стало возможным включить в очерки о К. И. Лукашёве, П. А. Мавродиади, И. В. Волке-Левановиче, Л. С. Абецедарском, П. З. Савочкине, А. А. Манове, А. Н. Севченко, С. А. Умрейко и др. Именно обращение к личным архивам позволило детализировать страницы жизни героев очерков, прикоснуться к неизвестным ранее фотографиям, которые несут в себе не только образы людей, но и частицу университетской истории, истории всей нашей страны. В то же время акцент делался на детальную проработку архивного материала – с использованием фондов как белорусских, так и российских архивов. В силу специфики данного издательского проекта весь научный аппарат изъят, однако он без труда восстанавливается в случае намерения авторов опубликовать свои исследования просопографического характера в научных журналах и сборниках.

Основные археографические принципы, которых придерживались авторы и издатели, названы в предисловии ко второй книге. В третьей книге они учтены в полной мере.

Олег Антонович Яновский,
Михаил Федорович Шумейко

ИЗ ПЛЕЯДЫ ПЕРВЫХ…

Выдающийся литературовед и переводчик

Профессор БГУ

Евгений Иванович БОРИЧЕВСКИЙ

17.12.1883 – 12.09.1934

Выдающийся ученый в области литературоведения, переводчик, философ, профессор БГУ (1928), интеллектуал, друживший со многими знаменитыми людьми эпохи переустройства всех сторон жизни, в том числе высшего образования и науки. Уроженец Минска получил образование в Берлине и Москве, там начинал свой творческий и педагогический путь. Евгений Иванович был учеником известного философа Г. Зиммеля и эстетика М. Дессуара, входил в философское общество Московского университета. Он одним из первых принял решение вернуться в родной город в качестве преподавателя только что открывшегося университета. В БГУ филолог занялся не только педагогической деятельностью, но и учебно-организаторской – в качестве секретаря президиума факультета общественных наук. Его знания были востребованы и в других высших учебных заведениях республики.

Талантливый литератор, пушкинист, автор глубоких публикаций по истории белорусской, русской, немецкой, французской литератур, теории поэтического творчества являлся сотрудником Института белорусской культуры. Одаренный и способный педагог, умевший увлечь сердца и умы студентов, в том числе членов литературных объединений «Маладняк» и «Узвышша», своим созидательным творчеством заслуженно снискал признание и уважение, был высоко ценим современниками, своими многочисленными учениками. Е. И. Боричевский – высокообразованный интеллектуал, стремившийся передать свой талант, привить чувство прекрасного и увлечение творчеством молодому поколению белорусских литераторов.

Среди многочисленных представителей молодых белорусских интеллектуалов первого десятилетия XX в., которые посвятили себя литературоведению и языкознанию, личность профессора Евгения Боричевского – одна из наиболее ярких. Выходец из дворянского сословия, молодой профессор, учившийся в Берлинском и Московском университетах, дружил с Б. Пастернаком и Г. Гордоном, был вхож в философское общество Московского университета. Это единственный коренной минчанин из всех заметных представителей белорусского литературоведения 1920-х гг.

Евгений Иванович Боричевский родился 17 (29) декабря 1883 г. в Минске. Отец – известный минский нотариус коллежский асессор Иван Казимирович Боричевский. В черновике автобиографии (хранится в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства) Евгений Иванович указал, что отец по национальности белорус. Мать – урожденная София Александровна Фокт (Фохт) – происходила из лютеранской общины Минска (есть предположение, что она родственница известного философа Бориса Александровича Фохта). Семья Боричевских владела собственным домом в центре Минска, по Мало-Монастырскому переулку (ныне ул. Герцена). Происхождение отца, Ивана Казимировича, его отчество косвенно свидетельствуют, что Боричевские – выходцы из ополячившейся белорусской шляхты. В одной из своих регистрационных анкет, заполненной по возвращении в Минск в 1922 г., Евгений Иванович указал, что кроме французского, немецкого, латинского и греческого языков владеет и польским.

Е. И. Боричевский с отцом
Иваном Казимировичем Боричевским.
Конец 1880-х гг.

Боричевские жили в достатке, родители могли позволить себе нанимать прислугу.

Сохранившиеся сведения говорят о том, что Евгений был единственным ребенком в семье. Среднее образование будущий литературовед получил в Минской классической гимназии. Уже в юные годы Евгений приобщился к чтению и читал много и увлеченно (в доме была обширная библиотека). Возможно, проявленные способности минского гимназиста, а также достаток родителей позволили направиться для получения высшего образования в Берлин. Там юноша проучился два семестра, прослушал ряд курсов по философии и истории литературы, работал на семинариуме по эстетике у профессора М. Дессуара.

Вернувшись в Россию с серьезным заделом знаний по философии, в 1904 г. Е. И. Боричевский поступил на историко-филологический факультет Императорского Московского университета. Знаток немецкого языка, воспитанный Г. Зиммелем и М. Дессуаром, он увлекся собственными научными исследова-

ниями. Однако быстро разочаровался в возможностях местных специалистов. Молодому человеку хотелось изучать новые течения в философии. Первокурсник (1909) Московского университета Борис Пастернак, хорошо знакомый с Евгением Боричевским, так писал о своем факультете: «Круг предметов, читавшихся по нашей группе, был так же далек от идеала, как и способ его преподавания. Это была странная мешанина из отжившей метафизики и неоперившегося просвещенства. <…> История философии превращалась в беллетристическую догматику, психология вырождалась в ветреную пустяковину брошюрного пошиба». По меткому выражению Г. О. Гордона, товарища Е. И. Боричевского по университету, трагедия московской университетской философии состояла в том, что она была «представлена огромным талантом, но в то же время и потрясающей ленью, с одной стороны, и огромной бездарностью, но потрясающей деловитостью, с другой».

Некоторое время студент-белорус входил в неокантианский кружок Бориса Александровича Фохта и оказался там очень востребован. Впитавший солидные знания в берлинской высшей школе, Евгений Иванович в первые университетские годы стал основательно заниматься переводами. В 1907 г. вышел в свет его перевод книги известного искусствоведа и философа Бродера Христиансена «Психология и теория познания». Восторженной рецензией на выход книги отозвался в журнале «Весы» поэт Андрей Белый. Вторым опытом работы в жанре перевода для студента стала первая часть книги Иоганна Шульца «Разъясняющее изложение “Критики чистого разума”: Руководство для чтения» (остальные части перевели Б. Фохт, Г. Гордон и А. Топорков). Н. А. Дмитриева, исследовательница биографии и наследия Б. А. Фохта, пишет:

Е. И. Боричевский с отцом И. К. Боричевским и матерью Софией Александровной Фокт. Рига, конец 1890-х гг.

«…Фохту со всей его кипучей энергией значительно повысить уровень философской образованности гимназистов – будущих студентов… в одиночку было не под силу… любая активность… неизбежно наталкивалась на… нехватку пособий и материалов». Требовался быстрый и качественный перевод на русский наиболее важных, но вместе с тем доступных для чтения в курсе философской пропедевтики и самостоятельного изучения работ европейских философов – прежде всего идейно близких неокантианцев и кантоведов. С этой целью Фохт разработал обширную переводческую программу и создал научную серию «Kantiana». Деятельное участие в этом проекте принял именно Евгений Иванович Боричевский. Ко второму выпуску серии Е. Боричевский и некоторые его коллеги выполнили перевод работы Иоганна Шульца. В составлении содержания серии принял участие Л. Лопатин – профессор университета, редактор единственного в те годы мощного философского научного

Е. И. Боричевский
в годы студенчества.
Минск, конец 1900-х гг.

издания – журнала «Вопросы философии и психологии».

Возможно, именно сотрудничество с неокантианским кружком и активная переводческая деятельность привлекли внимание философской общественности Москвы и всей Российской империи к Е. И. Боричевскому. В 1908 г. в «Вопросах философии и психологии» появились две рецензии Л. Лопатина на новые книги немецких авторов, вышедшие в переводе (в том числе и Боричевского).

Евгений Иванович выделялся из массы студентов, причем не только внешней элегантностью, утонченностью и видимым достатком. Некоторые авторы отмечают его особое отношение к жизни; в философии, поэзии, прозе он стремился найти образ чистой красоты, увлекался работами Ларошфуко, Шопенгауэра, Ницше, Швоба, Шестова, любил афоризм как самостоятельный жанр. В отделе рукописей Литературного музея М. Богдановича сохранилась тетрадь афоризмов самого Евгения Ивановича.

Круг московских контактов и сфера занятий Е. И. Боричевского были весьма разнообразны: участие в заседаниях Общества свободной эстетики у В. Брюсова, Религиозно-философского общества памяти В. Соловьева и др. У себя на квартире по средам Евгений Иванович устраивал заседания философско-литературного кружка, где бывали его друзья – философы и литераторы. Как писал К. Локс (друг белоруса в его московский период жизни), «Боричевский так же, как и мы, занимался литературой и философией. По призванию он считал себя философом, но свободным, вне школ и направлений. Ученик Зиммеля, он выработал у себя ту гибкость ума и тот скептицизм, который менее всего был уместен для академического изучения философии. К кантианству он чувствовал отвращение и любил таких мыслителей, как Ларошфуко, Паскаль, Ницше, у русских Шестова. <…> Как бы то ни было, мы все попали с философией в довольно трудное положение. Она удовлетворяла нас только там, где превращалась в литературу, в какую-то исповедь независимого ума. Самое слово “истина” звучало для нас только как индивидуальное открытие, как нечто, найденное во внутреннем опыте. Поэтому вполне естественно, что Боричевский, хотя и сделал над собою некоторое насилие и написал работу, кажется о Гартмане, и получил за нее золотую медаль и был оставлен при университете, довольно быстро после окончания курса перешел целиком на литературу». В своих философских воззрениях Е. И. Боричевский был близок Г. Зиммелю. В 1921 г., обращаясь с заявлением в Белорусский государственный университет, он писал «...учился у Георга Зиммеля, сторонником философских методов которого являюсь».

В 1910 г. Е. И. Боричевский получил диплом первой степени об окончании курса историко-филологического факультета Императорского Московского университета и золотую медаль университета за

выпускную работу «Реализм Гартмана». Зимний семестр 1909/10 учебного года он провел в заграничной командировке, а летний отпуск – в Италии. Вернувшегося из поездки молодого специалиста оставили в университете до 10 ноября 1912 г. для приготовления к профессорскому званию. Это дало право на освобождение от воинской обязанности. Распоряжением руководства Московского учебного округа от 24 сентября 1911 г. Е. И. Боричевскому было поручено временное (с 1 октября 1911 г.) исполнение обязанностей учителя русского языка в частной женской гимназии С. П. Даль. Работая в гимназии, Евгений Иванович сблизился с семьей ее владельцев. В мае 1912 г. он женился на Елене Николаевне Даль – 22-летней дочери известного врача и музыканта, которая также работала преподавателем. Среди пациентов тестя были известные деятели искусства (певец Ф. И. Шаляпин, композитор А. Н. Скрябин, художник В. А. Врубель, балерина В. А. Коралли, театральный режиссер К. С. Станиславский, актер В. И. Качалов и др.). Врач считался отменным скрипачом, знатоком и собирателем старинных инструментов, организатором «врачебного квартета». Композитор С. В. Рахманинов посвятил Н. В. Далю Второй концерт для фортепиано с оркестром в благодарность «за чудесное исцеление от тяжелейшей депрессии».

10 июля 1913 г. у Евгения Ивановича и Елены Николаевны в Москве родился их первенец – сын Ростислав. Вплоть до революционных событий 1917 г. Е. И. Боричевский был оторван от родного Минска, от родителей. Он по-прежнему находился в центре жизни московской интеллектуальной элиты, продолжая преподавать русский язык и словесность в частной женской гимназии и собирая у себя пушкинский кружок историков литературы. В кружок входили Б. А. Грифцов, И. Н. Розанов, В. М. Фишер, К. Г. Локс, П. И. Майгуто, нередко на собраниях бывали В. Ф. Ходасевич, М. А. Цявловский, Д. С. Дарский. Творчество А. С. Пушкина находилось в центре литературоведческих интересов и организатора кружка, и его участников. Как отмечал Евгений Иванович, в этот период он занимался «научной, писательской и литературной деятельностью».

Круг общения интеллектуала активно расширялся. Даже в профсоюз работников просвещения и искусств он вступил с момента его возникновения. Евгений Иванович был одним из ближайших друзей К. Локса – в будущем известного советского литературоведа, переводчика, профессора ГИТИСа. Он ввел Локса в круг Валерия Брюсова и Общества свободной эстетики, познакомил с братом и сестрами Брюсова, с

Е. И. Боричевский.
Конец 1910-х гг.

В. Ходасевичем, В. Станевич, П. Муратовым, Муни (Самуилом Киссиным). К. Локс в годы Великой Отечественной войны написал воспоминания о 1907–1917 гг. – «Повесть об одном десятилетии». В ней присутствуют две основные линии: Е. Боричевский и Б. Пастернак. Эти воспоминания проливают свет на многосторонность увлечений Евгения Ивановича в московский период жизни.

О печатных трудах Е. И. Боричевского, созданных в 1910-х гг., сведений мало. В своем curriculum vitae в 1921 г. Евгений Иванович указывал: «Сотрудничая в журналах и газетах, писал на различные темы, как-то: “Столетний Пушкин”, “Ницше и Франция”, “Поэзия Ал. Блока” и под.». По всей видимости, он издавал их под псевдонимом.

После Октябрьской революции и национализации частных учебных заведений Евгений Иванович по рекомендации А. В. Луначарского с осени 1918 г. работал в Наркомате просвещения РСФСР на должности ученого секретаря музейного отдела, позже реорганизованного в Главмузей РСФСР. Принимал участие в создании Центрального музея искусств Востока, был включен в состав его ученой коллегии. Семья Боричевских проживала в доме по Большому Козихинскому переулку и жила за счет академического пайка, который Евгений Иванович получал как сотрудник отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса.

Сложное время социальных потрясений не снизило активности научных занятий на поприще литературоведения. Е. И. Боричевский писал статьи для печатного органа Наркомпроса РСФСР – журнала «Художественная жизнь». В еженедельном издании «Понедельник власти народа» опубликовал несколько рецензий под псевдонимом Е. Ростин, которые позже почему-то не указывал в списке своих публикаций (рецензии на книги А. Белого «Революция и культура», на сборник «Эпоха. Кн. 1», издание поэмы А. Блока «Двенадцать»). А в газете «Утро России» появилась его рецензия на книгу М. Гершензона «Тройственный образ совершенства».

Евгений Иванович не хотел акцентировать внимание на некоторых сторонах своей биографии. Как первоначально он воспринял революцию, можно представить по фрагменту его рецензии на «Двенадцать» А. Блока: «Самая значительная черта этой поэмы в том, что поэту удалось соединить поэтическую идеализацию большевистской России с крайним, свободным от всяких прикрас, реализмом ее изображения. В “Двенадцати” воплощена самая анархическая и самая кровавая сторона нашей революции. Это разбойники, которым их “социалистическое отечество” дало полную власть и обеспечило полную безнаказанность». В 1920 г. в журнале «Художественная жизнь» была опубликована статья Е. И. Боричевского «Философ-художник. Георг Зиммель», которую затем автор также не указывал в «официальном» списке своих работ. В 1922 г. в Москве вышли составленная в этот период книга «Мир искусства в образах», а также статья «Философия экспрессионизма» (в журнале «Шиповник»). Эти работы Евгений Иванович уже постоянно называл в требуемых анкетах и различных списках публикаций.

В 1920 – начале 1921 г., когда стал осуществляться подбор кадров для работы в создаваемом Белорусском государственном университете, в поле зрения организаторов оказалась и фамилия Боричевского. Незадолго до начала официального открытия БГУ, 22 октября 1921 г., московский литературовед лично прислал в БГУ автобиографию и заявление с просьбой принять его в качестве преподавателя. Заявление было подкреплено

рекомендательным письмом профессора И. Н. Розанова ректору В. И. Пичете, в котором отмечалось: «Как хорошо и давно его знающий, могу дать Вам о нем самый лучший отзыв: прежде всего это очень “культурный” человек, какие не так часто встречаются среди нашей интеллигенции. Во-вторых, это на редкость милый и деликатный человек, и к тому же хороший товарищ. Только излишняя скромность его является причиной тому, что он “прозябает” в Главмузее (хотя и занимает там ответственную должность). По моему убеждению, ему более приличествует ученая, учено-преподавательская или литературная деятельность. У него есть свое собственное строго продуманное миросозерцание. <…> Как педагог, Евг[ений] Ив[анович] представляет также незаурядное явление: он с громадным успехом вел занятия в двух старших классах гимназии, причем курсы его по своей серьезности, продуманности и глубине приближались к университетским. Мне кажется, что Евг[ений] Ив[анович] еще больший успех должен иметь в университетской аудитории».

В ноябре 1921 г. литературная предметная комиссия БГУ рассмотрела заявление Е. И. Боричевского о его желании быть преподавателем и приняла положительное решение. В первый учебный год он читал лекции по поэтике студентам этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук, вел занятия по формально-эстетическому анализу образцов поэзии. Учебная деятельность осуществлялась «наездами» из Москвы, что было сложно как для Евгения Ивановича, так и для организации его работы в университете. Предложение руководства университета переехать в Минск и полностью посвятить себя работе в БГУ после некоторых раздумий было принято. Правление БГУ постановлением от 21 февраля 1922 г. утвердило Е. И. Боричевского в должности преподавателя факультета общественных наук по кафедре русской литературы. Также он был избран секретарем президиума этого факультета. На факультете Евгений Иванович сразу стал заметной фигурой. В августе 1923 г., уезжая в отпуск, заместитель ректора и декан ФОНа профессор С. З. Каценбоген возложил обязанности по руководству факультетом на секретаря факультета Е. И. Боричевского.

Обложка книги Е. И. Боричевского «Мир искусств в образах поэзии». Москва, 1922 г.

Вскоре в Минск, в дом родителей Е. И. Боричевского по Мало-Монастырскому переулку, переехали его жена и сын. С 15 марта 1922 г. преподаватель Боричевский стал доцентом БГУ. Для обустройства в родном Минске мало-мальски комфортной жизни, после почти 20 лет пребывания в Москве, необходимы были средства. Евгений Иванович вынужден был обратиться в Правление БГУ с просьбой о выделении подъемных. Они (в размере месячного содержания) оказались весьма кстати.

После переезда стало возможным развернуть полноценную педагогическую и научную работу. В 1922/23 учебном году Е. И. Боричевский читал на 1-м и 2-м курсах этнолого-лингвистического

отделения ФОНа лекции «Поэтика в связи с историей литературных форм» и «История поэтики в связи с эстетикой», вел просеминарий по изучению творчества А. С. Пушкина. На созданном педагогическом факультете в 1924/25 учебном году вел пушкинский просеминарий на 1-м курсе, на 2-м читал курс поэтики и вел семинарий по истории поэтики, на 3-м – семинарий по современной русской литературе, на 4-м читал специальный курс «История русского символизма». Среди студентов и коллег Евгений Иванович слыл авторитетным ученым. Свои глубокие познания он реализовывал в активной публичной просветительской и научной деятельности, стал членом Научного общества БГУ (например, в 1924 г. прочитал доклад на тему «Литературные взгляды и вкусы современной Германии»).

Сложно сказать, какие внутренние противоречия обуревали Евгения Ивановича в этот период. Однако то, что они присутствовали, видно не только по его творчеству, но даже по записям в анкетах. В 1922 г. в одной из анкет он указал свою национальность – русский, хотя пару годами позже уже писал, что отец по национальности белорус (сын Ростислав в 1931 г., при поступлении в БГУ, также назвал себя белорусом). В 1920-е гг. в творчестве и научной работе Е. И. Боричевский все чаще стал обращаться к белорусской литературе, оттачивал знание белорусского языка (вскоре подписывался как «Аўген Барычэўскі»), продолжая работать на кафедре истории русской литературы. Возвращение на родину, органичное вживление в атмосферу периода белорусизации, новые идеи, воодушевленность национальным строительством окружавших Боричевского коллег меняли его отношение к белорусскому вопросу. Безучастность сменяется активной вовлеченностью. Белорусская литература тоже стала его творческой стихией.

Начальные годы работы в БГУ для семьи Боричевских были радостными и печальными одновременно: в ноябре 1923 г. родилась дочь Евминия, а в 1924 г. умер отец Евгения Ивановича. Стало подводить здоровье, в июне 1923 г. Е. И. Боричевский по направлению профсоюза работников просвещения вместе с сыном Ростиславом уехал на южный берег Крыма для лечения. Через год, в октябре 1924 г., он вновь был направлен для лечения в Крым. Летом 1925 г. – опять лечение в Крыму вместе с сыном Ростиславом. Сохранились письма Евгения Ивановича из Алупки, адресованные жене. Из них можно узнать, что соседями на отдыхе у Боричевского были семьи университетского медиевиста профессора В. Н. Перцева и профессора-филолога И. И. Замотина.

В Минске, как и в Москве, Евгений Иванович стал неким интеллектуальным центром притяжения. В квартире Боричевских по улице Герцена собирались его новые друзья. Близкие отношения сложились с А. М. Евлаховым – профессором зарубежной литературы БГУ. Дети Боричевских и Евлаховых вместе учились музыке, это их увлечение – влияние матерей, выросших в профессиональной московской музыкальной среде.

На родине продолжилась плодотворная работа Е. И. Боричевского как исследователя литературы. В Минске он узнал о выходе в московских изданиях своей брошюры «Мир искусства в образах», в альманахе «Шиповник» – исследования «Философия экспрессионизма». Затем в университетских изданиях он напечатал статьи «О природе эстетического суждения» (1923) и «“Памятник” Пушкина: опыт истолкования» (1925). Целый ряд публикаций вышел в журналах «Маладняк», «Узвышша», «Полымя» уже на белорусском языке.

В период работы в университете Е. И. Боричевский занимался исследо-

ваниями как русской, так и белорусской литературы. Среди последних: «20 гадоў беларускаму друку» (1926), «“Матчын” дар А. Гаруна» (1928), «Аб акадэмічным выданні твораў М. Багдановіча» (1928). Он также анализировал литературные достоинства произведений европейской литературы: немецкой – «Літаратурныя погляды і густ сучаснай Нямеччыны» (1925), «Праблемы паэтыкі ў творах О. Вальцэля» (1927), «Гётэ і ягоны Фаўст» (1932); французской – «Песні Баранжэ» (1932), «Вершы Баранжэ ў кніжнай графіцы» (1933). Занимался переводческой деятельностью – перевел на белорусский язык афоризмы Гёте. Написал ряд статей для «Литературной энциклопедии».

В 1927 г. в Минске на белорусском языке были изданы работы Евгения Ивановича «Тэорыя сонэту» и «Поэтыка літаратурных жанраў». Они наиболее глубоко в белорусском литературоведении объясняли природу искусства в его взаимосвязи с социально-историческими и общественными явлениями, стали свидетельством широты эрудиции автора. Эти издания в качестве учебников Е. И. Боричевский рекомендовал студентам литературно-лингвистического отделения педфака для изучения по курсу «Поэтика», который читал в 1927/28 учебном году. Для своего времени данные работы новаторские и оригинальные. В них впервые в белорусском литературоведении теоретические вопросы поэтики иллюстрировались примерами из белорусской литературы, из произведений А. Рыпинского и Ф. Богушевича, М. Богдановича и Янки Купалы, Якуба Коласа и Змитрока Бядули, М. Чарота и В. Дубовки и многих других писателей. Евгений Иванович активно работал над подготовкой текстов своих учебных курсов и программ для студентов университета, оттачивая детали изложения материала по любимым курсам русской

Е. И. Боричевский, профессор П. А. Мавродиади с детьми на даче в Ждановичах под Минском. Вторая половина 1920-х гг.

и зарубежной литературы. В 1929 г. на стеклографе был напечатан написанный им учебник для студентов-заочников «Паэтыка. Курс для завочнага педфаку».

Евгений Иванович постоянно расширял спектр преподаваемых дисциплин. В 1926/27 учебном году он читал на литературно-лингвистическом отделении курсы «Введение в литературоведение», «Поэтика», «История западноевропейской литературы эпохи торгового капитала», «История западноевропейской литературы эпохи Возрождения», вел семинары по поэтике, истории поэтики, по творчеству Фауста и Гёте («делил» студентов 3-го курса отделения с профессором А. Н. Вознесенским, так как семинары в учебном плане были в разряде «по выбору»).

Свою педагогическую квалификацию университетский доцент совершенствовал всеми возможными способами, в первую очередь используя научные командировки. Например, перед началом 1927/28 учебного года две недели (с 20 августа по 5 сентября 1927 г.) ра-

Обложки трудов Е. И. Боричевского

ботал в библиотеках Москвы. Научная, педагогическая и переводческая деятельность Евгения Ивановича имела позитивный отзыв со стороны как специалистов, так и студентов. В архивном деле Боричевского в БГАМЛиИ сохранилась характеристика, данная ему в 1928 г. при назначении на должность профессора кафедры теории литературы БГУ. Характеристику, написанную по-белорусски, дал заведующий кафедрой истории русской литературы профессор И. И. Замотин. По мнению Ивана Ивановича, доцент Боричевский для назначения на эту должность имел достаточные и важные основания, так как получил глубокую подготовку. Профессор посчитал необходимым отметить незаурядные качества Боричевского-педагога: строгое выполнение программных требований, научное обеспечение излагаемого учебного материала, его выдержанность как с методологической, так и методической точки зрения, широкие познания литературы предмета и литературно-художественных материалов, способность вызвать интерес у студентов и увлечь их содержательностью и логикой. Было отмечено не только лекционное мастерство Евгения Ивановича, но и «хорошо поставленные семинарии», что создавало на литературно-лингвистическом отделении солидную постановку теории литературы и истории западноевропейских литератур, т. е. тех курсов, которые вел преимущественно Е. И. Боричевский.

С 1928 г. Евгений Иванович занимал должность профессора. Единодушно коллеги по университету, все, кому довелось слушать лекции профессора БГУ, затем профессора Высшего педагогического института, вспоминали его как прекрасного лектора, увлекающего в мир литературы любого студента. Как писал в автобиографии профессор М. Г. Ларченко (известный литературовед, декан филологического факультета БГУ), «особенно хорошее впечатление производили своими лекциями профессора И. И. Замотин, Е. И. Боричевский, С. Я. Вольфсон, М. Н. Пиотухович». В 1920-х – начале 1930-х гг. Евгений Иванович работал на нескольких кафедрах БГУ (кафедра истории русской литературы, кафедра теории литературы, кафедра западноевропейской литературы), с сентября 1924 г. по 1930 г. преподавал, как отмечал в своем заявлении в ЦК КПБ, в Центральной партийной школе (Коммунистический университет, позже Комвуз). Литературовед много выступал с публичными лекциями в различных учреждениях: Военной объединенной школе, Доме крестьянина, Доме писателя, Клубе трудпросвещения и даже в клубе ГПУ.

С октября 1927 г. Е. И. Боричевский являлся научным специалистом Института белорусской культуры. В Инбелкульте работа делилась на организационную и научно-исследовательскую. Евгений Иванович возглавлял биографическую комиссию. Комиссия напечатала анкеты для белорусских писателей и краеведческих организаций, ответы на которые вместе с газетными вырезками члены комиссии раскладывали по отдельным конвертам, собирая таким образом информацию о белорусских писателях и

краеведах. Она должна была стать основой для издания словаря белорусских писателей. Работу по подготовке словаря к печати Е. И. Боричевский проводил совместно с аспирантом М. Алехновичем.

Университетский профессор-литературовед продолжал активную исследовательскую работу – готовил научные статьи и доклады для выступлений, некоторые из них позже были опубликованы. В отчете за 1926–1927 гг. о своей научной деятельности в Инбелкульте Евгений Иванович зафиксировал: им написаны «Уводзіны ў літаратуразнаўства», работает над «Паэтыкай беларускай прыказкі». Смог ли он закончить задуманное – неизвестно. В БГАМЛиИ хранится его исследование «Параўнанне ў мастацкай літаратуры», которое должно было выйти в издании «Працы кафедры гісторыі беларускай літаратуры», но почему-то не было опубликовано. В этой работе автор изучал сравнение как важный элемент в мировой художественной литературе, широко привлекая примеры из творчества белорусских писателей.

Семейная жизнь Евгения Ивановича вносила позитив в напряженную работу на педагогическом и научном поприщах. Радовали своими успехами сын Ростислав – ученик 4-й минской семилетней школы и дочь Евминия, которая проявляла склонность к языкам и музыке (она стала преподавателем и автором книг для детей). В характеристике же Ростислава за 1928/29 учебный год отмечены склонности мальчика к физико-математическому циклу и природоведению. После окончания школы он поступил слушателем «2-х минских общеобразовательных курсов» на физико-математическое отделение, а также на «Курсы иностранных языков и стенографии коллектива преподавателей», где сначала закончил французское отделение, а потом английское. В 1931 г. Ростислав стал студентом

Обложки трудов Е. И. Боричевского

физико-технического отделения (белорусская секция) физмата БГУ, работал в Физическом институте. Уже после смерти отца он закончил учебу, увлекался радиотехникой. В годы войны работал на Минской метеорологической станции (умер в Омске в 1961 г.).

Евгений Иванович Боричевский старался держаться в стороне от бушевавших в то время страстей и усиливавшегося идеологического воздействия. Однако это удавалось далеко не всегда, о чем свидетельствуют некоторые из его ранних публикаций постреволюционного периода. Так, в некрологе на смерть немецкого философа Георга Зиммеля он в 1920 г. писал: «Среди немногих скудных известий, проникших к нам в только что отошедшем году, через наглухо заколоченное окно в Европу, была весть о кончине одного из самых острых и проникновенных мыслителей и утонченных эстетиков нашего времени – Георга Зиммеля». Фразу «наглухо заколоченное окно» можно расценить как реакцию автора на происходящее. Заполняя в 1922 г. анкету служащего, в графе о партийной принадлежности Евгений Иванович указал, что ни в какой партии не состоит, что считает область политической деятельности чуждой для себя сферой. О своем

отношении к советской власти пространно пояснил: «Одинаково далек как от политического, так и чисто-обывательского отношения к Советской власти. С деловой точки зрения, как работник просвещения, считаю многие начинания советской власти осуществляющими лучшие стремления передовых умов нашего времени, считаю важным поддержать эти начинания, особенно теперь, когда в связи с новой экономической политикой, многим из этих начинаний грозит опасность». В графе, где указывались два коммуниста или видные советские деятели, рекомендовавшие Боричевского, значились известный филолог и археолог, заместитель председателя Рабиспроса Кипарисов Федор Васильевич (расстрелян в 1936 г.) и Гордон Гавриил Осипович – член Государственного ученого совета (ГУСа), известный историк, педагог, впоследствии также репрессированный.

Начало 1930-х гг. – для белорусской интеллигенции первый период массовых необоснованных репрессий. Развернулась травля и Е. И. Боричевского. Он, как и многие белорусские интеллектуалы и патриоты, был обвинен в национал-демократизме. В начале 1933 г. его отстранили от работы. Евгений Иванович вынужден был 12 мая 1933 г. обратиться с письмом в ЦК КП(б)Б (черновик письма с подписью Боричевского хранится в БГАМЛиИ). В нем он отметил: «Зняцце мяне з працы з ганебнай матывіроўкай – як неразброіўшагася ў ідэалагічных чуждых пралетарыяту установках, пазбаўленне мяне па сутнасці права на імя савецкага навуковага працаўніка з'явілася не вынікам, не завяршэннем якіх-небудзь ужо і раней праяўляўшыхся адносін да маёй працы, а поўнай нечаканасцю як для мяне, так і для маіх таварышоў па рабоце».

Евгений Иванович пытался оправдать свое честное имя. Сохранились черновики его писем в вышестоящие органы, где он вынужден был демонстрировать, характеризуя свое творчество, как бы некое покаяние. Он отмечал, что в своих ранних работах проявлял склонность к буржуазному немецкому литературоведению, однако за последние годы стал приближаться к марксистскому методу, хотя сам еще не вполне удовлетворен его постижением. В других письмах, которые Е. И. Боричевский писал, например, президенту БАН и опять в ЦК КП(б)Б, он указывал на несправедливую формулировку и надуманность причин своего увольнения.

Можно предполагать, как бы сложилась судьба Е. И. Боричевского в последующие годы сталинского террора. Наверное, так же, как и многих его друзей и коллег… Однако треволнения в связи с увольнением серьезно повлияли на здоровье Евгения Ивановича. В 1934 г. у него была выявлена быстро прогрессирующая болезнь, ставшая причиной госпитализации. В больнице за день до смерти, 11 сентября 1934 г., отвечая на просьбу известного языковеда и методиста Василия Павловича Тепина (первый декан рабфака БГУ, университетский доцент и доцент Могилевского пединститута в 1930-е гг.) прочитать курс античной литературы, он писал, что сможет это сделать, если врачам удастся поставить его на ноги. Но не раньше весны следующего года.

На следующий день, 12 сентября 1934 г., Евгения Ивановича не стало. Похоронен он на Военном кладбище в Минске (могила не сохранилась). В некоторых газетах были опубликованы некрологи в связи с кончиной известного белорусского литературоведа. Их авторы – благодарные студенты.

Виталий Сергеевич Макаревич

Классик украинского и белорусского языкознания, основоположник белорусской лингвистической географии

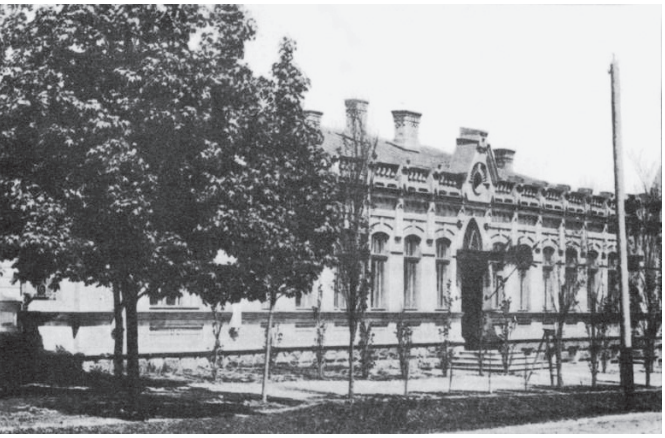
Первый заведующий кафедрой славянского языкознания БГУ

Петр Афанасьевич БУЗУК

19.06.1891 – 07.10.1943

***С** именем этого ученого связано становление лингвистической школы в Беларуси, которая сложилась под влиянием Е. Ф. Карского. Один из первых докторов филологических наук в СССР (1924), автор первого в СССР диалектологического атласа (1928), участник I Международного конгресса славистов (Прага, 1929), заведующий кафедрой славянского языкознания БГУ (1927–1929), директор Института языкознания Белорусской академии наук (1931–1933) Петр Афанасьевич Бузук вошел в историю белорусской и мировой лингвистики как ведущий специалист в сфере сравнительного языкознания и славистики. Известный славист, он считал себя украинцем, называл родными языками русский и украинский, не только внес неоценимый вклад в разработку норм белорусского языка и диалектологии, но и отстаивал в международном сообществе право белорусского языка быть равным среди равных. П. А. Бузук, обладая феноменальной памятью, владел 19 языками. В сфере его научных интересов находились проблемы славянской прародины, этнография, история литературы и журналистики и др. Без его участия невозможно представить развитие славянского языкознания в Белорусском государственном университете и в Академии наук. Школа лингвистической географии, основанная Петром Афанасьевичем, выдвинула белорусскую лингвистику на передовые позиции в мире и принесла ученому заслуженное признание.*

Петр Афанасьевич родился 19 июня (1 июля) 1891 г. В анкете, заполненной при вступлении на профессорскую должность в БГУ, указывал местом своего рождения д. Шерпены Бессарабской губернии. В то же время в некоторых исследовательских публикациях местом рождения ученого называется д. Терновка, которая находится в излучине Днестра недалеко от Кишинева. Здесь к середине XVIII в. проживало многонациональное население (молдаване, украинцы, русские, болгары) и присутствовала палитра языков. Молдаване дали селу новое название – Скиноаса, что в переводе означает «колючка» (терн). В XIX в. с присоединением этой части Молдовы к Российской империи русских и украинцев в селе стало больше, а название трансформировалось в «Терновка». Быстрое ее развитие в 60–70-е гг. XIX в. связано со строительством железнодорожной линии Раздельная – Тирасполь – Бендеры – Кишинев. Экономическое и культурное развитие села ускорила и постройка моста через Днестр, что улучшило сообщение с Бендерами. В конце XIX в. в Терновке, где проживало около 700 семей, началась плановая застройка, была разбита центральная улица села, возведена новая церковь, появилась церковно-приходская школа. Именно в этой школе преподавал отец Петра Бузука – Афанасий Тимофеевич. В общей сложности он проработал народным учителем более 37 лет – вначале в Терновке, затем в д. Такмазее Тираспольского уезда Херсонской губернии.



Тирасполь. Начало XX в.

В 1904 г. Петр был зачислен в Алексеевское реальное училище в Тирасполе. Этот город в конце XIX в. в связи с развитием железнодорожного строительства стал одним из крупнейших в регионе. В ряде публикаций указывается, что Петр Бузук учился в Тираспольской гимназии, но в анкете при поступлении на работу в БГУ он упоминал Тираспольскую реальную школу. В Тирасполе в это время была лишь женская гимназия. Реальное училище (школа) находилось на улице Покровской (по названию Покровской церкви), центральной, мощенной булыжником, с главными городскими учреждениями и магазинами, дворянским и купеческим клубами, кинотеатром, парком. В это время в Бендерах и Тирасполе активно развивался футбол, одну из первых футбольных команд сформировали ученики Алексеевского реального училища. Именно занятия спортом с юных лет способствовали активному образу жизни Петра Афанасьевича, в том числе его участию в составе многочисленных экспедиций.

Впрочем, на первом месте у Петра была учеба. В семье родителей было семеро детей, отцу приходилось платить немалые деньги за учебу пяти из них. Петр Бузук в училище был одним из лучших учеников. Ему легко давались все предметы – как естественно-научные, так и гуманитарные. Но наибольших успехов он добился в изучении языков: уже в училище хорошо знал старославянский, греческий, латинский, французский и немецкий. В 1909 г. учеба в училище

была успешно завершена, и выпускник стал готовиться к поступлению в университет. Одновременно с подготовкой к экзаменам приходилось заниматься репетиторством – за оплату готовить учеников младших классов к поступлению в гимназию. Деньги шли на содержание младшего брата Николая, который приехал учиться в Одесскую гимназию, но удавалось выкраивать и какие-то суммы для отправки родителям.

В 1909 г. Петр Михайлович поступил на историко-филологический факультет Императорского Новороссийского университета – одного из старейших университетов Украины (основан в 1865 г.). В начале XX в. уровень университета определяли ученые, которые впоследствии стали «золотым достоянием» мировой науки: будущий лауреат Нобелевской премии микробиолог И. И. Мечников, славист В. И. Григорович, физик Ф. Н. Шведов, физиолог И. М. Сеченов, офтальмолог В. П. Филатов, историк Ф. И. Успенский и др.

Безусловно, необходимость упорно трудиться, регулярные занятия спортом заложили основы характера выдающегося филолога. Но огромную роль в его формировании оказали учителя. Прежде всего – Б. М. Ляпунов.

Борис Михайлович, языковед-славист – специалист по сравнительной фонетике и грамматике, истории и этимологии славянских языков, в 1923 г. стал академиком. О близких отношениях, которые сложились между учеником и учителем, говорит то, что Петр Афанасьевич в 1918 г. не остался безучастным к горю в семье Ляпуновых (трагическая гибель брата Бориса Михайловича), а в 1922 г., выступая на праздновании 30-летия преподавательской деятельности профессора Б. М. Ляпунова, отметил, что учитель – душа университета, пример ученого, преподавателя и человека.

Реальное училище Тирасполя.
Начало XX в.

П. А. Бузук продолжил те направления языкознания, основы которых были заложены его учителем. Прежде всего это лингвистическая география, изучение лексических и грамматических норм языка, каждого отдельного языкового факта: нахождение зоны его распространения, интерпретация конфигурации этой зоны.

На научное мировоззрение студента Петра Бузука в период обучения в Новороссийском университете значительное влияние оказал и ученик Ф. Ф. Фортунатова профессор А. И. Томсон, который создал при университете кабинет экспериментальной фонетики. В этом кабинете работали наиболее увлеченные студенты, среди них и Петр Афанасьевич. В теоретическом семинаре Александр Иванович проводил занятия по сравнительно-историческому синтаксису индоевропейских языков. По его образному выражению, традиционные написания, иероглифы приносят пишущему много забот, однако письмо прежде всего не для пишущего, а для читающего. Написан или напечатан документ один раз, а читается сотни и тысячи. Поэтому на вопрос о том, что нужно облегчать – письмо или чтение, профессор отвечал, что чтение. Анализируя статьи Петра Афанасьевича Бузука, в том числе позднего периода, можно заметить: идеи, методы, мысли, которые

он получил в период обучения и работы в кабинете профессора А. И. Томсона, существенно отразились на его научных положениях.

Талант и трудолюбие, настойчивость студента способствовали тому, что он заслужил высокий авторитет среди преподавателей. И после успешного завершения в 1916 г. университетской учебы по предложению Б. М. Ляпунова Петр Бузук был зачислен профессорским стипендиатом по кафедре славянской филологии для подготовки к профессорскому званию. Одновременно с занятиями в университете он посещал курсы для учителей средних школ, которые давали право преподавать русский язык, а также логику и психологию в гимназиях Одессы. Это помогло выжить в трудные годы Гражданской войны.

В начале 1920 г., буквально в день первого экзамена по одному из основных предметов (сравнительная грамматика славянских языков), Петр Афанасьевич узнал, что распоряжением губернского отдела народного образования экзамены заменены двумя лекциями. Одну из них соискатель профессорского звания мог прочитать по теме, предложенной факультетом, вторую – на свой выбор. В этот же день без предварительной подготовки молодой ученый прочитал определенную факультетом лекцию о сравнительной грамматике славянских языков. Лекция получила высокую оценку известного российского историка профессора Евгения Николаевича Щепкина и других членов ученого совета. Выдержав экзамен, П. А. Бузук был назначен доцентом историко-филологического факультета. С 1920 г. до января 1925 г. преподавал в вузах Одессы различные дисциплины языкознания, методику преподавания языка, читал лекции в Гуманитарном общественном институте, в Археологическом институте Одессы. Но основная его преподавательская работа была сосредоточена в Институте народного образования. Здесь Петр Афанасьевич читал методику преподавания языка и литературы, русскую и украинскую литературу. Современники отмечали живость и высокий научный уровень его лекций. По впечатлению слушателей, лекции захватывали уже с первых минут и их глубокая внутренняя логика поддерживала интерес буквально до последних фраз лектора, заставляя возвращаться к сказанному не раз.

Педагогическую деятельность Петр Афанасьевич сочетал с научно-исследовательской работой. В 1916 г. он подготовил статью «Историко-культурные взаимоотношения румын и южных славян». Задуманная в качестве рецензии на книгу, публикация выросла в интересное и содержательное издание, получив высокую оценку научной общественности. Спустя несколько лет, дополненная и переработанная, она была опубликована в Минске под названием «Основные вопросы языкознания» и предложена в качестве пособия учителям белорусского языка и учебника по введению в языкознание для студентов-филологов Белорусского государственного университета.

Важнейшее место среди научных интересов Петра Афанасьевича занимала проблема славянской прародины, этой теорией он увлекся еще в студенческие годы. На протяжении работы в качестве преподавателя он исследовал историю археологии и этнографии, литературу и географию славянских народов. Результатом стал доклад в Одесском библиографическом обществе в ноябре 1920 г., позже напечатанный в статье «Взгляды академика Шахматова на исторические судьбы славянства». Сравнивая прикарпатскую теорию славянской прародины и западнодвинскую теорию Андрея Александровича Шахматова, П. А. Бузук

указал на необоснованность и противоречивость некоторых элементов его системы. Но в решении проблемы дальнейших судеб славянства и развития восточнославянских языков Петр Афанасьевич считал возможным пользоваться многими ценными находками исследования старшего коллеги.

В 1921 г. П. А. Бузук издал краткий обзор публицистической и литературной деятельности Карла Гавличка Боровского, которого позже Вацлав Гавел назвал первым чешским диссидентом. Статья была опубликована в журнале «Ученые записки высшей школы г. Одессы» к 100-летию чешского политического деятеля, поэта, публициста, одного из основоположников чешской журналистики, сатиры и литературной_критики. Карлу Гавличку принадлежат слова: «Русские называют все русское славянским, чтобы потом назвать все славянское русским». Петр Афанасьевич сдержанно отнесся к «крайностям» литературоведческой деятельности чеха, который по месту своего рождения взял псевдоним Боровский. Оттиск своей статьи, равно как и оттиск статьи «Историко-культурные взаимоотношения румын и южных славян», автор подарил академику Е. Ф. Карскому. Инскрипты («От преданного автора», «С глубоким уважением») свидетельствуют, каким огромным авторитетом был для П. А. Бузука Евфимий Федорович Карский.

В 1924 г. П. А. Бузук защитил в качестве докторской диссертации исследование по старославянскому языку «К вопросу о месте написания Мариинского Евангелия». Этот памятник интересовал многих ученых. Однако целый ряд вопросов, связанных с его происхождением, или не освещался вообще, или же освещался довольно противоречиво. Целью исследования являлся анализ противоречий, вопрос об авторстве вызвал наибольшее количество споров. Петр Афанасьевич согласился с выводами Ф. Ф. Фортунатова, основанными на фонетических особенностях памятника, о том, что его создатель был болгарского происхождения.

Осенью 1925 г. известный ученый-филолог получил письмо от ректора Белорусского государственного университета В. И. Пичеты. Ректор приглашал П. А. Бузука переехать на работу в Минск. Петр Афанасьевич незамедлительно согласился и был зачислен профессором по кафедре общего языкознания педагогического факультета БГУ с 1 ноября 1925 г. Он стал преподавать на литературно-лингвистическом отделении педфакультета, где в этот период работали такие талантливые исследователи в различных отраслях белорусской науки, как Иван Иванович Замотин, Евгений Иванович Боричевский, Александр Николаевич Вознесенский, Михаил Николаевич Пиотухович, Митрофан Викторович Довнар-Запольский, Исаак Абрамович Сербов, Дмитрий Иванович Довгялло и др.

Для плодотворной работы необходимо было обеспечить сносные бытовые условия. 18 ноября 1925 г. в Правление университета поступило заявление П. А. Бузука с просьбой выдать ему подъемные, а также предоставить квартиру с меблированными комнатами. Вопрос был решен сразу, но молодому профессору пришлось делать ремонт в предоставленном помещении в здании № 7 (самому красить полы и т. д.). Хозяйственный отдел БГУ удостоверил наличие ремонта «своими силами», даже назвал сумму выполненных работ в 25 руб., но в возмещении денег отказал: якобы из-за того, что Петр Афанасьевич не согласовал виды работ с управлением университета. Правда, вопрос о подъемных университетская бюрократия решила положительно. Свою просьбу Петр Афанасьевич мотивировал

Белорусский
Государственный Университет
Удостоверение № 47
Дано сие
в том, что он состоит на службе в Бел. Гос. Университете в должности
подписями и приложением печати
удостоверяется.
Минск 21 ноября 1925 г.
Ректор, профессор
Управляющ. делами
Завед. Общим Отделом

Служебное удостоверение П. А. Бузука – профессора БГУ. 21 ноября 1925 г.

тем, что длительный период вынужден был проживать в гостинице, а это потребовало дополнительных личных расходов. В результате 16 декабря 1925 г. ему был открыт кредит в размере 32 руб., а в феврале 1926 г. – очередной кредит в размере 60 руб. К этому времени состоялось официальное утверждение в должности профессора – 2 января 1926 г. решением Народного комиссариата просвещения БССР.

П. А. Бузук жил с семьей недалеко от вокзала в кирпичном доме на углу улиц Кирова и Володарского. Жена Петра Афанасьевича Анна Григорьевна (они расписались 25 мая 1926 г.) была хорошей и приветливой хозяйкой. Вечерами к ним на квартиру приходили друзья, которых у общительного профессора было много среди ученых, писателей и просто интересных людей. Нередко поспорить и поиграть в шахматы заходили профессор медицины Сергей Михеевич Мелких и известный математик Иосиф Степанович Пятосин. Частым гостем был и народный поэт Беларуси Янка Купала, ему Петр Афанасьевич посвятил одно из своих стихотворений.

Ученый-филолог много занимался общественной работой. Петр Афанасьевич возглавлял комиссию по культуре в Доме ученых, который до войны находился на Коммунистической улице. Он организовывал вечера художественной самодеятельности: кто-то из коллег играл на скрипке, кто-то на виолончели, кто-то на пианино. Петр Афанасьевич читал свои стихотворения и рассказы, пел (у него был приятный баритон). На импровизированные концерты с интересом приходили многие минчане.

Несмотря на большую занятость, Петр Афанасьевич находил время для семьи. Он много занимался с детьми (три дочери и сын), катал их на лодке в парке им. Профинтерна (современный парк им. М. Горького), придумывал рассказы и сказки, разговаривал с ними на немецком и других языках. Он пел им колыбельную Моцарта на немецком языке, затем – арии из «Травиаты» на итальянском. Талантливый писатель подготовил проекты книжек для детей, но, к сожалению, тексты были утрачены в годы войны.

П. А. Бузук обладал феноменальной памятью и был полиглотом, владел 19 языками. Еще в гимназии начал изучать греческий, латинский, французский, немецкий и старославянский. Братья Петра Афанасьевича вспоминали, что завидовали тому, с какой легкостью Петру давались языки, их он изучал буквально за несколько месяцев. Когда он готовился к профессорскому званию, то выучил польский, чешский и английский языки. Конечно, отлично владел русским, украинским, белорусским, молдавским, татарским, еврейским и даже грузинским. Работая над вопросом славянских заимствований в румынском языке, за короткое время освоил румынский, сербский, болгарский и итальянский. Литовским языком ученый и полиглот занимался позже, когда разрабатывал вопросы истории праславянского языка.

Для освоения нового языка нужен был лишь повод – научная необходимость либо сложившиеся обстоятельства. Например, находясь в командировках, через какой-то период времени в Крыму среди татар или на Кавказе среди грузин Петр Афанасьевич начинал разговаривать с ними на их родном языке. Профессор, когда возникла необходимость, на идиш стал читать курс общего языкознания для еврейской секции педагогического института, открытой на базе педфака БГУ. Некоторые его современники отмечали рассеянность и забывчивость профессора. В частности, в Национальном архиве Республики Беларусь сохранился документ, подписанный ректором БГУ, где В. И. Пичета просил профессора вернуть в Одесский университет дипломную работу студентки, которую Петр Афанасьевич увез с собой в Минск.

Особенно плодотворной была научная деятельность П. А. Бузука в сфере сравнительной лексикологии и диалектологии. В Институте белорусской культуры он возглавлял вначале фольклорно-диалектологическую комиссию, после разделения ее на фольклорную и диалектологическую комиссии – диалектологическую. В диалектологической комиссии Инбелкульта ученый проводил трудоемкую работу по изучению белорусского языка. Вместе с С. М. Некрашевичем составил программу для изучения особенностей белорусских говоров, которая была опубликована в Минске в 1927 г. Программа включала более 150 вопросов, и, чтобы корреспондентам было проще ответить на них, авторы разместили большое предисловие, где доходчиво и подробно разъяснялась система ответов на поставленные вопросы. Чтобы учителя сельских школ, несмотря на их занятость, смогли собирать материалы, была направлена сокращенная программа. В зависимости от того, в какие места направлялась программа, включались специальные вопросы. В журнале «Наш край» помещались инструкции и опросники.

В середине 1920-х гг. реализовывалась (с определенными ограничениями) белорусская модель национального развития. С этой целью в БССР вернулись многие, кто ранее ратовал за Белорусскую Народную Республику. Интересные проекты, свежие мысли, современные взгляды на решение назревших социальных проблем характеризуют научную атмосферу 1920-х гг. Однако в стране было немало тех, кому данные процессы не нравились, вызывали раздражение. Для расширения открытости обсуждения текущей политики в средствах массовой информации было разрешено печататься под псевдонимом, что имело как позитивные, так и негативные последствия.

Петр Афанасьевич не оставлял без внимания вопросы, которые поднимались общественностью. В частности, 16 мая 1926 г. газета «Советская Беларусь» напечатала письмо читателя из Полоцка под псевдонимом Белорус. Автор настаивал на том, что белорусский и украинский языки являются искаженными формами русского. В ответной публикации П. А. Бузук, раскрывая исторические примеры, показал сферы взаимообогащения языков, где белорусский язык оказывал такое же влияние на формирование русского, как и наоборот. Он подчеркнул, что русский литературный язык существенно отличается от своих диалектов. Развенчивая миф об искусственности белорусского языка, П. А. Бузук утверждал, что язык никто не придумывал сверху, а характерные черты белорусского языка определились еще к XIV в., причем некоторые – до начала письменности. На Академической конференции по реформе белорусского правописания, состоявшейся в Минске в

ноябре 1926 г., выдающийся лингвист выступил против попыток искусственным образом подчеркнуть индивидуальность белорусского правописания, против кардинальных изменений белорусской графики. Индивидуальность белорусского языка, по его мнению, заключается в тех чертах, которые сохранили следы традиции, и не нужно доказывать того, что не требует доказательств. П. А. Бузук отметил: есть миллионы, которым необходимо белорусское слово; белорусский язык, равноправный в семье славянских языков, заслуживает достойное место среди языков мира.

Прекрасно понимая, что не все из лингвистов отнесутся благосклонно к тому, что еще один язык имеет свое достойное место в ряду славянских языков, Петр Афанасьевич тем не менее свои труды печатал на белорусском. Он писал финскому слависту Иосифу Микало по поводу своей книги («Спроба гісторыі дагістарычнай эпохі славянскай фонэтыкі»), что «некоторые из русских ученых (а может быть, и нерусских) воспримут ее отрицательно только по той причине, что написана она на “новом” для них славянском языке».

П. А. Бузук занимался литературоведческими изысканиями – у него есть работы, посвященные творчеству белорусских и украинских писателей, польско-украинским и украинско-белорусским литературным связям. Ученый писал собственные литературные произведения – на страницах журналов «Маладняк» и «Полымя», в республиканских газетах под псевдонимом Росич (девичье имя его матери) напечатал ряд стихотворений, рассказов, переводов. Они посвящены деревне, природе, земле.

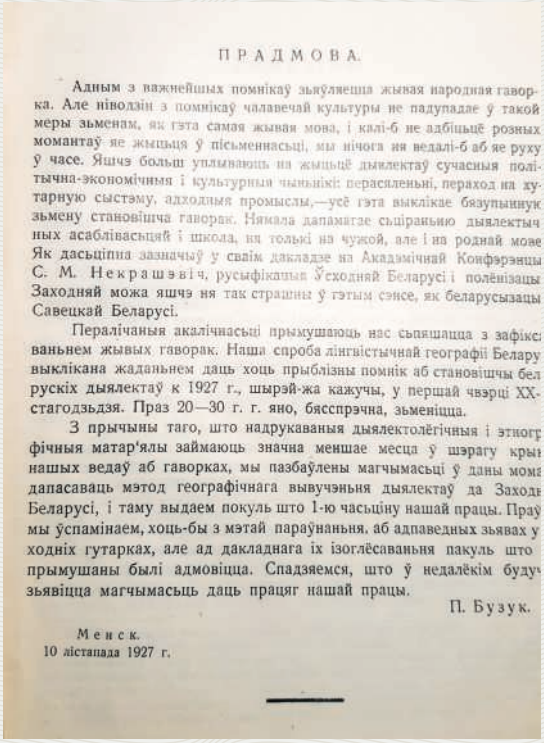
Важным источником знаний и изучения белорусской речи Петр Афанасьевич считал этнографические материалы. Он внимательно исследовал рукописи известных этнографов Е. Р. Романова, П. В. Шейна и др., которые хранились в архиве Института белорусской культуры. Этот материал, наряду с собранным в период экспедиций, стал основой для капитального труда по лингвистической географии Беларуси, он состоит из физических карт и 111 страниц комментариев к ним (Спроба лінгвістычнай геаграфіі Беларусі. Ч. 1: Фанетыка і марфалогія. Вып. 1: Гаворкі Цэнтральнай і Усходняй Беларусі і суседніх мясцовасцей Украіны і Вялікарасіі ў першай чвэрці XX ст.). В сравнении с предыдущими картами и материалами Московской диалектологической комиссии приводимые данные в системе диалектов отражают распространение конкретных явлений белорусского языка. Автор приложил к картам подробный очерк, где не только дал анализ особенностей белорусских говоров, но и определил их место в языковой системе, установил границы их распространения. Исследователь подчеркивал и практическое значение знакомства с особенностями говоров, прежде всего для преподавания в школе. По его мнению, это позволило бы местным учителям лучше бороться с типичными ошибками учеников конкретной школы, конкретной деревни, способствовало бы ликвидации неграмотности.

Большое теоретическое и практическое значение имеют работы П. А. Бузука в сфере славянской тематики. Следует отметить его доклад и работу «Место белорусского языка среди других славянских языков». Петр Афанасьевич подчеркивал: в белорусском языке есть явления, которые берут начало в далеком прошлом, исключая общерусский период. Он допускал возможность определенных языковых изменений в самом начале праславянской эпохи, которые охватили предков – носителей белорусского и украинского языков. Таким образом,

история этих языков начинается буквально с того момента, с которого начинался и праславянский язык.

С 1927 г. профессор заведовал кафедрой славянского языкознания (создана в конце 1927 г.). В Белорусском государственном университете он организовал диалектологический кружок, где учил студентов работе в полевых условиях, записывал особенности родной речи студентов. С 1927 г. Петр Афанасьевич увлекся исследованием речи населения Белорусского Полесья. После экспедиций занимался обработкой собранного материала. Всю черновую работу приходилось делать самому, так как не хватало квалифицированных исполнителей. В результате он не только написал много интересных статей, но и собрал большой словарный материал. Насколько интенсивно проходило изучение белорусского языка, лингвист рассказал в статье «Результаты диалектологического изучения Беларуси в 1926–28 гг.». В обзоре он подчеркивал, что эти три года были очень плодотворными для развития белорусской диалектологии. Диалектологической комиссией Института белорусской культуры было проведено изучение белорусских говоров в приграничье, Новозыбковском и Суражском уездах, о чем Петр Афанасьевич указал в издании Инбелкульта 1926 г. «Да характарыстыкі паўночна-беларускіх дыялектаў. Гутаркі Невельскага і Вяліскага паветаў».

Для проведения подобных экспедиций Петр Афанасьевич каждый раз отпрашивался в командировки. Так, 5 октября 1926 г. он просил отпуск на 10 дней в связи с тем, что Институт белорусской культуры поручил ему изучение диалектов белорусского языка в Невельском и Велижском уездах Псковской губернии. В 1926 и 1927 гг. Петр Афанасьевич в целях изучения диалектов предпринял много поездок по БССР и за ее пределы.



ПРАДМОВА.

Адным з важнейшых помнікаў зьяўляецца жывая народная гаворка. Але ніводзін з помнікаў чалавечай культуры не падупадае ў такой меры зьменам, як гэта самая жывая мова, і калі-б не адбіцьцё розных момантаў яе жыцьця ў пісьменнасьці, мы нічога ня ведалі-б аб яе руху ў часе. Яшчэ больш уплываюць на жыцьцё дыялектаў сучасныя політычна-эканомічныя і культурныя чынынікі: перасяленьні, пераход на хутарную сыстэму, адходныя промыслы,—усё гэта выклікае бязупынную зьмену становішча гаворак. Нямала дапамагае сьціраньню дыялектычных асаблівасьцяй і школа, ня толькі на чужой, але і на роднай мове. Як дасьціпна зазначыў у сваім дакладзе на Акадэмічнай Канфэрэнцыі С. М. Некрашэвіч, русыфікацыя Ўсходняй Беларусі і полёнізацыя Заходняй можа яшчэ ня так страшны ў гэтым сэнсе, як беларусізацыя Савецкай Беларусі.

Пераліччаныя акалічнасьці прымушаюць нас сьпяшацца з зафіксаваньнем жывых гаворак. Наша спроба лінгвістычнай географіі Беларусі выклікана жаданьнем даць хоць прыблізны помнік аб становішчы беларускіх дыялектаў к 1927 г., шырэй-жа кажучы, у першай чвэрці XX-стагодзьдзя. Праз 20—30 г. г. яно, бясспрэчна, зьменіцца.

З прычыны таго, што надрукаваныя дыялектолёгічныя і этнографічныя матар'ялы займаюць значна меншае месца ў шэрагу крыніц нашых ведаў аб гаворках, мы пазбаўлены магчымасьці ў даны момант дапасаваць мэтод географічнага вывучэньня дыялектаў да Заходняй Беларусі, і таму выдаем покуль што 1-ю часьціну нашай працы. Праў мы ўспамінаем, хоць-бы з мэтай параўнаньня, аб адпаведных зьявах у ходніх гутарках, але ад дакладнага іх ізоглёсаваньня пакуль што прымушаны былі адмовіцца. Спадзяемся, што ў недалёкім будучым зьявіцца магчымасьць даць працяг нашай працы.

П. Бузук.

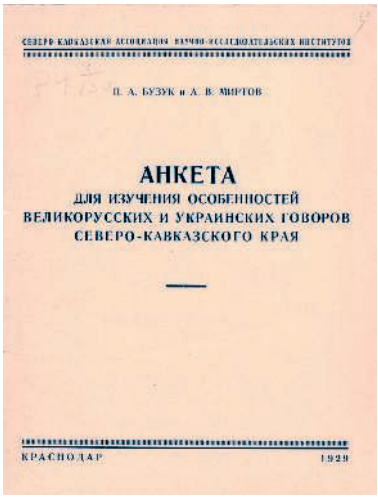
Менск.
10 лістапада 1927 г.

Предисловие П. А. Бузука к книге «Спроба лінгвістычнай геаграфіі Беларусі». 1927 г.

Он был почти во всех районах Минского округа, в двух районах Борисовского, в деревнях под Витебском, со студентами обошел деревни Осиповичского и Свислочского районов Бобруйского округа, в сентябре проехал на подводах от Бобруйска на Мозырь через Корпиловку, Копаткевичи, Осовец и наконец уже в декабре был в Ельском районе Мозырского округа. С 7 июля по 1 сентября 1927 г. П. А. Бузук использовал свой отпуск для поездки в Украину и Крым. В следующем же году летний период он предпочел провести в научной экспедиции по Беларуси: вместе с С. М. Некрашевичем и Я. Ю. Лёсиком прошел по деревням и селам Паричского района и левобережья Днепра.

Одной из первоочередных задач, которая решалась учеными БГУ и Института белорусской культуры, стало создание белорусской научной терминологии. Петр Бузук входил в комиссию, проводившую работу по созданию проекта правописания белорусского языка, проекта графики, проекта орфографического словаря; выступал с докладами и научными сообщениями, многие из которых впоследствии вырастали в исследования по лингвистической географии. На основе экспедиций ученый опубликовал более 20 научных работ: в Загребе, Праге, Берлине, Киеве, Москве и, конечно, в Минске. Изучая и пропагандируя славянские языки и литературы, Петр Афанасьевич как специалист не считал, что усиленно распространявшийся в ту пору при поддержке партийных органов язык эсперанто удобнее и проще.

Направлялся профессор Бузук и в зарубежные командировки: в Польшу, Словакию, Германию. Поездку в славянские страны он обосновывал стремлением ознакомиться с неопубликованными памятниками и состоянием филологической науки, в частности – преподавания филологических дисциплин в университетах и академиях. Его интересовала польская и чешская проблематика. Командировка в Германию была вызвана необходимостью увидеть достижения немецких ученых в сфере общего языкознания и прежде всего лингвистической географии.


СЕВЕРО-КАВКАЗСКАЯ АССОЦИАЦИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ

П. А. БУЗУК и А. В. МИРТОВ

АНКЕТА
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ
ВЕЛИКОРУССКИХ И УКРАИНСКИХ ГОВОРОВ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ

КРАСНОДАР 1929

Обложка книги П. А. Бузука, опубликованной в Краснодаре в соавторстве с А. В. Миртовым. 1929 г.

Особо важным было участие П. А. Бузука в I съезде славянских филологов в Праге в 1929 г. Совершенно очевидно, что поставленные перед славянским языковедением почти 100 лет концептуальные задачи, прежде всего в сфере сравнительной исторической лексикологии и исторической лексикографии, по-прежнему актуальны. На съезде прозвучал доклад «Изоглоссы в славянском языковом мире» ученика И. И. Срезневского, представителя древнего французского рода Бодуэна де Куртенэ, научная деятельность которого оказала большое влияние на профессора Бузука. Принято считать, что именно И. А. Бодуэн де Куртенэ совершил переворот в науке о языке, доказав, что сущность языка не только в древних манускриптах, а прежде всего в речевой деятельности. Поэтому необходимо исследовать живые языки и диалекты.

Петр Афанасьевич на съезде выступил в поддержку волновой теории и метода изоглосс. Он фактически первый в мировой лингвистике пришел от географического представления языковых фактов к их реальной интерпретации. В докладе «Лингвистическая география как вспомогательный метод при изучении истории языка» он выдвинул идею создания единого лингвистического атласа всех славянских языков. Была избрана комиссия для организации работы по созданию такого атласа. В ее состав вошли многие известные ученые того времени в этой области.

Секретарь Парижского лингвистического общества Поль-Жюль-Антуан Мейе после доклада П. А. Бузука высказался против введения в научный оборот еще одного славянского литературного языка. И некоторые другие делегаты были склонны утверждать, что развитие белорусского литературного языка искусственно, не соответствует лингвистическим потребностям. Так, Н. С. Трубецкой, который исходил из теории евразийства, отрицал необходимость возникновения литературного украинского языка, а о белорусском даже не вспоминал. В дальнейшем контакты с Трубецким стали основой для обвинений Петра Афанасьевича. Сложно представить, какие инструкции тот мог дать «белорусскому националисту» Бузуку.

То, что от лингвистов Советского Союза был направлен на съезд именно П. А. Бузук, свидетельствовало о его высоком международном признании, особенно в сфере лигвистической географии. Ученый подчеркивал огромное значение данных, полученных путем географического изучения языка, для установления пути его распространения, изучения лексических заимствований и др. Он детально рассмотрел проблему группировки белорусских говоров, уточнил и дополнил мнение предыдущих исследователей по этому вопросу. Лингвист изучал распространение не конкретных слов, а форм слов, географию конкретных языковых явлений, а не особенности определенной очерченной территории. С теоретическими и практическими исследованиями П. А. Бузука в этой области современные языковеды связывают достижения белорусской и мировой лингвистической географии.

Международное признание П. А. Бузука свидетельствовало о расцвете его творческих способностей. И этот расцвет совпал по времени с началом в стране и в университете гонений на интеллектуальную элиту, только-только формировавшуюся, но уже обеспечившую очевидные успехи советской Беларуси во многих областях знаний. Со сменой ректора В. И. Пичеты многие профессора вынужденно покинули БГУ. Некоторых из них, в том числе П. А. Бузука, арестовали. Впрочем, Петр Афанасьевич вскоре был освобожден и с 1929 г. работал ученым секретарем в Институте языкознания Белорусской академии наук. Более того, в 1931 г. он был назначен директором этого института. Ученый «приложил руку» к изданию анкеты для собирания материалов на белорусском языке. В 1933 г. он сдал в печать работу, посвященную изучению речи населения Белорусского Полесья. И постепенно, как и многие его коллеги, Петр Афанасьевич в своих исследованиях стал демонстрировать, в духе времени, приобщение к марксистскому методу в языкознании (как пример – выполненная в соавторстве с И. И. Матюкевичем и В. Бондаренко

Обложка коллективной работы белорусских филологов. 1933 г.

монография «К. Маркс аб мове», опубликованная в Минске в 1933 г.).

Если в 1931 г. за свои научные увлечения П. А. Бузук всего лишь получил выговор, то в 1933 г. был отстранен от руководства Институтом языкознания. Этому предшествовали доносы недоброжелателей и коллег, основанные на зависти к успехам Петра Афанасьевича и его таланту ученого. В пасквилях директора даже называли «участником организации русских фашистов». Последовал арест, незаслуженные обвинения продолжились. То, что пришлось увидеть и прочувствовать в камерах НКВД, вызвало у Петра Афанасьевича страшное волнение. Вернувшись после задержания домой, он ушел на кухню, облил себя денатуратом и пробовал поджечь.

Несмотря на то что обвинения не подтвердились, П. А. Бузук был уволен с должности директора Института языкознания, но оставлен в должности ученого специалиста. В таком качестве осенью 1933 г. он прошел проверку на благонадежность, но 9 февраля 1934 г. последовал второй арест. По постановлению «тройки» от 3 апреля 1934 г. Петр Бузук был выслан в Вологду на три года, где работал библиотекарем, а в Вологодском пединституте – преподавателем немецкого языка. Здесь, несмотря на сложные условия, он продолжал научную деятельность, изучал северные русские говоры, освоил язык коми. В ссылке Петр Афанасьевич завершил свою последнюю капитальную работу – «Происхождение языков», которая подводила итог многолетних творческих поисков (к сожалению, рукопись не сохранилась).

Срок вологодской ссылки закончился 13 февраля 1937 г., но ученый счел необходимым не бросать своих студентов, не завершив учебный год. Однако 15 июля того же года он был арестован в третий раз и после длительного следствия приговорен к расстрелу, который заменили новой ссылкой. Находясь в ссылке, Петр Афанасьевич заболел брюшным тифом и 7 октября 1943 г. умер в возрасте 42 лет. 24 октября 1956 г. прокуратурой БССР был вынесен протест по делу П. А. Бузука. Верховным судом БССР 19 ноября 1956 г. Петр Афанасьевич Бузук посмертно реабилитирован.

Сергей Николаевич Ходин

Один из основоположников современного белорусского языка и научного языкознания в Беларуси

Ученый-лингвист и доцент БГУ

Иосиф Васильевич ВОЛК-ЛЕВАНОВИЧ

25.10.1891 – 02.02.1938

Среди известных лингвистов, работавших в Белорусском государственном университете в 1920-е гг., видное место принадлежит Иосифу Васильевичу Волку-Левановичу. Преподаватель высокой квалификации и ученый больших творческих способностей, он сделал многое для подготовки национальных кадров филологов и развития белорусского языкознания. Годы работы в стенах БГУ были очень плодотворными в творческой биографии Иосифа Васильевича: он занимался вопросами исторического развития белорусского языка, истории отдельных явлений фонетической системы и грамматического значения, исследовал и описывал памятники старобелорусской письменности и особенности белорусских народных говоров. Он принимал активное участие в работе Академической комиссии по реформе белорусского правописания и алфавита, являлся ученым секретарем комиссии по составлению исторического словаря белорусского языка. Его «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы» 1927 г. издания – актуальный и ценный памятник белорусской лингвистической науки на важном этапе ее развития. Иосиф Васильевич стал первым белорусским исследователем, который изучал язык Франциска Скорины по его книгам. Во время научных командировок в библиотеки и архивы Ленинграда и Москвы обнаружил и открыл ранее неизвестные литературные памятники, которые после первичной обработки ввел в научный оборот.

В культурной жизни Минска И. В. Волк-Леванович был известной личностью. В первую очередь это связано с его научно-педагогической деятельностью, принципиальной научной позицией и строго аргументированным мнением в деле развития белорусского языкознания. Не всегда его идеи и взгляды находили поддержку в кругу коллег-преподавателей, ученых и студентов. Просматривая архивные документы, а также ранее опубликованные работы исследователей (И. К. Германович, Г. А. Цыхун, Т. Чернякевич), посвященные минскому периоду работы И. В. Волка-Левановича, невольно ловишь себя на мысли о желании позаимствовать в заголовок статьи о нем название фильма режиссера Н. С. Михалкова – «Свой среди чужих, чужой среди своих». Его натянутые, а порой и враждебные отношения с частью научной общественности БССР даже послужили основой для сюжета романа известной белорусской писательницы Людмилы Рублевской «Подземелья Ромула» (2011). В нем в художественной форме повествуется о тернистых и трагических путях формирования белорусской национальной интеллигенции, в образе Афанасия Ивановича Корб-Вороновича представлена биография И. В. Волка-Левановича. По своей глубинной сути споры вокруг дальнейшего пути развития белорусского языка были вызваны противоречивым «рубежным» временем 1920-х гг., в котором жили и трудились ученые-лингвисты. Это породило противостояние двух научных школ, формировавшихся в научно-образовательных учреждениях молодой советской республики. Условно их можно обозначить как младобелорусскую (С. М. Некрашевич, Я. Ю. Лёсик, Л. Н. Цветков, Н. Я. Байков) и староакадемическую (Е. Ф. Карский, И. В. Волк-Леванович, М. Н. Пиотухович, И. И. Замотин) школы. В этом отношении биография ученого-лингвиста на фоне исторического времени интересна и показательна.

Родители Иосифа Васильевича: отец Василий Андреевич (1846–1926) и мать Розалия Стефановна (1847–1932)

Иосиф Васильевич Волк-Леванович – представитель старинного дворянского рода Великого княжества Литовского (герб «Трубы»). Известный по историческим источникам с XVI в., этот род в 1863 г. был внесен в 1-ю часть дворянской родословной книги Минской губернии. 30 ноября 1900 г. определением Правительствующего сената И. В. Волк-Леванович был признан в потомственном дворянстве с правом на внесение в дворянскую родословную книгу. Согласно документам основателем рода Волков-Левановичей являлся боярин Леон Григорьевич Волк, получивший от Сигизмунда II Августа в 1562 г. грамоту на владение вотчинами в Речицком повете. Прадед Иосифа Васильевича, Флориан Волк-Леванович, занимал должность гродского судьи в Речицком повете. К концу XVIII в. представители рода имели обширные земельные владения, однако уже через столетие обеднели. Так, в автобиографии Иосиф Васильевич отмечал, что его отец, несмотря на проис-

хождение, до глубокой старости сам занимался обработкой земли. В советский период, заполняя графу анкеты «Происхождение», он писал: «Из трудовой семьи мелкого землероба» или «Сын трудового землепашца (из бывших дворян)». Интересно, что в религиозном плане семья ученого была поликонфессиональной. Отец Василий Андреевич был православного вероисповедания, а мать Розалия Стефановна – римско-католического.

25 октября (7 ноября) 1891 г. в семье на хуторе Левоновка Свислочской волости Бобруйского уезда Минской губернии (сейчас Осиповичский район Могилевской области) родился сын, которого после крещения 3 ноября (по старому стилю) в уездной Свислочской Николаевской церкви родители назвали Иосифом. В семье кроме него было еще три сына и три дочери. По воспоминаниям сестры Анастасии Васильевны, Ося (так мальчика звали в семье) «с детства отличался серьезностью, увлекался чтением книг. С братьями и сестрами был всегда в дружбе. <…> По отношению к родителям Ося был очень внимательным, вежливым и во всем помогал им. У него никогда не было пустого времяпрепровождения. Даже на отдыхе возле речки или в лесу он никогда не расставался с книгами». Позже при заполнении анкеты сотрудника БГУ И. В. Волк-Леванович укажет, что обладает земледельческими навыками: «Умею пахать, косить, знаю все другие земледельческие сельскохозяйственные работы».

В семилетнем возрасте Иосиф пошел в школу в д. Голынке. Его первый учитель, Матвей Тимофеевич Борзаковский, заметив большие стремления мальчика к занятиям и незаурядные способности, настоятельно рекомендовал родителям устроить сына в гимназию для продолжения учебы. Несмотря на отсутствие свободных значительных денежных сумм,

Иосиф Волк-Леванович – учащийся Бобруйской классической гимназии. 1908 г.

родители нашли возможность для обучения Иосифа в гимназии. В августе 1901 г. он поступил в Бобруйскую классическую гимназию, где обучался до июня 1911 г. В городе жила его старшая замужняя сестра, она предоставила бесплатную квартиру и стол. На первых порах оплачивать образование было очень трудно, но уже через полгода за отличную учебу гимназиста освободили от оплаты. Кроме того,

Здание мужской классической гимназии в Бобруйске. Начало XX в.

с пятого класса Иосиф начал подрабатывать репетитором. По окончании полного восьмиклассного курса педагогический совет гимназии постановил наградить его серебряной медалью – за «постоянное отличное поведение и прилежание, и отличные успехи в науках, в особенности же в истории».

Желая продолжить образование в области истории, Иосиф Васильевич в 1911 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. В столице жил на средства, которые зарабатывал, давая частные уроки. К учебе в университете И. В. Волк-Леванович приступил с большим рвением. Уже в июле 1911 г. он написал на имя ректора обязательство следующего содержания: «Сим обязуюсь в течение первого года (1911–12 уч. г.) пребывания моего на историко-филологическом факультете университета сдать греческий язык по установленной программе». Говоря о годах учебы, Иосиф Васильевич подчеркивал: «Універсітэцкая праца, асабліва праца ў семінарыях, моцна мяне захапіла, і я з вялікай прыемнасцю ўспамінаю тыя часы, якія прыходзілася праседжваць у рускім аддзеле Публічнай бібліятэкі ці на паседжаннях семінарыю, прыймаючы ўдзел у дыспутах».

Иосиф Волк-Леванович – студент Санкт-Петербургского университета. Начало 1910-х гг.

Санкт-Петербургский университет. 1908 г.

В первый год обучения И. В. Волк-Леванович работал под руководством профессора по кафедре российской словесности И. А. Шляпкина и написал работу «Баба Яга в русском и зарубежном эпосе». На втором году обучения принимал участие в семинарии профессора В. В. Сиповского, взял для исследования тему, посвященную жизни и деятельности известного писателя-байрониста А. А. Бестужева-Марлинского. Затем перешел на семинарии академика А. А. Шахматова по изучению текста XI в. «Житие Феодосия Печерского», а также посещал занятия по польскому языку в сравнении с русским и другими славянскими языками члена-корреспондента Петербургской академии наук профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ. Эти ученые оказали на него большое влияние, Иосиф Васильевич всегда их называл своими наставниками. Помимо учебы он с 1911 по 1914 г. участвовал и в общественной работе: занимал должность секретаря, затем товарища председателя Бобруйского землячества при Петербургском университете.

Начало Первой мировой войны внесло существенные коррективы в учебу. Война подняла волну патриотизма по

всей Российской империи. Студенты оставляли университеты и добровольно уходили в армию. Желание ощутить себя не сторонним наблюдателем, а активным действующим лицом в важный исторический момент толкало 20-летнего Иосифа к решительным действиям. К этому времени он перешел на 4-й курс и сдал практически все факультетские экзамены. 4 сентября 1914 г. он написал заявление на имя ректора Петроградского университета: «Имею честь просить Ваше Высокопревосходительство переслать мои документы нотариусу Л. Ф. Зиверт для снятия с них копий, нужных мне для представления в Николаевское кавалерийское училище». Руководством университета его просьба была удовлетворена. К тому моменту вместо двухгодичного курса обучения кавалерийское училище перешло на ускоренный восьмимесячный срок подготовки. По окончании курса Иосиф Васильевич 17 июня 1915 г. был произведен в прапорщики 7-го драгунского Кинбурнского полка и направлен в Борисоглебск в 6-й запасной кавалерийский полк. В 1916–1917 гг. корнет Волк-Леванович участвовал в военных действиях. В одном из боев в результате ранения было задето легкое. В октябре 1917 г. рана дала осложнение, развился плеврит. Иосифа эвакуировали с театра военных действий и отправили на излечение в Полтавский офицерский госпиталь. Врачебной комиссией в декабре того же года он был признан негодным к дальнейшей воинской службе и направлен на домашнее лечение к родителям в Бобруйский уезд. Последняя его должность в армии – полковой казначей в чине поручика кавалерии.

В автобиографии Иосиф Васильевич отмечал, что по приезде домой его «захапіла нямецка-польская акупацыя». В этот сложный для Беларуси период И. В. Волк-Леванович устроился преподавателем русского языка и литературы, латинского языка в восьмиклассной мужской гимназии в Бобруйске, директором которой являлся И. Р. Годыницкий-Цвирко. Преподавал в Глуске, с сентября 1919 г. – в Клецкой общественной гимназии. Вступил во Всероссийский союз работников просвещения и социалистической культуры. В своих неопубликованных воспоминаниях он отмечал: «Заинтересовался я белорусскими историей и языком только со времени войны с поляками, когда встал вопрос перед каждым белорусом, очутившимся на оккупированной территории, вопрос о том, что лучше: ополячиться ли или же – в противовес тенденции Польши инкорпорировать Белоруссию как политически, так и культурно-национально – развивать белорусскую культуру как средство оставить массу трудящихся белорусов хозяевами в их земле. <…> Теперь, однако, я совершенно искренно готов служить делу строительства культуры родного края».

Здание Николаевского кавалерийского училища в Санкт-Петербурге. Начало XX в.

В это же время молодой учитель познакомился со своей будущей женой Ларисой Григорьевной Лукашевич, с которой прожил всю жизнь. Она родилась в Клецке в семье священника. После окончания местной гимназии училась в Минске, получила диплом преподавателя младших классов. Затем вернулась в

Клецк и стала преподавать в гимназии. В браке у супругов родились две дочери – Ксения (1921) и Леонила (1925).

Лариса Григорьевна вспоминала, как они познакомились в начале 1918/19 учебного года в Глуске: «Я пришла на спектакль, но оказалось, что мое место по билету занято. Мне дали другой стул. Мое место было занято новым преподавателем, с которым меня познакомили. В дальнейшем мы встречались в учительской. Мы наблюдали друг за другом. Я все больше убеждалась в том, что Иосиф Васильевич – целеустремленный, порядочный человек, и он все больше оказывал мне внимания. После школьных занятий мы часто гуляли по окрестной дороге. Однажды он снял с меня легкий шарф и просил обвязать им его руку. После этого он стал на колени, сказав: теперь я Ваш рыцарь, и я прошу Вашей руки. Я подала руку, и он поцеловал ее. С этих пор он стал называть меня по имени, но на Вы. Так было до самой свадьбы». По настоянию сестры Иосифа Васильевича молодая семья переехала в Бобруйск, где супруги быстро смогли устроиться на преподавательскую работу.

И. В. Волк-Леванович с супругой Ларисой Григорьевной, ее сестрой Ксенией и мужем сестры Н. И. Зориным. 1920-е гг.

В августе 1920 г. И. В. Волка-Левановича, как имевшего опыт и знания кадрового военного, мобилизовали в Красную армию. По сентябрь 1921 г. он находился в должности помощника адъютанта Запасного кавалерийского полка, был помощником начальника административно-мобилизационного отдела и председателем учетно-конской комиссии Нарвоенкомата ССРБ в Минске. В феврале 1921 г. по приказу Реввоенсовета республики в Минске были организованы краткосрочные 81-е пехотные подготовительные курсы командного состава, которые расположились в здании бывшей Минской духовной семинарии. Практически сразу начались классные и строевые занятия. Для преподавательской работы на курсах пригласили И. В. Волка-Левановича, с 1 сентября 1921 г. по 24 марта 1922 г. он вел занятия по русскому языку вплоть до увольнения в бессрочный отпуск. Параллельно с курсами успевал преподавать русскую литературу в 7-й трудовой II ступени школе Минска. Однако исключительно преподавательский труд не был для Иосифа Васильевича тем призванием, к которому он стремился. Ему не давала покоя мысль о необходимости завершить обучение в университете. Он писал: «Увесь час, жадаючы звярнуцца да навуковай працы і фактычна на працягу усіх гэтых 8 гадоў не меўшы магчымасці ёю грунтоўна заняцца, я урэшце, пасля звальнення ад вайсковай службы, атрымаў гэтую магчымасць».

Решению этого вопроса способствовал руководитель Народного комиссариата

Здание Минской духовной семинарии. Начало XX в.

просвещения ССРБ известный историк В. М. Игнатовский, который направил в сентябре 1922 г. письмо на имя ректора Петроградского государственного университета Н. С. Державина. Его оригинал за подписью наркома хранится в студенческом деле Волка-Левановича. В письме сообщалось следующее: «Настоящим Народный комиссариат просвещения Белоруссии просит зачислить в число студентов Университета б[ывшего] преподавателя 7-ой трудовой школы II-й ступени гор. Минска Иосифа Васильевича Волк-Левоновича, как б[ывшего] студента историко-филологического факультета Петроградского (б[ывшего] Императорского) Университета и предоставить ему возможность окончить курс.

При этом Наркомпрос просит распространить на тов. Волк-Левоновича те льготы в отношении освобождения от платы, назнач. стипендии и проч., коими пользуются т.т. [товарищи], командируемые на бесплатные вакансии, в виду того, что означенный т[оварищ] проработал около 4 лет в школе и 2 года в Красной Армии.

В настоящий же момент, по причине большого сокращения школьной сети по Белоруссии, т[оварищ] Волк-Левонович, в виду выраженного им желания закончить высшее образование, освобождается от должности, дабы наилучшим образом подготовиться к продолжению работы по просвещению трудящихся масс Республики».

Тогда же Иосиф Васильевич написал заявление на имя ректора, в котором просил о вторичном зачислении в качестве студента с правом сдавать экзамены по старому учебному плану, предоставлении ему бесплатной вакансии и назначении стипендии «ввиду того, что абсолютно не имею возможности жить в Петрограде на собственные средства, ибо таковых не имею. Ко всему тому на моем иждивении находится жена и полуторагодовалая девочка». Заявление было положительно рассмотрено руководством Петроградского университета, и И. В. Волка-Левановича снова зачислили студентом, но уже на этнолого-лингвистическое отделение факультета общественных наук.

В городе И. В. Волк-Леванович проживал в доме № 65/37 на Петроградской стороне на углу Кронверкского проспекта и Съезжинской улицы в квартире № 10. К слову, тогда же в этом доме жил известный поэт и драматург Александр Введенский.

Во время учебы Иосиф Васильевич слушал лекции корифеев российской и советской лингвистики: академика Е. Ф. Карского, профессоров П. А. Лаврова, Д. К. Петрова, И. И. Толстого, па-

Дом на углу Кронверкского проспекта и Съезжинской улицы, где в 1922 г. жил И. В. Волк-Леванович

раллельно успешно сдавал экзамены. Жена вспоминала, что профессора по этому поводу говорили: «Вы сдаете экзамены как пироги печете». В процессе учебы И. В. Волк-Леванович сдружился с Е. Ф. Карским, с которым поддерживал переписку после окончания университета. Евфимий Федорович отвечал взаимностью, видел в молодом коллеге даровитого и увлеченного ученого и педагога, неоднократно давал отзывы на его работы.

В сложное время семья, оставшаяся в Беларуси, испытывала материальную нужду, что заставляло И. В. Волка-Левановича обращаться в университетскую комиссию по распределению стипендий. 2 октября 1922 г. он писал: «…убедительно прошу о предоставлении мне стипендии, т. к. последняя является единственной возможностью окончить университет. Прошу также принять во внимание, что на моем иждивении находятся жена и ребенок, что при невероятных препятствиях, кои стоят теперь на пути подыскания заработка, еще более затрудняет мою задачу: закончить и пополнить свое образование, дабы затем с наибольшим успехом применить свои знания в строительстве сов[етской] республики, в частности сов[етской] школы». Несмотря на все трудности, в конце мая 1923 г. 31-летний Иосиф Васильевич окончил университет. В свидетельстве от 6 июня 1923 г. указывалось, что он выполнил все требования учебного плана и получил высокие оценки по изучаемым языкам (французский, латинский, греческий, старославянский, польский); теории и истории греческой, славянской, западноевропейской, польской, древней и новой русской литератур; сравнительной грамматике славянских языков, философии, педагогическим наукам и др.

Несмотря на предложение остаться в Петроградском университете, Иосиф Васильевич вернулся в Минск, где постепенно укреплял свои позиции Белорусский государственный университет. Причину своего переезда он обозначил в автобиографии, которую вместе с заявлением подал в Правление БГУ 28 сентября 1923 г.: «З даўніх часоў цікавіўся я беларускім адраджэннем, будучы сам натуральна беларусам, але не меў часу к гэтаму руху прыстаць актыўна. Цяпер жа, маючы навуковае падрыхтаванне, я жадаў бы гэтае падрыхтаванне скарыстаць для далейшай навуковай працы ў напрамку культурнага будавання сваёй дарагой Бацькаўшчыны». К тому моменту Иосиф Васильевич преподавал белорусский язык в польском и еврейском педагогических техникумах. В заявлении о приеме в университет он указал, что хотел бы получить должность ассистента при кафедре истории белорусского языка на педагогическом факультете. В университете в это время практически единственным преподавателем белорусского языка был известный белорусский общественный деятель, писатель и языковед Язеп Юрьевич Лёсик.

На заседании литературной предметной комиссии от 6 октября 1924 г. под председательством профессора И. И. Замотина были рассмотрены отзывы и автобиография Иосифа Васильевича. Комиссия постановила: «Принимая во внимание серьезную научную подготовку Волк-Левановича и положительный отзыв о нем М. Н. Пиотуховича, поддержанный преподавателем Лёсиком, признать кандидатуру Волк-Левановича очень желательной и просить Деканат и Правление об утверждении его в указанной должности. Волк-Леванович обязан начать чтение курса по истории белорусского языка не позднее 1 февраля 1924 г. и обязательно на белорусском языке». В соответствии с решением комиссии 1 февраля 1924 г. на заседании совета этнолого-лингвистического и социально-исторического отделений педагогического факультета Иосиф Васильевич воспользовался pro venia legend (правом читать лекции). Лекция была посвящена историческому изучению белорусского языка в славянской филологии. В протоколе ее обсуждения указано, что в дискуссии участвовали профессора Н. М. Никольский, И. И. Замотин, В. Н. Перцев, И. Ю. Маркон, доценты М. Н. Пиотухович, М. Б. Вейнгер, преподаватели А. Н. Вознесенский, Н. Н. Щекатихин, В. Д. Друщиц, Л. Н. Цветков, Я. Ю. Лёсик, К. М. Мицкевич (Якуб Колас), И. Я. Герцык, Г. Э. Зимель, Н. В. Азбукин. Этот документ засвидетельствовал начало противостояния не только лично И. В. Волка-Левановича и Я. Ю. Лёсика, но и двух направлений в видении будущего белорусского языкознания. Не вдаваясь в детали обсуждения лекции и последующих разногласий, отметим, что расхождения во взглядах, которые нередко апеллировали к чувствам, а не к разуму, в итоге привели к тому, что все его участники, как это ни парадоксально, внесли свой определенный вклад в развитие белорусской лингвистики.

Несмотря на то что Лёсик при обсуждении доклада Волка-Левановича необоснованно обвинил оппонента в незнании белорусского языка, протоколом Правления БГУ от 19 февраля 1924 г. было постановлено «признать ассистента при кафедре истории белорусского языка И. В. Волк-Левоновича достойным звания преподавателя означенной кафедры. Определить И. В. Волк-Левановичу вознаграждение в размере ставки научного сотрудника, сроком с 1 сего февраля». Уже во время следствия в Главном политическом управлении БССР Я. Ю. Лёсик в протоколе допроса от 18 августа 1930 г. сообщал: «Студенты не раз бойкотировали [Волка-]Левановича и поддерживали мою дискуссию с Левановичем в “Савецкай Беларусі”, но всякий раз они терпели поражение. Леванович оставался на месте, а студенты должны были слушать его лекции и сдавать ему зачеты. Само по себе направление, возглавляемое Левановичем и группой русской профессуры, что морально его поддерживала, было скрытым, замаскированным русификаторством. Мы знали, что это понимают и в партии, но оно было крайне опасно для нас, когда обнаружилась наша нацдемовская сущность. Последним звеном этой борьбы была лингвистическая дискуссия в Академии наук, налаженная кафедрой марксизма и ленинизма в начале этого (1930) года. В этой дискуссии наши карты раскрыли, разоблачен был Леванович как русификатор, обнаружено было и наше контрреволюционное лицо, о чем писалось и в газетах». Сам Иосиф Васильевич по поводу обвинений в русификаторстве отмечал: «...што да маёй пазіцыі ў пытанні беларусізацыі, то яна ясная ўжо з таго, што вот ужо сёмы год, як я сумленна працую на карысць гэтай

справы навукова і як выкладчык». Свидетелем беспочвенных бойкотов и противостояния студентов и преподавателя был белорусский поэт Алесь Дударь, а известный писатель, поэт и драматург Кондрат Крапива в 1930 г. в поэме «Хвядос – чырвоны нос» также не смог пройти мимо этого сюжета:

Ў эксцэнтрычным танцы лоўкім
Абняліся Лёсік з Воўкам,
Той – на левай, той – на правай, –
За агульнай скачуць справай,
Разышліся ёт і яць, –
Мяккім знакам не суняць.
А напроці, ў іншай залі,
Ім ужо адгаблявалі
З дубу лоўкую мяшалку –
Будзе Воўку і «маршалку».

Несмотря на не всегда благоприятную атмосферу, И. В. Волк-Леванович активно работал и как лектор, и как ученый. В БГУ он читал курсы «Научная грамматика современного русского языка», «Белорусский язык», «Историческая грамматика белорусского языка», вел спецсеминар по белорусскому языку, семинар по славянскому языкознанию, по старославянскому и новым славянским языкам – польскому, чешскому, сербскому, болгарскому. Ученый постоянно думал о совершенствовании методики преподавания. Так, 22 февраля 1926 г. он с характерной для него педантичностью писал: «Ставячы сабе мэту: найхутчэй навучыць студэнтаў практычнаму валоданню беларускай мовай, найбольш мэтазгоднымі будуць наступныя метады: а) на лекцыях 1) практыкаванне ў чытанні і расказванні літаратурных твораў, 2) гутаркі (размовы) наконт прачытаных твораў (разбор мастацкай структуры твору ў цэлым (сюжэту), прыёмаў мастацкага сцілю і ацэнкі твору з боку адбітых у ім сацыяльна-эканамічных адносін, 3) практыкавані ў правапісе і пісьмовыя выкладанні (аб'ясняльная і свабодная дыктоўка, свабоднае выкладанне); б) праходжанне граматыкі як асобнай тэарэтычнай часткі – пры пераносе цэнтру вагі на практычнае аўладанне мовай, – прыдзецца адсунуць на апошні план, прымяняючы толькі метад папутных грамадскіх разбораў; в) работа студэнта не павінна абмяжоўвацца толькі слуханнем лекцый, але павінна таксама весьціся і за лекцыямі. Пры гэтым павінна быць выяўлена з боку студэнтаў пэўная шчырасць у жаданні аўладаць практычна беларускай мовай, якая прымусіць бы карыстацца і беларускай газэтай і беларускай мастацкай літаратурай і ўжываць беларускую мову ці разгаворваць».

В июне 1924 г. Иосиф Васильевич написал заявление в деканат педфака с просьбой предоставить ему научную командировку в Ленинград «для занятий по древним рукописным текстам памятников старинного белорусского языка, хранящихся в Археографической комиссии, Публичной библиотеке». Согласно отчету за 1924/25 учебный год он работал с изданиями Библии Ф. Скорины, рукописями этнографов Е. Р. Романова и А. К. Сержпутовского. В 1925 г. ученый напечатал первую научную работу – «Гістарычнае вывучэнне беларускай мовы ў славянскай міфалогіі». В 1927 г. опубликовал статью «Мова выданняў Францішка Скарыны», подготовленную по результатам празднования в 1925 г. в БССР 400-летия белорусского книгопечатания. В ней исследователь-языковед утверждал, что издания Ф. Скорины написаны на белорусском варианте церковнославянского языка. Вместе с профессорами П. А. Бузуком и А. Н. Вознесенским Иосиф Васильевич готовил сборник статей в честь А. И. Соболевского, приуроченный к 70-летию со дня рождения академика. В этом сборнике

Дѣло № 631
19 11 г.

ЗАПИСЬ СТУДЕНТА
ИМПЕРАТОРСКАГО
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО
ФАКУЛЬТЕТА
сравнительно-филологического отделенія
(имя, отчество и фамилія) Воякъ-Левановичъ Госиферъ Василевичъ
поступившаго въ Университетъ
квИ75

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Б. М. Вольфа
1909

ОСІП ВОЎК-ЛЕВАНОВІЧ

ФОРМА „ПРОЩЛАГА У БУДУЧЫМ" (БУДУ-ЛЬ) У МОВЕ ДАКУМЕНТАЎ „ЛІТОЎСКАЙ МЭТРЫКІ"

ОСІП ВОЎК-ЛЕВАНОВІЧ

ГІСТАРЫЧНАЕ ВЫВУЧЭНЬНЕ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ Ў СЛАВЯНСКАЙ ФІЛЁЛЁГІІ

Ба 59893

МОВА ВЫДАНЬНЯЎ ФРАНЦІШКА СКАРЫНЫ

Н. К. П.
БЕЛОРУССКІЙ
Государственный Университет.

Удостоверение № 4

Дано сие Воік-Левановичу Иосифу Василевичу в том, что он состоит на службе в Бел. Гос. Университете в должности аспиранта и что подписями и приложением печати удостоверяется.

Минск 15 сентября 1925 г.

Ректоръ профессор
Управляющ. делами
Завед. Общим Отделом

БИЛЕТЪ
ДЛЯ ВХОДА
33
ВЪ ИМПЕРАТОРСКІЙ С.-Петербургскій Университетъ
студента Воякъ-Левановича Госифа Василевича
на 1912—13 уч. годъ.

Примѣчаніе:
Обязательно предъявлять при входѣ въ зданіе Университета.
Въ случаѣ утери входного билета, новый можетъ быть выданъ лишь по представленіи офиціальнаго удостовѣренія.

Мова выданьняў Франц

Т... — не поняв, пасколькі ... прафесар Ул... Ул... ... Скарыны ... Беларускай.

... 1925 г., III выдан.
2. *А. А. Шахматов* Синтаксис русского яз., изд. Акад. Наук СССР, 1925.

В. СЭКЦЫЙНЫЯ КУРСЫ I-га СЭМЭСТРУ.

а) Беларуская секцыя:

1. Гістарычная граматыка беларускай мовы — 4 гадз. (1 сем.) доц. *Воік-Левановіч.*

Падручнікі:

1. Академик *Е. Ф. Карский* Русская диалектология. Ленингр. 1924 Отдел Белорусское наречие, стр. 73-118.
2. *Язэп Воік-Левановіч* Гістарычнае вывучэньне беларускай мовы ў славянскай філёлёгіі. працы БДУ за 1925 г. № 6 і 7, стар. 98-128.
3. *Н. Н. Дурново* Очерки истории русского языка. Гиз, 1924 г.

Дапаможнікі:

1. *Язэп Воік-Левановіч* Беларускае аканьне. Матар'ялы да акадэмікафарэнцыі, вып. 5 і 7, Менск, 1926 г.
2. *Яго-жа* Мова выданьняў Францішка Скарыны, Менск, 1927 г.
3. *Е. Ф. Карский* Белоруссы т. I и II.

ультура і літаратура Беларусі і Польшчы ў XVI ст 4 гадз. доц *Дабяла* (разам з польсэкцыяй).

Падручнікі:

1. *Карский Е. Ф.* Белоруссы т. III, кн. 2, Стабелор. письменность II гр., 1921 г.

2. *Янчук І. А.* ... тура. Менск, 1922 г.
3. *Пыпин и Спасович* История славянских литератур, т. II.

Дапаможнікі:

1. *Максім Гарэцкі* Выпісы з беларускай літаратуры ч. I.
2. *Воронковский О. Ф.*—Хрестоматия образцов польской литературы церковн.
3. 400-лецьцю беларускага друку — выд. Інбелкульту, Менск, 1926.

3. Беларускі фольклёр 4 гадз. проф. *Піотуховіч* (разам з 2 кур.)

б) Польская секцыя,

1. Гістарычная граматыка польскай мовы 4 гадз.

в) Яўрэйская секцыя.

1. Гістарычная граматыка яўрэйскай мовы — доц *Вейнгер*—4 гадз. (1 сем.).
2. Новая літаратура на старажытнай яўрэйскай мове 2 гадз.—доц. *Рабэбе* (факультатыўна).

Падручнікі:

1. *Клаузнер И.*—Новая еврейск. литература.
2. *Цамбері Ц.*—Два течения.
3. *Bernfeld, S.*—Dor chacam.

Дапаможнікі:

1. *Delitzsch, Fr.*—Zur geschichte d. jüd Poesie

Г. СЭКЦЫЙНЫЯ КУРСЫ 2-га СЭМЭСТРУ.

а) Беларуская секцыя:

1. Навуковая граматыка беларускай мовы— 2 гадз. (гадавых)—доц. *Лёсік.*

21

Konisz Kreisamt II Rewiru
w Klecku powiatu Bakinskiego
№ 285

Własnoręczny podpis

Odcisk wielkiego palca lewej ręki.

Imię i nazwisko Iosif Wola-Lewonowich
Religja Prawosławny
Przynależność państwowa Białorusin
Narodowość rosyjanin
Zawód nauczyciel
Stan żonaty
Miejsce zamieszkania m. Klecsk
Data urodzenia lub wiek 17 lat
Wzrost średni
Oczy niebieskie
Włosy ciemne
Nos mały prosty
Twarz owalna
Szczególne znamiona niema
Władz językami rosyjskim, polskim, białoruskim i francuskim
dnia 17 VIII 1919 r.

Pieczęć

Powiatowa pow. Bakińskiego KOMENDANT Powiatu w Klecku

Powiatowa pow. Bakińskiego KOMENDANT Powiatu w Klecku

Konisz Kreisamt II Rewiru

Уступны № 2136

он опубликовал работу «Важнейшыя рысы ў консонантізме дзярэўні Татаркавічы Бабруйскага вокругу».

20–25 сентября 1926 г. Правление БГУ при педфаке организовало Всебелорусскую литературно-лингвистическую конференцию, активное участие в которой принял и И. В. Волк-Леванович, подготовив тезисы двух докладов: «Агляд падручнікаў па беларускай мове за апошнія два гады» и «Беларускі правапіс у асьвятленьні навуковай крытыцы і практычнага розуму».

Знаковым событием в истории белорусской лингвистики стала Академическая конференция по реформе белорусского правописания и азбуки. Мероприятие проходило под эгидой Института белорусской культуры с 14 по 21 ноября 1926 г. На конференции Иосиф Васильевич полемизировал с коллегами-лингвистами, выступил с докладом на тему «Да пытання аб аканні ў беларускай мове», был приглашен в состав комиссии по реформе правописания. Оттиск статьи по проблеме «беларускага акання» он подписал известному белорусскому этнографу-фольклористу Александру Казимировичу Сержпутовскому.

Постановлением Наркомпроса БССР с 1 апреля 1927 г. И. В. Волк-Леванович был назначен на должность доцента. В этом же году его пригласили на должность ученого секретаря комиссии по составлению исторического словаря белорусского языка при Институте белорусской культуры. На одном из заседаний комиссии он выступил с докладом «Аб прынцыпах і метадах укладання гістарычнага слоўніка беларускай мовы». В 1929 г. доклад был опубликован и стал научно аргументированной инструкцией для всех членов комиссии. В 1927 г. ученый-энтузиаст за собственные средства издал литографическим способом «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы», которые были утверждены Наркомпросом БССР в качестве учебного пособия. Положительные отзывы на это издание подготовили Е. Ф. Карский и украинский советский языковед Н. К. Грунский. В 1994 г. лекции были переизданы как ценный памятник белорусской лингвистической науки на определенном этапе ее развития. В 1929 г. в «Запісках аддзелу гуманітарных навук» Белорусской академии наук Иосиф Васильевич опубликовал большую статью «Кароткія ўвагі на некаторыя помнікі беларускай мовы ў Ленінградзе» по результатам научной командировки. По неизвестным причинам не увидела свет составленная им «Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы».

Такая титаническая работоспособность Иосифа Васильевича была как бы вопреки условиям проживания. Об этом повествует письмо из Правления БГУ в Управление коммунального хозяйства Минского окружного районного исполнительного комитета. В нем сообщалось, что «Волк-Леванович как научный сотрудник, занятый научной исследовательской работой, занимается упомянутой работой в тех квартирных условиях, в которых живет в данный момент. С своей семьей, которая состоит из пяти особ, он вынужден размещаться на площади в семь квадратных сажень (12,8 м. – *Авт.*)». Несмотря на стесненные условия, дом Волков-Левановичей был всегда рад гостям. За годы работы в БГУ Иосиф Васильевич сдружился с Н. М. Никольским, А. Н. Вознесенским, М. Н. Пиотуховичем. Лариса Григорьевна вспоминала, что когда они собирались, то разговоры были только на научные темы. Характеризуя мужа, она отмечала: он «настолько был предан науке, что, не смущаясь, говорил мне: “Ларочка, ты не обижайся,что я больше отдаю внимания науке, чем своей семье”. Я не обижалась и предоставляла ему все

условия для успешной его работы. Все хозяйство по дому я взяла на себя».

Многие творческие задумки ученый так и не смог реализовать. 16 декабря 1929 г. он выступил в Академии наук БССР с докладом «Пра некаторыя важнейшыя недахопы беларускай літаратурнай мовы». По одним оценкам, наряду с правильными положениями этот доклад имел также «ряд ошибочных». Среди прочего И. В. Волк-Леванович назвал руководство языковедческих учреждений Беларуси «националистическим застенком». Согласно другим оценкам доклад содержал «полностью обоснованное в научном плане утверждение о формировании литературных языков на инновационной базе». Дискуссия по докладу на заседании не успела развернуться, докладчик только получил несколько острых вопросов. Оставаться в республике он объективно больше не мог. Осажденное положение, в котором И. В. Волк-Леванович находился с момента преподавания в БГУ, ярко характеризует цитата из письма А. Н. Вознесенского к профессору И. М. Ильинскому: «Настоящее средневековье. Волк-Леванович – современный Галилей».

18 мая 1930 г. Иосиф Васильевич написал заявление: «З прычыны неабходнасьці па сямейных абставінах выехаць з Менску на тэрмін няпэўнай прадоўжнасці пасьля сканчэньня мною заняткаў гэтага навуч. году прашу аслабаніць мяне ад займаймае ў Бел. Дз. Універсітэце пасады». 21 мая временно исполняющий обязанности ректора С. Я. Вольфсон подписал приказ, согласно которому Волка-Левановича следовало уволить из университета с момента окончания его занятий – с 1 июля 1930 г. В этом же году Волк-Леванович опубликовал последнюю статью по белорусской проблематике «Еще к вопросу о “ляшских” чертах в белорусской фонетике».

После увольнения И. В. Волк-Леванович написал заявление в совет отделений русского языка и литературы, немецкого языка и литературы и мордовского языка и культуры педагогического факультета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, просил предоставить ему место на кафедре языкознания педфака. Руководство вуза положительно отреагировало на его заявление. Изначально Иосиф Васильевич стал работать заведующим отделом редких книг и рукописей Саратовского университета, затем его пригласили на должность заведующего кафедрой общего и русского языкознания педагогического факультета. В Саратове он читал лекции по истории русского языка, общему языкознанию, современному русскому языку. После того как педфак Саратовского государственного

И. В. Волк-Леванович с коллегой из Саратовского государственного педагогического института. Первая половина 1930-х гг.

университета был преобразован в самостоятельный педагогический институт, Иосиф Васильевич перешел туда на должность заведующего кафедрой общего языкознания и русского языка, где проработал до июня 1934 г. В 1931–1932 гг. по совместительству преподавал в Сталинградском педагогическом институте на кафедре языкознания.

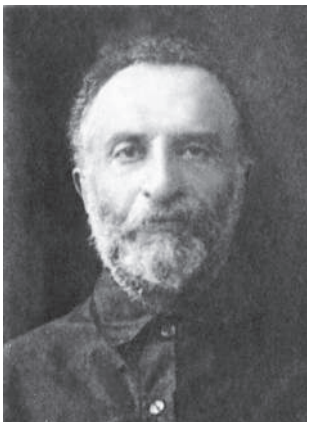
Новое место работы скорректировало и круг научных интересов Иосифа Васильевича. Летом 1933 г. он был командирован Саратовским пединститутом в Калмыцкую автономную область для проведения лингвистической экспедиции, во время которой удалось собрать материал для подготовки диалектологического словаря Нижневолжского края. В это же время И. В. Волк-Леванович стал работать над книгой «К истории русского литературного языка (Наблюдения над языком конца XVII – начала XVIII в.)». В 1934 г. дирекция института обратилась в Наркомпрос РСФСР с ходатайством о присуждении Иосифу Васильевичу звания профессора. Однако оформить все необходимые бумаги не успели. 15 февраля 1934 г. в Саратове органами ОГПУ И. В. Волк-Леванович был арестован по делу контрреволюционной организации «Российская национальная партия». Целью этого сфабрикованного дела являлась борьба со старой академической традицией и внедрение новых партийных установок в науку о языке. Этим объясняется большое количество арестов из числа филологов (академик М. Н. Сперанский, член-корреспондент Академии наук СССР Н. Н. Дурново, профессор Г. А. Ильинский и др.). Просидев под следствием три месяца, Иосиф Васильевич был отпущен на свободу. Возвращаться на старое место работы он уже не мог. Пытался устроиться в Тамбовский педагогический институт, но безрезультатно. В конечном итоге он вместе с семьей переехал в Оренбург. В августе 1934 г. местный педагогический институт перестроился по новому факультетскому принципу. На должность декана образованного филологического факультета был приглашен И. В. Волк-Леванович. Он же возглавил кафедру языка и литературы. В Оренбурге ученый читал лекции по русской диалектологии, общему языковедению для вечернего отделения факультета языка и литературы. По воспоминаниям жены, профессор С. П. Обнорский приглашал И. В. Волка-Левановича участвовать в составлении «Словаря русского языка», «но этот вызов был спрятан под сукно ректором Оренбургского педагогического института» и не достиг адресата.

Согласно сведениям Управления ФСБ России по Оренбургской области 17 сентября 1937 г. И. В. Волк-Леванович был арестован органами УНКВД Оренбургской области. 2 февраля 1938 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР он был осужден за «участие в контрреволюционной, террористической и диверсионно-вредительской организации» и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества. В этот же день приговор был приведен в исполнение. 8 февраля 1958 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР И. В. Волк-Леванович был реабилитирован. Точное место захоронения неизвестно (предположительно – местность под названием Зауральская роща в Оренбурге, где в 1930-е гг. хоронили жертв политических репрессий).

Андрей Николаевич Максимчик

Ученый-экономист – теоретик и практик, исследователь макроэкономических процессов

Один из основоположников экономического образования в БГУ



Илья Яковлевич ГЕРЦЫК

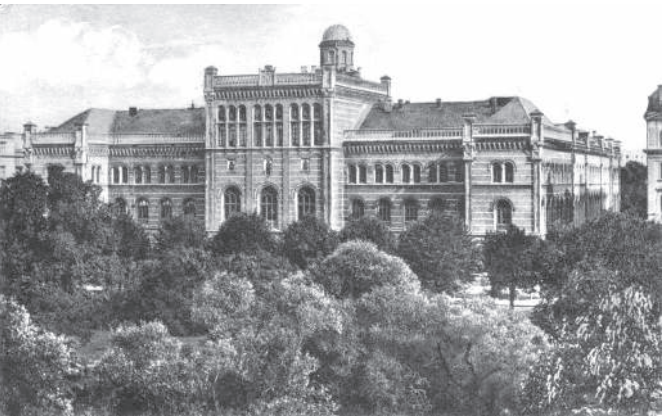
25.08.1872 – 21.07.1938

***Н**аучные традиции экономического образования в Белорусском государственном университете были заложены задолго до открытия экономического факультета. Подготовка экономистов изначально определила важнейший вектор развития БГУ в его организационном, научном и учебно-методическом направлениях. В числе первого (20 февраля 1925 г.) выпуска специалистов (60 человек), подготовленных в стенах университета, были экономисты и юристы.*

Доцент Илья Яковлевич Герцык – один из наиболее востребованных преподавателей и разработчиков большинства экономических дисциплин, а также ключевых направлений университетских научных исследований на этапе становления флагмана белорусской науки и образования. Именно он разработал курсы лекций по экономической теории, истории экономической мысли, банковскому делу, денежному обращению и кредиту. В 1920-е гг. он по праву считался одним из авторитетнейших ученых и педагогов БССР в области экономики. Опыт и знания ученого-экономиста были востребованы не только в учебном процессе вуза, но и в решении актуальных для республики хозяйственных задач, связанных с анализом макроэкономических показателей. Благодаря умелому руководству первого ректора БГУ В. И. Пичеты и коллективу ученых-экономистов (И. Я. Герцык, М. В. Довнар-Запольский, В. В. Якунин, Л. И. Лубны-Герцык) уже в середине 1920-х гг. удалось подготовить первых специалистов в области народного хозяйства, банковской и финансовой сфере.

Создание БГУ проходило в тяжелейших условиях восстановления народного хозяйства после военных и революционных разрушений, индустриализации и коллективизации в БССР. Для решения разноплановых задач нужны были многочисленные специалисты во многих сферах и областях деятельности. На научно-педагогический коллектив университета была возложена общереспубликанская задача ликвидации кадрового дефицита, который остро ощущался, в том числе и в сфере экономики. Одним из первых реализовал эту задачу известный в Минске общественный деятель, дипломированный специалист в сфере банковского дела и статистики, опытный лектор и педагог, эрудит Илья Яковлевич (Элья Мордух Янкелевич) Герцык.

Илья родился 25 августа 1872 г. в семье купца первой гильдии Минска М. Б. Герцыка. О годах детства и учебы информации нет. Из заявления Ильи Яковлевича в президиум Совета учительского института (Минский педагогический институт Народного комиссариата просвещения ССРБ) от 23 июля 1920 г. с просьбой рассмотреть его кандидатуру на должность лектора видно, что он «окончил среднее учебное заведение в Москве». Известно, что в 1896 г. уже достаточно зрелый молодой человек успешно окончил экономическое отделение Рижского политехнического института со степенью кандидата коммерческих наук. Диссертацию на тему «Lebensversicherung in Russland» («Страхование жизни в России») он защитил на немецком языке. Одновременно с И. Я. Герцыком в стенах института обучались студенты, ставшие в будущем известными, – президент Польши Игнаций Мосцицки, российский профессиональный революционер Самуил Давыдович Вульфсон, инженер-архитектор Сергей Григорьевич Гингер, ученый-химик профессор Стефан Георгиевич Шиманский и др. После окончания института И. Я. Герцык продолжил изучать политическую экономию, историю и философию в Берлинском университете.



Рижский политехнический институт.
Начало XX в.

С 1898 г. дипломированный специалист стал читать лекции по политической экономии и истории социализма в рабочих и студенческих кружках, народных университетах. Его лекции по экономическим дисциплинам, истории общественных движений и истории социализма в 1917–1918 гг. можно было услышать в минском Еврейском народном университете им. Б. Гроссера, в 1918 г. – в Мытищенском отделении Московского городского народного университета им. А. Л. Шанявского, в 1919–1920 гг. – на юридических курсах при Минском окружном суде и в минском Институте непрерывного образования, в 1920–1921 гг. – на минских Третьих Белорусских учительских курсах. С 1920 г. И. Я. Герцык преподавал также в минской 9-й Советской школе II ступени политическую экономию, историю экономических учений, социологию и историю социализма, а в Еврейском педагогическом техникуме вел занятия по всеобщей истории.

До открытия Белорусского государственного университета лекционные и педагогические занятия Илья Яковлевич умело совмещал с организационной и общественной деятельностью на ниве просвещения. Так, еще в июле 1901 г. по инициативе бывшего городского головы графа К. Г. Чапского в Минске открылось ремесленное кредитное товарищество, в котором И. Я. Герцык устроился на должность делопроизводителя. Согласно ежегодным «Памятным книжкам Минской губернии» в первое десятилетие XX в. он являлся членом правления Общества доставления бедным евреям г. Минска средств для обучения ремеслам, заведовал бесплатной вечерней школой для еврейских мальчиков-ремесленников (54 ученика), входил в состав правления Минской городской публичной библиотеки им. А. С. Пушкина. Из его автобиографии известно, что до осени 1919 г. И. Я. Герцык работал в банковской сфере (был доверенным Минского и Самарского отделений Петроградского международного коммерческого банка), в 1919 г. был членом Коллегии коммунального хозяйства, в 1919–1920 гг. – членом Коллегии рабочего кооператива, заведовал городской статистикой в Центральном статистическом управлении Минска с 1920 по 1923 г. В августе 1918 г. И. Я. Герцык в числе других известных деятелей Минска (профессор консерватории Г. С. Журавлев, художник Д. Н. Полозов) вошел в руководящий состав Минского общества науки, литературы и искусства, был действительным членом Минского общества истории и древностей, созданного 28 декабря 1920 г. Согласно уставу Общество изучало историю и археологию «преимущественно Белорусского края», занималось охраной памятников местной старины, устройством историко-археологического музея, распространением знаний, входящих в круг деятельности Общества. В 1919 г. И. Я. Герцык вступил в Союз работников просвещения.

Предположительно в 1903 г. Илья Яковлевич женился на Лидии Лунц – дочери известного врача и общественного деятеля Минска Осипа Лазаревича Лунца. С его именем связано строительство в городе хоральной синагоги, которая в советское время была до неузнаваемости перестроена (сегодня в этом здании располагается Национальный академический драматический театр им. М. Горького). Интересный факт: по воспоминаниям председателя ЦИК БССР А. Г. Червякова, Осип Лазаревич в 1919 г. неоднократно ставил на заседаниях Наркомпроса вопрос об организации университета в Минске. О супруге И. Я. Герцыка известно, что она с 1898 г. давала уроки в разных учебных заведениях, а в 1902 г. окончила Высшие женские курсы в Петербурге, неоднократно бывала за границей, где слушала лекции по французской литературе, посещала различные школы – для ознакомления с новейшими методиками преподавания. После событий 1917 г. Лидия Осиповна преподавала педагогику и русский язык в 18-й Советской школе II ступени и 53-й Советской школе I ступени. В браке двух интеллектуалов

Здание № 31 по улице Интернациональной (бывшая Преображенская), где в 1904–1971 гг. на первом этаже размещалась Минская городская публичная библиотека им. А. С. Пушкина

Дом доктора О. Л. Лунца
по ул. Захарьевской, 89 (сейчас район
Октябрьской площади), где вместе
с супругой в начале XX в. жил И. Я. Герцык

родились две дочери. Одна из них – Евгения – после окончания школы поступила на экономическое отделение факультета общественных наук (ФОН) БГУ. Во время учебы она с 15 октября 1922 г. по 1 ноября 1923 г. состояла на службе в университете в должности библиотекаря кабинета обществоведения. Илья Яковлевич вместе с женой и детьми проживал в доме тестя (ул. Захарьевская, д. 89).

В 1916 г. в 44-летнем возрасте Илья Яковлевич осознанно вступил в партию Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России). Известный меньшевик, публицист и общественный деятель Григорий Яковлевич Аронсон в своих воспоминаниях «Революционная юность» отмечал, что И. Я. Герцык оказал на него серьезное влияние, и охарактеризовал его как «редкий экземпляр умеренного социалиста, ревизиониста». На XI конференции Бунда, состоявшейся 15–22 марта 1919 г., Илья Яковлевич был делегатом от Минска. Конференция провозгласила признание советской власти, при этом оставшись на платформе тактической оппозиции. Можно предположить, что И. Я. Герцык не видел себя в роли активного партийного функционера, предпочтительнее для него была научно-педагогическая деятельность. Накануне открытия БГУ в 1921 г. он уже имел 25-летний лекторский и 5-летний педагогический стаж.

Согласно выписке из протокола № 9 заседания научно-политической секции Государственного ученого совета от 9 сентября 1921 г. Илья Яковлевич был утвержден в должности преподавателя БГУ по курсу «История социализма и политической экономии» для преподавания на факультете общественных наук. Его мы видим на одной из первых фотографий Правления университета. По воспоминаниям профессора С. Я. Вольфсона, И. Я. Герцык присутствовал на первом заседании университетского Совета 29 октября 1921 г. Уже через два дня, как было отмечено в протоколе заседания Правления БГУ, его утвердили заведующим кабинетом по экономическим наукам. Несколько позже, с 1 ноября 1922 г., Илья Яковлевич был переведен на должность заведующего кабинетом обществоведения ФОНа. Как один из научных авторитетов он входил в состав предметной исторической комиссии: его опыт и знания были востребованы в разработке учебных планов, программ и осуществлении руководства учебно-научной работой на факультете общественных наук в составе комиссии по правовым и экономическим дисциплинам. Данную комиссию создали 12 августа 1921 г., когда был объявлен прием на факультет общественных наук на этнолого-лингвистическое, общественно-педагогическое, правовое и экономическое отделения.

С 1921 по 1930 г. И. Я. Герцык на ФОНе (с 1925 г. – факультет права и хозяйства) и педагогическом факультете университета читал лекции и вел просеминарии по следующим предметам: «История социализма», «Политическая

экономия», «История экономических учений», «Денежное обращение и кредит», «Техника банковского дела». На семинариях студенты изучали и анализировали отрывки из произведений известных экономистов, писали и обсуждали доклады на различные темы (денежное обращение, бумажные деньги, значение кредита в народном хозяйстве, теории кризисов, картели и тресты и др.). На семинариях по курсу «История социализма» читались рефераты по таким темам, как «Социальная философия», «Социальные движения в Англии в XVII в.», «Сенсимонизм», «Фурьеризм». По политической экономии на 2-м курсе педфака и 3-м курсе ФОНа читались доклады и велись беседы по вопросам денежного обращения, аграрному вопросу и др. По технике банковского дела на ФОНе разбирались курсовые темы: текущие ломбардные счета, инкассовые и биржевые операции и т. д. Недельный объем преподаваемых И. Я. Герцыком дисциплин составлял около 16 часов.

В Национальном архиве Республики Беларусь хранятся подробные тексты программ по курсам «История экономических учений», «Политическая экономия», «История социализма», «Денежное обращение и кредит». Из их содержания видно, что студенты на лекциях знакомились также с экономическим мировоззрением древних народов (вавилоняне, евреи, греки и римляне), каноническим правом Средних веков в отношении к экономическим вопросам, с учением о проценте и ценности товара, осваивали теории невмешательства государства и гармонии интересов, историю экономического развития Англии, Франции, Германии и других стран. Преподаватель излагал взгляды А. Тюрго, П. П. Мерсье де Ла Ривьера, Ф. Кенэ, А. Смита, У. Петти, Т. Мальтуса, Д. Рикардо, Ф. Бастиа, Д. Ф. Листа, Дж. Ст. Милля, К. Маркса, Э. Бернштейна

Дочь И. Я. Герцыка Евгения

и др. Широта рассматриваемых вопросов, актуальный характер лекционного материала во многом были обусловлены тем, что лектор свободно владел немецким и французским языками и всегда был в курсе современных и злободневных вопросов экономической науки.

Кроме БГУ Илья Яковлевич в 1923–1925 гг. читал лекции по политической экономии в Белорусском государственном институте сельского хозяйства в Минске. В соответствии с постановлением Наркомпроса БССР от 26 февраля 1926 г. он был назначен с 1 октября 1925 г. на должность доцента.

Помимо аудиторной работы И. Я. Герцык участвовал в решении хозяйственных задач страны, являясь членом Президиума Госплана БССР, а согласно постановлению Правления БГУ от 28 октября 1924 г. был также назначен постоянным представителем в Бюро стандартизации Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции БССР.

Несмотря на серьезную загруженность, Илья Яковлевич принимал активное участие в работе Научного общества при БГУ. В 1922/23 учебном году он про-

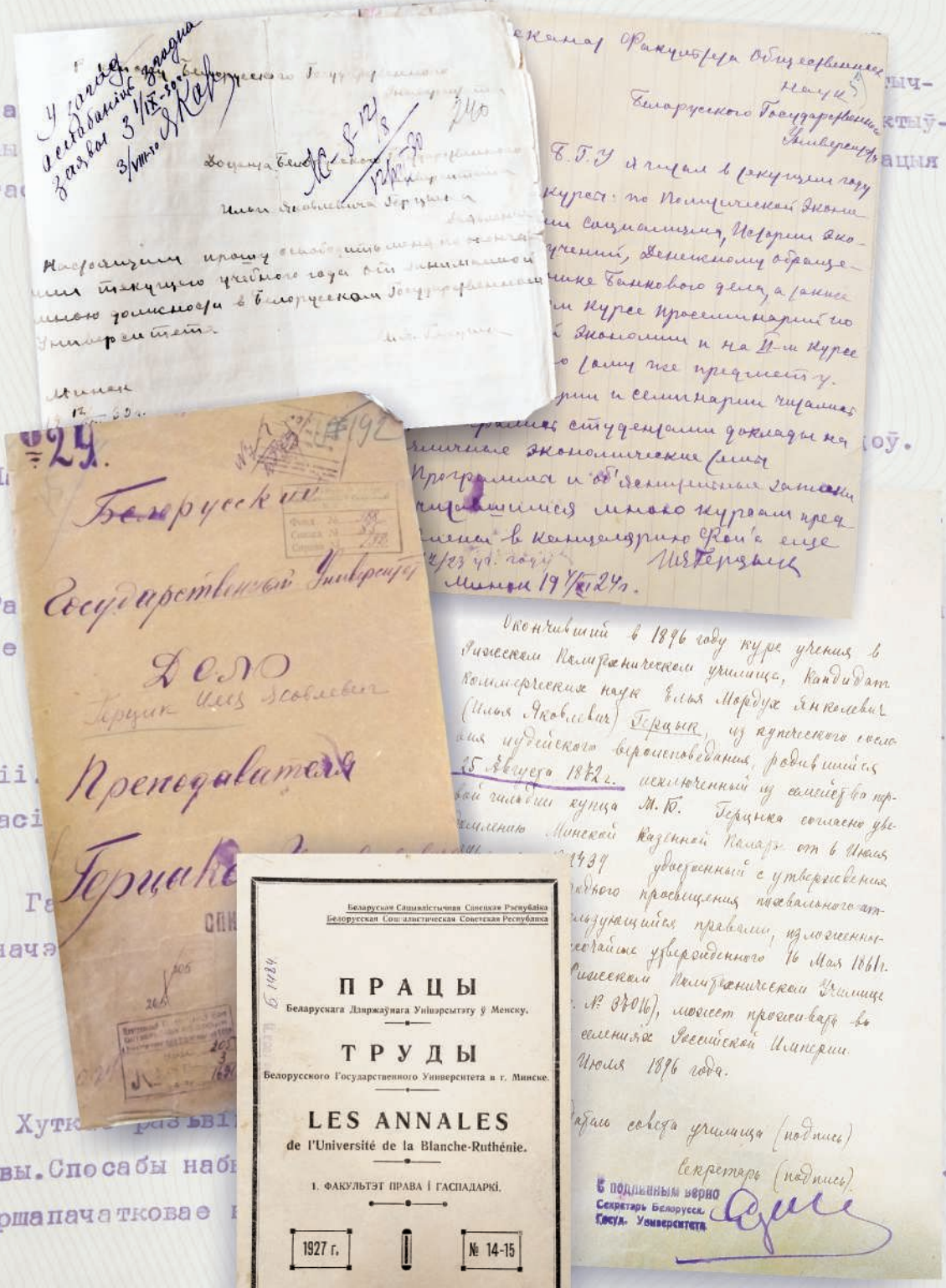
чел доклады на темы «Огюст Бланки – социалист-революционер», «Экономические воззрения Шпенглера», «Плеханов и социализм в России». Ряд его докладов – «Теория ренты в связи с трудовой теорией стоимости» (март 1923 г.), «О некоторых проблемах теории политической экономии» (декабрь 1925 г.), «Аграрные реформы в Западной Европе в последнюю четверть XIX столетия и после войны» (март 1926 г.), «Новейшие течения в политической экономии в связи с проблемой кризисов» (январь 1927 г.) – был опубликован в «Трудах БГУ». В области его научных интересов была история экономической мысли, аспекты политической экономии. И. Я. Герцык с марксистских позиций анализировал теорию маржинализма, исследовал философские, экономические и социальные идеи главы социальной школы О. Шпана, а также одного из основателей философии либертарианства Л. фон Мизеса.

Белорусский ученый-экономист впервые в экономической мысли БССР попытался классифицировать все имеющиеся школы по проблемам экономических кризисов и ренте при капитализме. Из существующих теорий ренты в экономической мысли Запада Илья Яковлевич выделил в качестве самостоятельных школы Д. Рикардо, Дж. Ст. Милля, К. Маркса, К. Родбертуса и Л. Борткевича, показав их сильные и слабые стороны. В конце 1920-х гг. ученый активно изучал взгляды и идеи немецкого экономиста и социолога Ф. Оппенгеймера. Об этом свидетельствует отчет по педфаку БГУ за 1928/29 академический год. В нем указывалось, что значительным препятствием в научной деятельности преподавателей факультета являлось отсутствие возможности печатать научные работы. Именно по этой причине труд И. Я. Герцыка «Социально-политические взгляды Франца Оппенгеймера» не был опубликован. По мере необходимости преподаватель БГУ выезжал в научные командировки для работы над совершенствованием содержания читаемых им дисциплин и ознакомления с новой литературой по экономике.

Ректор В. И. Пичета давал высокую оценку научным исследованиям доцента И. Я. Герцыка, отмечал важность использования Ильей Яковлевичем социологического метода при анализе аграрных реформ и экономического развития стран Западной Европы. Примечательно и то, что профессор В. И. Пичета и доцент И. Я. Герцык являлись официальными оппонентами на защите студентом-выпускником отделения экономики ФОНа В. М. Каракулько первой в БГУ выпускной дипломной работы на тему «Сельское хозяйство и фабрично-заводская промышленность СССР в их рыночных взаимоотношениях». Защита состоялась 12 апреля 1925 г. на специальном открытом заседании экономической предметной комиссии университета. По ее результатам решением комиссии Владимиру Каракулько был выдан диплом № 1 БГУ, и университетского выпускника распределили в Народный комиссариат финансов БССР. Всего состоявшийся в 1925 г. первый выпуск студентов ФОНа дал народному хозяйству республики 60 специалистов (из них 34 экономиста), а за первые 5 лет деятельности университета было подготовлено 125 экономистов. Значительный вклад в их подготовку внес лично И. Я. Герцык.

Разноплановый характер работы И. Я. Герцыка в стенах БГУ стал давать сбои. Во многом это связано не столько с деятельностью самого ученого, сколько с его родными и близкими. Их поведение активизировало подозрительность к нему со стороны некоторых руководителей и сотрудников университета. Даже представители властных органов выражали недоверие к ученому-экономисту. Так,

ПАЛІТЫЧНАЯ ЭКАНОМІЯ.



Разьвіцьцё ў с… орчасьці для рынка.
Буйныя капіталіст… на аснове саматужнай
прамысловасьці. Мануфактура. Простае і складанае супрацоўніцтва.

в 1924 г., не завершив образование в БГУ, дочь Евгения по неизвестным обстоятельствам переехала в Ленинград для продолжения обучения на новом месте. По приезде ее вскоре (10 апреля 1924 г.) арестовали по студенческому делу и приговорили к двум годам заключения. В июне 1924 г. она была этапирована в Соловецкий лагерь особого назначения, в 1925 г. ее перевели в Верхнеуральский политизолятор, в 1926 г. отправили в ссылку в Ташкент. В 1928 г. Евгения ненадолго вернулась в Минск, затем снова уехала. Известно, что в 1935 г. она работала счетоводом Татзаготпушнины в Казани. Весной 1935 г. ее вместе с мужем Борисом Николаевичем Гильдебрандом арестовали и приговорили к пяти годам ссылки в Киров. В 1938 г. в ссылке Е. И. Герцык работала в управлении «Кировснабсбыт», однако вскоре снова была арестована. Особое совещание при НКВД СССР обвинило ее в контрреволюционной деятельности и приговорило к пяти годам лишения свободы. Дальнейшая ее судьба неизвестна. Евгению Герцык реабилитировали 13 апреля 1957 г.

Тогда же, в 1924 г., но уже в Минске был арестован младший брат Ильи Яковлевича Абрам, который на тот момент служил главным бухгалтером Центрбелсоюза. 30 января 1925 г. Особым совещанием при ОГПУ он был осужден за «антисоветскую деятельность» на три года исправительно-трудовых работ и этапирован в Красноярский концлагерь. О дальнейшей его судьбе также ничего не известно. Только в ноябре 1989 г. прокуратура БССР реабилитировала Абрама Яковлевича.

В 1926 г. обвинения прозвучали и в адрес Ильи Яковлевича. В резолюции Комиссии по интеллигенции о проверке работников научных учреждений, высших учебных заведений, техникумов, просветительских организаций на основе постановления мартовского 1926 г. Пленума ЦК КП(б)Б указывалось, что И. Я. Герцык по своим взглядам является меньшевиком. Каких-либо последствий это не имело, однако напряжение вокруг ученого нарастало. В сентябре 1927 г. на должность доцента в БГУ пришел Михаил Борисович Гольман, который вместе с И. Я. Герцыком стал читать на факультете права и хозяйства курс «Политическая экономия». М. Б. Гольмана хорошо знали в государственных и партийных кругах не только республики, но и всего СССР. Он был первым председателем Исполнительного комитета Могилевского губисполкома, делегатом от Могилева на Всебелорусский съезд в Минске в декабре 1917 г., в 1918–1919 гг. был ректором Симбирского пролетарского университета, затем ответственным редактором всесоюзного журнала «Плановое хозяйство». Вплоть до ареста в 1929 г. Гольман руководил кафедрой мирового хозяйства БГУ. С его приходом в университете стали проводиться дискуссии по проблемам империализма, в которые включились и экономисты. М. Б. Гольман выступал яростным критиком И. Я. Герцыка за ряд его теоретических положений в данном вопросе, а взгляды старшего коллеги характеризовал как оппортунистические и меньшевистские.

К этим нападкам и надуманным обвинениям добавлялось и то обстоятельство, что Илья Яковлевич не владел в совершенстве белорусским языком, не читал на нем лекции, что в условиях развернувшейся в республике политики белорусизации, даже при всей ее неоднозначности, воспринималось на всех уровнях как недостаток. Так, на заседании Правления БГУ от 20 июня 1928 г. по докладу председателя комиссии по проверке знаний белорусского языка научных сотрудников университета профессор М. Н. Пиотухович отметил, что И. Я. Герцык не владеет

языком, и сделал заключение – поставить его на вид.

Все вышесказанное можно считать звеньями одной цепи в понимании причин ухода И. Я. Герцыка из университета. 13 июля 1930 г. он написал на имя ректора БГУ заявление следующего содержания: «Настоящим прошу освободить меня по окончании текущего учебного года от занимаемой мной должности в Белорусском государственном университете». На заявлении была поставлена виза: «Освободить согласно заявлению с 1 сентября 1930 г.». После увольнения И. Я. Герцык перешел на должность экономиста в Высший совет народного хозяйства БССР. Это стало последним местом работы для 59-летнего ученого и педагога.

В ночь на 2 марта 1931 г. Илья Яковлевич в числе других экономистов (А. И. Шейнин, А. Гармиза) был арестован органами ОГПУ в Минске, затем переведен в Бутырскую тюрьму в Москве. 23 июля 1931 г. на основании постановления коллегии ОГПУ СССР его осудили за «вредительство» и как «члена контрреволюционной вредительской организации» (Белорусский филиал меньшевиков) и приговорили к 10 годам заключения. В декабре того же года И. Я. Герцыка направили в Ярославский политический изолятор. В июле 1932 г. приговор был заменен 5 годами ссылки в Казахстан. Наказание ученый-экономист отбывал в недавно созданном Карагандинском исправительно-трудовом лагере (Карлаг). Несмотря на то что срок его пребывания в лагере заканчивался в 1937 г. и не принимая в расчет ходатайства родственников, Илья Яковлевич был оставлен в лагере, где 21 июля 1938 г. скончался. 11 октября 1957 г. Судебной коллегией по криминальным делам Верховного суда БССР И. Я. Герцык был реабилитирован.

Почти за десять лет плодотворной работы в стенах Белорусского государственного университета Илья Яковлевич Герцык оставил яркий след в истории экономического образования и науки Беларуси, заложив прочные традиции проведения экономических исследований и преподавания специальных дисциплин в БГУ и Беларуси в целом.

Андрей Николаевич Максимчик

Один из основоположников архивного дела в Беларуси, ученый-археограф, источниковед

Первый разработчик и преподаватель университетского курса исторического источниковедения

Дмитрий Иванович ДОВГЯЛЛО

01.11.1868 – ?.04.1942

Деятельность выходца из рода потомственных православных священников Д. И. Довгялло являет собой пример самоотверженного служения исторической науке в различных ее проявлениях. Последний архивариус первого актохранилища на белорусской земле – Витебского центрального архива древних актовых книг, он стал и последним председателем открытой в 1864 г. в Вильно Археографической комиссии, которая с началом Первой мировой войны эвакуировалась в Могилев. После 1917 г. Дмитрий Иванович принял активное участие в реформировании архивного дела в Могилевской губернии, до весны 1924 г. входившей в состав РСФСР. Переехав летом 1925 г. в Минск, он включился в работу Института белорусской культуры, возглавив вместе с М. В. Довнар-Запольским созданную в структуре института археографическую комиссию. Практик-архивист и археограф Д. И. Довгялло передавал свой богатый опыт будущим историкам, архивистам, археографам, подготовка которых велась на социально-историческом отделении педагогического факультета БГУ. Преподавательскую деятельность Д. И. Довгялло совмещал с научно-исследовательской и организаторской. Он автор оригинальных работ в области историографии, археографии, архивоведения. Подготовленные им документальные издания книг и актов Метрики Великого княжества Литовского, а также источников XIX в. до сих пор остаются востребованными.

По семейной легенде, род историка связывают с основателем династии Ягеллонов – великим князем литовским и королем польским Ягайло: возможно, из-за созвучия Довгялло (Довгелло) с Ягайло (Ягелло). Среди документов личного архивного фонда Д. И. Довгялло, хранящихся в отделе рукописей библиотеки Вильнюсского университета, есть грамота, выданная в 1585 г. Матеушу Довгялло, которого, вероятно, и следует считать основателем рода.

Будущий историк-архивист и археограф родился в семье православного священника Козьянского прихода Полоцкой епархии Иоанна Максимилиановича Довгялло. В отличие от младшего брата Ивана он не пошел по пути отца, деда и прадеда – не стал священником, выбрал административную и научную работу, редакторство, преподавательскую деятельность.

После окончания в 1889 г. Витебской духовной семинарии (кстати, ректором ее в это время был отец будущего первого ректора БГУ В. И. Пичеты – Иоанн Христофорович) Дмитрий поступил на казенный счет в Петербургскую духовную академию. Большую роль в его последующем становлении как архивиста-археографа сыграл открытый в 1877 г. по инициативе выдающегося российского архивоведа Н. В. Калачева Петербургский археологический институт, вольнослушателем которого юноша был, обучаясь на последних курсах академии. На формирование его научных взглядов значительное влияние оказали известный русский историк академик В. И. Ламанский и непревзойденный знаток витебской старины А. П. Сапунов. Именно благодаря этим людям у него сложилась «приверженность к работе в узких рамках истории».

В 1894 г. выпускника духовной академии, молодого кандидата богословия направили на должность помощника инспектора Витебской духовной семинарии, которую сам он не так давно закончил. Здесь он обрел семейное счастье, женившись на дочери своего начальника – инспектора гимназии В. А. Демидовского. С Еленой Васильевной они проживут более 40 лет, воспитают двух сыновей и двух дочерей. Их первенец Николай, родившийся в 1898 г., станет известным ученым, профессором, основателем кафедры анатомии человека Донецкого медицинского университета. В 1966 г. в память о нем после его смерти в здании

Отец Д. И. Довгялло
Иоанн Максимилианович
Довгялло. Начало 1900-х гг.

Мать Д. И. Довгялло
Ольга Алексеевна Довгялло.
Минск, 22 сентября 1932 г.

Д. И. Довгялло с женой
Еленой Васильевной (Демидовской).
Витебск, 1899 г.

университета будет установлена мемориальная доска. Второй сын – Константин – погибнет в годы Великой Отечественной войны. Достойную жизнь проживут и дочери Дмитрия Ивановича – Екатерина и младшая Вера, родившаяся в 1905 г.

Отработав положенный срок по ведомству православного вероисповедания, Дмитрий Иванович принял решение о переходе в ведомство Министерства народного просвещения. 1 июня 1897 г. попечитель Виленского учебного округа подписал приказ о его назначении заведующим (архивариусом) Витебского центрального архива древних актовых книг вместо уезжавшего на службу в Императорский Московский университет А. П. Сапунова. С этого времени и начинается «архивно-археографический» период в жизни Д. И. Довгялло. Основные его этапы: перемещение в 1903 г. Витебского архива в Вильно с интеграцией его в аналогичное местное актохранилище, работа в качестве помощника объединенного Виленского центрального архива древних актовых книг; назначение в сентябре 1913 г. на должность председателя Виленской археографической комиссии; эвакуация летом 1915 г. в Могилев; «окаянные дни» 1917 г.; оккупация города кайзеровскими войсками; участие в реорганизации архивного дела в губернии и т. д.

Летом 1925 г. по приглашению руководства Наркомпроса Беларуси Дмитрий Иванович с семьей перебрался в Минск, где к этому времени уже в течение четырех лет готовил национальные кадры, в том числе и историков, Белорусский государственный университет, три года функционировало высшее научное учреждение республики – Институт белорусской культуры. Еще до переезда в столицу советской Беларуси Дмитрий Иванович принял участие в работе I Всебелорусской конференции архивных работников, состоявшейся в Минске 12–15 мая 1924 г. Именно к нему как признанному авторитету в области архивного дела и археографии обратилось руководство Центрархива республики с предложением выступить на архивном форуме Беларуси с докладами, посвященными проблемам архивоведения и археографии. Д. И. Довгялло с удовлетворением принял его, прочитав три доклада («Положение архивного дела на Могилевщине», «Составление архивных описей», «Археографические работы в Белоруссии»). После доклада ректора БГУ В. И. Пичеты о влиянии договоров, заключенных РСФСР с отделившимися государствами (Польша, Литва, Латвия), на состояние белорусских архивов (докладчик, эксперт по архивам в смешанной российско-польской комиссии, участвовавшей в подготовке Рижского мирного договора, обратил внимание на необоснованные притязания Польши на архив великокняжеской канцелярии, так называемую Литовскую метрику) Дмитрий Иванович выступил с предложением «паставіць пытаньне перад ЦВК Беларусі з тым, каб выдача архіваў Літоўскай метрыкі Польшчы

не рабілася па той прычыне, што пры адсутнасьці яе беларускія вучоныя ня могуць весьці дасьледаваньні сваёй краіны». И конференция действительно приняла резолюцию о недопустимости вывоза Метрики, равно как и иных архивных материалов белорусского происхождения, в Польшу, Литву, Латвию и другие зарубежные страны. Д. И. Довгялло как архивному старейшине участники конференции предоставили почетное право выступить с заключительным словом и благодарностью в адрес руководителя Центрархива Д. Ф. Жилуновича за приглашение на форум, где обсуждались важные вопросы архивного строительства в республике.

Не менее значимым было участие Д. И. Довгялло теперь уже в качестве одного из руководителей историко-археологической комиссии Инбелкульта в работе I съезда исследователей белорусской археологии и археографии, проходившего в Минске 17–18 января 1926 г. И здесь опять-таки он выступал с докладом о значении Литовской метрики как собрания документальных источников в деле изучения прошлого Беларуси. Доклад Д. И. Довгялло о Метрике стоял первым в повестке дня работы съезда, что свидетельствовало о его политическом значении. Дело в том, что претензии на Метрику заявляла не только Польша, но и Литва, которая в это время вела переговоры о подписании договора о ненападении и мирном разрешении конфликтов (заключен 28 сентября 1926 г.). Поскольку литовская сторона, говоря словами современного литовского историка, «твердо и решительно настаивала на возвращении культурных и архивных ценностей, созданных за столетия на территории Литовского государства», советская сторона вынуждена была принять защитные меры. И из Наркомата по иностранным делам СССР в соответствующие органы БССР

Дети Д. И. Довгялло. Слева направо: Вера, Константин, Екатерина, Николай. Вильно, 1910–1912 гг.

поступило указание заявить свое требование-претензию на Метрику. В январе 1926 г. съезд археологов и археографов БССР принял резолюцию, в которой высказывалось прямое требование вернуть Литовскую метрику трудящимся Беларуси. Таким же образом должна была действовать Украинская ССР. Как результат – главный архив ВКЛ остался в Москве.

Доклад о Метрике, с которым Дмитрий Иванович выступал в 1926 г., неоднократно публиковался: не только в трудах

Семья Д. И. Довгялло. Могилев, 1924 г.

съезда, но и в газетах (1926, 1943), отдельной брошюрой (Рига, 1933 г.) и др. Однако сам докладчик скромно оценивал его значение. В частности, после ареста в декабре 1937 г. на одном из допросов он свидетельствовал, что его доклад на съезде – всего лишь реферат работ признанных знатоков Метрики – М. В. Довнар-Запольского и С. Л. Пташицкого. Причины вполне объяснимы: следователи усматривали в положениях доклада проявление национализма, что и инкриминировалось арестованному ученому. Между тем текст доклада составил одну из лекций разработанного Дмитрием Ивановичем курса по источниковедению истории Беларуси, который он непродолжительное время читал студентам социально-исторического отделения педагогического факультета БГУ. Доклад представлял собой оригинальное исследование, на него ссылаются и современные историки.

Названный учебный курс был подготовлен не без влияния вышедшей в 1922 г., носившей методологический характер работы В. И. Пичеты «Введение в русскую историю (источники и историография)». Одним из слушателей был будущий известный историк Николай Улащик. В его личном архиве сохранился машинописный экземпляр конспекта этого курса, его структура и содержание. По воспоминаниям ученого, Д. И. Довгялло обладал несомненными педагогическими способностями: «Замечательным педагогом в то время в университете был ректор В. И. Пичета, интересно вел занятия по источникам Беларуси Д. И. Довгялло».

Д. И. Довгялло (второй слева во втором ряду) среди участников I Всебелорусской конференции архивных работников. Минск, май 1924 г.

Помимо предложенного курса источниковедения истории Беларуси (он читался четверокурсникам социально-исторического отделения) в свой первый учебный год Дмитрий Иванович вел семинарские занятия на 2-м и 3-м курсах. Ученый читал лекции и по истории Беларуси до разделов (для студентов 2-го курса белорусской секции социально-исторического отделения), спецкурс «Культура и литература в Беларуси и Польше в XVI в.» (для 4-го курса белорусской секции литературно-лингвистического отделения), вел семинарские занятия на всех этих курсах.

Дипломные работы студентов носили преимущественно источниковедческий характер. В 1926/27 учебном году под руководством Д. И. Довгялло были написаны дипломные сочинения студентов-заочников И. К. Гембицкого «Валочная памера Бабруйскага староства ў XVII ст.» (опубликовано в форме статьи под таким же названием в краеведческом журнале «Наш край» (1926)), М. М. Цехановича «Баркалабаўскі летапіс (яго практычнае значэньне і мейсца ў шэрагу беларускіх летапісаў)».

Нельзя обойти вниманием более чем активное участие Д. И. Довгялло в широко развернувшемся в республике в 1920-е гг. краеведческом движении. Работа ученого в историко-археологической секции Инбелкульта, занимавшейся на-

ряду с историческими изысканиями и археологическими, археографическими, краеведческими исследованиями, обеспечивала не только связь с соответствующими структурами и учреждениями (Центральное бюро краеведения, Центрархив, музейный совет Белгосмузея и др.), но и практическое участие Дмитрия Ивановича в их деятельности. Как признанный практик-архивист, он входил в состав разборочной комиссии Центрархива, решавшей крайне актуальные в тот период для архивной отрасли республики проблемы экспертизы ценности архивных документов, на заседаниях музейного совета обсуждал вопросы музейного строительства, состояние работы местных музеев, участвовал в археологических экспедициях, выступал с докладами и сообщениями о краеведческой работе на краеведческих съездах и конференциях, в журнале «Наш край».

О роли краеведения в исторических и археологических исследованиях ученый говорил, выступая на I и II всебелорусских краеведческих съездах, состоявшихся соответственно 7–11 февраля 1926 г. и 10–13 февраля 1927 г. Важным, носившим не только научный, но и методический характер представлялся его доклад «Составление археологической карты Белоруссии» на II съезде. Выступая с ним на заседании культурно-исторической секции съезда 12 февраля, Д. И. Довгялло привел ряд фактов уничтожения крестьянами ценнейших археологических памятников из-за практической их ненужности (бросают в горн найденный древний топор, который тут же сгорает; выбрасывают выпаханные горшки, если в них отсутствуют золотые или серебряные монеты, вещи и т. п.). Отсюда, считал докладчик, одной из основных задач краеведения является разъяснение среди населения важности археологических памятников, составление археологической карты по каждому сельсовету с нанесением на нее всех памятников с помощью условных обозначений, разработанных историко-археологической комиссией Инбелкульта (они приводились в третьем разделе доклада, полностью опубликованном в «Трудах» съезда).

Ученый предостерегал краеведов от самостоятельных раскопок, справедливо полагая, что в ходе их могут быть уничтожены ценнейшие археологические памятники, призывал к организации подготовительной работы, которая впоследствии дала бы возможность археологам профессионально осуществлять раскопки. Несмотря на заявления некоторых участников заседания секции, считавших «неинтересной» только предварительную работу, большинство делегатов, выступавших по докладу Довгялло, поддержали его основные положения, считая главной задачей краеведов сбор сведений о памятниках. В принятой съездом резолюции подчеркивалось, что необходимо как можно быстрее распространить доклад среди краеведческих организаций, а каждому делегату съезда вручить прилагаемую к докладу табличку с условными обозначениями археологических находок.

За полгода до съезда Д. И. Довгялло вместе с И. А. Сербовым и А. Л. Аниховским участвовал в археологической экспедиции в районе Орши (местность Дубки). Объектом его исследований помимо оршанских пещер был и находившийся неподалеку Кутеинский Покровский мужской монастырь, основанный в 1636 г. Ученый высказал предположение о связи между пещерами и монастырем. Выявленные в монастырской библиотеке старопечатные книги поначалу были приняты Дмитрием Ивановичем за кутеинские издания. И только после тщательного изучения он установил, что книги печатались в Москве после 1655 г. Эта находка представляла несомненный ин-

Д. И. Довгялло (второй справа в первом ряду)
среди участников II совещания архивных работников Беларуси. Декабрь 1927 г.

терес и была передана на хранение в Оршанский краеведческий музей.

Другим важным направлением деятельности Дмитрия Ивановича в области краеведения стало продолжение изучения истории городов и местечек, которым ученый занимался еще в Вильно. Будучи членом созданной в ноябре 1925 г. в структуре историко-археологической комиссии Инбелкульта подкомиссии по изучению старого Минска, он продолжил практику своих витебских, могилевских, виленских краеведческих изысканий. Однако занялся исследованиями истории белорусской столицы, начав с изучения соответствующих документов Минского исторического архива. Эти занятия помимо краеведческого значения носили и археографический характер, ученый готовил к изданию третий том «Беларускага архіва», составленный из минских актов XV–XVIII вв.

Итогом изысканий Д. И. Довгялло стал цикл статей под названием «Стары Менск», опубликованных в первых трех номерах журнала «Наш край» за 1928 г. В первой, имевшей подзаголовок «Нарысы з гісторыі замку і эканомжыцьця места», ученый обратил внимание на отсутствие не только научно обработанной истории Минска, но даже опубликованных источников по его истории. Он привел перечень основных фондов, включая Литовскую метрику, различных архивов, некоторые документальные издания, подготовленные М. В. Довнар-Запольским, И. И. Лаппо, С. Л. Пташицким и другими исследователями, в которых имелись сведения об истории Минска. В первом разделе статьи, «Замак Менскі», коротко изложена история древнего Минска; во втором – «Менск у сярэднявечча (XIII–XV стст.)» – содержался очерк истории города до получения им магдебургского права (1499). К статье автор приложил план Минского замка 1783 г. с пояснениями, хранившийся в Минском государственном музее.

Статья во втором номере журнала касалась истории города в XVI в. Как и

первая, она иллюстрировалась снимком остатков замчища со стороны р. Свислочь, сделанным по просьбе автора И. А. Сербовым. В ней Д. И. Довгялло особо выделил факт гибели привилеев городу Минску во время его пожаров в 1569, 1574, 1579, 1590 гг. В заключительной статье, имевшей подразделы «Менск у XVII ст.», «Менск у XVIII ст.» і «Менскія цэхі», Дмитрий Иванович обратил внимание на пожары Минска в XVIII в., когда погибли многие ценные документы общегосударственного и местного значения: «У 1762 г. вялізны пажар зьнішчыў Менск. Тады пагарэлі архіўныя фонды б. Галоўнага трыбуналу і судоў гродзкага і земскага... Праз 14 год пажар зноў зьнішчыў Менск (1776 г.) і пасьля гэтага пажару Трыбунальны суд быў перанесены ў Горадню». Очевидно, что это исследование ученого помимо его краеведческого и археографического значения вносило существенный вклад и в изучение истории архивного дела в Великом княжестве Литовском.

Годом раньше в том же журнале была опубликована статья Д. И. Довгялло «Сьвіслацкі замак у 1560 г.» с приложением плана. Продолжением ее стали напечатанные в «Нашем крае» статья «Сьвіслацкая воласьць у 1560 г.» (1927) и историко-этнографический очерк «Места Сьвіслацкае ў 1560 г.» (1928), основанные все на той же ревизии Свислочского староства 1560 г. В эти годы в печатном органе Центрального бюро краеведения ученый опубликовал две статьи историко-этнографического характера («Крашаніна, набойка і выбойка» (1926), «Цыганы на Беларусі» (1926)) и две рецензии на книги, изданные в Баку и Смоленске.

Продолжая и развивая свои исследования, итоги которых регулярно публиковались в журнале «Наш край», Д. И. Довгялло поместил ряд научных статей в изданиях Инбелкульта и «Трудах БГУ».

Деятельность Д. И. Довгялло являла собой пример сочетания в одном лице архивиста и краеведа. Иногда эти две ипостаси вступали между собой в противоречие. Так было, например, с его позицией, занятой в отношении реорганизации архивных учреждений республики (весной 1927 г. были приняты Положение о Едином государственном архивном фонде БССР, а в конце года – Положение о Центральном архивном управлении БССР и его органах). Дмитрий Иванович заявил на II совещании архивных работников Беларуси в декабре 1927 г.: «Адносна матар'ялаў дарэвалюцыйных архіваў добра было б ня спяшыць з іх канцэнтрацыяй па Гістархам. Добра было б іх захоўваць на месцох, паступова і па меры магчымасьці выкарыстоўвая месцовымі працаўнікамі-краязнаўцамі».

Обсуждая доклад о текущих архивах, озвученный на совещании, Д. И. Довгялло обратил внимание на то, что они не должны «уплывать» за пределы округа, на территории которого создавались. Допуская возможность изъятия из музеев целиком хранившихся там фондов и передачи их в архивы, ученый-практик в то же время предлагал не ставить резко вопросов в тех случаях, когда речь шла об отдельных документах, поскольку, по его мнению, архивохранилища не смогут предоставить им соответствующих условий хранения. В данном случае такая позиция, возможно, обусловлена мнением известного российского советского архивиста, представителя дореволюционной школы И. Л. Маяковского, высказанным в том же 1927 г. в журнале «Краеведение». Белорусский специалист брал во внимание и идеи, прозвучавшие на конференции архивных деятелей РСФСР (сентябрь – октябрь 1921), в которой сам принимал участие. Предлагалось привле-

кать широкую общественность, прежде всего краеведческие организации, к собиранию, обработке и использованию на местах частных архивных собраний, коллекций и другого с последующим их включением в состав архивов.

Подобная позиция некоторых российских ученых, к которой склонялся и Д. И. Довгялло, не встретила понимания со стороны руководства Центрархива России во главе с М. Н. Покровским. Власть была озабочена тем, чтобы поставить под политический контроль все архивы, провести централизацию архивного дела. Чуть позже, после ареста ученого, для минских следователей проблемы архивного строительства представлялись слишком «сложной материей», потому в обвинительном заключении эти взгляды и предложения Дмитрия Ивановича не ставились ему в вину, но ограничились нелепой формулировкой: «Довгялло хранит документ тайного архива *нацменов*».

Педагогическая деятельность ученого в Белорусском государственном университете продолжалась недолго. После первых успешных лет чтения важнейшего для будущих историков курса по источниковедению Беларуси уже в 1928/29 учебном году этот курс был снят с учебных планов путем его объединения с общим курсом отечественной истории, который вел В. Д. Друщиц. Попытки В. И. Пичеты отстоять курс не увенчались успехом. Более того, и сам Владимир Иванович как ректор и как профессор испытывал сильнейшее давление со стороны партийного руководства по всем направлениям деятельности университета, в том числе и в связи с требованиями по унификации учебных планов, сокращению сроков подготовки специалистов.

Чтобы понять причины отстранения Д. И. Довгялло от преподавательской деятельности в университете, следует принять во внимание общественно-политическую ситуацию в республике во второй половине 1920-х гг. Партийные власти Беларуси держали под неусыпным контролем отношение интеллигенции к реализации объявленной властями же «белорусизации». Секретным постановлением Бюро ЦК КП(б)Б от 16 января 1926 г. была создана «комиссия по интеллигенции» под руководством председателя ЦКК КП(б)Б и наркома РКИ БССР В. А. Радус-Зеньковича. В ее состав были включены члены и кандидаты в члены ЦК КП(б)Б С. М. Гессен, В. М. Игнатовский, И. А. Адамович, И. К. Опанский, Р. А. Пилляр, М. С. Куделько-Чарот, А. Г. Червяков и др.

Комиссии поручалось «дать анализ состоянию в рядах всех слоев интеллигенции – белорусской, польской, еврейской, русской», определить «настоящее положение беспартийной интеллигенции в советской и другой работе, наметить меры по более целесообразному распределению». 24 декабря 1926 г. комиссия, как выполнившая возлагавшуюся на нее на начальном этапе задачу, была ликвидирована. В ее итоговых материалах – характеристики работников научных учреждений, вузов, техникумов, просветительских организаций. Так, работавшие в БГУ профессор Д. А. Жаринов и доцент И. И. Красковский названы: «великодержавный национал-демократ» и «белорусский национал-демократический уклонист» соответственно. Против фамилии же Д. И. Довгялло стояла запись: «Политически сомнителен». Такая характеристика и сыграла главную трагическую роль в судьбе Довгялло – доцента университета.

В июне 1928 г. В. И. Пичета, узнав о намеченных без его ведома изменениях в структуре курсов БГУ и кадровых перестановках, сразу же обратился с пространным письмом в Наркомпрос Беларуси. В письме он решительно возражал против многих планировавшихся

его помощником, одновременно и секретарем партийной организации университета С. З. Слонимом реорганизаций. Ректор категорически был против сокращения курса источниковедения. Он, в частности, писал: «Кожны студэнт, які скончыў Пэдфак, павінен ведаць крыніцы і крыніцазнаўства Беларусі. Кожнаму студэнту з гэтымі пытаньнямі трэба сустракацца ў часы сваёй працы, і было б вельмі дзіўна, каб студэнты вывучалі гісторыю культуры сваёй краіны і ў той жа час ня ведалі б, на падставе якіх крыніц матар'ялаў можна складаць гісторыю народу, і якім тэмпам, у якім напрамку ішло вывучэньне Беларусі. Гэта асабліва важна падкрэсьліць, калі параўнаць вывучэньне Беларусі ў часы царскага Ураду і у часы Кастрычнікавай рэвалюцыі. Скасаваньне гэтага курсу толькі сьведчыць аб тым, што тут маецца незнаёмства з самаю сутнасьцю курсу і яго мэтодолёгічнага і практычнага значэньня. Калі у сучасны момант дзяржаўны Урад выдае розныя законы адносна архіўнай справы і студэнтам у сваёй практычнай працы прыходзіцца сустракацца з гэтымі пытаньнямі, то, мне здаецца, яны амаль што ня могуць быць добрымі працаўнікамі, калі яны па гэтаму пытаньню ня будуць мець элементарных ведаў». Владимир Иванович сделал попытку отстоять не только логику учебных планов, но и своих коллег-преподавателей, заявив, что «...Даўгяла і Краскоўскі – беларусы і ня могуць быць аслабанены ад выкладаньня ва Ун[іверсітэ]це. Даўгяла зьяўляецца выдатным спэцыялістам, які шмат працаваў у галіне беларусазнаўства і які зьяўляецца згодна сваім навуковым ведам аздобаю Ун[іверсітэ]ту, і аслабаненьне яго ад заняткаў было б вельмі шкодным. То, што яму інкрымінуецца, мне здаецца, ня мае за сабою ніякай падставы. На працягу 4 год працы ва Ун[іверсітэ]це, а яшчэ раней Даўгяла

Д. И. Довгялло со старшим сыном Николаем. Ленинград, 1928 г.

працаваў у Магілёўскім пэдтэхнікуму і з 1918 году, па прызначэньню Цэнтрархіву, працаваў у Магілёве, сьведчыць аб тым, што тое, што інкрымінуецца т. Даўгяла, ня мае за сабою падставы. У 1918 годзе, калі я быў галоўным інспэктарам Цэнтрархіву РСФСР, Даўгяла быў прызначаны як старшыня Магілёўскага архіву і да прызначэньня яго мы запрашвалі спраўкі ў адпаведных органах, якія ніякіх адмоўных водзываў аб т. Даўгяла ня далі. Выключэньне Даўгяла без усялякіх мотываў з складу працаўнікоў Ун[іверсітэ]ту толькі з тае прычыны, што згодна праэкту т. Слоніма той курс, які ён выкладаў, павінен быць скасаваны, будзе неправільна і вельмі небясьпечна для навуковых працаўнікоў. Пры гэткім мэтадзе можна скасаваць які жадаецца курс, прымяніцельна да кожнай асобы і без усялякіх законных асноў аслабаніць выкладчыка ад працы ва Ун[іверсітэ]це...». Особо было подчеркнуто, что Дмитрий Иванович читает свои лекции по-белорусски.

И тем не менее Д. И. Довгялло был освобожден от работы в БГУ. Вся его последующая, вплоть до ареста в декабре 1937 г., деятельность будет проходить преимущественно в Белорусской

ЗАПИСКИ
СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
1912 г.
ЗАПИСКИ
СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
1913 г.
ЗАПИСКИ
СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
1911 г.
ЗАПИСКИ
СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.
1910 г.
ЗЬМІТРА ДАЎГЯЛА.
POLOCIAE MOENJA
(Гістарычна-топографічны нарыс Полацкіх умацаваньняў).
ATELIER SEREBRIN
VILNO
Витебскъ

академии наук: решением Президиума БАН от 15 октября 1929 г. он был назначен временно исполняющим обязанности секретаря созданного академического Института истории (директором стал В. М. Игнатовский, его заместителем – В. Д. Друщиц). Кроме участия в решении многих вопросов организационного характера Дмитрий Иванович исполнял обязанности секретаря археографической комиссии. Его подпись наряду с подписями будущего директора всесоюзного академического Института истории академика Б. Д. Грекова и научного сотрудника археографической комиссии АН СССР А. И. Семенова стоит под договором о социалистическом соревновании между археографической комиссией АН СССР и археографической комиссией Белорусской академии наук, подписанным 27 мая 1930 г. в Ленинграде. В нем белорусская сторона брала на себя обязательства окончить печать третьего тома сборника документов «Беларускі архіў» и подготовить к печати четвертый, проводить работу в архивах Минска, Могилева и Ленинграда по выявлению документов по истории мануфактур в Беларуси для их издания в очередном томе «Беларускага архіва» и др. К сожалению, не все из запланированного было реализовано: третий том сборника, подготовленный к печати Д. И. Довгялло, увидел свет в 1930 г. в урезанном виде (с подзаголовком «Менскія акты. Вып. 1 (XV–XVIII ст.)»), а четвертый том вовсе не был издан. В 1934–1935 гг. выйдут подготовленные Дмитрием Ивановичем два тома сборника документов «Матэрыялы да гісторыі мануфактуры на Беларусі ў часы распада феадалізма».

Поздней осенью 1930 г., уже после ареста В. И. Пичеты, в Минске разгорелась дискуссия о «положении на историческом фронте» Беларуси и задачах Общества историков-марксистов республики. Какими только эпитетами не награждали присутствовавшего на заседаниях общества Д. И. Довгялло: «Человек, совершенно чуждый нам», «певец православия», «почетный член церковных обществ», «последователь Кояловича» и т. п. Дмитрий Иванович вынужден был защищать свое научное имя и личное достоинство. Сохранилась стенограмма его выступления на заседании, состоявшемся 14 ноября 1930 г., в котором ученый оценивал свою историографически-археографическую деятельность. В его речи можно усмотреть тактику защиты не только для данного случая, но и с прицелом на будущие испытания в качестве арестанта.

«Таварышы, – говорил Дмитрий Иванович, – маючы 55 год на плячах, у 1925 годзе я пачуў, што у Інбелкульце маецца на увазе стварэньне архіографічнай камісіі, якая павінна будзе займацца выданьнем дакумантаў па гісторыі Беларусі. Мне гэтая думка паказалася вельмі *пр[ы]емнай* таму, што я працаваў у такім разрэзе з 1896 году. Я працаваў у Вітэбску, дзе нават выдавалі гістарычнаюрыдычныя матэрыялы і якіх выдалі за гэты час пачынаючы з 27 да 31 тому. Затым у гэтым напрамку я працаваў па выданьні дрэўніх актаў. Калі я пачуў аб стварэньні такой камісіі, я у маі месяцы заяўляю аб тым, каб мне прадаставілі такую працу. У верасьні я прыехаў сюды і тут мне т. Ігнатоўскі сказаў, што мяне скарыстаюць на гэтай працы, але што гэта будзе тады, калі зьявіцца старшыня гэтай гістарычнай установы Доўнар-Запольскі. Праз месяц я сапраўды зьявіўся сюды і такім чынам з 1925 году пачынаецца гэтая мая праца.

Аглядаючыся праз пяць год на гэтую працу, я бачу ясна, што тыя напрамкі, якія былі тады ўзяты, зьяўляюцца не актуальнымі, таму што архіаграфічная камісія зьвяртала увагу галоўным чынам на старыя часы. Чаму так вышла?

Семья Д. И. Довгялло. В первом ряду слева направо: Е. В. Довгялло (жена), О. А. Довгялло (мать), Д. И. Довгялло; во втором ряду Константин (сын) с женой Любовью. Минск, 20 сентября 1932 г.

Я павінен асьвятліць гэта становішча. Перш за усе у Інстытуце Беларускай Культуры стварылася такое становішча, што XIX стагодзьзем займаўся польскі сектар. Ён меў сваі заданьні, зьбіраў матэрыялы, а затым гэта накіроўвалася ў камісію па вывучэньню XIX стагодзьзя. Таксама гістарычная камісія была ў яўрэйскім сектару. Спачатку архіографічнай камісіяй кіраваў Доўнар-Запольскі, які займаўся літоўскім ..... (отточие в тексте. – *Авт.*) для таго, каб было што падкрэсьліць на архіографічным зьездзе, а потым кіраваў У. І. Пічэта, які захопліваўся старымі часамі і які высоўваў эпохі, якія зьяўляюцца для данага часу неактуальнымі. Мяне, напрыклад, прымусілі займацца тым, каб я выдзяліў дакуманты, якія адносяцца да гісторыі гарадоў, тыя выданьні, якія паказвалі б нам законадаўчы кодэкс, які быў ў штодзённым ужываньні магістрату. Затым была зьвернута увага на выданьне Літоўскага статуту. Таксама рашылі, што трэба выдаць адну з кніг, якія захоўваюцца у мэтрыках літоўскіх. Затым устала пытаньне аб Менску. Гэта пытаньне цягнулася да красавіка месяцу. Потым была высунута пытаньне аб разьвіцьці мануфактуры ў апошнія часы. І вось гэта пытаньне зьяўлялася найбольш актуальным, а усі папярэднія зьяўляюцца, на мой погляд, нездавальняючымі, памылковымі.

Д. И. Довгялло. Фото из архивно-следственного дела. 1937 г.

Што датычыцца маіх эцюдаў у розных галінах, галоўным чынам па археолёгіі нашай краіны, то, трэба сказаць, што ня будучы гісторыкам у шырокім сэнсе гэтага слова і сустракаючыся з недастатковымі фактамі пры высьвятленьні некаторых галін, я нарабіў шмат памылак. Але з майго пункту погляду, гэта здарылася таму, што мне не прыходзілася сустракацца з гісторыяй у цэлым, я працаваў толькі у галіне актаў і гэта магло адбіцца, дзякуючы недастатковасьці ведаў у адносінах фактаў, з якімі я сустракаўся».

Несмотря на попытку Д. И. Довгялло представить свою работу как сугубо техническую, она не удовлетворила его оппонентов-марксистов. Это прозвучало в заключительном слове заведующего аспирантурой БГУ М. С. Югова, который давал оценку деятельности Довгялло.

Новый (но недолговременный) авторитет от исторической науки Беларуси заявил, что общество историков-марксистов не против выявления, обработки издания «актов старожитности», но «все эти вопросы мы должны и будем разрабатывать под марксистским углом зрения». А вот в работах Довгялло «скрывалось прикрашенное крепостничество».

После подобного разгрома Дмитрий Иванович в 1930-е гг. все же продолжил работать в БАН – в качестве директора академической библиотеки, научного сотрудника Института истории. Затем последовал арест и высылка. В 1937 г. по надуманным обвинениям Д. И. Довгялло был арестован и по решению пресловутой «тройки» подвергнут в 1939 г. административной высылке в Казахстан сроком на пять лет. Отбывая ссылку в кишлаке Пахта-Арал Чимкентской области, по документально не подтвержденным данным он умер в апреле 1942 г. Реабилитирован в 1964 г.

В завершение очерка хотелось бы привести один факт об отношениях ученого с В. И. Пичетой (в дополнение к приведенным выше). Административно ссыльный Довгялло 26 ноября 1941 г. отправил с места своей ссылки (кишлак Пахта-Арал) письмо коллеге и товарищу, ставшее последним, в Ташкент, где проживал в это время эвакуированный из Москвы бывший ректор БГУ Пичета. В прощальном письме Дмитрий Иванович благодарил адресата за присланный «почтовый перевод на двадцать червонцев», писал о судьбе своих родных и близких, включая эвакуированную в Петропавловск двоюродную сестру О. Д. Акимову (после войны она станет деканом биологического факультета БГУ). Сообщая о своем плохом самочувствии («Я чувствую себя неважно. Но еще скриплю. Больше провожу времени на одре. Плохо сердце. Плохо вообще работает организм»), он тем не менее завершал письмо на оптимистической ноте: «И я питаю надежду, что при первых весенних днях мы повидаемся с Вами и я получу искреннее наслаждение от этого свидания». Увы, этим надеждам не суждено было сбыться…

Д. И. Довгялло с женой Е. В. Довгялло. Кишлак Пахта-Арал Чимкентской области. 1940 г.

Несмотря на неоднократные запросы в соответствующие инстанции Казахстана, к сожалению, нам не удалось получить сведений о месте упокоения Дмитрия Ивановича Довгялло.

Михаил Федорович Шумейко

Выдающийся историк-источниковед

Профессор по кафедре истории Беларуси БГУ

Василий Данилович ДРУЩИЦ

08.02.1886 – 20.12.1937

Воспитанник историко-филологического факультета Юрьевского университета В. Д. Друщиц по его окончании в 1911 г. десять лет работал преподавателем истории в гимназиях литовских и белорусских городов. С 1922 г. – ассистент, с 1924 – доцент, с 1927 г. – профессор по кафедре истории Беларуси педагогического факультета Белорусского государственного университета, входил в его правление. Помимо преподавания Василий Данилович возглавлял кабинет при кафедре белорусской истории. Вместе с ректором В. И. Пичетой университетский доцент участвовал в работе IV съезда польских историков в Познани (6–9 декабря 1925 г.), представлял БГУ на I Всебелорусской конференции архивных работников (Минск, 12–14 мая 1924 г.) и I съезде исследователей белорусской археологии и археографии (Минск, 17–18 января 1926 г.). Одновременно с работой в университете с 1924 г. состоял действительным членом Института белорусской культуры. В 1933 г. историк переехал в Москву, работал в должности профессора кафедры истории народов СССР Литературного института им. А. И. Герцена. Основной сферой научных интересов В. Д. Друщица была история и история права Великого княжества Литовского после Люблинской унии, история белорусских средневековых городов. Ученому не удалось завершить начатого комплексного исследования по данной проблеме из-за обрушившихся на него репрессий.

На стезю историка-исследователя и педагога высшей школы В. Д. Друщиц вступил, когда ему было уже далеко за тридцать. Однако склонность к занятиям наукой проявилась еще в студенческие годы во многом благодаря университетским учителям – профессорам историко-филологического факультета Юрьевского университета: признанным специалистам в области истории и истории права Великого княжества Литовского А. Н. Ясинскому и И. И. Лаппо. Василий Данилович на всю жизнь сохранит признательность им, тем более что с Ясинским – одним из первых белорусских академиков – он в течение почти десяти лет будет работать рука об руку и в Инбелкульте (Белорусской академии наук), и в университете.

Первое публичное выступление будущего историка, о котором он предпочитал не упоминать в автобиографических документах, состоялось за 13 лет до открытия БГУ. 30 октября 1908 г. в выходившей в Вильно газете «Наша Ніва» было напечатано письмо студентов-белорусов Юрьевского университета. В числе подписавших его был и «Базыль Друшчыц» (в дальнейшем Василий Данилович в русскоязычных документах подписывался как Друщиц или Друшчиц, а в белорусскоязычных – Дружчыц):

«Мы, студэнты Юр'еўскага універсітэта, сыны беларускага народа, – говорилось в письме, – шлём сваё гарачае прывітанне ўсім працаўнікам "Нашае Нівы" з сардэчным жаданнем, каб былі у Вас сілы працаваць так сама далей на праўдзівую карысць нашаму беларусу-мужыку. Два гады Вы ўжо адпрацавалі, і карысці зроблена многа. Другім вокам глядзіць наш народ на ўсё; стаў ён мацнейшы навукаю, ведае, як можна дайсці да праўды.

Няхай будуць у Вас сілы дачакаць да таго часу, каб не было крыўды ў нас, каб наш беларускі народ не гнуўся больш ад няпраўды, а быў моцны і дужы тым, што дае і дасць сапраўдная навучальніца праўдзе "Наша Ніва".

Юр'еў, Ліфляндская губ.
1908 года 30 кастрычніка».

Национальными мотивами проникнуто и письмо 34-летнего преподавателя Бобруйской гимназии, написанное 29 апреля 1920 г. в ответ на приглашение ректора Минского белорусского педагогического института В. Л. Ивановского на работу в институт. Сообщая «шаноўнаму пану професору», что он всего лишь скромный учитель средней школы, не имеющий ученых трудов и профессорских титулов высшей школы, к тому же всегда преподававший на русском языке («...і я баюсь, што мова мая будзе аддаваць расійскім акцентам»), в заключение В. Д. Друщиц писал: «Калі гэта вы ня лічыце перашкодай, то я з ахвотаю згажаюсь на Ваші прапазіціі і з прыемнасцю гатоў аддаць свае сілы на прасвету роднага народу». Адресант сообщал, что может приступить к работе в институте не ранее июля, «бо… павінен скончыць сваі абавязкі у гімназіях Бабруйска». Как известно, в июле 1920 г. части Красной армии освободили Минск от польских войск; в условиях военных действий работа института была приостановлена, и Друщицу не довелось исполнить данного им Ивановскому обещания.

Работая в Бобруйской гимназии, В. Д. Друщиц активно участвовал в белорусском культурно-просветительском движении. Он вместе с коллегой по гимназии Н. В. Азбукиным, сотрудницей городской библиотеки Ю. О. Бибило и некоторыми другими входил в состав комитета созданного в декабре 1917 г. Белорусского культурно-просветительского общества в Бобруйске, выступая перед жителями города с лекциями об исторической закономерности возрождения белорусского народа, самобытности

его культуры и языка, полемизируя с противниками белорусского национального движения.

Полная биография В. Д. Друщица не написана по настоящее время, а в имеющиеся публикации закралось много фактографических и смысловых ошибок. Важно руководствоваться документами, используя возможности верификации и знание эпохи. Архивные фонды учреждений, с которыми связана деятельность ученого, позволяют устранить неточности и восстановить пробелы в его научной биографии, дать оценку вклада историка и педагога в становление и развитие белорусской историографии, формирование образовательных и научных центров.

Своей родословной ученый, как и другие воспитанники духовных учебных заведений (тот же коллега В. Д. Друщица по БГУ и Инбелкульту Д. И. Довгялло), старался пространно не писать, чтобы не вызвать ненужных вопросов. В 1920–30-е гг. излишняя открытость была чревата непредсказуемыми последствиями. Сегодня приходится по крупицам восстанавливать его биографию, используя в том числе и факты, которые поведали потомки историка. (Его племянник – лауреат премии Президента Республики Беларусь 2012 г. «За духовное возрождение» заместитель генерального директора ОАО «Белреставрация» архитектор С. А. Друщиц – рассказал о происхождении рода, о своих встречах с жившим в Москве двоюродным братом Владимиром, сыном Василия Даниловича. Своими воспоминаниями также поделился сын архитектора Михаил Сергеевич, к которому от отца перешла часть некогда большой библиотеки Василия Даниловича.)

Родовое древо семьи изначально произросло в с. Блудень (ныне д. Первомайская современного Березовского района). Это село отмечено на всех старинных картах. Отец белорусского историка, Данила Друщиц, во второй половине XIX в. был участником войны на Балканах, награжден Георгиевским крестом, что давало право на наделение земельным участком и привилегию детям – бесплатное обучение. Это и позволило им стать интеллигентами. Заботясь о многочисленном семействе, георгиевский кавалер продал находившийся на доставшемся ему земельном наделе лес и на вырученные деньги дал возможность детям построиться на пахотных землях в урочище Вилы. Судьбы их сложились по-разному.

Семья была многодетной. Сын Василий родился в 1886 г. и благодаря отцу смог получить духовное образование в Жировичском училище и Литовской духовной семинарии в Вильно. Но затем подался для продолжения учебы в ближайший университет, Юрьевский (теперь г. Тарту, Эстония), окончил его в 1911 г. Василий Данилович этот важный эпизод своей жизни подробно подавал в документах, которые приходилось заполнять при поступлении и во время работы в БГУ. Так, к заявлению он приложил написанное характерным для историка каллиграфическим почерком Curriculum vitae (автобиографию):

«Родился я в 1886 г. в с. Блудень Гродненской губ. Пружанского уезда в крестьянской семье. По окончании средней школы в 1907 г. (об учебе в духовных учебных заведениях ни слова! – *Авт.) поступил в Дерптский университет на историческое отделение. Будучи студентом, работал в семинариях проф. Ясинского и проф. И. И. Лаппо и сдал им очередные работы. Под руководством проф. И. И. Лаппо я начал работу по изучению положения крестьян в XVI в. в Литовско-Русском государстве. Имея в виду эту работу, по окончании университета в 1911 г. я стремился получить должность преподавателя в г. Вильне и был назначен преподавателем в одну*

из гимназий. В Вильне я прожил два года, работал в качестве преподавателя средних учебных заведений. Здесь я продолжал изучение начатой работы. К сожалению, усиленная работа вредно отразилась на моих легких и я принужден был обратиться к санаторному лечению в Финляндии. По совету врачей я принужден был оставить Вильну и назначен был в г. Шавли преподавателем истории Шавельской гимназии в 1913 г. В 1915 г. Шавельская гимназия вследствие приближения к городу фронта военных действий была эвакуирована, причем эвакуация была так спешна, что я не захватил не только имущества, но даже книг и материалов по работе, уже мною проведенной. В том же году я был командирован в Режицкую гимназию, а в 1917 году перевелся по личному желанию в Бобруйскую гимназию. Только в Бобруйске я снова начал работать по изучению истории белорусского народа. Чтобы эта работа получила более широкий характер, я организовал из учащихся кружок по изучению истории родного народа. Под моим руководством учащимися был разработан целый ряд тем: Полоцкая Русь, Образование Белорусско-Литовской державы, феодализм, Люблинская уния, Церковная уния и другие. Затем в течение четырех лет я читал историю Белорусского народа на летних учительских курсах. Для курсантов мною был составлен конспект чтений.

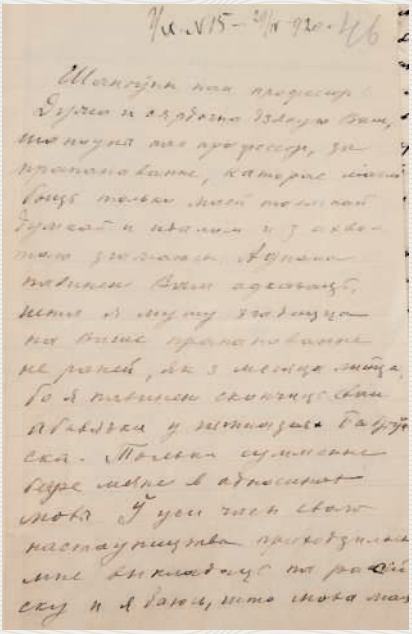
В. Друщиц

3 октября 1922 г.».

Эти сведения были дополнены в резолюции (от 3 октября 1922 г.) на заявлении Василия Даниловича о приеме на «работу в университете по истории Белоруссии в качестве научного сотрудника» деканом педфака университета В. М. Игнатовским: «Товарища Друщица знаю лично. Вместе с ним работал у пр[офессора] Ясинского в Дерпте и в архиве в Вильне. Вместе с ним работали и по изучению белорусского движения, причем т. Друщиц начал работу раньше меня. В высшей степени рекомендую кандидатуру Друщица. В. Игнатовский».

На работу в университет В. Д. Друщиц был зачислен с 1 октября 1922 г., правда в качестве не научного сотрудника, а ассистента по кафедре истории Беларуси (так решила предметная комиссия педфака, что своей подписью удостоверил ее секретарь – историк А. А. Савич). Декану В. М. Игнатовскому пришлось вносить поправку в постановление совета отделения педфака (от 7 октября).

В должности ассистента Василий Данилович находился около двух лет. Уже 22 июня 1924 г. ректор В. И. Пичета по-



Письмо В. Д. Друщица директору Минского педагогического института В. Л. Ивановскому с благодарностью за приглашение на работу в институт. 29 апреля 1920 г.

дал в предметную социально-историческую комиссию педфака представление о его избрании преподавателем по этой же кафедре: «В. Д. Друщиц с успехом уже в течение двух лет ведет самостоятельные занятия по истории Белоруссии, и кроме того, представил вполне самостоятельное исследование, посвященное вопросу о конституционно-правовом положении Белоруссии после Люблинской унии. Работа автора основана на тщательном изучении опубликованного юридического материала: Статута 1588 года… и представляет собой прекрасно выполненное исследование». Историк-ректор обращал внимание предметной комиссии на то, что вопрос, поднятый Друщицем, впервые подвергся такой тщательной разработке.

Речь шла о, по сути, первом серьезном научном исследовании Василия Даниловича (если не считать его носившую преимущественно популярный характер работу «Галоўныя моманты гісторыі Беларускага народу», напечатанную в 1924 г. в сборнике «Беларусь») – статье «Палажэньне Беларуска-Літоўскай дзяржавы пасьля Люблінскай вуніі», которая будет напечатана в № 6–7 «Прац БДУ» за 1925 г. В ней автор заявил о себе как об оригинальном исследователе, заслужив высокую оценку у такого крайне скупого на похвалы рецензента, как В. И. Пичета. Через три года ректор, рекомендуя Друщица теперь уже к избранию на профессорскую должность, следующим образом охарактеризовал эту статью: «…гэтая праца гістарычна-юрыдычнай гістарыяграфіі займае паважанае мейсца. Аўтар выказвае шэраг новых арыгінальных думак адносна становішча Вялікага Княства Літоўскага пасьля Люблінскай вуніі і ў сваіх пытаньнях разыходзіцца з цэлым шэрагам дасьледчыкаў, якія разгледжвалі закранутае В. Д. Друшчыцам пытаньне».

Успешная педагогическая карьера (за пять лет историк прошел путь от ассистента до профессора) вряд ли может быть объяснима исключительно нехваткой в республике квалифицированных кадров. И в БГУ, и в Инбелкульте в то время работала целая плеяда высококлассных историков: В. И. Пичета, В. М. Игнатовский, А. Н. Ясинский, Н. М. Никольский, В. Н. Перцев, приехавший летом 1925 г. М. В. Довнар-Запольский и др. Скорее карьера – свидетельство недюжинных научных и организаторских способностей, которыми обладал Василий Данилович. Подтверждением этому может служить его активная деятельность в Инбелкульте, которую ученый вел параллельно с преподаванием в БГУ. И неслучайно именно ему, еще ассистенту по кафедре истории Беларуси педфака, одновременно члену Инбелкульта, была поручена состоявшимся 26 марта 1924 г. общим собранием этого научного учреждения республики организация одной из семи новых секций – историко-археологической. В. Д. Друщиц с успехом справился с этим поручением, заняв в секции должность секретаря при председателе В. И. Пичете и заместителе С. З. Каценбогене.

Как член историко-археологической секции Инбелкульта Василий Данилович был приглашен к участию в работе I Всебелорусской конференции архивных работников, которая проходила в Минске 12–15 мая 1924 г. В собственноручно заполненном именном листке участника конференции в графе 8 («Занимаемая должность в настоящее время») В. Д. Друщиц записал: «Ассистент БГУ и преподаватель Белпедтехникума», в графе 12 («В каких научных обществах состоит членом») – «Общ[ество] ист[ории] и древ[ностей] Н[ародного] К[омиссариата просвещения] Б[елоруссии]». Судя по сохранившимся листам присутствия, исто-

рик участвовал почти во всех заседаниях конференции, хотя его доклада не было в повестке дня работы архивного форума. Тем не менее выступление В. Д. Друщица зафиксировано после прозвучавшего на втором заседании конференции (13 мая) доклада заведующего архивом Витебского высшего педагогического института В. Г. Краснянского «Минские архивы с древнейших времен до начала XX в.», вызвавшего оживленную дискуссию.

Любопытны замечания Василия Даниловича, свидетельствовавшие о владении им сутью обсуждавшегося вопроса и о его позиции в части оценки характера отношений между ВКЛ и Короной Польской в Речи Посполитой. Он, в частности, говорил: «У дакладзе ўпамінаецца аб актах, датычных Менска і Менскай губ., выданых у розных мейсцох, але для дакладчыка, мабыць, ня ведама выданьне архіву Гэнеральнага штабу, у якім было надрукавана шмат цікавых архіўных дакументаў, датычных Менска. У дакладзе было памянута, што на беларускіх землях панавала літоўскае ўладычаства, але гэта не правідлова, яго ня было. Таксама і ўладычаства палякаў не было – мы кіраваліся самі». Отвечая на последнее замечание, В. Г. Краснянский заметил: «Згаджаюся з тым, што ўладычаства польскага ня было, але польскі гнёт быў».

Будучи секретарем историко-археологической секции Инбелкульта, В. Д. Друщиц активно включился в ее работу. На состоявшемся 24 февраля 1925 г. первом собрании секции, обсуждавшем в качестве основного организационный вопрос, формы празднования 400-летия белорусского книгопечатания, Василий Данилович выступил с докладом по первому вопросу. По его мнению, деятельность секции следовало сконцентрировать на организации индивидуальных исследований в области истории и археологии, руководстве библиографической и археографической работой, подготовке экспедиций и экскурсий археологического характера. Собрание рекомендовало его и И. А. Сербова для включения в состав библиографической и библиотечной комиссий Инбелкульта. При обсуждении второго вопроса, в ходе которого была намечена широкая программа торжеств (предлагалось отметить юбилей белорусского книгопечатания в республиканском масштабе, проведя в день юбилея совместное торжественное заседание Инбелкульта и БГУ, назвать одну из улиц в Полоцке именем Ф. Скорины, издать сборник научных статей, посвященный 400-летию белорусского книгопечатания, и популярную брошюру об этом и др.), В. Д. Друщиц наряду с В. И. Пичетой, М. Н. Пиотуховичем, Я. Л. Дылой и другими был включен в группу лекторов для выступления с докладами на юбилейных заседаниях в различных аудиториях и рабочих клубах.

Не менее значимым было и второе собрание секции, состоявшееся 4 марта 1925 г. На нем обсуждался носивший дискуссионный характер доклад А. А. Шлюбского «Да пытаньня аб забароне беларускага друку расійскім урадам у XIX ст.». Позиция докладчика, судя по зафиксированному В. Д. Друщицем протоколу заседания, изложена в следующих тезисах: «1. Забароны беларускага друку ня было на працягу XIX ст.; 2. Першае і апошняе абмяжаваньне беларускага друку адбылося 22 кастрычніка 1859 г., калі было забаронена друкаваць беларускія творы лацінкаю; 3. Зсылкі на забарону беларускага друку ў XIX ст. зьяўляюцца ні на чым не абаснованай легэндай… 8. Разьвіцьцё беларускай літаратуры, а значыць, і нацыянальна-адраджэнскага руху ў XIX ст. затрымоўвае не забарона беларускага друку, якой ня было, а здрада беларускай справе тагочасных гэтак званых беларускіх пісьменьнікаў

і дзеячоў, якія наскрозь былі пранікнуты польскасьцю, якія былі палякамі па свайму сьветапогляду, якія не маглі замірыцца з антыпольскай барацьбой Маскоўшчыны і з забаронай друкаваць іх творы лацінскім альфабэтам і якія такім чынам і зьяўляюцца аўтарамі легэнды аб забароне беларускага друку».

Какой позиции на этот счет придерживался Василий Данилович? В им составленном протоколе она носила весьма сдержанный характер, в отличие, например, от мнения Язепа Дылы, который категорично утверждал, что акт 1859 г. является практическим запрещением белорусской печати, или от позиции его более молодых коллег – членов секции Т. Забеллы, Н. Пашковича и И. Барашко, призывавших к изучению административной деятельности правительства и поиску возможно имевшихся «сэкрэтных загадаў» на счет «забароны беларускага друку». В. Д. Друщиц приветствовал работу Шлюбского, представлявшую разные взгляды и материалы по данному вопросу. «Вырашэньне справы, – отмечал он в заключение своего выступления, – патрабуе вывучэньня культурнага стану грамадзянства і яго запатрабаваньняў, што значна высьвятліць пытаньне. Пажадана, каб праца была надрукавана, чым будзе выклікана цікавасьць да пастаўленага пытаньня і яго болей дасканалага вывучэньня».

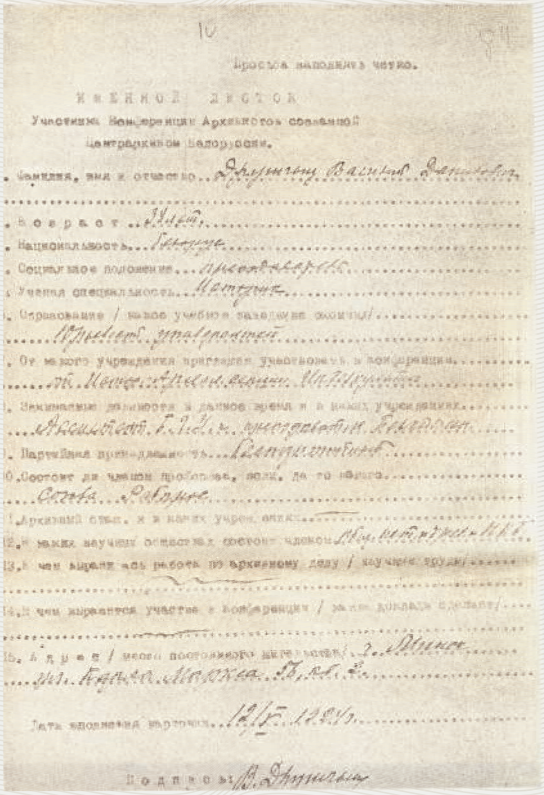
В. Д. Друщиц старался избегать категоричных суждений в отношении оценок как работ коллег, так и их мировоззренческих установок. Последнее особенно заметно по его поведению во время «проработки» на заседании Общества историков-марксистов Беларуси, состоявшемся осенью 1930 г., о чем речь впереди. Что же касается первого обстоятельства, здесь можно сослаться на случай с тем же А. А. Шлюбским, подготовившим весной 1925 г. работу библиографического характера «Матэрыялы да крыўскай гісторапісі: Доля кнігасховаў і архіваў зямель крыўскіх і б. Вялікага Княства Літоўскага», представлявшую собой перечень сведений со ссылками на источники об утратах, понесенных белорусскими книжными и рукописными собраниями, а также их перемещениях из мест происхождения начиная со Средних веков вплоть до первой четверти XX в. Обратившись с предложением в Госиздат БССР напечатать работу и получив отказ (его дал заведующий сектором А. И. Цвикевич), Шлюбский направил рукопись в Инбелкульт, где она попала к В. Д. Друщицу. Тот 21 марта 1925 г. подготовил сдержанное, но позитивного характера заключение: «Па маёй думцы, працу Ал. Шлюбскага было б пажадана надрукаваць асобнай брашурай. Вялікай навуковай вартасьці яна ня мае, но ў ёй згрупаваны досыць цікавыя матар'ялы». Несмотря на такую благоприятную оценку работы, открывавшую дорогу к читателю, она не была напечатана в Беларуси. Автор отослал ее В. Ластовскому в Ковно, и ее опубликовали в журнале «Крывіч» в 1925 г. В этом же году работу издали в Ковно отдельной брошюрой.

После переезда осенью 1925 г. в Минск М. В. Довнар-Запольского и Д. И. Довгялло, возглавивших созданную 1 октября историко-археологическую комиссию – постоянную структуру Инбелкульта, В. Д. Друщиц наряду с В. И. Пичетой, И. И. Красковским и другими был введен в ее состав. Вероятно, не без его участия, а может быть, даже по его инициативе как преподавателя педфака БГУ, активно работавшего с университетским студенчеством и видевшего необеспеченность учебной литературой, 19 ноября 1925 г. в методический кабинет Наркомпроса республики было направлено от имени комиссии письмо, в котором го-

ворилось: «Гістарычна-археолёгічная камісія Інбелкульту прышла да выводу, што адсутнасьць у студэнтаў БДУ пад рукамі у патрэбным ліку крыніц зусім спыняе магчымасьць весьці заняткі ў Унівэрсытэце. А таму адзначаная камісія ў складзе Доўнар-Запольскага, Пічэты, Друшчыца, І. Краскоўскага, З. Даўгялы на сваіх пасяджэньнях 24 кастрычніка і 4 лістапада апрацавала плян выданьня ў друку асобнымі маленькімі сшыткамі (2–3 д. а. кожны), якія былі б па цане зусім даступны студэнтам, надрукаваць бібліятэчку гістарычных крыніц па гісторыі Беларусі па наступнаму пляну…»

В соответствии с планом В. Д. Друщиц взял на себя подготовку текстов полоцких и смоленских торговых договоров и грамот XIII–XIV вв., а также привилеев на магдебургское право. Предполагалось каждую брошюру сопроводить кратким предисловием, исходя из того, что пользователь в состоянии сам разобраться в сущности документов, в случае же затруднений он мог обратиться к преподавателю. Текст передавался на языке оригинала (белорусский, старобелорусский или польский). Латиноязычные документы должны были публиковаться в переводе на белорусский язык. К сожалению, это крайне важное начинание, призванное содействовать подготовке в БГУ квалифицированных кадров историков-источниковедов, по неизвестным причинам осталось нереализованным, несмотря на благоприятное к нему отношение Наркомпроса.

В БГУ 1 декабря 1925 г. пришло приглашение организационного комитета по устройству в Познани IV съезда польских историков принять участие в его работе. Съезд должен был состояться 6–9 декабря. Университет принял приглашение и выделил делегацию в составе ректора В. И. Пичеты, професора М. В. Доввнар-Запольского и доцента В. Д. Друщица. Однако в Польшу поехали лишь В. И. Пичета и В. Д. Друщиц, о чем 6 декабря сообщала республиканская газета «Звезда». В отличие от ректора, нередко бывавшего в заграничных командировках (Пичета использовал их не только для установления научных и учебных связей, работы в архивах и библиотеках, но и для пополнения университетской библиотеки иностранной литературой), для Василия Даниловича это был первый выезд за границу, тем более с такой ответственной миссией – представлять белорусских историков на съезде польских коллег.


Просьба заполнять четко.

ЛИЧНОЙ ЛИСТОК
Участника Конференции Архивных работников
Центральной Белоруссии.

Анкета В. Д. Друщица – участника I Всебелорусской конференции архивных работников. 12 мая 1924 г.

Василий Данилович Друщиц

Через месяц с небольшим после возвращения из Познани В. Д. Друщиц принял участие в работе проходившего 17–18 января 1926 г. в Минске научного форума – I съезда исследователей белорусской археологии и археографии. Он был созван по инициативе историко-археологической комиссии Инбелкульта. Василию Даниловичу пришлось выступать на нем с приветствием от БГУ, что выглядело несколько странным. Дело в том, что по протоколу съезда ректор университета В. И. Пичета входил в состав президиума и логичнее было бы его приветствие от университета. В. Д. Друщиц на правах хозяина вместе с коллегами по историко-археологической комиссии Инбелкульта (Д. И. Довгялло, М. В. Мелешко и И. А. Сербов) входил в состав секретариата съезда и протоколировал его работу.

Как выяснилось позже, о съезде и о своем избрании в его президиум В. И. Пичета узнал лишь по информации из газет (сделано это было намеренно или произошла досадная случайность, остается лишь гадать, но на съезде Владимира Ивановича не было). В. Д. Друщиц выступал с приветствием после ученого секретаря Инбелкульта И. Л. Дылы. Он отметил, что в прошлом Беларусь имела свой университет в Вильно, но это был «унівэрсытэт шляхоцкі». И только после Октябрьской революции рабочие и крестьяне «адчынілі сваю вышэйшую школу, якая павінна падрыхтаваць рабоча-сялянскую інтэлігенцыю». Василий Данилович в приветствии высказал чуть ли не программу первоочередных мер, которые необходимы для дальнейшего развития университета: подготовка «сталых і належна распрацаваных навуковых падручнікаў, якія высьвятляюць прыродныя, гаспадарчыя, эканомічныя і гістарычныя веды аб Беларусі... сабраць крыніцы, падлічыць вынікі зробленага, пачаць плянавую працу ў археолёгіі і, разам з гэтым, высьветліць, дзе знаходзяцца архіўныя весткі. Грунтаваньне іх на тэрыторыі Беларусі зьяўляецца важным момантам для гістарычнай навукі Беларусі, асабліва для тых новых дасьледчыкаў, якіх рыхтуе Беларускі дзяржаўны унівэрсытэт». Помимо озвучивания официального приветствия В. Д. Друщиц принял участие в дискуссиях, развернувшихся на съезде. А этот съезд в значительной степени был инициирован в целях принятия резолюции в защиту Метрики ВКЛ, на которую необоснованно претендовали Польша и Литва. Немногим ранее – на съезде историков в Познани, где присутствовали В. Д. Друщиц и В. И. Пичета, было вынесено решение о необходимости «возвращения» Польше находившейся в СССР Метрики. Литва, с которой СССР в это время вел переговоры о договоре о ненападении, также одним из условий заключения договора ставила передачу ей Метрики.

В подобных острых политических условиях выступление Василия Даниловича по докладу о Метрике носило сдержанный характер (в отличие от статьи М. В. Довнар-Запольского на ту же тему, напечатанной накануне съезда в одной из республиканских газет, где автор не стеснялся в выражениях антипольской направленности).

В. Д. Друщиц подчеркнул, что Метрика, несмотря на ее название («литовская»), имеет белорусское происхождение («...напісана на выдатнай беларускай мове і ахоплівае тэрыторыю этнографічнай Беларусі»), а потому является важнейшим источником для изучения как истории, так и белорусского языка; необходимо стремиться к тому, чтобы «гэты скарб атрымаць ізноў у Беларусь». Он предложил в принимаемой съездом резолюции не только акцентировать внимание на необходимости

получения Метрики из Москвы, но и поднять вопрос о продолжении ее издания. И действительно, в принятой съездом резолюции о Метрике содержались три пункта: первые два носили «защитный» характер (сохранить Метрику в границах СССР; передать ее в БССР), а в третьем речь шла о необходимости продолжить ее издание. Подобная позиция Василия Даниловича, равно как и Д. И. Довгялло в отношении Метрики, занимаемая ими на съезде 1926 г., в 1930-е гг. будет квалифицироваться как «проявление буржуазного национализма» и наряду с иными инкриминируемыми ученым обвинениями в преступлениях, которых они не совершали, будет стоить жизни (первому) и свободы (второму). Заметим, что, готовя предисловие к первому тому «Беларускага архіва», Д. И. Довгялло пользовался копиями некоторых документов Метрики, в частности из 72-й книги записей, снятыми В. Д. Друщицем во время работы в московском Древлехранилище (бывший Московский архив Министерства юстиции).

В это же время В. Д. Друщиц участвовал в дискуссии о языке и национальном характере статутов Великого княжества Литовского до Люблинской унии. Начало ей было положено публикацией в эмигрантском научном сборнике Украинского университета в Праге статьи Р. Лащенко «Літовський статут яко памятник украинського права», в которой автор пытался доказать, что язык, на котором написан Статут всех трех редакций, – украинский. Опираясь на работу своего учителя по Юрьевскому университету И. И. Лаппо «Литовский статут в московском переводе-редакции» (Юрьев, 1916) и другие исторические исследования, а также на труды выдающихся языковедов академиков Е. Ф. Карского и А. А. Шахматова, Василий Данилович в статье «Да пытаньня аб мове Літоўскага статута», напечатанной в первом номере «Гістарычна-археалагічнага зборніка» (1927), доказывал, что статуты 1529 и 1566 гг. написаны на старобелорусском языке и представляют собой памятники юридической мысли Беларуси и Украины. Данное положение, прочно утвердившееся в историографии, в настоящее время не оспаривается ни юристами, ни историками, ни языковедами.

Нападки на В. Д. Друщица как историка начались осенью 1930 г. после ареста В. И. Пичеты, по праву считавшегося главой научной школы историков в Беларуси, в состав которой, по мнению созданного в 1927 г. Общества историков-марксистов Беларуси, входили В. Д. Друщиц, М. В. Мелешко, аспиранты С. А. Борковский, А. В. Бурдейко, Ф. И. Забелло. Показательна в этом отношении развернувшаяся в октябре – ноябре 1930 г. дискуссия по докладу председателя Общества, директора Института истории партии при ЦК КП(б)Б В. А. Сербенты о положении на «историческом фронте» Беларуси. Главным объектом критики в ней выступал находившийся в заключении в печально знаменитых «Крестах» В. И. Пичета. Однако не меньше досталось от «образованцев» (как метко впоследствии окрестил воспитанников Института красной профессуры, всевозможных комвузов и комакадемий А. И. Солженицын) присутствовавшему и выступавшему 14 ноября 1930 г. на заседании Общества В. Д. Друщицу. Разговоры об исторической науке в Беларуси велись одновременно в Минске и Ленинграде. В БССР они проходили в форме дискуссии, напоминавшей обвинительные речи, звучавшие из уст ряда «историков-марксистов» в адрес Пичеты и Друщица, а в Ленинграде – в форме допроса, который следователь ОГПУ вел в отношении лишь Пичеты.

Отвечая на в большинстве своем вульгаризаторские обвинения, прозвучавшие

в его адрес в докладе В. А. Сербенты, а также в выступлениях секретаря Общества историков-марксистов, руководителя аспирантуры Института истории партии при ЦК КП(б)Б М. С. Югова, сотрудников этого же института М. А. Поташа, Ю. Н. Майзеля и др., Василий Данилович демонстрировал умение «держать удар». Более того, в его выступлении содержался ряд важных соображений историографического и методологического характера. Отметив, что историки-марксисты начали проявлять интерес к истории Беларуси, он подчеркнул, что ее разработка по-прежнему поставлена в республике очень слабо: «Ва ўсім Саюзе ў гэтых адносінах мы стаім на апошнім месцы, у той час, як рэволюцыя дала нам шырочэзную магчымасьць для працы на гістарычным фронце. Навуковая адсталасьць і слабасьць была яшчэ у некаторых іншых краінах нашага Саюзу, напрыклад, на Украіне. Але Украіна пасьпела стварыць цэлы шэраг навуковых устаноў і дасьледчых катэдраў і шырока разгарнула працу ў сваёй Акадэміі навук. У нас жа ў гэтых адносінах справа была пастаўлена вельмі слаба. Слаба стаяла гэтая справа галоўным чынам дзякуючы адсутнасьці людзей, і зараз той інтарэс, які выяўляецца нашымі гісторыкамі, зьяўляецца пераломным момантам у разьвіцьці гістарычнай навукі на Беларусі».

По мнению В. Д. Друщица, до революции история Беларуси рассматривалась в контексте изучения части того целого государственного организма, в который она входила, а именно – России. Говоря о великодержавном характере дореволюционных российских историков, изучавших историю ВКЛ и пытавшихся доказать, что Беларусь и Украина являются российским краем, Василий Данилович отмечал, что под их влияние подпали даже польские историки и публицисты и это влияние продолжает сказываться и в настоящее время.

На какие моменты в разработке истории Беларуси, по мнению В. Д. Друщица, следовало обратить внимание? Это прежде всего история ВКЛ («Литовско-Белорусского государства») после Люблинской унии; история XIX в.; история церкви; история Реформации; история общественной мысли; история городов; история торговли и др. «Такім чынам, – подытоживал он, – у БССР перад сучаснай гістарычнай навукай стаіць задача не толькі перагляда прац з ідыялагічна-методолёгічнага боку, але зусім новая канструкцыя і не з пункту погляду толькі ідэява-методолёгічнага на падставе марксыстска-ленінскага сьветапогляду, але і на аснове новага матэрыялу, які ня уведзены у навуковы зварот буржуазнай расійскай і польскай навукай».

Далее историк обращал внимание участников заседания и на другие методологические аспекты исследования: «Апрача таго, нашы гісторыкі знаходзяцца ў цяжкім становішчы яшчэ і таму, што ім ня прыходзіцца абмяжоўвацца толькі адной гісторыяй Беларусі і ім прыходзіцца быць ня толькі гісторыкамі Беларусі. Некаторыя з нашых таварышоў выказваліся, што гісторыя Беларусі сама па сабе ёсьць досыць вузкая галіна гісторыі. Такі погляд зусім неправільны. Ужо той факт, што Беларусь жыла або адзіным політычным жыцьцём, або была у блізкай палітычнай сувязі з Літвой, Украінай, Польшчай і Расіяй, прымушае гісторыка Беларусі выходзіць за межы гістарычных працэсаў Беларусі і вывучаць гісторыю гэтых суседніх краін. Цэлы шэраг з'яў, як Рэфармацыя, аграрныя праблемы, перанясеньне нямецкага права на тэрыторыю Беларусі… пашыраюць інтарэсы гісторыка Беларусі да гісторыі Захаду і, у прыватнасьці, гісторыі Германіі і ўсёй Заходняй Эўропы».

Не соглашаясь с Сербентой, причислявшим его к «буржуазным историкам», В. Д. Друщиц подчеркивал, что по своему мировоззрению он стоит на позициях исторического материализма, хотя признавал: «У маіх працах ёсьць некаторыя хібы і нават вялікія хібы, але яны з'яўляюцца перш за усё мэтодычнага характару… я не адмаўляю таго, што у мяне маюцца памылкі, нявытрыманасьць і г. д. Асноўная ж установка, па маёй думцы, верная». И продолжал: «Я павінен сказаць, што у мяне маюцца эцюды навуковыя і няма цэльных прац. Гэтыя эцюды тычацца галоўным чынам гісторыі гарадоў. Я павінен усё гэта разьясьніць для таго, каб гэта не выклікала ніякіх непаразуменьняў. Справа ў тым, што калі я прыступіў да вывучэньня гісторыі гарадоў, аб чым я чытаў спецыяльны курс у Унівэрсытэце на працягу аднаго году, то я мысьліў сабе напісаць працу звычайнага парадку. Я склаў пэўны плян і пачаў падбіраць адпаведныя матэрыялы. Але калі я пачаў працаваць, то перада мною паўстала тое, што нельга пісаць аб гарадох спачатку па той простай прычыне, што тут нічога не распрацавана, нельга гаварыць аб узьнікненьні гарадоў і аб пашырэньні нямецкага права ў гарадох Беларусі, ня ведаючы гэтай арганізацыі, а тыя матэрыялы, якія былі ў гэтых адносінах, зусім не адпавядалі сапраўднасьці. Вось па гэтай прычыне я павінен быў, зрабіўшы уступ – разгляд літаратуры, заняцца гэтымі асобнымі эцюдамі. Я выпусьціў два эцюды: "Войты" і "Магістрат". Гэтыя эцюды, якія могуць мець самастойнае значэньне, эцюды, якія выяснілі мне самую структуру і арганізацыю гарадоў, без чаго нельга было прыступіць да вывучэньня гарадоў, як пэўнай сацыяльна-эканамічнай праблемы, што было мною пастаўлена сабе ў задачу. Вось гэтыя памылкі мэтодычнага характару я павінен адзначыць».

Эти объяснения причин недочетов, имевшихся в исследованиях В. Д. Друщица по истории городов, полностью согласуются с современными оценками

В. Д. Друщиц (четвертый слева в первом ряду)
среди участников I студенческой научной экспедиции в Туровщину. 1927 г.

белорусских историографов. Однако в них сегодня в первую очередь важно введенное в научный оборот значительное количество архивного материала, хотя и без полного и всестороннего его анализа и обобщения.

На немногих сохранившихся коллективных фотографиях профессуры и студентов БГУ 1920-х гг. В. Д. Друщиц всюду рядом с ректором В. И. Пичетой. Это и фото участников I студенческой научной экспедиции на Туровщину 1927 г., и фото членов правления президиума и ревизионной комиссии студенческого научно-исследовательского краеведческого общества при БГУ, фотография состава Правления университета и др. И это подчеркивает те связи личного и научного характера, которые установились между двумя историками. Василий Данилович поддерживал оказавшегося в опале ректора, а потом «просто» профессора БГУ Владимира Ивановича, а через два года – в период его административной ссылки в Вятку.

Буквально через пять дней после неизбрания В. И. Пичеты ректором университета, когда тот уехал в Москву, Василий Данилович, понимая состояние коллеги и товарища, направил ему 16 октября 1929 г. утешительное письмо о том, что, дескать, теперь, освободившись от административных забот, он сможет полностью заняться научными исследованиями. Он отмечал: «...при Вашей работоспособности и быстроте Вы сможете дать такую продукцию, которая полностью оправдает Ваше стремление сосредоточить свои силы исключительно в научной области». В письме В. Д. Друщиц делился информацией о происходивших в Белорусской академии наук преобразованиях – создании вместо ранее существовавших «классов» институтов. Эта информация должна была порадовать выдающегося историка, вдруг ставшего изгоем белорусской науки: 15 октября 1929 г. Президиум БАН принял решение об организации Института истории, и временно исполнявшим обязанности заместителя директора был назначен В. Д. Друщиц (директором – В. М. Игнатовский, ученым секретарем – Д. И. Довгялло). «Сейчас в Академии, – писал Друщиц, – мы заняты вопросами реорганизации “клясы” в институт. Работа, казавшаяся нам простой, несколько осложняется. Дмитрий Иванович [Довгялло] и я держались точки зрения преемственности “гістарычнае клясы” и нового института и хотели сохранить прежнюю его структуру с оставлением разделения на комиссии. Это наше намерение встретило значительную оппозицию и критику, и вопрос о реорганизации пока стоит открытым и отсрочен на две недели. Вина в этом главным образом моя, т. к. я преимущественно отстаивал составленный нами проект. В личном составе работников Института, по-видимому, будут некоторые смены. Иван Игнатьевич Красковский уже подал прошение об освобождении его; есть опасение относительно Цвикевича, что его снимут и без его желания». В заключение Василий Данилович высказывал беспокойство по

Семья В. Д. Друщица.
Минск, 1930–1931 гг.

поводу уменьшения количества людей в институте, говорил о снижении интереса к истории в университете, «где историческое отделение очень немноголюдно, как это Вам хорошо известно».

Второе письмо историка (от 9 ноября 1931 г.) уже адресовано в Вятку – место ссылки бывшего ректора. Оно написано на почтовой карточке с изображением рабочего, призывавшего членов кооператива платить паевые долги и укреплять таким образом свое потребительское сообщество. Очевидно, Василий Данилович неслучайно выбрал именно эту карточку: он знал, что административный ссыльный Пичета работает в секторе общественного питания Вятского городского рабочего кооператива «Горрабкооп» в качестве техника-нормировщика. В письме сообщалось, что Владимиру Ивановичу послано несколько книг, выражалась надежда, что тот сможет сносно наладить свой быт и работу в Вятке. И вновь были высказаны слова утешения друга: «Тогда м. б. кончится Ваш пессимизм и Вы найдете хорошего и в Вятке. Жизнь в творчестве и работе – в ней утешение». В следующем письме (от 27 января 1932 г.) в Вятку он сообщал об очередной посылке книг. Разумеется, Василий Данилович не мог не знать, что переписка с административным ссыльным контролируется надзирающими органами, и тем не менее он, сам уже «на крючке» ОГПУ, вел ее!

Тучи все более сгущались над историком. На место покончившего 4 февраля 1931 г. жизнь самоубийством В. М. Игнатовского президентом Академии наук и директором Института истории был назначен присланный из Москвы ученик М. Н. Покровского, исполнявший должность ученого секретаря Института истории Коммунистической академии, П. О. Горин. Заместителем директора стал В. К. Щербаков, ученым секретарем – археолог А. Н. Лявданский. В Минске перспективы творческой работы для В. Д. Друщица сужались.

Отъезд Василия Даниловича в 1933 г. в Москву и устройство на работу в Литературный институт им. А. И. Герцена лишь отсрочили трагическую развязку. Арест последовал 14 января 1937 г. Ученого обвиняли в «контрреволюционной националистической деятельности» и следом за Василием Карповичем Щербаковым принудили подписать заранее подготовленные следователями «показания». В духе разработанного ОГПУ сценария бывший президент Академии наук П. О. Горин на допросе 27 февраля 1938 г. подписался под «показаниями», в которых вынужден был признать, что «разоблаченному националисту Дружчицу», снятому с работы в Академии, он помог переехать в Москву и «хлопотал в ЦК союза работников высшей школы об устройстве ему квартиры». Вот только подобная информация уже не могла навредить В. Д. Друщицу: за два месяца до этого, 20 декабря 1937 г., пятидесятилетний талантливый историк-белорусист после почти годичных истязаний был расстрелян в Минске. Реабилитирован в 1958 г.

Михаил Федорович Шумейко

Выдающийся ученый-психиатр и невропатолог, основоположник физиологического направления в белорусской психиатрии и антропологии Беларуси

Доктор медицинских наук, профессор БГУ, директор психиатрической клиники университета

Александр Карлович ЛЕНЦ

05.05.1882 – 16.06.1952

Доктор медицинских наук, профессор Александр Карлович Ленц внес неоценимый вклад в становление и развитие белорусской науки и образования. Ученик академиков В. М. Бехтерева и И. П. Павлова, профессора В. П. Осипова, он стал основоположником физиологического направления в белорусской психиатрии и на многие годы определил развитие в данном направлении научной мысли в республике. Возглавляя кафедру психиатрии БГУ, А. К. Ленц вырастил целое поколение психиатров, ученых и практиков, в основу научного мышления которых легло физиологическое учение И. П. Павлова, лучшие традиции русской и европейской клинической психиатрии, ввел в клиническую практику понятие «социопатия», нашедшее отражение в современных международных классификациях психических и поведенческих расстройств.

Александр Карлович стал основоположником системных антропологических исследований белорусов, выявивших их несомненные отличительные характеристики – физические и психические. Работая в Беларуси, много сделал для популяризации среди населения республики знаний о человеке. Этому способствовала в первую очередь его работа в качестве профессора двух факультетов БГУ – медицинского и права и хозяйства. Его глубокие, высокопрофессиональные лекции позволили подготовить сотни специалистов-медиков, десятки экспертов и практиков в области судебной психиатрии.

Александр Карлович Ленц родился 5 (17) мая 1882 г. в Санкт-Петербурге в семье статского советника Карла Романовича Ленца и дочери Александра Алексеевича Смирнова, действительного статского советника, горного инженера. Биография А. К. Ленца неоднократно публиковалась, но, как правило, подает только важнейшие вехи его творческого пути, лишая читателя «бытовых мелочей», на наш взгляд, очень важных. Они раскрывают его не только как высококлассного специалиста, но и как человека, сформировавшегося и жившего в сложное и противоречивое время. В этом издании в качестве основы для представления его биографических данных использована им написанная «Краткая автобиография» и анкета (ответы на поставленные вопросы, датированные 18.01.1927 г.), сохранившиеся в Национальном архиве Республики Беларусь. Изучены также немногочисленные документы из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург). Так, отвечая на обязательный для того времени вопрос о социальном происхождении, Александр Карлович откровенно написал: «Сын служащего Волжско-Камского банка, отец – дворянин, умер в 1911 г.». Согласно формулярному списку Карла Романовича Ленца за 1882 г. в 1866 г. он был прикомандирован к состоявшему при наследном принце Датском генерал-адъютанту барону Притвицу и при наследном принце Прусском флигель-адъютанту графу Келлеру. В дальнейшем Карл Романович служил советником Отделения контроля и кассы Министерства императорского двора в Барнауле, неоднократно удостаиваясь за свою службу монарших благодарностей. От брака кроме Александра Карловича родились сыновья Николай (2 сентября 1877 г.), Роман (25 июля 1880 г.) и дочь Александра (17 апреля 1876 г.). Жена и дети были православного вероисповедания, отец – лютеранин. О матери никаких сведений, кроме ее социального происхождения и вероисповедания, в документах не обнаружено. Среди иных сведений в анкете отмечалось: «беспартийный», «в партиях не состоял»; о национальности – «великоросс»; в графе о знании языков указаны русский, белорусский, немецкий, французский и английский. Свободное владение А. К. Ленцем всеми этими языками подтверждают его опубликованные на иностранных языках научные работы, заграничные командировки в Германию и Францию, сохранившиеся архивные документы, написанные им на отличном белорусском языке.

В 1901 г. Александр Ленц с успехом закончил 1-ю санкт-петербургскую гимназию. В аттестате зрелости отмечалось, что на основе наблюдений за все время обучения его в гимназии (обучение длилось 8 лет) поведение его было «*отличное*, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ *постоянная*, прилежание *неослабное* и любознательность *примерная*». Успешное окончание гимназии (из 11 предметов, внесенных в приложение аттестата, только 1 предмет – история – подвел выпускника, так как был оценен на 3, остальные же были сданы на 4 и 5) позволило поступить в престижный в то время Институт инженеров путей сообщения. Однако в скором времени молодой человек был вынужден оставить это учебное заведение «по болезни правой руки». В удостоверении от 8 апреля 1902 г., выданном Институтом инженеров путей сообщения, говорилось, что А. К. Ленц с осени 1901 г. по 5 апреля 1902 г. состоял студентом 1-го курса данного учебного заведения и «за время пребывания в институте не был замечен ни в чем предосудительном и был исключен по собственному жела-

нию». Удостоверение было выдано для предоставления в Санкт-Петербургский университет.

19 июля 1902 г. Александр Ленц подал прошение о поступлении на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, который закончил «весною 1908 г. с дипломом 1-й степени, написав дипломную работу по уголовному праву на тему “О крайней необходимости”». С 1905 г. одновременно с обучением в университете он был слушателем Вольной высшей школы профессора П. Ф. Лесгафта, где занимался анатомией, гистологией и эмбриологией, в 1906–1907 гг. исполнял обязанности лаборанта школы и проводил практические занятия со слушателями. По окончании университета в 1908 г. Александр Карлович поступил в Военно-медицинскую академию, которую окончил в 1913 г. «со степенью лекаря с отличием» и был прикомандирован к Клинике душевных и нервных болезней. В годы обучения в академии за работу «К химии мозга» награжден большой золотой медалью им. хирурга С. Ф. Тучемского. После завершения учебы его направили на кафедру душевных и нервных болезней Военно-медицинской академии. Здесь молодой ученый выполнял обязанности ординатора и вел научную работу вплоть до начала Первой мировой войны, когда был мобилизован в армию. О службе в армии писал следующим образом: «Военную службу вел в полках и госпиталях старой армии, а затем в лечебных заведениях Красной армии до 1918 г.». В 1918 г. получил назначение в Военно-медицинскую академию РККА. Одновременно с 1919 г. работал помощником В. М. Бехтерева – директора Института мозга.

Биографии А. К. Ленца, как правило, содержат сведения о присуждении ученой степени доктора медицинских наук и присвоении ученого звания профессора (с указанием даты – 1923 г.). Александр Карлович в «Краткой автобиографии» (1927) писал об этом событии так: «В 1922 г. получил после защиты диссертации звание ученого специалиста по неврологии и психиатрии (доктор медицины)… и был единогласно избран лектором-преподавателем (приват-доцентом) Медицинской Академии». Правда, чуть позже в другом документе, содержащем просьбу о публикации текста докторской диссертации, А. Ленц писал: «Работа эта была представлена в Конференцию В. Медиц. Акад. в 1923 году. После публичной защиты диссертации я был удостоен звания ученого специалиста по психиатрии и нервным болезням (= доктора медицины)».

В первой половине 1920-х гг. в сферу научных интересов А. К. Ленца входили различные проблемы условных рефлексов и высшей рефлекторной деятельности. Много времени он уделял разработке теории суперрефлексов (особые условные рефлексы, надстраивающиеся над другими условными рефлексами). В качестве примера суперрефлекса называл служение человечеству. Правда позже под давлением критики ученый публично отказался от этой гипотезы. В 1922 г. А. К. Ленц опубликовал научные статьи «Об основах физиологической теории человеческого поведения» и «Условные рефлексы высоких порядков и их изучение на душевнобольных». Проявлял интерес к психоанализу З. Фрейда. Исследовал возможности взаимодействия психоанализа с физиологической теорией поведения и реактологией. В 1923 г. опубликовал статью «К физиологической теории ассоциативного эксперимента и комплексов». С 1923 г. по совместительству работал консультантом-невропатологом при ленинградских службах лишения свободы.

С 1925 г. начинается почти десятилетний белорусский период в жизни и деятельности Александра Карловича Ленца. В Минск к тому времени уже признанный специалист в области психиатрии и неврологии приехал по приглашению декана медицинского факультета Белорусского государственного университета Михаила Борисовича Кроля. Сохранился протокол заседания Правления БГУ от 14 апреля 1925 г. (председатель – ректор профессор В. И. Пичета, секретарь – управляющий делами Д. И. Серко), на котором было заслушано извещение Главпрофобра Беларуси об утверждении Александра Карловича Ленца «профессором кафедры психиатрии». А несколько месяцев спустя, 1 октября 1925 г., профессор возглавил психиатрическую клинику БГУ. Среди первых ее сотрудников, утвержденных постановлением Народного комиссариата просвещения БССР от 25 декабря 1925 г., названы: Розалия Израилевна Раскина, ординатор; Хана (Мария) Мордуховна Слуцкая, ординатор; Александр Александрович Смирнов, ординатор.

Все сотрудники к этому времени были уже сложившимися специалистами в области психиатрии и неврологии. Так, Р. И. Раскина сразу после окончания медфака 2-го Московского государственного университета получила «боевое крещение» в борьбе с эпидемией холеры в Екатеринбургской губернии, а затем в Поволжье в составе отряда помощи голодающим им. СНК БССР. С 1923 г. работала несколько месяцев по специальности на кафедре психиатрии профессора В. А. Гиляровского медицинского факультета 2-го МГУ (позже 2-й Московский медицинский институт), затем в психиатрическом отделении во 2-й Советской больнице г. Минска. Х. М. Слуцкая окончила медицинский факультет Московского университета

Профессор А. К. Ленц (сидит во втором ряду четвертый справа) среди участников курсов БГУ по усовершенствованию врачей

Профессор А. К. Ленц (в центре) с группой студентов медицинского факультета БГУ

по специальности «психиатрия». Владела немецким и французским языками, имела стаж врачебной работы в одном из московских госпиталей, изучала детскую преступность, работая в Институте социального перевоспитания. По совместительству в должности ассистента клиники был утвержден заведующий психиатрическим отделением 2-й Советской больницы Гольдблат Герман Осипович (Оскарович, Ассерович). С 1929 по 1934 г. доктор медицинских наук, профессор Г. О. Гольдблат заведовал кафедрой психиатрии Томского университета / Томского медицинского института, в 1934–1937 гг. – кафедрой психиатрии Минского медицинского института.

Активно сотрудничал с А. К. Ленцем не только в БГУ, но и в комиссии (затем на кафедре) антропологии Инбелкульта (позднее БАН) А. А. Смирнов. Однако сведения о его жизни не выявлены по причине отсутствия личных дел (и даже отдельных документов) как в Национальном архиве Республики Беларусь и архиве БГУ, так и в Центральном научном архиве НАН Беларуси (ЦНА НАНБ). Известно только, что в 1935 г. (уже после отъезда А. К. Ленца из Минска) он тоже оставил Минск и возглавил кафедру психиатрии больницы-медвуза в Витебске (с 1938 г. – Витебский медицинский институт). По совокупности научных трудов здесь ему было присвоено ученое звание профессора. Продолжая традиции Павловской физиологической школы (а следовательно, и традиции, заложенные в годы совместной работы с А. К. Ленцем в БГУ и БАН), сотрудники кафедры развивали патофизиологическое направление в подходе к изучению патогенетических механизмов психических заболеваний. В начале Великой Отечественной войны институт был эвакуирован в Челябинск, затем в Ярославль. После окончания войны А. А. Смирнов оставался в Челябинске, работал заведующим отделением в Челябинской областной клинической психоневрологической больнице № 1, читал лекции в Челябинском медицинском институте.

В дальнейшем психиатрическая клиника БГУ росла во многом за счет молодых кадров, подготовленных на медфаке университета с огромной педагогической и научной составляющей профессора А. К. Ленца – авторитетного специалиста в сложнейшей области медицинских знаний. В мемориальном музее-квартире академика И. П. Павлова Института физиологии им. И. П. Павлова хранится фотография сотрудников клиники в составе 12 человек. Кроме А. К. Ленца и названных выше Р. И. Раскиной и А. А. Смирнова на ней представлены: Петр Евгеньевич Вишневский, Семен Иванович Волочкович, Михля Ароновна Гершенович, Самуил Гиршевич Жислин, Петр Георгиевич Земмель, Александра Петровна Козачек, Нина Евгеньевна Макуева, Юдифь Хаймовна Сегаль, Давид Хаймович Шапиро. Все они, кроме С. И. Волочковича и С. Г. Жислина, выпускники первых наборов медицинского

факультета, факультета права и хозяйства, а также педфака БГУ. Дальнейший жизненный путь многих из них показал, что Александр Карлович не ошибся в подборе кадров. Даже после того, как он покинул Минск, они продолжали заниматься научной работой и клинической практикой в избранном направлении.

Что касается подбора специалистов, то и здесь, как свидетельствуют документы, главным критерием был профессионализм работника. Учитывались и его белорусские корни. Так, выбирая ассистента кафедры из двух претендентов (молодой сотрудник психиатрической клиники 1-го МГУ С. Г. Жислин и доцент Саратовского университета Н. В. Зандер), Александр Карлович сделал ставку на первого. В качестве основных мотивов выбора отмечалось, что он молодой, но вместе с тем «уже заявивший о себе» в профессии, имеет опубликованные научные работы по специальности (в том числе и на немецком языке) и желание «посвятить все свои силы медицинскому строительству его родины – Белоруссии». Думается, подобные качества (профессионализм и любовь к родной земле) стали основанием для А. К. Ленца пригласить в клинику С. И. Волочковича. К этому времени Семен Иванович прошел сложный и неоднозначный путь. Еще в 1921 г. он был арестован по делу антисоветской организации «Зеленый дуб». В то время уже известный минский врач-психиатр заведовал городской дезинфекционной камерой и проживал в квартире, переданной ему Адамовичами. На допросе он показал, что год назад Вячеслав Антонович Адамович (в прошлом редактор газеты «Северо-Западный телеграф») со своим сыном Вячеславом уехал в Польшу. В результате Волочкович был обвинен в недоносительстве и приговорен к двум годам ИТЛ. Отбывал наказание в Минском трудовом лагере. В 1924 г. С. И. Волочкович совместно с другими врачами Минска (Юлиан Лютынский и Герман Гольдблат) инициировал создание антропологической комиссии в составе медицинской секции ИБК. Однако, несмотря на поддержку и заинтересованность в создании новой структуры в составе медицинской секции ИБК ее председателя Ивана Ивановича Цвикевича, комиссия не смогла развернуть широких антропологических исследований по причине хронической нехватки средств. Но уже тогда, подписавшись «врачи-белорусы», Волочкович и Лютынский пытались обосновать психический тип белоруса. Это направление в дальнейшем включил в сферу своей деятельности и А. К. Ленц, возглавляя кафедру антропологии в ИБК, а затем в БАН. Что же касается С. И. Волочковича, то он стал первым руководителем «психиатрической колонии» (до 1930 г.), на базе которой был создан ныне действующий Республиканский научно-практический центр психического здоровья (Новинки).

В 1934 г. под давлением обстоятельств Александр Карлович Ленц был вынужден вернуться в родной Ленинград на должность заведующего кафедрой Высших медицинских курсов при больнице им. профессора Нечаева (позднее – 3-го Государственного Ленинградского медицинского института). Одновременно он был окружным психиатром Ленинградского военного округа, а с 1940 г. ряд лет возглавлял кафедру психиатрии Военно-морской медицинской академии. Вместе с ним в Ленинград уехала и бывшая сотрудница кафедры антропологии, его гражданская жена Юлия Михайловна Веремецко (Веремецкая) с дочерью (1932 г. р.).

Веремецко (Веремецкая) Юлия Михайловна родилась 9 августа 1903 г. в м. Пуховичи Игуменского уезда Минской губернии (ныне агрогородок в Пу-

ховичском районе Минской области) в семье медицинских работников. Ее отец, Веремецко Михаил Ильич, с 1895 г. служил фельдшером в Минском округе, мать – акушеркой в Пуховичской больнице. В 1921 г. Юлия, окончив полный курс Минской железнодорожной школы № 17 второй ступени, стала одной из первых студенток факультета общественных наук Белорусского государственного университета. Но в 1922 г., как свидетельствует запись, собственноручно внесенная в анкету, «по личной инициативе» оставила БГУ и поступила в Петроградский (с 1924 г. Ленинградский) государственный институт физического образования им. П. Ф. Лесгафта, который закончила в 1927 г. «Прочувствовать» и проверить себя в будущей профессии Юлия Веремецко могла в ходе выполнения студенческих практик: в 1925 г., когда она принимала участие в обследовании участников пробега (12 человек различной национальности), в 1926 г., когда работала в качестве студентки-практикантки руководителем по физкультуре Агалыкского детского санатория и в санаторном пионерском лагере (Узбекская ССР).

Видимо, этот опыт вдохновил Юлию Веремецко на новый крутой поворот в своей судьбе. В 1927 г. она обратилась в Правление БГУ с просьбой о зачислении на 3-й курс медицинского факультета. В заявлении в качестве главного аргумента она отметила желание «продуктивно работать в области, к которой я привыкла и которая меня интересует с детства». В итоге переписки с руководством университета ввиду переполненности 3-го курса и того, что девушка сдала экзамены за три семестра медицинского факультета, ее зачислили на 2-й курс желаемого факультета. В личном деле сохранилась запись, свидетельствующая о владении языками: белорусским и русским – «добра ўладае», латинским и польским – «чытае і перакладае з лемантаром», немецким и французским – «чытае і можа растлумачыць». Возможно, именно в этот период и состоялось знакомство студентки Ю. М. Веремецко с профессором А. К. Ленцем. Профессор заметил целеустремленность, трудолюбие и энергию студентки, которая обладала к тому же разнообразными знаниями и опытом, и пригласил ее для сотрудничества в комиссии (в скором времени кафедры) антропологии Института белорусской культуры. В ЦНА НАНБ сохранилось заявление Юлии Михайловны Веремецко в Инбелкульт (от 7 октября 1927 г.) с просьбой дать ей «магчымасьць праводзіць працу пад кіраўніцтвам прафэсара па адной з наступных дысцыплін, з якімі я добра знаёма і якія вельмі мяне цікавяць: 1) пэдалёгія, 2) антрапалёгія і 3) антрапамэтрыя».

С октября 1927 г. Юлия Михайловна работала ассистентом кафедры антропологии Института белорусской культуры, с 1 сентября 1930 г. – научным сотрудником кафедры антропологии Белорусской академии наук. О том, что А. К. Ленц не ошибся в Юлии Веремецко, свидетельствует его характеристика, представленная в Президиум БАН в 1930 г. В ней профессор писал: «Т. [таварыш] Верамецко працуе ў катэдры Антрополёгіі 3 гады і зьяўляецца зусім падрыхтаваным і вельмі каштоўным навуковым працаўніком. Яна набыла добры вопыт у досьледах па антрополёгіі і па вывучэньню паводзін... займаючыся з выдатнай энергіяй навукай, яна яшчэ знаходзіць час і для вялікай грамадзскай дзейнасьці...» И здесь с ним трудно не согласиться. Впечатляет не только то, что она одновременно училась на медицинском факультете БГУ, работала на постоянной основе на кафедре антропологии, выезжая на антропологические обследования; по совместительству (с марта 1930 г.) –

Профессор А. К. Ленц (третий справа во втором ряду)
среди студентов медицинского факультета БГУ

в центральном детском диспансере, но и выполняла массу ответственных общественных поручений как в БГУ, так и в ИБК/БАН.

В годы Великой Отечественной войны Александр Карлович Ленц, полковник медицинской службы, служил в Военно-морской медицинской академии, был награжден орденом Красной Звезды. Орденом Красной Звезды была награждена и его гражданская жена. Специфические условия блокады, ограниченные возможности эвакуации раненых и больных в тыл страны поставили перед медициной задачу создания новых лечебных учреждений – сортировочных госпиталей, госпиталей для легкораненых и больных, госпиталей для выздоравливающих. В наградных документах капитана медицинской службы Юлии Михайловны Веремецко отмечалось, что она являлась одним из основателей Батальона выздоравливающих Краснознаменного Балтийского флота в блокадном Ленинграде. Возглавляя одновременно лазарет, физиотерапевтический кабинет, кабинет лечебной физкультуры, она проводила большую работу по реабилитации раненых бойцов и возвращению их на фронт, оказывала помощь бойцам и командирам при бомбежках и обстрелах Ленинграда. С мая 1944 г. в лаборатории авиационной медицины Военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота Юлия Михайловна проводила экспертизу состояния нервной системы летного состава.

Продолжая рассказ о белорусском периоде жизни и профессиональной карьеры А. К. Ленца, напомним, что его работа в Минске началась 1 октября 1925 г. в должности заведующего психиатрической клиникой Белорусского государственного университета. Достаточно полную картину учебно-лекционной деятельности Александра Карловича можно воссоздать по сохранившимся учебным рабочим планам. В конце 1920-х гг. они

издавались типографским способом от 400 до 1000 экземпляров в брошюрах под названием «Агляд выкладання...» на конкретном факультете БГУ. Чаще всего имя профессора-медика упоминалось в планах организации занятий на медицинском факультете. Заметим, что те или иные лекционные курсы стало возможным предложить студентам для освоения именно потому, что в БГУ согласился приехать уникальный специалист. Так, в 1926/27 учебном году в соответствии с учебным планом А. К. Ленц для студентов 5-го курса по вторникам и субботам читал общий курс психиатрии. Занятия проходили в здании 2-й Советской больницы[1]. Александр Карлович рекомендовал студентам три учебника для самостоятельной проработки отдельных тем. В оригинале документа они поданы с очевидными ошибками, которые сегодня легко выправить с помощью интернет-ресурсов. Так, «Краткое руководство по психиатрии» Жоли следует воспринимать с дополнением – «…для студентов и врачей». Книга принадлежала перу известного немецкого психиатра Фридриха фон Йолли и была переведена на русский язык в Берлине в 1928 г. Другой учебник, «Введение в психиатрическую клинику» Крепелина, требует уточнения в представлении: это 30 лекций немецкого психиатра, профессора ведущих немецких университетов и неоднократного номинанта на Нобелевскую премию Эмиля Крепелина, которые в русском переводе были изданы в 1901 г. в Уфе. И наконец, «Частное учение о душевных болезнях» Осипова принадлежало перу ведущего русского и советского психиатра Виктора Петровича Осипова (с 1929 г. – директор Государственного института мозга). Он известен тем, что был одним из лечащих врачей Ленина и зафиксировал смерть вождя пролетариата. А его двухтомное «Частное учение…» вышло в 1923 и 1926 гг. в Госиздате. Так что А. К. Ленц предлагал своим белорусским студентам самые важные для профессионального становления учебники. Возможно, сам он был лично знаком с немецкими авторами, а под руководством В. П. Осипова формировался как специалист и ученый. Одновременно с Александром Карловичем профессор М. Б. Кроль для студентов 4-го и 5-го курсов читал лекции по «нервным болезням» (они проходили в здании «Нервной клиники»), рекомендуя им освоить более 15 учебных пособий. Всего для пятикурсников лекции по разным дисциплинам читали еще 11 профессоров. В следующем, 1927/28 учебном году А. К. Ленц на 4-м курсе в весеннем семестре читал лекции по дисциплине «Клиника душевных болезней». Прежде такой дисциплины не было (правда, в общем расписании факультета этот курс почему-то прописывался в старом названии и с прежними рекомендованными учебными пособиями). А вот для пятикурсников еженедельные два академических часа лекций в течение всего учебного года были названы по-новому. Курс был значительно расширен, шло переосмысление профессором точности его подачи в профессиональной подготовке медиков.

Благодаря широкому диапазону научных интересов и высокому образовательному уровню А. К. Ленц был востребован не только на медицинском факультете. С 1 октября 1926 г. он стал выполнять

[1] Открыта в Минске в 1799 г. как губернская больница, в начале XX в. – Минская губернская земская больница, при ней имелся приют для душевнобольных. В 1921 г. перешла в ведение горздрава и переименована во 2-ю Советскую, с 1922 г. – в составе медицинского факультета БГУ. Сегодня – 2-я городская клиническая больница.

обязанности заведующего кабинетом по изучению преступности при факультете права и хозяйства БГУ. В учебном плане подготовки правоведов на 1927/28 учебный год впервые в расписании факультета появилась новая дисциплина – «Судебная психиатрия». Разумеется, эти лекции для студентов 3-го курса стал читать Александр Карлович. Он рекомендовал будущим юристам изучить три учебника: свой «Криминальные психопаты» (точнее – «Криминальные психопаты (социопаты)», изданный в 1927 г. в Ленинграде), а также «Судебно-психиатрические очерки» профессора МГУ, одного из создателей советской судебной психиатрии Е. К. Краснушкина (опубликован в Москве в 1925 г.) и «Очерки по социальной психопатологии» Н. П. Бруханского. Этот профессор-психиатр в начале 1920-х гг. в молодом Смоленском университете создал психиатрическую клинику, но вскоре, как и многие коллеги, оставил неспокойный город. В середине 1930-х гг. подвергся репрессиям за то, что вопреки установившейся практике предлагал освобождать от уголовной ответственности лиц с психическими отклонениями. И это в то время, когда профессор В. П. Осипов, наоборот, заявлял, что «воспитательно-трудовая система» Беломорканала отлично исправляет таких больных.

Работу на факультете права и хозяйства Александр Карлович продолжал и в дальнейшем. Так, 17 октября 1930 г. декан факультета (он уже назывался «советского строительства и права») Яков Гдальевич Раков направил в Правление БГУ подробный список профессуры, доцентов, ассистентов и преподавателей, которых предлагал утвердить для ведения занятий на факультете в 1930/31 учебном году. Среди шести профессоров (по специальностям «диалектический материализм», «ленинизм» и трем правовым дисциплинам) выделялся своей профессионально-

Профессор А. К. Ленц (пятый справа во втором ряду) среди участников белорусской делегации на I Всесоюзном педологическом съезде. Москва, 28 декабря 1927 г. – 5 января 1928 г.

стью именно А. К. Ленц. Ему определялся объем учебной нагрузки в 63 часа на год. И это при том, что как представитель кафедры психиатрии на факультете он работал по совместительству.

В 1930 г. в связи с реорганизацией БГУ и открытием Белорусского государственного медицинского института профессор А. К. Ленц был утвержден заведующим кафедрой психиатрии (1930–1934) нового вуза. Однако он не рвал связь с БГУ, работал по совместительству на факультете советского строительства и права. В связи с приближением десятой годовщины начала работы БГУ решением ЦИК БССР (опубликовано в июльском номере за 1931 г. центральной республиканской газеты «Звязда») 46 профессоров, доцентов и преподавателей университета были удостоены высоких наград. В том числе и профессор А. К. Ленц – среди семи коллег – награжден Почетной грамотой Наркомата охраны здоровья.

Активная преподавательская работа профессора сопровождалась столь же активной научной и общественной деятельностью, о чем регулярно сообщали средства массовой информации. Например, газета «Звязда» (1928. 25 апреля) проинформировала читателей, что 2 мая 1928 г. Научное общество врачей проводит диспут «Болезни и врач», сбор от которого пойдет в пользу Белорусской громады. Вместе с другими профессорами в диспуте принимал участие и А. К. Ленц. Эта же газета (1929. 22 ноября) сообщала, что 3 декабря 1929 г. в Минске открываются курсы медицинских знаний для рабочих. Для преподавания был приглашен ряд профессоров, в том числе и А. К. Ленц. Неоднократно отмечала его помощь в работе общества по борьбе с алкоголизмом и другую общественную работу газета «Рабочий».

Возможно, такое тесное сотрудничество послужило основанием для профессора обратиться именно через эту газету со словами благодарности к коллегам, членам секции научных работников БССР за помощь в издании книги «Высшая рефлекторная деятельность при прогрессирующем параличе» (Рабочий. 1928. 2 ноября). Книга была подготовлена ранее, сразу после защиты диссертации, литографированный экземпляр был направлен в издательство в то время еще Петрограда. Однако из-за большого объема (30 печатных листов) ее публикация вызвала затруднения. Сократив текст более чем наполовину (до 12 листов), А. К. Ленц издал ее в Минске. Примечательно, что рекомендации представили выдающиеся российские ученые (они же учителя А. К. Ленца) И. П. Павлов и В. П. Осипов. В отзыве академика И. П. Павлова отмечалось, что книга «доктора А. К. Ленца представляет собою серьезную научную работу и притом своеобразного интереса. Ею осуществлен первый и дельный опыт чисто физиологического анализа душевнобольного… в высшей степени желательно появление этой работы в печатном виде». Профессор В. П. Осипов также обратил внимание не только на научную, но и на практическую ценность книги. Он указал, что «работа А. К. Ленца… представляет весьма ценное исследование в области клинической психиатрии с применением новой методики, заключающейся в приложении метода условных рефлексов акад. И. П. Павлова к изучению и выяснению клинических картин и их течения. Исследование дало существенные результаты».

Активное участие принимал Александр Карлович в работе Научного общества БГУ, а также Общества невропатологов и психиатров БССР, первое заседание которого состоялось 16 ноября 1929 г. в аудитории «Нервной клиники». На этом заседании с докладом о социаль-

ном значении параноидных заболеваний выступил профессор Ленц, о гемоэнцефалитическом барьере при заболеваниях нервной системы – профессор Кроль.

20–28 февраля 1931 г. состоялся X Всебелорусский съезд Советов. Университетские медики были определены в качестве ответственных за оказание медицинской помощи делегатам съезда. Всех расписали по фамилиям, научным званиям и медспециальностям, адресам больниц и клиник. Среди 15 названа и фамилия А. К. Ленца. Он вместе с М. Б. Кролем должен был давать консультации в «Нервной клинике» (Свердловская), а также в здании БАН (угол Ленинской и Университетской) по «нервным болезням».

Научная составляющая занимала большое место в работе профессора со студентами. Это касалось не только руководителя психиатрической клиники, но и всех ее сотрудников. Многих из них Александр Карлович привлекал к научным исследованиям в области антропологии, проводимым комиссией/кафедрой антропологии Инбелкульта/БАН. Поэтому понятно, что в ходе обучения студентов доктор А. А. Смирнов проводил «специальные занятия… по изучению условных рефлексов и по методике антропологических исследований». Для студентов 5-го курса медфака, отмечал в отчете о научно-педагогической деятельности психиатрической клиники за 1926/27 академический год ее руководитель, каждая лекция по психиатрии «сопровождалась демонстрациями больных и на некоторых лекциях были демонстрированы методы исследования условных рефлексов».

Результаты научных разработок сотрудников публиковались в научных журналах и сборниках, которые издавались в Минске, Москве, Ленинграде, Киеве, а также за границей. Так, за 1926/27 учебный год сотрудники клиники подготовили и опубликовали 28 научных статей, из них 5 (авторы А. К. Ленц и Г. О. Гольдблат) на иностранных языках. Наибольшее количество работ (11, в том числе 1 в соавторстве с А. А. Смирновым) были подготовлены А. К. Ленцем, 6 статей – Г. О. Гольдблатом (3 в соавторстве), а также Р. И. Раскиной, М. М. Слуцкой, Ю. Х. Сегаль и др.

Профессор БГУ А. К. Ленц и врач, преподаватель медфака А. А. Смирнов в кабинете по исследованию условных рефлексов. 1928 г.

Итоги научной деятельности за первые годы работы БГУ были подведены М. Б. Кролем в статье «О научной работе медфака БГУ за все время его существования (1921–1928 гг.)», опубликованной в журнале «Беларуская мэдычная думка» (1929. № 1). В ней дана исключительно положительная оценка научной работы психиатрической клиники под руководством А. К. Ленца. В качестве достижений клиники отмечалось, что здесь успешно применялась методика условных сложных рефлексов И. П. Павлова и что профессор А. К. Ленц и доктор А. А. Смирнов получили очень ценные результаты при исследовании эпилептиков.

Естественно, такая многогранная научная работа требовала зарубежных

командировок для обмена опытом с известными европейскими специалистами. Среди архивных документов сохранился ответ комиссии при Наркомпросе БССР, где сообщалось об отклонении ряда заявок профессоров и доцентов БГУ на загранкомандировки «за невыразнасцю мэты». В ответ была направлена расширенная и конкретизированная мотивация необходимости поездки всеми соискателями, в числе которых находился и А. К. Ленц. Он планировал поездки в Германию и Францию. Профессор пояснял чиновникам, что намеревается посетить в Германии исследовательский институт психиатрии (Мюнхен), клинику профессора Бонхёффера[1] (Берлин) для «вывучэньня клінічных мэтадаў выкладаньня і мэтадаў барацьбы з алкагалізмам», а также профессора Кречмера[2] (Марбург). Планировалась также поездка во Францию (Париж) в лабораторию профессора Анри Пьерона[3] для занятий по «фізыолёгіі нэрвовай сістэмы, прымяніцельна да псыхіятрыі», а также в Нанси в клинику, созданную французским психологом Эмилем Куэ[4], для «вывучэння найноўшых мэтадаў псыхатэрапіі». В документе отмечалось: поездка имела целью ознакомить западных ученых с достижениями СССР в области рефлексологии и ее применения в психиатрии.

24 мая 1928 г. Наркомпрос БССР разрешил командировать А. К. Ленца в Германию и во Францию. Пояснялось, что для получения заграничного паспорта ему необходимо разрешение Белорусского военного округа, так как профессор числился в запасе «с военной должностью главврача». В этом документе содержатся и некоторые уточнения биографии ученого: до 1925 г. работал в Ленинградской военно-медицинской академии в должности ассистента по кафедре психиатрии и был демобилизован 14 ноября 1925 г. в связи с избранием профессором БГУ; 15 февраля 1926 г. Минским ОВК ему был выдан военный билет за номером 118/59. Наркомпрос просил руководство Белорусского военного округа «не чинить препятствий к командировке Ленца и в возможно короткий срок прислать свое разрешение». Также наркомат об-

---

[1] Карл Людвиг Бонхёффер (1868–1948), немецкий психиатр и невролог. Большая часть его работ посвящена экзогенным психозам и поражениям ряда областей головного мозга. Нередко выступал в качестве эксперта-психиатра на судебных процессах, представлявших общественный интерес, что принесло ему не меньшую известность, чем научные труды. Сотрудничал с фашистами, принимал активное участие в программах принудительной стерилизации и эвтаназии.

[2] Эрнст Кречмер (1888–1964), немецкий психиатр и психолог, создатель классификации типов строения тела человека и их связи с психическими болезнями, а также типов темперамента. Теория Э. Кречмера была положена в основу последующих более сложных типологий характера, в том числе антропологических исследований белорусов, которые пытались «развернуть» в Инбелкульте в 1925 г. врачи Юлиан Лютынский и Семен Волочкович.

[3] Анри Пьерон (1881–1964), французский психолог, один из основоположников французской экспериментальной и физиологической психологии. Его главным методом исследования являлся физиологический, гистологический и морфологический анализ мозга.

[4] Эмиль Куэ (1857–1926), французский психолог и фармацевт, разработавший метод психотерапии и личностного роста, основанный на самовнушении. Известен парадоксальным утверждением о том, что в поединке воли и воображения побеждает последнее. Работая в качестве аптекаря, Куэ обнаружил то, что позже стало известно как эффект плацебо. В Нанси открыл клинику психотерапии.

ратился в зарубежную часть НКВД БССР с просьбой выдать всем командируемым заграничные паспорта по льготному тарифу, принимая во внимание тот факт, что командировки имеют научный характер. То, что командировки состоялись, мы узнаем из сообщения в газете «Савецкая Беларусь»: 30 сентября в Доме просвещения был запланирован «вечер впечатлений» профессоров и доцентов БГУ, среди которых находился и А. К. Ленц, об их поездках во Францию, Германию, Бельгию, Чехословакию, Норвегию, Швецию.

С именем Александра Карловича связывают также становление белорусской антропологической науки, которая до ее институциализации – открытия аспирантуры по специальности «антропология» для подготовки квалифицированных национальных кадров в Институте искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР (1965) – прошла сложный и противоречивый путь. А если преломлять этот путь через судьбы тех, кто стоял у истоков данного процесса, то в какой-то степени его можно назвать трагическим, ибо сопровождался он крушением их планов и научных перспектив.

Необходимость создания белорусской (национальной по содержанию) антропологии в контексте всеобщей белорусизации осознавалась интеллектуалами еще в первой половине 1920-х гг. Но, как уже отмечалось, первые попытки не увенчались успехом. Буквально через год антропологическая комиссия была распущена. В ЦНА НАНБ сохранился протокол заседания медицинской секции от 30 ноября 1925 г., в постановляющей части которого отмечалось: «Пастанавілі: заслухаць даклад старшыні антрапалагічнай падсекцыі, выявіць яе працаздольнасць і высвятліць пытанне аб перадачы яе ў этналагічную камісію».

Хронологический разрыв, имеющийся в изученных источниках, дает возможность предположить, что антропологическая комиссия прекратила на том этапе свою деятельность, затем ее пришлось создавать заново. Как и в первом случае, установочных документов о создании комиссии обнаружить не удалось, но среди архивных материалов имеется «Запіска да плану працы І.Б.К. на 1926/27 год», в которой указано: «Антрапалагічная камісія заснавана толькі ў 1926/27 акадэмічным годзе і толькі цяпер разгортвае сваю працу». Возглавил ее Александр Карлович, который еще раньше, согласно протоколу заседания медицинской секции от 24 декабря 1925 г., был принят в состав данной секции. В своей «Краткой автобиографии», а также анкете профессор отмечал, что являлся председателем антропологической комиссии ИБК с 1 октября 1926 г.

Новая антропологическая комиссия строила свою работу на научной основе. Для этих целей была составлена программа исследований соотносительно с международными стандартами об антропологических размерах и с программой АН СССР. Для развертывания работ комиссии были выделены средства: 700 руб. – на закупку инструментария и 200 руб. – на обработку материалов по антропологическим опытам. Это, кстати, превышало суммы, выделенные комиссии по охране памятников (580 руб.) и географической комиссии (200 руб.). Уже в 1926 г. были проведены исследования белорусов-призывников Минского округа (760 чел.). Результаты этой работы нашли отражение в статье А. А. Смирнова, опубликованной в сборнике «Этнографія. Антрополёгія. Псыхолёгія. Псыхотэхніка і навуковая організацыя працы. Гісторыя мастацтва». Были проведены антропологические измерения детей школьного возраста в Минске и Гомеле. Летом 1927 г. осуществлена антропологическая экспедиция на Полесье (район Князь-озера), в ходе которой обследовано

436 крестьян-белорусов. Все данные обработаны по методу вариационной статистики[1]. Расширению диапазона работ способствовало составление таблиц для вычисления индексов лица и черепа. Было начато укомплектование лаборатории для изучения высшей нервной деятельности по методу условных слюноотделительных рефлексов академика И. П. Павлова, перенесенному на человека профессором А. К. Ленцем и А. А. Смирновым.

В итоге реформирования Инбелкульта (1927) комиссия была преобразована в кафедру, структурно входящую в состав класса природы. Возглавил ее Александр Карлович. В документах о работе кафедры отмечается, что исследования проводились в двух направлениях: в области антропометрии и в области изучения высшей нервной деятельности. В качестве первоочередных задач кафедра определяла: «а) выявіць расавы і біялагічны тып беларуса, выявіць характэрныя рысы беларусаў, якія аддзяляюць іх ад іншых родственных народнасцяў; б) вызначыць, як змяняецца функцыянальны тып беларуса ад уплыву ўмоў жыцця; в) даследаваць мазгавую дзейнасць; г) устанавіць асноўныя тыпы вышэйшай нервовай дзейнасці беларусаў».

План научно-исследовательских работ включал осуществление антропологических исследований, которые должны были охватить все районы Беларуси. Предполагалось проведение экспедиций по республике, а также организация связей с антропометрическими пунктами в разных городах. Целью работы являлось установление преемственности физического типа населения от древних времен до современности. Также ставилась задача определения на основании изучения групп крови, измерения артериального давления показателя тонуса скелетной мускулатуры и спирометрии функционального типа обследованных. Собранный материал позволил впервые охарактеризовать физическое развитие и физиологические показатели системы крови и обмена веществ у обследованных детей, молодежи и взрослого населения.

Указывая среди приоритетных направлений работы кафедры изучение причин, механизмов, вариации, эволюционного и социального значения брахицефалии, исследование головного мозга человека с точки зрения антропологии, физиологии и химии, А. К. Ленц запрашивал летом 1929 г. разрешение Президиума БАН на трехмесячную командировку в Международный антропологический институт в Париже. Но Белорусская академия наук не располагала достаточным количеством валютных средств для осуществления подобных зарубежных поездок. Поэтому летом 1929 г. кафедрой антропологии была запланирована экспедиция в рамках БССР – изучение крестьянского населения в районе Полоцка и Слуцка. Особенностью экспедиции стал ее комплексный характер: специалисты кафедры должны были помимо антропологического изучения крестьян рассматривать и языковые особенности, колдовство и заговоры.

[1] Методы вариационной статистики (или методы многомерной статистики) – ряд методов и приемов анализа прикладной математической статистики (биометрии), применяемых для исследования антропологических выборок (т. е. обследованной части из реально существующей совокупности объектов). Полученные при антропометрических обследованиях числовые данные отдельных признаков (рост, вес, окружность груди и пр.) подвергаются обработке методом вариационной статистики для получения средних показателей – стандартов физического развития. Каждая возрастно-половая группа должна быть представлена не менее чем 100 картами. При статистической разработке для выработки стандартов физического развития используют только карты практически здоровых людей.

Материалы, собранные в экспедициях, были обработаны и частично опубликованы А. К. Ленцем и сотрудниками возглавляемой им кафедры Д. Л. Эйнгорном, А. А Смирновым, Ю. М. Веремецкой (см.: *Ленц А. К.* Матар'ялы да організацыі антрополёгічных дасьледванняў на Беларусі // Этнографія. Антрополёгія. Псыхолёгія. Псыхотэхніка і навуковая організацыя працы. Гісторыя мастацтва. Менск, 1928. С. 55–69; *Ленц А. К.* Аб метадзе дасьледвання вышэйшай нэрвовай дзейнасці чалавека, як складанай частцы антрополёгічных дасьледванняў // Запіскі аддзелу прыроды і народнай гаспадаркі Беларускай Акадэміі навук. Т. 3. Менск, 1929. С. 67–70; *Ленц О. К.* Антропологічні досліди на Білорусі // Антропологія. Річник кабінету ім. Ф. Вовка. Т. 3. Київ, 1929. С. 26–28; *Верамецкая Ю. М.* Разьмеркаванне груп крыві сялян беларусаў Магілёўскай і Менскай акругі // Запіскі аддзелу прыроды і народнай гаспадаркі Беларускай Акадэміі навук. Т. 3. Менск, 1929. С. 77–82; *Смірноў А. А.* Антрополёгічная характарыстыка групы беларусаў Менскае акругі (рэкруты нараджэння 1904 г.) // Этнографія. Антрополёгія. Псыхолёгія. Псыхотэхніка і навуковая організацыя працы. Гісторыя мастацтва. Менск, 1928. С. 71–87; *Смірноў А. А.* Новыя даныя аб чарапох курганнага перыяду // Запіскі аддзелу гуманітарных навук / Ін-т беларус. культуры. Кн. 11: Працы катэдры археолёгіі. Т. 2. Менск, 1930. С. 379–381; *Эйнгорн Д. Л.* Матар'ялы да антропомэтрычнага вывучэньня беларусаў і яўрэяў г. Менску ўва ўзросце 6–14 год // Этнографія. Антрополёгія. Псыхолёгія. Псыхотэхніка і навуковая організацыя працы. Гісторыя мастацтва. Менск, 1928. С. 109–129 и др.). Остальные результаты утеряны во время Великой Отечественной войны. Что касается исследований, основанных на применении метода классификации по крови, то, опираясь на воспоминания Ефима Кипеля, можно предположить: именно эти исследования, а точнее, результаты их анализа, свидетельствующие о том, что кровь белорусов отличается от крови русских, стали причиной запрета применения данного метода. Материалы были отправлены в Москву и впоследствии в Институт белорусской культуры не возвращены.

В ходе свертывания политики белорусизации и проведения «чистки» аппарата БАН кафедре антропологии было поставлено в вину, что она полностью оторвана от социалистического строительства и ничего для него не сделала. Отмечалось, что «…уся праца была пабудавана па выкананьні сацыяльнага заказу нацдэмаў па вышыканьню "антрополёгічнага тыпу беларуса". З навуковага боку працы катэдры маюць шэраг грубых памылак, гвалтаваньне і скажэньне фактычнага матэр'ялу, а адгэтуль і пажаданыя нацдэмам вынікі. З масамі сувязі ня было. Падрыхтоўка кадраў не разгорнута». На основе этих заключений комиссией были сформулированы следующие предложения: «Перабудаваць працу у напрамку вывучэння паводзін чалавека. Прыняць рашучыя крокі да хутчэйшага выпуску крытычнага агляду надрукаваных прац катэдры».

Бичевание кафедры и ее руководителя получило широкую огласку, чему явно поспособствовали решения I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека, который состоялся 25 января – 1 февраля 1930 г. Как сообщалось в журнале «Комуністычнае выхаваньне», съезд «больш-менш аднадушна прышоў да вываду, што трэба прасякнуць марксысцкай методолёгіяй псыхонэўролёгічныя навукі…». Суть этого «прасякнення» виделась в следующем: «Марксысцкая псыхолёгія абапіраецца на рэзультаты

ПРАТАКОЛ

161

Прысутнічалі: т. Ананьіч т. Чарнышэвіч, Ярош, Сахабет, Рыбкін і інш. Ленц.

СЛУХАЛІ: Інфармацыю т. Ананьіча аб стане ін. Ленца.

ПАСТАНОВІЛІ: Дакончыць т. Чарнышэвічу аканчэнне а

171

- 7 -

Удостовѣрен

Удостовѣрение это

Инспекторъ Института

343 Л-464 Ленц, Александр Карлович.
Криминальные психопаты. (Социопаты)
С предисл. В.П.Осипова. Л., "Рабочий суд", 1927.
59 с. (Б-ка криминол. кабинета Ленингр. губ. суда. Под ред. Л.Г.Оршанского и др.)

343-с

Асабовы лісток па вучоту кадраў

Прадпрыемства Беларуская Ім'я Олег Ім'я па бацьку Міхайлаўна
Народзіўся 1903 годзе, у Ім'я вес. 2. Месца нараджэння Мінская вобласць
Гарэцкі раён 3. Род занят. 4. Нацыянальнасць Беларуска

Асабовы лісток па вучоту кадраў

Прадпрыемства Беларуская Ім'я Олег Ім'я па бацьку Міхайлаўна
Народзіўся 1903 годзе, у Ім'я вес. 2. Месца нараджэння Мінская вобласць
Гарэцкі раён 3. Род занят. 4. Нацыянальнасць Беларуска

Ці быў раней у ВсеКП(б) не з якога і па які час прычыны
выбушчан
Ці ведаеш якога прафсаюзу саставіць Працаўсветы з якога часу 1925 г.
Адрасы:

Назва навучальнай установы (курсы, школы, школы і інш.) і яе месцазнаходжанне	Назва факультэту, аддзяленняў, школы ці курсу	Сэмэстар	Дата (год, год) Пачэ-ку	Дата (год, год) Скан-чэнне	Працяглас-ць навуч-ання (год, мес.)	Калі на сэмэстр, год з якога курсу ВНУ	Якую вучэбную спецыяльнасць атрымаў у выніку скончанага вучэбнага ўстановы
1	2	3	4	5	6	7	8
Мінская школа [illegible]		сн.	1914	1921	7		фізкультыр.
		сн.	1922	1927	5		
		сн.	1928	1931	3		урач

Ці піша навуковую работу і вынаходствы і па якіх пытаньнях „Пусты кроўі у сваім
Ці судзіцеся (у дадатку даць пералік з паказаньнем, дзе надрукаваны)
Ці быў за мяжой (дзе, калі, як доўга і мэта паездкі)

Не

Пералік прадметаў сакрэтнага курса.

Пералік прадметаў сакрэтнага курса.	Семестры, сакрэтныя ці не, дакументаваны сакрэт, ці пры ліку § 24 Прыказу аб пашпортным рэжыме Гэтай і Прыказ. сакрэтнае Нар. Пр.	Семестры, сакрэтныя ці не, пазначаны як пазначаны пр. ліку § 27 пад.
Въ Лавной Божіемъ	5 (пяць)	5 (пяць)
Русскомъ Языкѣ съ церковно-славянскимъ и Славоведѣ	5 (пяць)	5 (пяць)
Логикѣ	5 (пяць)	—
Языкахъ Латинскомъ	4 (чатыры)	4 (чатыры)
Греческомъ	4 (чатыры)	4 (чатыры)
Математикѣ	5 (пяць)	5 (пяць)
Математической географіи	4 (чатыры)	—
Физикѣ	4 (чатыры)	
Исторіи	3 (тры)	3 (тры)
Географіи	4 (чатыры)	—
Языкахъ: Французскомъ	4 (чатыры)	4 (чатыры)
Нѣмецкомъ	"	"

Тип. В. Грифеня.

вывучэньня законамернасьці грамадзкага разьвіцьця, г. зн. гісторычны матэрыялізм».

Через два месяца после съезда в Минске в Доме просвещения состоялся диспут по вопросам поведения человека, на котором профессора Ленца заставили публично покаяться и отречься «от своих ошибок относительно психики». Но и этого было недостаточно. Тем более что в начале 1931 г. в ходе подготовки к «первой в СССР и первой в мире» конференции по планированию науки (апрель 1931 г.) идеологизация антропологии как науки возросла. Так, в одной из статей под названием «Наука о человеке в период ожесточенных классовых боев» отмечалась необходимость «с величайшей бдительностью подойти к основным идеологическим установкам, которыми до сих пор питались целые отрасли науки. Бдительность эта особенно важна по отношению к той научной дисциплине, которая именуется антропологией…».

В такой атмосфере необходимо было дать негативную характеристику всем научным направлениям работы кафедры, чтобы «научно обосновать» единогласные выводы комиссии Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) о ее несостоятельности. Из научных направлений работы кафедры особым нападкам подверглась разработка методики определения расово-биологических индексов крови. Причем критиковались не только научные выводы, свидетельствующие о том, что кровь белорусов отличается от крови русских, но и организационные моменты. Кафедру упрекали в том, что она отказалась от совместной работы с антропологами Москвы, которые планировали провести антропологические исследования во всех союзных республиках. В то же время руководство кафедры заключило договор с ленинградскими учеными. Однако, отмечалось в ходе обсуждения работы кафедры, «…проф. Ленц у сваёй справаздачы скромна змаўчаў, што ліст быў падпісаны махровым чорнасоценцам Карскім, вялікадзяржаўным шовіністам...», в то время как великодержавные шовинисты совместно с национальными демократами выступали против ленинской национальной политики. В целом проделанная научная работа кафедры была оценена как «лженаука», а от Александра Карловича потребовали, чтобы он решительно осудил эту работу.

Желая хоть частично сохранить кадры и те направления, которыми занималась кафедра, еще в сентябре 1930 г. А. К. Ленц подал в Президиум БАН заявление с просьбой дать бывшей кафедре антропологии название «Інстытут па вывучэньню паводзін і мазгоў чалавека», целью которого он определял «усебаковае вывучэньне паводзін чалавека (з уключэньнем антрополёгіі як морфолёгічнай часткі гэтага вывучэньня)». К заявлению прилагался список штатных сотрудников института, в который была включена Р. И. Раскина – в должности ученого специалиста, а Ю. М. Веремецко – научного сотрудника. Также были заявлены один аспирант и один или два лаборанта. В это же время Белорусская академия наук искала новые подходы к формированию научных планов. На заседании Президиума, которое состоялось 8 сентября 1930 г., было принято решение о необходимости «увязки» работы учреждений Академии единой научной проблемой. Было разработано и предложено несколько тем: а) критика буржуазных и националистических взглядов в науке и политике; б) национальная культура и пролетариат; в) Польша и Западная Беларусь; г) борьба с религией; д) теория и практика правого оппортунизма в БССР. Кафедре антропологии вменялось участие в двух темах: «Критика буржуазных и националисти-

Психоневрологический институт
им. В. М. Бехтерева

ческих взглядов в науке и политике» и «Борьба с религией».

Последовала реорганизация, и на базе кафедры был создан институт высшей нервной деятельности, который возглавил А. К. Ленц. Однако скоро новая научная структура была переименована в психоневрологический институт. Его возглавил М. Б. Кроль, а Александр Карлович стал руководителем всего лишь сектора психофизиологии и психопедологии. Исследования в институте проводились в области физиологического изучения психозов, социопатии и других вопросов психиатрии. А. К. Ленц «вписывался» в эти научные направления, однако не мог и не желал полностью отрекаться от своих научных взглядов, чем вызывал неприятие со стороны некоторых коллег и партийного руководства. В результате при Президиуме БАН была создана комиссия «па справе проф. Ленца». В ее состав были включены: П. Я. Панкевич, академик, член Президиума; В. А. Сербента, академик, член Президиума; Е. И. Ривлин, академик, член Президиума, и Гершельман (его данные не выявлены). На заседании комиссии 13 января 1932 г. в присутствии А. К. Ленца и М. Б. Кроля было принято решение, что деятельность кафедры «у поўнай адпаведнасьці з матэрыяламі і пастановай камісіі па чыстцы БАН адлюстроўвае спробы нацдэмаўскіх элемэнтаў “узяць рэванш” і рэвізаваць правадзімую партыяй барацьбу з нацдэмамі». Дальнейшая судьба обошлась очень сурово с членами комиссии – все они были репрессированы в 1933–1937 гг.

Несмотря на столь суровое решение комиссии, как свидетельствуют архивные документы, профессор А. К. Ленц еще надеялся найти применение своим знаниям и опыту в Беларуси. Однако тематический план работы психоневрологического института на 1933 г. отразил радикальные изменения в направлениях научной работы: почти полный отход от предыдущих антропологических исследований кафедры. А. К. Ленцу была запланирована тематика по изучению проблемы неврозов: «Классификация неврозов в связи с изучением вегетативной нервной системы» и «Критика существующих систем психотерапии». Уже в следующем, 1934 г. ученый был вынужден покинуть Беларусь и вернуться в Ленинград.

После этих полных драматизма событий упоминание об антропологической науке в стенах Белорусской академии наук (а затем АН БССР) встречается лишь в связи с созданием первой в истории Беларуси энциклопедии, получившей в отечественной историографии название «расстрелянная энциклопедия», так как большинство ее авторов и руководителей были репрессированы. Проект словаря антропологических терминов, составленный И. А. Бейлиным, включал 213 предполагаемых статей, перечень которых содержал довольно узкий круг фамилий, имеющих отношение к развитию антропологической науки. В словарь было включено всего 18 фамилий. Среди них: семь предста-

вителей французской антропологической школы, четверо – немецкой, двое – российской, по одному – английской, бельгийской, нидерландской, украинской. Фамилии А. К. Ленца, как и всех его коллег и учеников, изучавших антропологический тип белорусов, в словаре не значилось.

Опыт, приобретенный в БГУ, Инбелкульте, БАН, – как позитивный, так и негативный, – несомненно, отразился в дальнейшем на карьере и жизни Александра Карловича Ленца. Можно лишь предполагать, каких усилий стоило выдающемуся психиатру сохранить свое психическое здоровье и, несмотря на все препоны, идти в науке тем путем, который определялся высшими требованиями теории и практики исследований в сложной и важной области знаний о человеке. И эта область была основательно исследована профессором Белорусского государственного университета.

Валентина Васильевна Яновская
Олег Антонович Яновский

Основоположник педиатрического образования и науки в Беларуси, действительный член АН БССР

Профессор, руководитель кафедры и клиники детских болезней БГУ

Василий Антонович ЛЕОНОВ

24.10.1889 – 04.09.1972

Василий Антонович Леонов – выдающийся ученый, талантливый медик-клиницист, организатор и реформатор высшего медицинского образования в Беларуси, активный общественный деятель. Он стоял у истоков создания в Беларуси научной школы профессиональной подготовки педиатров, был организатором и первым руководителем Белорусского научного медицинского общества детских врачей.

Научное наследие академика В. А. Леонова составляет более чем 110 трудов. Во время работы в Белорусском государственном университете и Белорусском (Минском) медицинском институте он внедрил новейшие методы лечения детей, больных менингитом и туберкулезом, что означало прорыв в борьбе с распространенными в то время заболеваниями. Академик В. А. Леонов одним из первых начал изучать роли микроэлементов в организме больного и здорового ребенка.

В 1940 г. был избран членом-корреспондентом, в 1941 г. – действительным членом Академии наук БССР. Достижения ученого-медика отмечены высокими званиями и должностями: заслуженный деятель науки БССР (1939), вице-президент Академии наук БССР (1940–1947), депутат Верховного Совета БССР (1946–1954). В. А. Леонов удостоен высоких наград – ордена Ленина, орденов Трудового Красного Знамени, почетных грамот Верховного Совета БССР.

Василий Антонович Леонов родился 24 октября 1889 г. в Воронеже в семье рабочего-слесаря. Начальное образование получил в местной церковно-приходской школе, после поступил во 2-ю воронежскую мужскую гимназию, где проходил обучение за счет государства. Закончив данное учреждение среднего образования в 1909 г. с золотой медалью, поступил в Императорскую военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге. Во время учебы в одном из старейших учебных заведений медицинского профиля, готовившем врачей преимущественно для военного и морского ведомств, Василий Антонович начал интересоваться педиатрией. Его увлечение было неслучайным, поскольку кафедру детских болезней возглавлял известнейший в Российской империи педиатр, доктор медицины Александр Николаевич Шкарин, талантливейший врач, который одним из первых в России предпринял комплексное изучение физиологии и патологии детей грудного возраста, заложив основы клинической неонатологии. Среди преподавателей Василия Антоновича немало знаменитых врачей – Леонид Георгиевич Беллярминов (председатель Санкт-Петербургского офтальмологического общества), Тимофей Павлович Павлов (известный дерматовенеролог), Василий Николаевич Сиротинин (один из основателей российской кардиологии), Генрих Иванович Турнер (один из основоположников российской ортопедии), Сергей Петрович Фёдоров (председатель Российского урологического общества) и др. Однако особое влияние на формирование профессиональных навыков молодого медика оказал ученик лауреата Нобелевской премии Ивана Петровича Павлова профессор кафедры физиологии Николай Иванович Красногорский – в будущем основоположник советской школы педиатров.

В 1914 г. В. А. Леонов окончил Военно-медицинскую академию со званием лекаря с отличием (диплом первой степени) и за день до начала Первой мировой войны приступил к исполнению обязанностей старшего врача 4-го запасного кавалерийского полка. Однако уже в августе был направлен на фронт служить старшим ординатором в 354-м полевом запасном госпитале. В конце 1917 г. Василий Антонович вернулся в родной Воронеж. Чуть более двух месяцев он прослужил ординатором в 61-м полевом запасном госпитале, после демобилизации в феврале 1918 г. приступил к выполнению обязанностей инспектора охраны материнства и младенчества Воронежского городского отдела здравоохранения. В конце того же года зарекомендовавший себя специалист был востребован в Воронежском университете. Работал сначала ординатором, а с декабря 1919 г. – старшим ассистентом детской клиники. Это были сложные годы формирования Василия Антоновича как врача-педиатра, поскольку господствовавшие в те годы разруха и голод сопровождались различными болезнями и эпидемиями, которые неминуемо вели к увеличению показателя

Главный фасад здания Императорской военно-медицинской академии. Санкт-Петербург, начало XX в.

детской смертности. Поэтому занятость в университетском учебно-лечебном заведении требовала от персонала полной самоотдачи и выдержки.

В Воронежском университете Василий Антонович встретил одного из своих преподавателей по академии – Н. И. Красногорского. Николай Иванович в годы Первой мировой войны был избран профессором кафедры детских болезней медицинского факультета Юрьевского университета (современный Тартуский университет в Эстонии). В 1918 г. в связи с угрозой германской оккупации преподавательский состав университета и студентов эвакуировали в Воронеж, где и был сформирован новый университет. Профессору Н. И. Красногорскому выпала нелегкая задача создать и возглавить не только кафедру детских болезней медицинского факультета, но и детскую клинику. Василий Антонович благодаря такому стечению обстоятельств встретил своего будущего научного руководителя.

Под руководством профессора Н. И. Красногорского и при активном участии академика И. П. Павлова Василий Антонович изучал условные следовые рефлексы у детей в возрасте от пяти месяцев до шести лет. В ходе многочисленных экспериментов и наблюдений было установлено, что дети очень чувствительны ко всяким раздражителям из внешнего мира и с легкостью ими растормаживаются. Сравнивая рассматриваемые рефлексы с результатами, полученными его научным руководителем и консультантом, Василий Антонович пришел к заключению, что у детей рефлексы образуются быстрее, чем у животных. Итогом научных изысканий В. А. Леонова на этом этапе стала защита 20 декабря 1921 г. докторской диссертации «Материалы к изучению условных следовых рефлексов у детей», цензорами (оппонентами) которой выступили профессора Н. И. Красногорский, П. И. Философов, П. М. Никифоровский. Диссертация В. А. Леонова, являясь научным фундаментом создания режимов жизнедеятельности детей, привития им навыков и построения воспитательной работы, имела в дальнейшем важное значение в изучении возрастной физиологии головного мозга.

В. А. Леонов (крайний справа в первом ряду) на заседании ученого совета СмолГУ. 1923 г.

В феврале 1923 г. новоиспеченный доктор медицины был избран заведующим кафедрой детских болезней Смоленского университета. Решением Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР от 11 января 1924 г. Василий Антонович был утвержден в ученом звании профессора. В смоленский период профессиональной деятельности В. А. Леонова в Белорусском государственном университете активно шел процесс организации медицинского образования в Беларуси. Летом 1923 г. перед президиумом медфака БГУ стояла «задача по подысканию научных сил для сформирования нового 4-го курса». Кадровый потенциал факультета постепенно укреплялся видными учеными, приглашенными в основном из соседних советских республик. Так, кафедра акушерства и гинекологии была замещена московским профессором

Моисеем Львовичем Выдриным, для заведования факультетской хирургической клиникой из Ленинграда был приглашен профессор Савелий Миронович Рубашев, по кафедре патологической анатомии вести занятия приехал доктор медицины, приват-доцент Киевского университета Иван Трофимович Титов и т. д. Для замещения кафедры детских болезней был приглашен профессор Максим Семенович Воронин, с которым Правление университета вело переписку на протяжении 1923 г. Однако М. С. Воронин так и не прибыл в Минск.

В 1924 г. начались переговоры с профессором медицинского факультета Смоленского университета В. А. Леоновым, с большим трудом пытавшимся наладить эффективную работу. Объективно Минск имел ряд преимуществ перед Смоленском, а поэтому СмолГУ постепенно превращался в поставщика кадров для БГУ. Например, двумя годами ранее из Смоленска в Минск переехал один из основоположников хирургического образования в Беларуси Михаил Павлович Соколовский, в БГУ работали бывшие смоленские профессора-историки Н. М. Никольский, В. Н. Перцев, А. Д. Жаринов и др. После непродолжительной переписки с Василием Антоновичем было получено его согласие, и в июле 1924 г. на заседании президиума медицинского факультета БГУ кандидатура профессора Леонова была одобрена в качестве заведующего кафедрой детских болезней. Этой кафедрой профессор руководил последующие 46 лет.

С первых дней работы в Белорусском государственном университете Василий Антонович со всей ответственностью приступил к налаживанию в республике лечебной и профилактической помощи детям. Изначально встала задача как по организационному оформлению, так и по оснащению клиники детских болезней – требовалось специальное оборудование, которое в то время приобрести было нелегко. В этом существенную помощь оказали Наркомат здравоохранения, общественные советские и иностранные организации. В частности, в 1924 г. на пожертвование, направленное медицинскому факультету американской благотворительной организацией «Джойнт», для клиники В. А. Леонова были приобретены микроскопы и иное оборудование, пополнилась специализированной литературой библиотека и т. д.

В. А. Леонов (крайний справа) на обходе в детской клинике медфака СмолГУ. 1924 г.

В. А. Леонов (третий справа во втором ряду) с преподавателями и студентами медфака БГУ

В. А. Леонов (третий справа во втором ряду) с преподавателями и студентами медфака БГУ. 1926 г.

Фактически за три года существования клиника детских болезней превратилась в полноценное лечебное учреждение, рассчитанное на 72 койки и обладавшее одной из лучших лабораторий в стенах Белорусского государственного университета. Штат клиники насчитывал трех ассистентов и четырех ординаторов. За 1926/27 учебный год в клинике получили помощь 1377 детей, из них в возрасте 0–6 месяцев – 195, 0,5–1 года – 255, 1–2 лет – 335, 2–3 лет – 137, 3–5 лет – 138, 5–10 лет – 123, 10–16 лет – 195. Среди больных встречались не только жители Минска и Минского округа – за помощью обращались из Бобруйского, Борисовского, Гомельского, Могилевского, Мозырского, Оршанского, Слуцкого округов и даже из Смоленска.

Д-р В. А. ЛЕОНОВ

МАТЕРИАЛЫ
К ИЗУЧЕНИЮ УСЛОВНЫХ СЛЕДОВЫХ РЕФЛЕКСОВ У ДЕТЕЙ

МИНСК—1926

Обложка научного труда В. А. Леонова. 1926 г.

Клиника выполняла не только лечебные, но и образовательные функции. Раз в неделю здесь организовывались занятия для студентов 4-го и 5-го курсов. Для четверокурсников читались лекции и проводились практические занятия по физиологии, питанию и расстройству пищеварения у детей грудного возраста, по определению их конституции и возможных аномалий. Студенты 5-го курса изучали туберкулез детского возраста, заболевания органов дыхания, кровообращения, болезни нервной системы у детей, охрану материнства и младенчества. Помимо работы в основном отделении клиники для пятикурсников в течение одной недели проводились практические занятия в инфекционном отделении. Клиническое обучение было и остается одной из самых эффективных методик в медицинском преподавании: чем ближе студент к постели больного, тем больше он способен постичь тайны своей профессии. В отличие от учебной аудитории обучение в клиниках производилось в малочисленных группах, таким образом будущий врач под руководством ассистентов получал возможность воочию увидеть то, с чем ему предстояло столкнуться в профессиональной деятельности. Кроме того, студенты могли поработать, как уже упоминалось, в одной из лучших на то время лабораторий и освоить передовые методики исследования и диагностирования больного ребенка.

Василий Антонович был незаурядным организатором и врачом-практиком,

выделялся среди коллег педагогическим талантом, навыками и приемами чтения лекций. Профессор остался в памяти сотен студентов-медиков, обучавшихся как на медицинском факультете БГУ, так и в Белорусском (с 1947 г. – Минском) медицинском институте. В его лекциях демонстрировалась высокая эрудиция, талант лектора и мастерство клинициста. Имея богатый врачебный опыт, Василий Антонович освещал программные вопросы и пробуждал интерес у слушателей к педиатрии и народному здравоохранению, воспитывал у студентов милосердие, сострадание и гуманизм – самые важные качества при работе с маленькими пациентами.

И конечно же, клиника детских болезней БГУ являлась центром научных исследований в области педиатрии в Беларуси. С началом работы в Белорусском государственном университете Василий Антонович и его подчиненные занялись изучением проблемы эпидемического цереброспинального менингита. Результаты исследований, полученных при лечении свыше 100 детей разного возраста, он доложил на IV Всесоюзном съезде детских врачей, проходившем 30 мая – 4 июня 1927 г. в Москве. Было установлено, что сопротивляемость барьера между кровеносной и центральной нервной системой у детей до года понижена, следовательно, повышена проницаемость барьера для чужеродных веществ, находящихся в крови. Функциональная недостаточность барьера со временем уменьшается и исчезает после трех лет. Результаты исследований, проведенных в клинике профессора В. А. Леонова, имели важное значение для понимания протекания этой болезни и установления дифференциального диагноза детей разного возраста.

В дальнейшем Василий Антонович продолжил изучать эту проблему, однако все больше внимания придавал не столько диагностированию, сколько лечению болезни. Результаты работы его клиники описаны в вышедшем в 1929 г. под его авторством труде «Лечение эпидемического цереброспинального менингита

Группа студентов 5-го курса медфака БГУ на кафедре детских болезней с ее заведующим В. А. Леоновым (в центре). 1928 г.

Группа студентов
Белорусского медицинского института
с В. А. Леоновым (в центре).
1930 г.

у детей большими дозами противоменингококковой сыворотки». В 1932 г. Василий Антонович опубликовал статью «Клиника, специфическая терапия и профилактика эпидемического цереброспинального менингита у детей». С одноименным докладом он выступил на V Всесоюзном съезде детских врачей, проходившем 5–10 июня 1935 г. в Ленинграде, где подвел результаты одиннадцатилетней работы по этой проблеме. Выступление профессора В. А. Леонова вызвало оживленную дискуссию. Однако приведенные им показатели снижения летального исхода у больных детей до 16–18 % (ранее смерть наступала в 26–50 % случаев в зависимости от выбранной методики лечения) заставили большинство присутствующих отбросить сомнения. С 1939 г. для борьбы с эпидемическим менингитом Василий Антонович предложил использовать сульфаниламидные препараты, что привело к снижению летальности и уменьшению осложнений при этой патологии.

В клинике детских болезней изучались также патогенез, лечение ревматизма, расстройства питания, гельминтоз, пневмонии, геморрагические диатезы. Большое внимание заведующий и его подчиненные уделяли исследованию тяжелой формы туберкулеза у детей, поражающей оболочки спинного и головного мозга. В 1926 г. В. А. Леонов по данной проблеме издал труд «К вопросу о туберкулезном менингите у детей», содействовал борьбе с этим тяжелым заболеванием в Беларуси. Научная работа в данной области продолжалась и в 1930–40-е гг. В первые годы после окончания Великой Отечественной войны на базе 1-й клинической больницы Минска было создано специализированное отделение, в нем разрабатывались и постоянно совершенствовались методы борьбы с этим тяжелым заболеванием у детей.

В. А. Леонов содействовал не только развитию научных знаний в сфере педиатрии, но и их популяризации. В 1926 г. по инициативе профессора Белорусского государственного университета при Минском обществе врачей была создана педиатрическая секция, которая спустя два года оформилась в самостоятельное Минское общество детских врачей. В начале 1930-х гг. подобные секции существовали в Бобруйске, Витебске, Гомеле, Могилеве. В 1932 г. отдельные секции консолидировались в единое Белорусское научное медицинское общество детских врачей, которое 38 лет возглавлял профессор В. А. Леонов. На первом этапе своей деятельности организация помогала органам здравоохранения в борьбе с детскими инфекциями, туберкулезом, ревматизмом, дистрофиями, пропагандировала грудное вскармливание, организовывала прививание и т. д. После окончания Великой Отечественной войны члены научного общества прилага-

ли усилия по восстановлению службы охраны материнства и детства, оказывали консультативную помощь детям в поликлиниках, проводили курсы по повышению квалификации среди педиатров республики.

В стенах медицинского факультета БГУ профессор В. А. Леонов сделал первые, но значимые шаги по организации педиатрического образования и науки в Беларуси, определившие дальнейшее развитие этой важной сферы. После создания самостоятельного медицинского института на базе медфака университета (согласно правительственному решению от 12 августа 1930 г.) дальнейшая его деятельность в этом направлении осуществлялась в Белорусском медицинском институте (БМИ). С осени 1930 г. по инициативе Василия Антоновича приступили к организации факультета охраны материнства и младенчества, который изначально входил в состав лечебно-профилактического факультета. Формирование отдельной структурной единицы в составе института было закончено в течение года, и уже 10 октября 1931 г. профессор В. А. Леонов был назначен деканом факультета охраны материнства и младенчества.

С первых дней существования факультета в полном объеме проявились талант, мудрость и опыт его руководителя. Одним из первых решений Василия Антоновича на посту декана стало разделение факультета на два отделения – охраны материнства и младенчества и охраны здоровья детей и подростков. На первом из названных отделений готовили акушеров-гинекологов и педиатров, которые должны были обслуживать детей в течение первых трех лет их жизни, на втором – врачей, занимающихся лечением детей с трех лет и до подросткового возраста. Однако эта экспериментальная образовательная программа просуществовала недолго. Уже в 1932 г. Наркомздравом БССР было доведено, что подготовка специалистов по узким профилям экономически нецелесообразна, поэтому будущие детские врачи должны начинать свою учебу по общим программам. Но и подготовка будущих педиатров подобным образом оказалась непродолжительной. В соответствии с постановлением ЦИК СССР от 3 сентября 1934 г. была установлена единая система подготовки врачей, предусматривавшая введение во всех медицинских институтах Советского Союза факультетов для подготовки лечащих врачей с подразделением на 5-м курсе на терапевтический, хирургический и акушерско-гинекологический циклы. Детских врачей готовили только в 14 медицинских учреждениях высшего образования СССР, к которым БМИ отнесен не был. Вопрос о возобновлении деятельности педиатрического факультета поднимался В. А. Леоновым неоднократно, однако не находил положительного решения вплоть до 1964 г.

Организаторские способности В. А. Леонова в медицинской сфере республики высоко ценились. В 1931 г.

В. А. Леонов (второй справа) на заседании Государственной экзаменационной комиссии. 3 июня 1941 г.

В. А. Леонов (четвертый слева в нижнем ряду) среди делегатов сессии Белорусской академии наук в Казани. 12–14 марта 1942 г.

наряду с участием в формировании педиатрического факультета он занимался организацией Института охраны материнства и детства Наркомздрава БССР, которым руководил до начала Великой Отечественной войны. В 1933 г., будучи деканом и заведующим клиникой, Василий Антонович стал заместителем директора БМИ по учебно-научной работе и являлся им вплоть до 1940 г. В том же году он был задействован в работе по открытию Витебского медицинского института, возглавляя подкомиссию по отбору учащихся на подготовительные курсы. При этом ученый и врач-практик продолжал активную научно-педагогическую деятельность.

В. А. Леонов с сотрудниками детской клиники и студентами 4-го курса Белорусского медицинского института. 1947 г.

Работа Василия Антоновича в межвоенный период была оценена по достоинству – 1 июля 1939 г. ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки». В июне 1940 г. В. А. Леонов был избран членом-корреспондентом и вице-президентом Академии наук БССР, а в январе 1941 г. – академиком.

С началом Великой Отечественной войны 24 июня 1941 г. В. А. Леонов с женой и двумя детьми эвакуировался в Горький, а затем в Новосибирск, где работал профессором кафедры детских болезней в местном медицинском институте. В августе 1943 г. распоряжением правительства БССР он был направлен в Ярославль для восстановления деятельности БМИ, сменив на посту заместителя директора по научной работе своего коллегу еще со времен работы на медицинском факультете БГУ – Сергея Михеевича Мелких.

В августе 1944 г. Василий Антонович вернулся в Минск, начал активную работу по восстановлению органов народного здравоохранения, БМИ, кафедры и клиники детских болезней, соответствующих секторов Академии наук БССР. В послевоенное время академик В. А. Леонов развивал одно из прорывных направлений научных исследований в области педиатрии – изучение роли микроэлементов в организме больного и здорового ребенка. Работа над этой проблемой была начата еще в 1939 г., однако Великая Отечественная война и преодоление ее последствий в Беларуси позволили вернуться к ней только в 1947 г. В ходе многолетних исследований были определены нормы содержания жизненно необходимых микроэлементов (медь, кобальт, цинк, никель, калий, кальций, йод и др.) в организме детей, начиная со стадии эмбриона и уже после рождения на всех этапах взросления. Результаты научных изысканий в этой области получили высокую оценку в 1957 г. на VII Всесоюзном съезде детских врачей в Ленинграде. Разработка проблемы имела важное прикладное значение – было научно обосновано практическое применение определенных микроэлементов с профилактической и лечебной целью, что привело к промышленному производству витаминных комплексов. Академик В. А. Леонов стал одним из ведущих в СССР специалистов по этой проблеме, на консультацию к нему стремились попасть коллеги из других советских республик.

В послевоенные десятилетия Василий Антонович уделял большое внимание развитию педиатрии в стенах не только БМИ, но и Академии наук. До 1947 г. он был вице-президентом ведущего научного учреждения республики, затем десять лет являлся членом Президиума АН БССР. С 22 декабря 1956 г. академик В. А. Леонов возглавил лабораторию возрастной физиологии и биохимии, созданную по его инициативе на базе Института физиологии. Фактически он был первым в Беларуси детским врачом, под руководством которого начали изучаться молекулярные основы старения, нейрогуморальная регуляция стареющего организма, возрастные изменения сердечно-сосудистой системы и т. д. Учитывая злободневность вопроса о продлении жизни, борьбы за долголетие, здоровую и работоспособную старость, 30 декабря

Группа белорусских ученых (В. А. Леонов – второй слева в нижнем ряду) с президентом АН БССР Н. И. Гращенковым. 1947 г.

В. А. Леонов (стоит)
в Государственной экзаменационной
комиссии Минского медицинского института.
1954 г.

1957 г. постановлением Президиума Академии наук БССР на базе лаборатории было решено с января 1958 г. учредить сектор геронтологии в составе учреждений Отделения биологических наук. Сектор состоял из трех групп – возрастной физиологии, возрастной биохимии и группы учета. В должности заведующего сектором был утвержден академик В. А. Леонов. Несмотря на достижения, полученные в области научной геронтологии за более чем десятилетний срок его руководства сектором, лекарство от старости Василию Антоновичу изобрести не удалось. Сверхактивная жизнь ученого-медика подошла к своему завершению: 18 октября 1971 г. в связи с выходом на пенсию он покинул стены АН БССР, а 4 сентября 1972 г. ушел из жизни.

Прошло уже более четырех с половиной десятилетий после кончины Василия Антоновича, а память об основоположнике белорусской педиатрии сохраняется. Во многом это происходит благодаря уникальной научной школе академика В. А. Леонова. За время профессиональной деятельности им подготовлено 11 докторов (Е. Е. Кацман, А. С. Левин, К. Ф. Попов, Р. Э. Мазо, И. Н. Усов, В. М. Шостко, М. П. Павлова, Е. П. Сушко, Н. В. Бондарева, Б. М. Розенман, К. Ф. Ширяева) и 67 кандидатов медицинских наук. Уникальность этой школы – в ее многогранном характере, поскольку ученики академика, профессора Белорусского государственного университета и Белорусского (Минского) государственного института (современный БГМУ) – неонатологи, педиатры-кардиологи, педиатры-пульмонологи, детские нефрологи, педиатры-гастроэнтерологи, педиатры-гематологи. В большинстве своем они уже имеют собственные научные школы, в рамках которых вместе со своими учениками с гордостью продолжают дело, начатое практически сто лет назад в стенах Белорусского государственного университета первым педиатром Беларуси – Василием Антоновичем Леоновым.

Александр Вячеславович Бурачонок

Основоположник комплексной научной школы биологов, гистологов и цитологов Беларуси, директор Института биологии БАН

Профессор БГУ, организатор нескольких биологических кафедр и Гистологического института БГУ

Петр Аристархович Мавродиади

03.02.1878 – 27.02.1933

***С** именем профессора П. А. Мавродиади связано становление и развитие биологических наук в Беларуси. Его приезд в Минск и плодотворная работа в стенах Белорусского государственного университета позволили создать условия для формирования в Беларуси комплексной научной школы биологов, гистологов и цитологов. Петр Аристархович – организатор кафедр зоологии и гистологии БГУ, затем кафедры гистологии с эмбриологией и цитологией Белорусского государственного медицинского института, а также цитологической лаборатории Белорусской академии наук. Будучи директором Института биологии БАН, Петр Аристархович приложил немало сил для создания Центрального ботанического сада Минска. Предложенная ученым система клетки и ее жизнедеятельности стала основой наших представлений о структурной организации животной клетки, метаболизме и т. д. В настоящее время положения этой теории П. А. Мавродиади подтверждаются результатами исследований в области биохимии и молекулярной биологии, генетики и иммунологии. Его труды в области гистологии и цитологии опережали время. Результаты работы белорусского исследователя были положительно оценены советскими учеными-биологами. Петр Аристархович успел воспитать плеяду учеников, которые продолжили его дело в Беларуси. Одновременно, работая в Минске, он по просьбе коллег из Махачкалы организовал ряд биологических кафедр и наладил учебный процесс в Дагестанском государственном медицинском институте.*

Из 55 лет, отведенных судьбой профессору П. А. Мавродиади, последние 10 лет его жизни и деятельности тесно связаны с Беларусью, ее образовательными и научными центрами.

Петр Аристархович родился 3 февраля 1878 г. в губернском центре Подольской губернии – Каменце-Подольском. Вместе с тем в сохранившемся личном архиве профессора есть упоминание о том, что местом его рождения является город Холм Люблинской губернии. Однако, скорее всего, при выдаче П. А. Мавродиади в Минске временного удостоверения личности на 1927 г. была допущена ошибка, поскольку в других документах эта информация не подтверждается.

Род Мавродиади имеет греческие корни: исторической родиной являлась местность Мони острова Крит. Греко-турецкие отношения, сопровождавшиеся взаимной враждой, вынуждали греков искать более безопасное место для жизни. Возможно, по этой причине предки Петра Аристарховича переехали жить в Российскую империю. Отец будущего ученого – Аристарх Иоаннович Мавродиади – известный этнограф и библиофил. После окончания Московского университета он некоторое время преподавал латынь в Одесском лицее, а в 1869–1873 гг. – классические языки в Кишеневской гимназии, затем латинский и греческий языки в Каменец-Подольской гимназии. А. И. Мавродиади принято считать первым биографом молдавского и румынского писателя Костаке Негруцци. С ранних лет отец прививал детям любовь к чтению и литературе.

Холмская мужская гимназия. Начало XX в.

В автобиографии 1923 г. Петр Аристархович отмечал, что среднее образование получил в Холмской мужской гимназии. На момент ее окончания в 1901 г. ему было 23 года. В отличие от своих братьев Павла и Георгия, выбравших военную карьеру, Петр в 1901 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Варшавского университета. Судя по документам студенческих лет П. А. Мавродиади, хранящихся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, помимо основных занятий он живо интересовался литературой, писал стихи и рассказы. Так, только в 1903 г. подготовил литературные и философско-религиозные очерки «Николай Алексеевич Некрасов и его поэзия», «Философия естествознания как социология», «Нечто о гонимых и гонителях или прелюдия и ее симфония», статью о философских основах христианства «Христос Воскресе». С 2-го курса университета Петр Аристархович стал работать в зоологической лаборатории ординарного профессора Н. В. Насонова, автора классических трудов по биологии веерокрылых насекомых. Именно тогда Николай Викторович привил своему ученику любовь к изучению одноклеточных организмов (protozoa), что станет одним из направлений научно-исследовательской работы П. А. Мавродиади.

В 1905–1906 гг. по неизвестным обстоятельствам П. А. Мавродиади прервал занятия в Варшавском университете и

переехал в Одессу, где продолжил учебу в Императорском Новороссийском университете на физико-математическом факультете. Помимо посещения занятий Петр Аристархович работал ассистентом в зоологической лаборатории ординарного профессора по кафедре зоологии, сравнительной анатомии и физиологии Я. Н. Лебединского, где продолжил изучение простейших организмов. В 1907 г. получил первую научную командировку в Крым, целью которой являлось изучение ракообразных животных и паразитирующих в них грегарин. По результатам командировки он опубликовал статью в «Записках Новороссийского общества естествоиспытателей», послужившую основой для будущей дипломной работы («Черноморские баляны и паразитирующие в них грегарины»).

В 1908 г. П. А. Мавродиади, успешно выдержав итоговые испытания в Новороссийском университете, получил диплом первой степени. В этом же году переехал в Варшаву, где был определен сверхштатным учителем природоведения Варшавской частной мужской гимназии генерал-лейтенанта Н. А. Василевского «с поурочным вознаграждением за 6 недельных уроков в размере 360 руб. в год». Судя по документам, он также преподавал в Варшавской женской гимназии А. К. фон Гильберт, где вел занятия по естественной истории. Педагогическую работу Петр Аристархович совмещал с научными исследованиями в зоотомической лаборатории профессора кафедры зоологии Варшавского университета П. И. Митрофанова, делал доклады в Обществе естествоиспытателей при университете. Любознательность, увлеченность, педантичность и оригинальный ход мыслей молодого ученого не могли долго оставаться незамеченными для научного сообщества Варшавы. 1 января 1910 г. от заместителя министра

Императорский Новороссийский университет. Физико-химический факультет. Начало XX в.

народного просвещения поступило разрешение об оставлении его стипендиатом при Варшавском университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре сравнительной анатомии. Министерство просвещения в течение двух лет выплачивало ему стипендию в размере 1200 руб. Для сбора материала для магистерской диссертации в 1910 и 1911 гг. Петр Аристархович совершил научные командировки на Мурманскую биологическую станцию. Их результатом

П. А. Мавродиади добывает червей, живущих в иле, во время научной командировки на биологическую станцию в Мурманске. 1910 г.

стала статья «Наблюдения над птицами, усоногими раками и грегаринами Мурманского моря» в «Варшавских университетских известиях» за 1911 г. 8 мая 1912 г. на общем заседании Общества естествоиспытателей, посвященном чествованию вице-председателя Общества и председателя отделения биологии профессора П. И. Митрофанова по случаю 30-летия его научной и учебной деятельности, П. А. Мавродиади прочел доклад «Педагогическая деятельность П. И. Митрофанова и характеристика работ его учеников».

В 1912 г. аспирант сдал экзамен на степень магистра зоологии, был назначен ассистентом при кафедре сравнительной анатомии, гистологии и эмбриологии Варшавского университета. В 1913 г. ему представилась возможность участвовать в работе XIII съезда русских естествоиспытателей и врачей в Тифлисе (с 16 по 24 июня). На съезде, собравшем около 3500 зарегистрированных участников, Петр Аристархович сделал доклад на тему «Urospora Travisia как новый вид схизогрегарин». В 1914 г. его избрали секретарем биологического отделения Общества естествознания при университете, а в следующем году – секретарем физико-математического факультета Варшавских Высших женских курсов. Эти ответственные и почетные должности он сохранял за собой до 1918 г.

Сотрудники зоологического кабинета Варшавского политехнического института. Заведующий кабинетом П. А. Мавродиади (сидит второй слева)

Начавшаяся мировая война не внесла корректив в карьеру ученого-биолога. 24 мая 1915 г. на физико-математическом факультете Варшавского университета Петр Аристархович защитил диссертацию на степень магистра зоологии по теме «Наблюдения над строением и развитием грегарин» и 6 июня постановлением Совета университета был утвержден в степени магистра зоологии. Однако поражения российской императорской армии на фронте летом 1915 г. и быстрое продвижение германской армии на восток в корне изменили ситуацию: 22 июня в 10 часов вечера в университет через попечителя округа от варшавского генерал-губернатора была направлена телефонограмма, в которой предлагалось немедленно приступить к упаковке университетского имущества с таким расчетом, чтобы в 9 часов утра следующего дня быть на вокзале для отправки как имущества, так и служащих с их семьями. Варшавский университет, как и ряд других учебных заведений города, стал спешно готовиться к эвакуации в Москву, затем в Ростов-на-Дону.

По болезни П. А. Мавродиади мобилизации в армию не подлежал и вместе с другими преподавателями и сотрудниками университета выехал на восток. Петр Аристархович с семьей эвакуировался. Еще в Варшаве он женился на Полине Дмитриевне Грековой – младшей сестре известного в будущем советского историка, академика Академии наук СССР Бориса Дмитриевича Грекова. Одним

из поводов к браку стали, по всей видимости, общие интересы и увлечения будущих супругов. На это указывают книги из совместной библиотеки, проштампованные экслибрисом «Библиотека Петра и Полины Мавродиади». Среди них много книг по биологии и зоологии. В браке родились две дочери – Анна и Евгения.

В Ростове-на-Дону в декабре 1915 г. Советом профессоров Варшавских Высших женских курсов, эвакуированных вместе с университетом, Петр Аристархович был избран преподавателем сравнительной анатомии, гистологии и эмбриологии. В том же году его утвердили в звании приват-доцента Варшавского университета. Устроившись на новом месте, П. А. Мавродиади продолжил заниматься научно-исследовательской работой. В 1915–1917 гг. совершил научные командировки на Волжскую биологическую станцию, где изучал эмбриональное развитие некоторых паразитов волжских рыб.

С 1 июля 1917 г. на основании постановления Временного правительства Петр Аристархович был переведен на службу в Донской университет – в должности старшего ассистента по кафедре зоологии стал читать курс сравнительной анатомии с гистологией и эмбриологией и продолжал активные исследования. В 1917 г. совершил научную командировку в Севастополь, в 1918–1919 гг. опубликовал ряд работ («Редукция и оплодотворение», «Сперматогенез у Cystoopsis acipenseri N. Wago», «К вопросу о строении ядерного аппарата инфузории Ichthyophthirius»), участвовал в деятельности профсоюза «Медсантруд». В 1919 г. П. А. Мавродиади утвердили профессором по кафедре зоологии и назначили деканом естественно-географического факультета Донского педагогического института, а с 1 апреля 1920 г. его перевели на должность профессора по кафедре сравнительной анатомии Донского университета с поручением чтения курсов гистологии и эмбриологии и параллельного курса цитологии. Выпускник медицинского факультета университета 1926 г., известный ученый-нейрохирург профессор В. А. Никольский вспоминал, что «курс биологии профессор Мавродиади читал хорошо, увлеченно». Его удивило, что профессор посещал церковь. Но, по воспоминаниям родственников, Петр Аристархович был глубоко верующим человеком, несмотря на постепенно нарастающие гонения со стороны советского руководства в отношении церковных структур. В своей деятельности он не усматривал противоречий в сосуществовании и взаимодействии научного и религиозного мировоззрений. Даже в рождественские и новогодние праздники вопреки всеобщему запрету на установку елей в домах, воспринимавшихся как буржуазный, «поповский» и антисоветский обычай, Петр Аристархович всегда ставил елку и украшал ее самодельными объемными игрушками.

Биологическая станция в Севастополе. Начало XX в.

Преподавание в Донском университете было крайне тяжелым: у студентов отсутствовали учебники и пособия по многим предметам. Пытаясь выйти из сложившейся ситуации, П. А. Мав-

Полина Дмитриевна Мавродиади (Грекова) с дочерями Анной и Евгенией

родиади подготовил к печати «краткие конспекты» лекций по своим предметам. Так, в 1923 г. он издал тысячным тиражом «Краткий конспект по курсу цитологии». В предисловии автор отмечал: «Чтение конспекта должно помочь студентам возобновить в памяти слышанное ими на лекциях и проработанное на практических занятиях и дать им хоть что-нибудь вместо полного отсутствия руководств».

Переезд в Ростов-на-Дону внес серьезные коррективы и в семейную жизнь профессора. По воспоминаниям дочерей, их мать Полина Дмитриевна была человеком свободолюбивым, жестким, своенравным, на хозяйство не любила тратить много времени. Возможно, именно это и стало причиной того, что Петр Аристархович решил развестись. К тому же он влюбился в одну из слушательниц естественного отделения физико-математического факультета Варшавских Высших женских курсов Надежду Федоровну Украинскую. Немаловажно, что девушка была глубоко религиозна. Несмотря на разницу в возрасте в 19 лет, в 1920 г. профессор женился во второй раз (брак был оформлен в областном подотделе ЗАГСа Донисполкома). Через два года родился сын Игорь. В домашних архивах родственников хранится забавное стихотворение «Им же», посвященное Надежде и Петру, написанное кем-то из близких: *Воскресенья все мы ждали: / Петя с Надей обещали / Приготовить нам обед, / Лучшего какого нет. / Борщ хороший со сметаной / (По знакомству, верно, данной) / И вареники потом / Все с картошкой, с творогом. / «Борщ сварю собственноручно. / Надоел мне труд научный, – / Петя с жаром восклицал / И меня к обеду звал: / – Непременно приходите, / Мне с Надюшей помогите. / Мы вареничков котел / Налепить хотим на стол…»* По воспоминаниям детей, отношения между родителями были очень теплыми. Петр Аристархович никогда не забывал и дочерей от первого брака, всегда находил возможность послать подарки.

Уже по приезде в Минск в октябре 1923 г. в семье П. А. Мавродиади родилась дочь Ольга. В архивных материалах не содержится указания на прямую причину переезда Петра Аристарховича в Минск. Косвенно этой причиной мог стать его конфликт с деканом физико-математического факультета Донского университета профессором Я. П. Щелконовцевым по поводу переименования зоотомического кабинета в кабинет зоологии беспозвоночных и его переподчинения. В материалах Государственного архива Ростовской области отражены детали противоречий: Петр Аристархович ревностно и щепетильно относился к детищу своего учителя, к тому моменту уже покойного, профессора

П. И. Митрофанова. Но в итоге спор вокруг кабинета разрешился не в пользу П. А. Мавродиади.

В феврале 1923 г. П. А. Мавродиади выслал свою биографию и список трудов на адрес Правления Белорусского государственного университета. В то время на медицинском факультете на его 1-м курсе вакантной была кафедра (точнее – учебный предмет) общей гистологии, на 2-м – частной гистологии с эмбриологией. Занятия по этим курсам вел ассистент доктор С. Л. Эйнгорн. На естественно-историческом отделении педагогического факультета близкие по профилю квалификации П. А. Мавродиади курсы по анатомии человека, введению в зоологию и зоологию беспозвоночных читали заведующий кафедрой нормальной анатомии человека С. И. Лебедкин и преподаватель А. В. Федюшин.

Естественно-историческая предметная комиссия БГУ во главе с профессором А. С. Усовым, 15 марта 1923 г. рассмотрев присланные документы, пришла к выводу, что «профессор Мавродиади имеет солидный преподавательский стаж как по зоологии, так и гистологии и эмбриологии животных. Труды проф. Мавродиади весьма ценны в научном отношении… Труды эти ставят проф. Мавродиади в ряды солидных ученых-зоологов и привлечение его на Педфак в качестве профессора зоологии представляется весьма желательным». На заседании Правления БГУ 2 мая 1923 г. декан медицинского факультета профессор С. М. Мелких сообщил, что для замещения кафедры общей биологии он может пригласить П. А. Мавродиади или А. В. Федюшина. В итоге была одобрена кандидатура Мавродиади.

После получения письменного уведомления о принятии на работу в БГУ ученый вместе с женой и сыном стали готовиться к переезду в Минск. 7 августа 1923 г. Петр Аристархович сообщил в Правление университета о своем приезде. Первое время семья остановилась в 1-й Советской гостинице (бывшая гостиница Дрейцера), затем получили квартиру по ул. Широкой, 28. Но уже в январе 1924 г. ученому было предоставлено более комфортабельное жилье в доме № 35 на улице Университетской. В последующем приходилось вновь переезжать, и последним адресом на начало 1930-х гг. значится ул. Советская, д. 33, кв. 1.

В протоколе заседания Правления БГУ от 10 августа 1923 г. было заслушано ходатайство П. А. Мавродиади об оплате ему путевых издержек ввиду переезда на работу в Минск. Присутствовавшие на заседании постановили выдать профессору «…пособие в размере месячного профессорского штатного оклада за 6 недельных часов по расчету за август месяц, плату за проезд из Ростова-на-Дону в Минск за три билета с приплатой за скорость и спальные места, оплату провоза багажа за 10 пудов, оплату извозчиков в Ростове-на-Дону, в пересадочных пунктах и в Минске».

В БГУ Петр Аристархович был принят профессором сразу двух факультетов: по кафедре сравнительной анатомии педфака и гистологии медфака. На педагогическом факультете читал курс «Методика естествознания», на медицинском – «Биология». Помимо этого он стал профессором кафедры зоологии Белорусского государственного института сельского хозяйства. Совмещение в университете было закреплено в протоколе заседания Правления от 22 апреля 1924 г. Вместе с тем между руководством двух факультетов развернулась конкурентная борьба за закрепление П. А. Мавродиади только за одним из факультетов. В апреле 1924 г. на заседании деканата педфака остро стоял вопрос о его пере-

ходе на штатную должность по кафедре гистологии медфака. Члены деканата на данное предложение категорично заявили: «…признать мероприятие медицинского факультета в отношении Мавродиади не соответствующим интересам педагогического факультета, ибо такой переход проф. Мавродиади ослабляет профессорско-преподавательский состав факультета и нарушает нормальную организацию естественноисторического отделения. Кроме того, проф. Мавродиади, как методист, крайне необходим, именно на педагогическом факультете».

Действительно, помимо научных работ Петр Аристархович периодически печатал статьи, посвященные проблемам педагогики и методики преподавания. Еще в 1919 г. в журнале «Педагогическая мысль» он опубликовал статью «О цветных мелках», в 1923 г. в журнале «К новой школе» – статьи «Чувство осязания и его педагогическое значение» и «Основное положение по методике естественноисторических экскурсий». Уже в БГУ на совете отделений педфака 24 декабря 1924 г. он сделал доклад о лекторских методах преподавания в высшей школе. Говоря о лекционном изложении материала, Петр Аристархович отмечал, что он «является методом пассивным в том смысле, что помогает бездеятельности студента, заставляет его все время тратить на изучение слов. При этом примечается, что личность студента опустошается, авторитет лектора подавляет его». В докладе были приведены аргументы в пользу лекционного метода и причин его широкого использования в аудитории. Выступающий подчеркивал: «Лекционный метод есть метод просвещения широких масс. Мы в настоящее время не имеем необходимого количества научных работников, чтобы организовать преподавание по лабораторному плану. В этом отношении нам далеко от университетов Западной Европы и Америки, где на каждого преподавателя приходится очень небольшое, по сравнению с нами, количество слушателей. <…> Кроме этого, в отношении оборудования университетов мы насчитываем большие препятствия, и в этом смысле наши ВУЗы не могут идти в сравнение с западноевропейскими. Если бы сейчас же перешли на лабораторный метод, то это потребовало бы значительных материальных средств на книги и оборудование лабораторий. Вследствие чего лекционный метод пока что остается наиболее пригодным для массового просвещения, при ограниченных средствах наиболее экономным».

В августе 1923 г. Петр Аристархович добился приема на работу в университет и своей супруги на должность преподавателя по кафедре сравнительной анатомии. На ее заявлении о приеме на работу он сделал следующую запись: «…прошу удовлетворить ходатайство моей жены, Н. Ф. Мавродиади, которая до сего времени состояла моим ассистентом в Донском университете и обнаружила достаточные сведения и опыт для исполнения своих обязанностей». Надежда Федоровна проработала в БГУ до 1 сентября 1924 г.

С первых же дней своего пребывания в университете Петр Аристархович стал активно участвовать в обеспечении условий для чтения курсов по кафедре зоологии и в подготовке лекций по кафедре гистологии. Так, в протокол заседания деканата педагогического факультета от 16 декабря 1923 г. был внесен пункт о командировании П. А. Мавродиади на рождественские каникулы «для закупок по кафедре зоологии и ботаники и также для получения (бесплатно) различных принадлежностей из ботанического и зоологического садов Петрограда».

С 1924 г. Петр Аристархович своей научной квалификацией, лекционными курсами воплощал кафедру гистологии.

С его приездом были преодолены материальные трудности, существовавшие до этого, стал формироваться коллектив кафедры (вначале помимо профессора работало лишь два ассистента). В 1924 г. он читал лекции на курсах по совершенствованию фармацевтов, получая «полутора червонного рубля за лекционный час», тогда же стал председателем бюро анатомо-физиологической предметной комиссии БГУ.

П. А. Мавродиади, имея всестороннее биологическое образование и прекрасно владея цитологическими и гистологическими методами исследования, инициировал проведение научных исследований по цитофизиологии. В частности, вместе с ассистентами П. Я. Герке и Е. Г. Станкевич стал исследовать ритмические явления в строении клеток и их составных частей, в первую очередь ядрышек и хромосом. П. А. Мавродиади выдвинул ряд оригинальных представлений о возникновении, структуре и функции клетки.

В отчете по кафедре гистологии и эмбриологии за 1923/24 учебный год Петр Аристархович отмечал, что «к августу 1923 г. кафедра гистологии и эмбриологии уже обладала некоторым инвентарем, который позволял в предшествующие годы вести практические занятия со студентами: кроме небольшого количества предметов мебели и посуды, кафедра располагала, как особенно ценным материалом, большим количеством реактивов и красок, предоставленных организацией АРА; кроме того, у кафедры было небольшое количество микроскопических препаратов, главным образом по частной гистологии». Вместе с тем в отчете были отмечены и проблемы в работе: «…в истекшем учебном году преподавание гистологии и эмбриологии на естественном отделении Педфака не было вполне нормальным, что находилось в зависимости: 1) от того, что кафедра в этом году только начала организовываться; 2) по эмбриологии не оказалось подходящего материала, и последний только отчасти был добыт в декабре у профессора [Евгения Никаноровича. – *Авт.*] Павловского в Ленинграде; 3) в течение всего года чувствовалась острая нужда в материальных средствах».

П. А. Мавродиади с женой, сыном Игорем и дочерью Ольгой. Минск, 1920-е гг.

Первый год пребывания в Минске неблагоприятно отразился на здоровье Петра Аристарховича из-за большой загруженности по организации кафедры гистологии и решения вопросов, связанных с обустройством семьи на новом месте. Отдохнув за время летних каникул, профессор с нового, 1924/25 учебного

года с головой окунулся в научно-педагогическую работу. На медицинском факультете он стал читать курсы по общей гистологии и эмбриологии, частной гистологии и эмбриологии, на факультете общественных наук и рабфаке – курс биологии. На педфаке же решением естественно-научной предметной комиссии, заседание которой состоялось 4 сентября 1924 г., было поручено разработать новый курс – «Естественнонаучные основы материализма». Как следует из протокола заседания деканата факультета от 10 октября 1924 г., П. А. Мавродиади отказался читать столь «современный» курс. Но деканат постановил: «...обязать читать данный курс». И профессор вынужден был смириться: в 1925 г. подготовил краткий конспект лекций для студентов педфака БГУ по данному курсу. Студенты должны были получить представление о естествознании у древних греков и римлян – в области астрономии и географии, физики, химии и биологии, медицины; о совокупности знаний в Средние века у арабов и европейцев; о вкладе в развитие естествознания ученых XVI–XIX вв. (Коперник, Галилей, Парцельс, Геснер, Агрикола, Ф. Бэкон, Декарт, Кеплер, Торричелли, Гарвей, Галлей, Ньютон, Гюйгенс, Флогистон, Левенгук и др.).

Значительное место в деятельности кафедры гистологии, цитологии и эмбриологии с момента ее основания занимала организация работы научного студенческого кружка, созданного в 1925 г. На заседаниях кружка студенты выступали с реферативными докладами, под руководством П. А. Мавродиади писали тезисы к практическим занятиям, которые из-за отсутствия учебников были главными учебными пособиями для студентов. В этом же году кафедра была переименована в Гистологический институт медицинского факультета БГУ.

Несмотря на то что БГУ в меру возможностей выделял денежные средства на закупку и/или распределение научного оборудования (в первую очередь микроскопов) для обеспечения проведения занятий, средств не хватало. Приходилось изыскивать малейшие возможности и даже хитрить. Неслучайно в апреле 1925 г. деканат педфака жаловался в Правление университета, что «профессор Мавродиади, вопреки распоряжению Правления, отказался передать микроскопы, предназначенные для педфака». Согласно годовым отчетам в 1925/26 учебном году на кафедру гистологии были распределены только два микроскопа, полученные из-за границы, а на 3–4-й квартал 1925/26 учебного года на научное оборудование выделялось всего 500 руб. Из подобных сумм П. А. Мавродиади приходилось выкраивать рубли на выписку зарубежных научных журналов. Финансирования и снабжения необходимым материалом было явно недостаточно как для проведения лабораторных занятий, так и для научных исследований. Это хорошо видно и на примере заявления П. А. Мавродиади в Правление БГУ от 15 апреля 1925 г. В нем, не скрывая негодования, профессор отмечал: «В настоящем 1924/25 уч. году кафедра гистологии до сего времени совершенно не получала спирту. Благодаря этому работа при кафедре должна была быть сведена до минимума. Препараты для учебных целей готовились исключительно на выпрашиваемом взаймы у других кафедр спирту, а в последнее время пришлось приобретать спирт по дорогой расценке в аптеке по рецептам, расходуя на это средства, отпускаемые на оборудование и хозяйственные нужды лаборатории. Желая получать спирт по казенной расценке, я обратился с заявлением в Наркомздрав, но фармацевтический инспектор в отпуске необходимого для текущей работы

спирта отказал на том основании, что кафедры Университета должны снабжаться спиртом через органы Университета по разверстке. На основании вышеизложенного прошу дать справку о том, что спирт по разверстке моей кафедрой не получался, и подтвердить необходимость отпуска 5 килограммов спирта-ректификата за наличный расчет, в противном случае мною и моими сотрудниками не может быть использован весенний перерыв занятий как для обеспечения предстоящих еще в этом году практических занятий, так и для научных работ».

Помимо большой и разноплановой учебной и организаторской нагрузки Петр Аристархович находил время заниматься научно-исследовательской работой. 23 февраля 1925 г. на первом заседании Президиума природоведческой секции Инбелкульта его пригласили в члены секции. Весной 1925 г. он приступил к изучению почвенной микрофауны Беларуси и подготовил статью «К методике исследований почвенной микрофауны». 3 июня того же года за подписью наркома земледелия Д. Ф. Прищепова профессору было выдано свидетельство, согласно которому он совместно с пятью студентами имел право производить исследование пяти водоемов, находившихся на территории БССР, в целях добывания материала для лабораторных и студенческих занятий и зоологического музея. Во время летнего отпуска с 15 июля по 15 сентября 1925 г. Мавродиади отправился в Воронеж, поскольку получил научную командировку от Сельскохозяйственного института для изучения почвенных простейших организмов. В 1926 и 1927 гг. такие командировки он осуществил в родной ему Ростов-на-Дону, а также в Севастополь, Евпаторию и другие города и села Крыма. 31 января 1925 г. в аудитории Патологоанатомического института профессор Мавродиади прочитал доклад на тему «Вопрос о наследственности». Согласно статье в газете «Звезда» Петр Аристархович с 1926 г. стал проводить работу по изучению созревания сперматозоидов, строения и количества хромосом у свиней.

П. А. Мавродиади 4–10 мая 1925 г. представлял БГУ и республику на II съезде зоологов, анатомов и гистологов СССР в Москве, где выступил с докладом «Созревание и оплодотворение у нематоды Cystoopsis acipenseri N. Wagn». На съезде также делал доклад университетский профессор А. В. Федюшин. Анатолий Владимирович на заседании предметной комиссии по природоведческим наукам педфака БГУ от 24 мая 1926 г. предложил пригласить на готовившуюся в БССР природоведческую конференцию профессоров П. А. Мавродиади и Ф. В. Лунгерсгаузена и попросить их как хороших педагогов сделать доклад на педагогическую тему. Согласно постановлению Наркомпроса БССР от 25 февраля 1926 г. Петр Аристархович с 1 октября 1925 г. был назначен профессором ме-

П. А. Мавродиади с семьей и домработницей Глушей (слева). 1920-е гг.

Выпускники рабфака БГУ с профессором П. А. Мавродиади (в центре). 1924 г.

дицинского факультета БГУ. Однако, как свидетельствуют архивные документы, несмотря на это он оставался профессором и заочного педфака университета, где читал лекции до 1930 г.

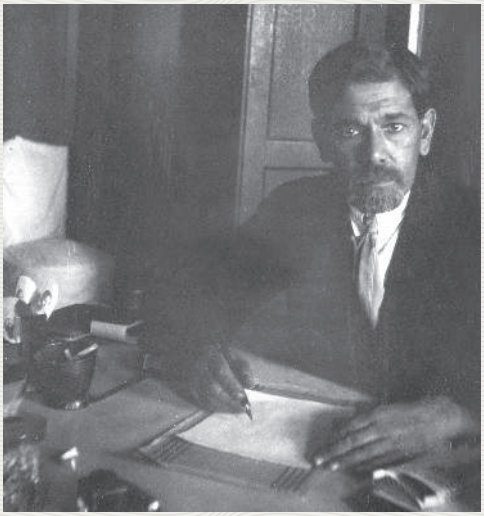
Период изнурительного совмещения преподавания на разных факультетах для профессора закончился к 1927 г. Это позволило больше времени уделять научной работе, консультациям, укреплять материально-техническую оснащенность Гистологического института. 10 октября 1927 г. в БГУ было организовано заседание, посвященное памяти трагически погибшего профессора Венского университета зоолога Пауля Каммерера, которое было открыто речью ректора В. И. Пичеты. На заседании выступили профессора Н. М. Гайдуков и А. С. Щепотьев, а Петр Аристархович сделал доклад на тему «Каммерер и теория наследственности». В этом же году на втором заседании медицинского отделения Научного общества БГУ он прочел доклад о строении хромосом.

Одним из самых известных учеников П. А. Мавродиади стал П. Я. Герке. С 1926 г. он начал работать препаратором на кафедре гистологии. Благодаря П. А. Мавродиади Петр Яковлевич сосредоточился на исследованиях сложных вопросов биологии и цитологии. Его первая научная работа по гистологии посвящена исследованию двуядерных клеток печени человека и получила высокую оценку. Талантливому молодому ученому была предложена дальнейшая научная деятельность в аспирантуре. Окончив в 1927 г. медицинский факультет БГУ, ученик Петра Аристарховича был зачислен в аспирантуру по гистологии и эмбриологии. Уже после смерти П. А. Мавродиади П. Я. Герке в 1934 г. утвердили в звании доцента кафедры гистологии и биологии, а в 1935 г. избрали ее заведующим, что позволило ему продолжить дело своего учителя. В воспоминаниях о Петре Аристарховиче П. Я. Герке писал: «…своей преданностью делу науки, тонкому изу-

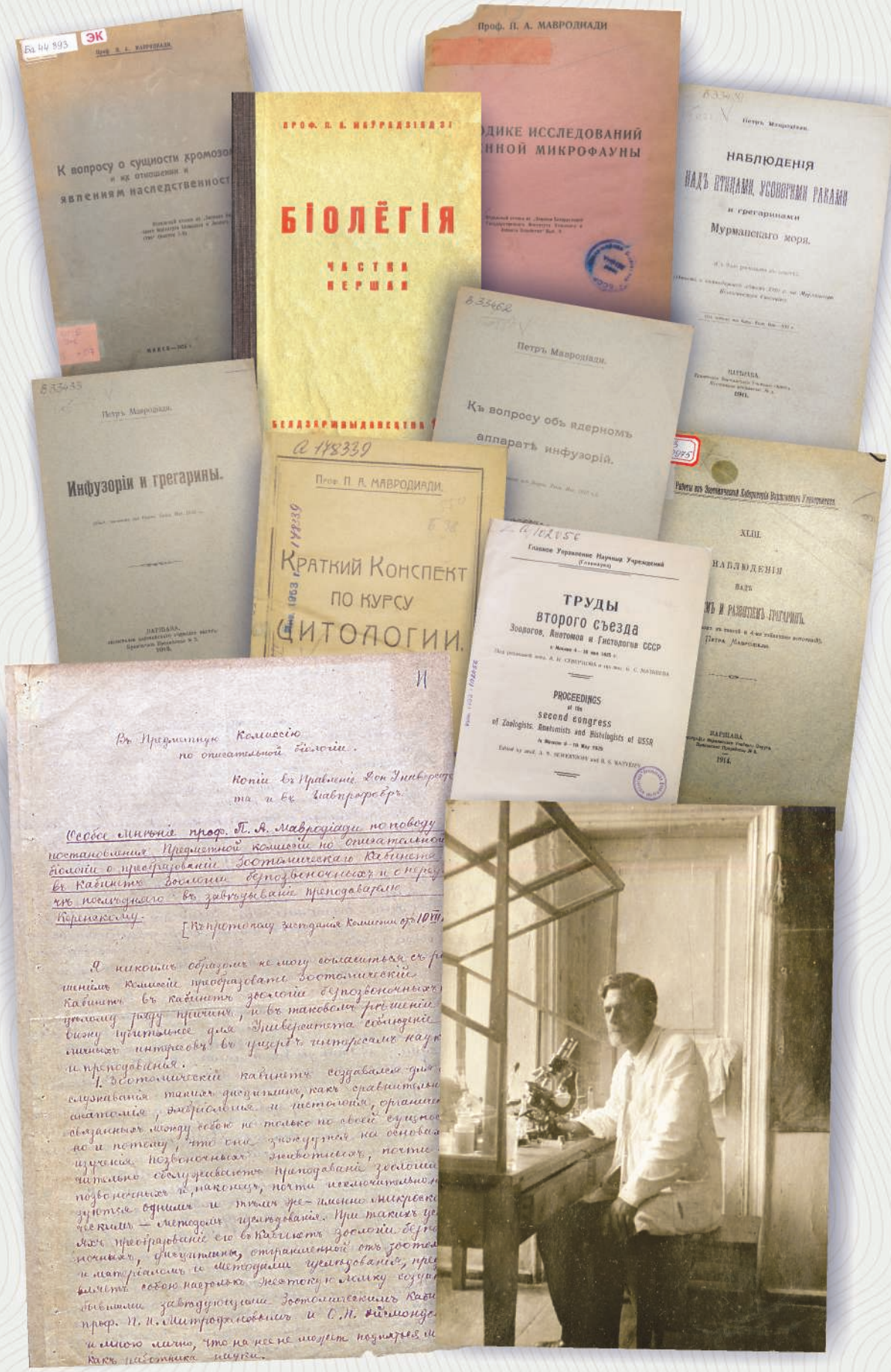
чению деталей клеточных структур, оригинальным толкованием наблюдаемого он привлекал в лаборатории биологов, врачей и студентов. Кроме того, Мавродиади умел уютно обставить лаборатории, заказывая специальную аппаратуру, мебель, таблицы и подбирая книжный фонд лабораторной библиотеки. Вся жизнь с раннего утра и до позднего вечера им посвящалась “служению науки” – работе у микроскопа. Препараты для исследования он готовил сам, мало используя труд лаборантов и ассистентов. Он находил время и для контроля научной работы сотрудников и студентов, умел их увлечь даже в каникулярное время, вел переписку с сотрудниками кафедры по научным вопросам. <…> Петр Аристархович, обладая даром слова, являлся прекрасным лектором, пользовался популярностью и любовью среди студентов. Его лекции, сопровождавшиеся хорошими зарисовками цветными мелками на доске, фиксировали на себе внимание слушателей. Много времени профессор Мавродиади отдавал популяризации биологических знаний среди трудящихся города Минска. Одновременно он много внимания уделял изучению философии в целях внедрения диалектического метода в естествознание».

В плане проведения научных исследований сотрудниками Гистологического института, рассчитанном на пять лет (1928–1933), специальной задачей ставилось изучение возрастных изменений человека в микроскопическом строении и в особенности микроскопических характеристик стареющего организма. В его обосновании профессор подчеркивал: «…обозначенная задача является целью. Пути к ней надо считать неизвестными. <…> Какое конкретное направление примут исследования в указанном отношении в ближайшие годы – сказать совершенно невозможно». Решение подобной научной проблемы, по расчетам П. А. Мавродиади, требовало немалых средств. И он составил подробную калькуляцию: по 100 руб. в месяц на текущие расходы, по 3000 руб. в год на оборудование, по 300 руб. в год на каждого сотрудника на командировки в пределах СССР, 100 руб. на заграничную командировку заведующему кафедрой. Вот только довести до завершения намеченное ученому не удалось.

Авторитет П. А. Мавродиади как ученого и педагога в университете был очень высок. Это хорошо видно даже на примере решения Правления БГУ от 13 сентября 1929 г. об условиях командирования двух профессоров: директора Института нормальной анатомии профессора С. И. Лебедкина (он просил разрешение на командирование в Москву и Ленинград для покупки муляжей для оборудования музея Института и выдачу 100 руб. на расходы по командировке) и профессора Мавродиади (о разрешении командировки в Москву для закупки



П. А. Мавродиади за рабочим столом. 1920-е гг.


Ба 44 893
ЭК
Проф. П. А. МАВРОДИАДИ
К вопросу о сущности хромосом
и их отношении к
явлениям наследственности
ПРОФ. П. А. МАВРОДІАДІ
БІОЛЁГІЯ
ЧАСТЬ ПЕРША
Проф. П. А. МАВРОДИАДИ
ОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЙ
ННОЙ МИКРОФАУНЫ
Петръ Мавродіади.
НАБЛЮДЕНІЯ
НАДЪ ПТЕНАМИ, УСОНОГИМИ РАКАМИ
и грегаринами
Мурманскаго моря.
ПАРИЖА
1911.
Петръ Мавродіади.
Къ вопросу объ ядерномъ
аппаратѣ инфузорій.
Петръ Мавродіади.
Инфузоріи и грегарины.
ПАРИЖА
1910.
Проф. П. А. МАВРОДИАДИ.
КРАТКИЙ КОНСПЕКТ
ПО КУРСУ
ЦИТОЛОГИИ.
Работы въ Зоологическомъ Лабораторіи Варшавскаго Университета
XLIII.
НАБЛЮДЕНІЯ
НАДЪ
ЪМЪ И РАЗВИТІЕМЪ ГРЕГАРИНЪ.
Петръ Мавродіади.
ПАРИЖА
1914.
Главное Управление Научных Учреждений
(Главнаука)
ТРУДЫ
второго съезда
Зоологов, Анатомов и Гистологов СССР
PROCEEDINGS
of the
second congress
of Zoologists, Anatomists and Histologists of USSR
Въ Предметную Комиссію
по описательной биологіи.
Копіи въ Правленіе Дон. Университета
та и въ Главпрофобръ.
Особое мнѣніе проф. П. А. Мавродіади по поводу
постановленія Предметной комиссіи по описательной
биологіи о преобразованіи Зоологическаго Кабинета
въ Кабинетъ Зоологіи безпозвоночныхъ и о перенесеніи
ню полезнаго въ завѣдываніи преподаванія
Корнакову.
[Къ протоколу засѣданія Комиссіи от 10 VII
Я никоимъ образомъ не могу согласиться съ ре
шеніемъ Комиссіи преобразовать Зоологическій
Кабинетъ въ Кабинетъ Зоологіи безпозвоночныхъ
по двому ряду причинъ, и въ таковомъ рѣшеніи
вижу пагубное для Университета столкнове
ческихъ интересовъ въ ущербъ интересамъ наук
и преподаванія.
1. Зоологическій кабинетъ создавался для
служиванія такихъ дисциплинъ, какъ сравнительн
анатомія, эмбріологія и гистологія, органи
обязанныхъ между собою не только по своей сущно
но и потому, что они зиждутся на основа
изученія позвоночныхъ животныхъ, почти
тельно соотношеніе преподаванія зоологіи
позвоночныхъ и, наконецъ, почти исключительно
зуются одними и тѣми же техническими микроско
ческими — методами изслѣдованія. При такихъ ус
мѣхъ преобразованіи его въ Кабинетъ Зоологіи безп
ночныхъ, дисциплины, отраненной отъ Зоологіи
и матеріаломъ и методами изслѣдованія, пре
бываетъ собою наполнить Зоологическій Каби
бывшимъ завѣдующимъ Зоологическимъ Каби
проф. Н. Н. Митрофановымъ и С. Н. Раймонд
и мною мнѣ, что на нее не могутъ подыграть и
какъ работника науки.

ДЕЛО

Профессора по кафедре зоологии

Мавродиади Петр Аристархович

ОПИСЬ № 3

Начато

Окончено

5031

С. С. Р. Б.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ БЕЛОРУССИИ

Удостоверение № 1894

Петру Аристарху Мавродиади

ВЫПИСКА ИЗ ФОРМУЛЯРНОГО СПИСКА О СЛУЖБЕ Б.СТАРШЕГО АССИСТЕНТА ПРИ КАФЕДРЕ ЗООЛОГИИ ПО ПРЕДМЕТУ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНАТОМИИ С ГИСТОЛОГИЕЙ И ЭМБРИОЛОГИИ И ПРИВАТ-ДОЦЕНТА ДОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПЕТРА АРИСТАРХОВИЧА МАВРОДИАДИ.-

По выдержании в 1908 году испытания в физико-математическом факультете Новороссийского Университета удостоен дипломом I степени.

В службу определен к.д. сверхштатного учителя природоведения Варшавской частной с правами правительственных, Кукской Гимназии Ген.-Лейт. Пасынковского с поурочных вознаграждением за недельных уроков в размере 300 руб. в год.

За министра народного просвещения г.товарищ министра оставить его при Варшавском Университете для приготовления к профессорскому званию.

Приказ по 1 мая 1912 г.

Попечитель Варшавского Учебного Округа, считая с 1 января 1910 г. временно Управляющим Виленским Учебным Округом, товарищ министра ходатайствовал продлить срок оставления его в распоряжении Министерства.

Попечитель Варшавского Учебного Округа за № 1-19306 уволен с 1 Сентября 1910 г.

Попечителем Варшавского Учебного Округа № 1-20180 назначен на должность старшего ассистента с 1 июня 1912 г.

По случаю назначения получил путевое пособие.

Попечитель Варшавского Учебного Округа № 1-16210 назначил не до... Зоологии, с положением... Зоологии, с положением... после публичной защиты... Математический факультет... под заглавием: "Наблюдения... Постановлением Совета Университета... зоологии с 1910 г. меня... предложением Попечителя... № 1-629 поручено ему чтение... зоологии - января 13 дня... его в звании приват-доцента... На основании отзывов... стве переведен на службу... старшего ассистента при... ной анатомии с гистологией... Постановлением Совета... университета от 26 января 19... должности старшего ассистента... 1919 г.

1.X.1919г.Назначен... факультета Донского Педагогического... Ц-та по каф.Зоологии.

С 1.IV.1920г. на основании... 14.V.1920г. назначен на должность... тельной анатомии,в каковой... 1923 годе.-

Ректор СКГУ

Секретарь

Петръ Аристарховичъ МАВРОДІАДИ

Приватъ-доцентъ Имп. Варшавскаго Университета.

ПРОЛЕТАРЫ УСІХ КРАЇН, ЗЛУЧАЙТЕСЯ!

„Камунізм начынаецца там, де капіталізм самастойна, пераўсвядомлена, цвёрда працуючы, мае радзіне рабочых на пасадзе працуючых".

(Ленін.)

ГАНАРОВАЯ ГРАМАТА

ВЫДАЕЦЦА ЎДАРНІКУ Дырэктару матэдрм Гістолагіі

проф. тав. МАЎРАДЗІАДДІ П. А.

АДЗНАЧЭЎШАМУСЯ НА СОЦ. БУДОЎЛІ У галіне кадрыхтоўкі мадэрнізацыі навукі.

ПА ПАСЯЧЫНКАХ:

за лепшую дзятэльнасьць вучэбнае справы.

ПОДПІСЫ ДЫРЭКТАР ІНСТ. ПАРТКОМ

Сапраўдна на працягу аднаго году

Выдадзена 17. Мая 1932 г.

Прадаўнік гэтага Мавродіаді Петра Аристарховіча

знаходзіцца на службе у Беларускім Дзяржаўным Медыцынскім Інстытуце

на пасадзе Прадзаўнік Мавродіаді Петра Аристарховіча

Подпис

кіраўніка установы

(М. П.)

подпіса пасьведчанага

Адзнака або выпіска з артыкулаў закону або пастановы, якое вызначае абмежаваныя правы і абавязкі.

САЮЗ ПРАФЕСІЯНАЛЬНЫХ АСЫЛЕТЫ БЕЛАРУСІ

СЕКЦЫЯ Навуковых Работнікаў

299

Посьведчаньне № 7

Выдадзена гэтае пасьведчаньне Мавродіаді П. А.

у тым, што ён знаходзіцца, як навуковы работнік і адзначаны членам Секцыі Навуковых Работнікаў Саюзу Работнікаў Асьветы Б.С.С.Р.

Сапраўдна па 1.1.1928 г.

Уведзены ў подпіс

Старш. Бюро Секцыі Навуковых Работнікаў

Сакратар

Тэрмін працягнуты па 30.X.

Сакратар Бюро

Тэрмін працягнуты па 1.

Сакратар Бюро

Тэрмін працягнуты па 1 "стар. 1927 г.

Сакратар Бюро СНР

Увага: Прафесіянальнага білету не заклеіць.

оборудования для кафедры и научных занятий и выдаче 150 руб. на расходы по командировке). Правление постановило: «…разрешить профессору Лебедкину без оплаты, а профессору Мавродиади оплатить проезд в Москву и обратно».

В августе 1929 г., когда Правление университета рассматривало вопрос о привлечении сотрудников БГУ к написанию учебников для студентов высшей школы, было единогласно предложено: решение этой задачи возложить на П. А. Мавродиади. Учебник по данной дисциплине Петр Аристархович не подготовил, но в 1930 г. опубликовал на белорусском языке в Белгосиздате 240-страничную первую часть учебника для педтехникумов под названием «Біолёгія. Рабочая кніга. Асновы агульнай біолёгіі». В ней отдельным разделом была представлена и гистология. В предисловии к учебнику отмечалось, что запланированы еще три части: «Ботаника», «Зоология» и «Эволюционное учение». Автор делился с читателями наработками и методами в области преподавания биологии в университете, при этом ссылаясь на некоего преподавателя БГУ: «Я мог-бы назваць аднаго унівэрсытэцкага выкладчыка, якому давялося весьці курс цытолёгіі, ня толькі тэорэтычны, але і практычны, прычым для апошняга ён ня меў ніводнага мікраскопа. Здавалася-б, што гэта недарэчнасьць, бо пры такіх умовах весьці заняткі нельга. Тымчасам я павінен сказаць, што гэты выкладчык знайшоў выхад. Замест таго, каб вывучаць каморкі (клетки. – *Авт.*) пад мікраскопам, ён ляпіў са студэнтамі модэлі іх з гліны. Студэнты самі прынесьлі некалькі мяшкоў гліны. На модэлях свае работы яны добра вывучылі і формы каморак, і іх будову, і ўсе жыцьцёвыя зьявы. Гэтыя модэлі афарбоўваліся потым алейнымі фарбамі, прымацоўваліся да тонкіх дошчачак і служылі добрай аздобай для лябораторыі і наглядным дапаможнікамі для іншых студэнтаў. Але найбольш цікава тое, што, як паказалі залікі, веды студэнтаў пасьля такіх практычных заняткаў былі куды лепшыя, як у тых студэнтаў, што вывучалі цытолёгію нормальна».

Текст учебника написан автором не только по-научному глубоко, но очень легко и интересно. В нем в полной мере проявился богатейший опыт и педагогический талант П. А. Мавродиади. Зная немецкий и французский языки, за годы проживания в Беларуси Петр Аристархович смог выучить и белорусский. Так, согласно протоколу заседания Правления БГУ от 5 декабря 1928 г. П. А. Мавродиади был определен в группу профессоров университета (И. Т. Титов, Н. В. Колпиков, С. М. Мелких, С. И. Рубашев, М. П. Соколовский, А. К. Ленц, С. М. Бурак), которые должны были с 1930/31 учебного года перейти в преподавании на белорусский язык. Написание учебника на белорусском языке свидетельствовало о том, что для ученого это не являлось непосильной задачей. Однако для него решение Правления университета практически теряло смысл, поскольку в соответствии с приказом ректора БГУ от 8 августа 1930 г. П. А. Мавродиади с 1 августа был исключен из списка сотрудников БГУ в связи с реорганизацией университета и преобразованием медицинского факультета в самостоятельное учреждение – Белорусский медицинский институт.

В мединституте Петр Аристархович работал в должности профессора кафедры биологии и гистологии. В 1930 г. он был назначен первым заведующим, а затем директором Института биологии Белорусской академии наук. В этой должности П. А. Мавродиади являлся одним из инициаторов и организаторов создания в Минске уникального даже в масштабах СССР Ботанического сада. Он,

обращаясь 25 августа 1931 г. в Москву в Агролесмелиоративный трест за посадочным и посевным материалом, писал: «Белорусская академия наук организует Ботанический сад (на тер. пл. 120 га), который должен быть не только базой для научно-исследовательских работ Института биологических наук БАН и других научно-исследовательских учреждений БССР, но и одним из парков города, как место отдыха для широких трудящихся масс».

Открывшиеся широкие возможности для занятия научно-исследовательской работой были в значительной степени подкорректированы состоянием здоровья Петра Аристарховича. 19 октября 1932 г. он написал заявление в Президиум БАН, где отмечал: «З прычыны дрэннага становішча здароўя як майго, так і маёй сям'і медычны інстытут прэдастаўляе мне трохмесячны водпуск, с I.XI.32 гг. па I.II.33, дзеля паездкі з сям'ёй на адзін з курортаў Каўказа. Для ажыццяўленьня гэтай неабходнай нам паездкі звяртаюся з прозьбай у прэзыдыум БАН даць мне на показаный час водпуск без захаваньня за мной пенсіі». П. А. Мавродиади не указал, что существовали и другие причины поездки на Кавказ. Дело в том, что к нему как известному советскому специалисту в области гистологии весной того же года за помощью обратился профессор Омар Алиевич Байрашевский – член оргбюро создававшегося в это время Дагестанского мединститута. Профессор был белорусским татарином родом из Волковыска Гродненской губернии. Согласно докладу О. А. Байрашевского, сделанному 20 марта 1932 г. на заседании СНК Дагестанской АССР, был утвержден пятилетний план развертывания кафедр нового института и строительства учебных корпусов и интерната. При этом новое учреждение испытывало острый кадровый «голод». Омар Алиевич был направлен в Баку, Ростов-на-Дону, Москву, Киев и Минск в целях подбора и приглашения профессоров и преподавателей на кафедры первого медицинского высшего учебного заведения в Дагестане.

Несмотря на постоянно ухудшавшееся состояние здоровья, Петр Аристархович откликнулся на просьбу коллеги. Согласно трудовому договору, заключенному между П. А. Мавродиади и директором Дагестанского государственного медицинского института М. Ю. Нахибашевым, профессор из Минска прочитал с ноября 1932 по январь 1933 г. полный годовой курс по общей биологии для студентов 1-го курса, организовал кафедры общей биологии и нормальной гистологии за счет специально выделенных для этого средств, провел необходимый инструктаж и подготовку лаборантов и ассистентов по учебной работе. На февраль – апрель 1933 г. была запланирована подготовка на базе БГУ одного из лаборантов Дагестанского мединститута. Петр Аристархович обязался также письменно консультировать дагестанских коллег по дальнейшей организации кафедр. Медицинский институт, в свою очередь, обязался выплатить профессору содержание за прочитанный курс в размере 6 тыс. руб., предоставить ему жилое помещение на время работы. В Махачкале он проживал в доме на ул. Красноармейской, 10/2. За время, проведенное в Дагестане, Петр Аристархович подружился с Омаром Байрашевским и по возвращении в Минск поддерживал с ним переписку. 21 февраля 1933 г. П. А. Мавродиади перевели ученым специалистом Института биологии БАН, сохранив за ним должность директора института.

В скором времени состояние здоровья Петра Аристарховича резко ухудшилось. По воспоминаниям родственников, даже будучи тяжело больным, он вел дневник,

в котором фиксировал влияние погоды на свое самочувствие. В этом дневнике 7 января 1933 г. профессор сделал последнюю запись: «Клетка – не основа, а выражение жизни. И все наши представления об одноклеточных и многоклеточных организмах, а далее – вся биология должна быть переработана согласно этому основному положению». 27 февраля 1933 г. Петр Аристархович умер от измучившего его онкологического заболевания легких и надпочечника. В этот день директор мединститута И. М. Стельмашонок издал специальный приказ, в котором указывалось, что 27 февраля 1933 г. в 8 часов утра во 2-й терапевтической клинике скончался П. А. Мавродиади. Для организации похорон была создана комиссия в составе: заместитель директора по научной части Ф. Я. Шульц, профессора С. И. Лебедкин и Л. П. Розанов, доцент Геллер и представитель студенчества Степанова (студентка 3-го курса). В одном из некрологов, помещенных в газетах Минска, сообщалось, что вынос тела П. А. Мавродиади состоялся 1 марта в 12 часов дня из здания медицинского корпуса университетского городка. Вероятнее всего, Петра Аристарховича похоронили на Военном кладбище, однако могила не сохранилась. Эпитафией на ней могли бы быть слова, которые в 1919 г. П. А. Мавродиади в некрологе адресовал своему коллеге – заведующему кафедрой патологической анатомии Донского университета Иосифу Фомичу Пожарискому: «…личная жизнь труженика прекратилась. Но те огни любовного и честного отношения к делу, которые он зажег в сердцах приходивших к нему учиться, горят и еще долго будут гореть… Многие из них разовьются в мощное пламя талантов… И пойдут от них сотни других огней. Так труд жизни сам становится жизнью и, ширясь за пределами личного существования человека, небытию противопоставляет вечность».

Надежда Федоровна Мавродиади осталась с двумя маленькими детьми. Она переживала огромную душевную травму: все предыдущие месяцы, находясь рядом с тяжелобольным мужем, надеялась на его выздоровление. 23 апреля 1933 г. на ее имя была получена справка о том, что Президиум Белорусской академии наук возбудил ходатайство перед СНК БССР о назначении семьи Мавродиади персональной пенсии. На адрес Надежды Федоровны приходили телеграммы и письма со словами соболезнований. Осмысливая личность и труды Петра Аристарховича, его ученик П. Я. Герке отметил: «...по своим знаниям, исключительной точности и тонкости наблюдений, по глубине затрагиваемых им теоретических проблем П. А. Мавродиади должен быть отнесен к крупнейшим научным сотрудникам Союза и был, несомненно, самым крупным биологом Белоруссии».

Сегодня, к сожалению, имя Петра Аристарховича почти забыто в Белорусском государственном университете и Национальной академии наук Беларуси, хотя результаты его труда до сих пор востребованы как в педагогике высшей школы, так и в научных исследованиях в области биологии.

Андрей Николаевич Максимчик

Выдающийся ученый-экономист, один из основоположников экономического образования в Беларуси

Профессор, заведующий кафедрой БГУ, обладатель звания «Праведник народов мира»

Александр Александрович Манов

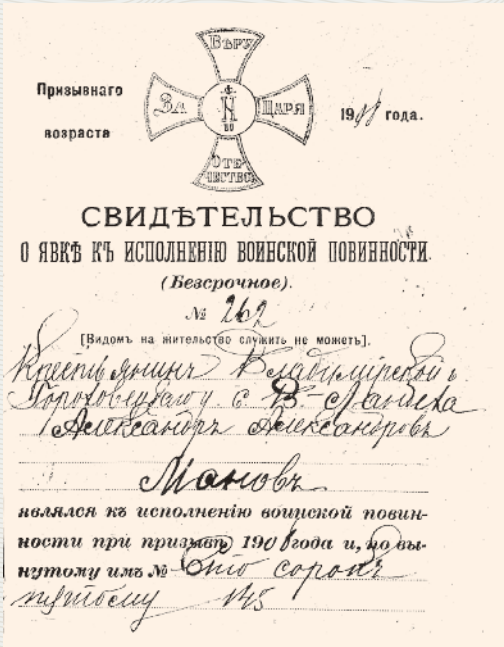
09.08.1887 – 20.12.1965

Доктор экономических наук, профессор, выдающийся ученый-экономист, автор многочисленных трудов по экономике и учету, воспитавший не одно поколение белорусских экономистов, обладатель звания «Праведник народов мира». В 1927–1929 гг. заведовал кафедрой, в 1929–1931 гг. являлся заместителем декана факультета народного хозяйства БГУ, с 1932 по 1939 г. – заведующий кафедрой социалистического учета, декан факультета народно-хозяйственного учета, с 1939 г. – заместитель директора (ректора) по научной и учебной работе, руководитель аспирантуры по бухгалтерскому учету Белорусского государственного института народного хозяйства им. В. В. Куйбышева.

А. А. Манов принял активное участие в создании теоретической модели новой системы хозяйства, обобщении крупнейших социально-экономических преобразований. Одновременно с теоретико-методологическими изысканиями Александр Александрович осуществлял научно-практические исследования во Всесоюзном НИИ каракулеводства в качестве руководителя отдела экономики и организации производства. Им был исследован ряд важных проблем, например развития животноводства в районе Главного Туркменского канала. Результаты практических разработок ученый регулярно публиковал на страницах периодической печати.

Александр Александрович Манов родился в 1887 г. в г. Юрьевце Костромской губернии. Его отец более 60 лет проработал на местной льнопрядильной фабрике токарем по металлу, получив после Октябрьской революции звание Героя Труда. Мать трудилась ткачихой на той же фабрике.

По окончании городского начального училища Александр продолжил образование в учительской семинарии в с. Вичуге Костромской губернии. Обучение в семинарии успешно завершилось в 1905 г., что дало право устроиться на работу учителем сельской школы в с. Елнать вблизи родного Юрьевца. Революционные события увлекли молодого интеллигента, и летом 1906 г. А. А. Манов вступил в кружок РСДРП(б), принял участие в рабочих выступлениях. Это не осталось безнаказанным: он попал под надзор полиции, что вынудило уехать в Казань. Там в сентябре 1906 г. была продолжена учеба – поступил в Казанский учительский институт. Во время учебы в институте революционно настроенный студент характеризовался весьма положительно. Его отличали такие черты, как самостоятельность, аналитичность в усвоении знаний, научный склад мышления. В характеристике указывалось: «По виду несколько мрачный, в действительности же Манов благодушный и приятный в обращении молодой человек. Умный, начитанный, энергичный, он, тем не менее, никогда не был склонен гордиться своими преимуществами. Поведение его в течение всего институтского курса аттестовалось баллом 5».


Призывнаго возраста

Вѣру За Царя Отечество

1908 года.

СВИДѢТЕЛЬСТВО

О ЯВКѢ КЪ ИСПОЛНЕНІЮ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

(Безсрочное).

№ 262

[Видомъ на жительство служить не можетъ].

Манов

являлся къ исполненію воинской повинности при призывѣ 190 8 года и, по вынутому имъ № Сто сорокъ пятому 145

Свидетельство А. А. Манова-ополченца о явке к исполнению воинской повинности. 1908 г.

По окончании института, с 1909 по 1911 г., А. А. Манов работал преподавателем Высшего начального училища в Ставрополе. Стремясь к дальнейшему образованию, в 1911 г. поступил в Московский коммерческий институт. В апреле 1912 г. в церкви Дмитрия Солунского в Москве состоялось венчание слушателя училища Александра Манова с дочерью заведующего Курмышским высшим начальным училищем Ольгой Виноградовой.

Первая мировая война не прервала учебу. После окончания в 1915 г. Московского коммерческого института А. А. Манов получил работу в киевской организации Всероссийского союза городов в качестве главного бухгалтера. Его жена Ольга в связи с беременностью вынуждена была вернуться в Курмыш, там в 1916 г. родила сына Георгия. Так сложились обстоятельства и личные отношения между супругами, что они больше никогда не встречались.

После Февральской революции 1917 г. А. А. Манов перешел на работу во Всероссийский центральный союз

потребительских обществ (Центросоюз), где до 1923 г. работал в должности заместителя заведующего финансовым отделом одесской конторы этой организации. Здесь в 1919 г. он вступил во второй брак – с Маргаритой Ивановной Самойлович. В 1921 г. у них родилась дочь Галина.

В октябре 1923 г. по итогам конкурса А. А. Манов был зачислен научным работником кафедры финансовых наук Одесского института народного хозяйства. Это был плодотворный в научном и педагогическом аспектах период его жизни. Александр Александрович читал ряд курсов: «Экономика денежного обращения», «Кредиты и банковское дело», «Балансоведение», «Банковское счетоведение», «Торговое счетоведение», «Общее счетоведение», «Техника банковского дела». Одновременно работал заместителем заведующего финансовой секцией Одесской окружной плановой комиссии, где сделал ряд докладов по вопросам местных финансовых кредитов. В одесский период жизни ученый подготовил несколько работ научно-теоретического характера, среди которых выделялись: «Цели кооперации в связи с Новой Экономической Политикой» (1922), «Денежный оборот периода социальной революции в РСФСР» (1925), «Развитие кредита банковских учреждений в Одесской губернии» (1925), «Очерки финансовой системы Китая» (1925). В первой половине – середине 1920-х гг. А. А. Манов вел практические изыскания по учету различных типов хозяйств, торгово-промышленного и банковского капитала, собрал ценный эмпирический материал для изучения конструкции местного хозяйства и динамики его развития. Собранный материал был использован в ходе подготовки и издания курсов лекций и практических занятий по балансоведению и общему счетоведению.

А. А. Манов с женой
О. Ф. Мановой-Виноградовой. Москва,
первая половина 1910-х гг.

Александр Александрович работал в Одессе до 1927 г., осенью получил приглашение занять должность профессора по кафедре счетоведения на созданном в 1925 г. факультете права и хозяйства в Белорусском государственном университете. В Минск А. А. Манов приехал с семьей, состоявшей из трех человек, сразу получил квартиру на первом этаже в университетском профессорском доме. Отдельная квартира была весьма кстати, так как профессор с собой привез чуть ли не главное свое богатство – специализированную научную библиотеку, насчитывавшую более чем две тысячи томов. Прожили в этой квартире Мановы до самой войны. Она располагалась в «шаговой доступности» от работы обоих супругов (Маргарита Ивановна работала на кафедре биологии Белорусского медицинского института). Здесь родился и умер в раннем возрасте их сын Вадим, в 1935 г. родилась дочь Ирина.

М. И. Самойлович (Манова) – выпускница природоведческого отделения БГУ (1931), ассистент кафедры биологии Белорусского медицинского института

А. А. Манов прибыл в БГУ в то время, когда требовалось закрепить достигнутые за предшествующие годы успехи в постановке университетской экономической науки. Для страны же это был период замены стихийного капиталистического рынка планово-государственной социалистической экономикой, имевший два этапа: восстановление народно-хозяйственного комплекса с попыткой использования рыночных механизмов и товарно-денежных отношений и начало индустриализации и коллективизации. Сложные задачи, стоявшие перед экономикой, требовали подготовки национальных кадров экономистов. В эти годы были опубликованы различные по содержанию, но ориентированные именно на разработку прикладных и теоретических вопросов в области экономики труды В. И. Пичеты, И. Я. Герцыка, А. М. Арцимовича, М. Б. Гольмана, А. И. Лурье и др.

А. А. Манов органично влился в коллектив профессуры БГУ. Он сразу же приступил к чтению курсов цикла счетных дисциплин, в том числе: «Общее счетоведение», «Коммерческие вычисления», «Балансоведение и анализ», «Банковское счетоводство». Так, в учебном плане экономического отделения факультета права и хозяйства в первый год работы профессора в БГУ значилось несколько сложных профессиональных курсов. Студентам 2-го курса он читал вместе с доцентом В. В. Якуниным дисциплину «Камерцыйныя вылічэньня і агульнае рахункаводства». В этом же учебном году студентам 3-го курса, обучавшимся на том же экономическом отделении, но по «административно-промышленному циклу», профессор опять же в «связке» с Виктором Васильевичем Якуниным читал курс «Агульнае і фабрычнае рахункаводства», а также самостоятельно – «Банкавае рахункаводства».

Работу в студенческой аудитории БГУ Александр Александрович совмещал с преподаванием на Высших финансово-экономических курсах, которые были организованы в университете. Курсы требовали от профессора постоянного отслеживания процессов, происходивших в экономике республики. Поэтому он изыскивал все возможности для изучения практической постановки учета на промышленных предприятиях БССР. Летом 1928 г. ученый взял двухмесячную командировку в Москву и Ленинград, где теоретические занятия в библиотеках совмещал с изучением техники учета операций Госбанка СССР.

С началом «великого перелома» факультет права и хозяйства в феврале 1929 г. был разделен на два самостоятельных факультета. Один из них – факультет народного хозяйства (ФНХ) – должен был полностью сконцентрироваться на подготовке экономистов. Тогда же продемонстрировавший хорошие организаторские способности молодой заведующий кафедрой, быстро овладевший белорусским языком, был назначен заместителем декана этого факультета. Работал он в

этой должности до 1931 г., когда в соответствии с постановлением СНК БССР факультет был преобразован в самостоятельный Планово-экономический институт. Заслуги Александра Александровича как заведующего кафедрой и заместителя декана в условиях реорганизации факультета в институт были отмечены высокой наградой – Почетной грамотой СНК БССР. Просуществовав около двух лет, Планово-экономический институт вошел составной частью в многопрофильный экономический институт – Белорусский государственный институт народного хозяйства им. В. В. Куйбышева (БГИНХ). В нем помимо заведования кафедрой социалистического учета с 1932 по 1939 г. А. А. Манов являлся деканом факультета народно-хозяйственного учета, а с 1939 г., после вступления в члены ВКП(б), – заместителем директора (ректора) по научной и учебной работе. Также профессор руководил аспирантурой по бухгалтерскому учету. Напряженная работа в 1934 г. вновь была высоко оценена – ученый, педагог и воспитатель молодежи, организатор экономического высшего образования был награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Становление А. А. Манова-ученого, его восхождение по академической карьерной лестнице на протяжении 1930-х гг. совпало с периодом развития в СССР планово-государственной социалистической экономики. После ряда реформ в 1930–1931 гг. оформилась советская финансовая система. Еще до реформ были отменены свободный вывоз и ввоз конвертируемых червонцев. Затем была отменена продажа товаров за золото и иностранную валюту внутри страны. Прошла отмена векселей, частных кредитов, частных обществ взаимного кредита. Состоялось упрощение налоговой системы: остались два основных вида налогов – с оборота и отчисления из прибыли. У всех предприятий появились свои счета.

Наличные («трудовые») деньги получали физические лица в виде зарплат, премий и социальных выплат, на которые они могли купить потребительские товары и платные услуги. Все учреждения пользовались безналичными («счетными») деньгами. Переводить эти безналичные деньги в наличные было нельзя. Например, предприятие, произведшее продукцию, получало на свой счет в Госбанке определенную условную денежную сумму. Обналичить можно было лишь средства, положенные на выплаты работникам. Безналичные деньги предприятие перечисляло в том же Госбанке на счета партнеров, у которых закупало сырье, запчасти, заказывало определенные работы и т. п. Предприятие – покупатель товаров и услуг могло отказаться от оплаты некачественной работы. Учреждения розничной торговли сдавали выручку в Госбанк, оставив себе средства для выплаты зарплат. Во внешней торговле действовала государственная монополия. Торговля на мировом рынке велась, разумеется, по рыночным ценам.

Во второй половине 1930-х гг. руководство СССР заявило, что в основном завершено строительство социализма. Необходимо было создать теоретическую модель новой системы хозяйства. Советские ученые приступили к обобщению крупнейших социально-экономических преобразований, приведших к формированию централизованно управляемой экономики, разрабатывали в рамках пролетарского мировоззрения методологические проблемы, исследовали отдельные законы и категории этой хозяйственной системы, определяли перспективы завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенный переход от социализма к коммунизму.

Основными догмами сталинской политической экономии стали: закон планомерного развития хозяйства; закон неуклонного роста материального и культурного уровня трудящихся; закон непрерывного подъема производства; закон стоимости, действующий при социализме в преобразованном виде и имеющий новое социальное содержание; принцип распределения по труду; категории «общественная собственность», «хозяйственный расчет», «необходимый» и «прибавочный» продукт, имеющие новое значение и социальную форму; характер труда при социализме и др. Этими догмами в значительной степени определялось содержание написанных А. А. Мановым научных и научно-популярных работ по финансовым вопросам и вопросам социалистического учета. К основным из них относятся: «К постановке вопроса о методологии счетных дисциплин» (1929), «Курс балансового учета» (1929), «Хозяйственный расчет в торфяной промышленности» (1932), «Техпромфинплан и методика его составления» (1934), ряд глав к фундаментальному изданию «Теория советского бухгалтерского учета» (1936). В этих и других работах отразилась необходимость отслеживать результаты и искать пути дальнейшего беспрецедентного исторического эксперимента по переустройству общества.

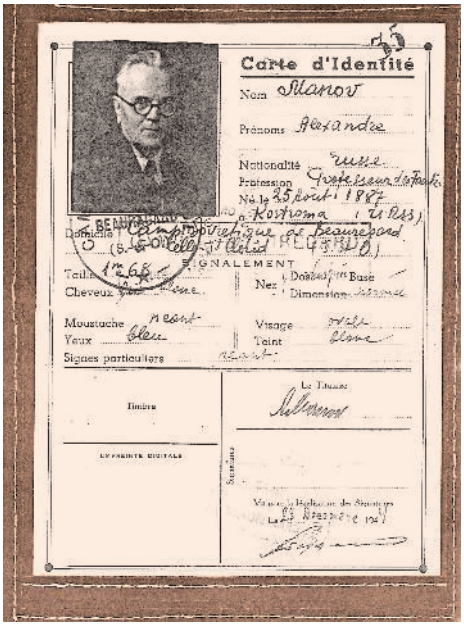
22 июня 1941 г. согласно мобилизационному плану и личному указанию первого секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко А. А. Манов принял руководство БГИНХ. 23 и 24 июня в институте проводились переходные и государственные экзамены. Когда 26 июня стало известно, что руководство республики покинуло Минск, А. А. Манов вместе с семьей попытался выехать из города, однако места в последних уходящих машинах для них не нашлось. Сам он так вспоминал события тех трагических дней: «27-го июня я и проживавший в одном доме со мной член партии, заведующий ленинского районо т. Савостьянов пошли к военному коменданту города с целью просить его содействия в эвакуации нас с семьями из города. Наша попытка оказалась без результата, и вечером того же дня, когда временно стихла вражеская воздушная бомбардировка, мы вернулись к нашим семьям, которые к тому времени перешли в подвал Университета. Так как железнодорожное сообщение было прервано уже 24-го июня, а выйти из подожженного фашистами со всех сторон города с ребенком не представлялось возможным, я вынужден был остаться в подвале Университета в твердой уверенности, что создавшаяся обстановка является временной и случайной и что если врагу и удастся захватить город, то это будет кратковременным военным эпизодом. Не помню точно числа, когда первые вражеские танки ворвались в город. Убедившись в этом, я считал своей обязанностью уничтожить партийный билет для того, чтобы он не мог попасть в руки врага и быть использован, и с этой целью в подвале Университета сжег его, оставив только часть обложки с номером, которую зашил под подкладку фуражки. Все это окончательно погибло при разграблении моей квартиры фашистами после ареста меня СД».

В августе 1941 г., вскоре после проведения переписи всего оставшегося под оккупацией мужского населения Минска, по приказу минского бургомистра В. Тумаша А. А. Манов возглавил работу кассы Минской городской управы. Вынужденный работать, чтобы выжить, профессор не мог остаться безучастным к творившемуся вокруг насилию. И в меру сил помогал тем, кто оказался в безвыходной ситуации. Так, осенью 1941 г. в квартире Мановых пряталась от отправки в гетто и была спасена благодаря покупке

супругами фальшивого паспорта М. Розенталь – школьная подруга их старшей дочери Галины, уехавшей накануне войны учиться в Ленинград. Работая в кассе городской управы, ученый установил контакт с партизанами и через связную собирал и передавал сведения о находившихся в городе немецких воинских частях, штабах и учреждениях, достал и передал в лес секретный военный план Минска. Подпольная деятельность А. А. Манова закончилась его арестом в начале 1944 г.

После двух месяцев допросов в тюрьме СД Александр Александрович был переведен в концлагерь на улице Широкой, откуда в апреле 1944 г. вместе с женой его вывезли в концлагерь на север Франции – на постройку «Атлантического вала». В августе того же года А. А. Манов совершил побег и до прихода англо-американских войск скрывался в рабочем поселке возле города Сен-Кантен в доме рабочего шелковой фабрики. После изгнания немцев из Франции Александр Александрович переехал в Париж, где до отправки на родину работал при управлении Уполномоченного СНК СССР по репатриации в качестве руководителя лектория для советских граждан, находившихся во Франции. Маргариту Ивановну вместе с остальными заключенными освободили французские партизаны (маки), и какое-то время она находилась в партизанском отряде. С января по март 1945 г. члены созданной под руководством А. А. Манова лекторской группы прочли около ста лекций на сборных пунктах советских граждан в городах Понтуаз, Борегар, Шато-де-Байе.

В мае 1945 г. чета Мановых вернулась в Минск, где Александру Александровичу после длительных проверок разрешили работать на прежнем месте – в БГИНХ. Профессор сразу же включился в восстановление экономики республики. Так, по заданию руководства БССР на протяжении второй половины 1945 г. им была подготовлена двухсотстраничная рукопись «Баланс промышленного предприятия и его анализ». Однако сразу после войны отношение власти к людям, остававшимся на оккупированной территории и работавшим в немецких учреждениях, было негативным. Ученому все время приходилось оправдываться, объяснять, доказывать. В 1946 г. А. А. Манов пережил сильнейший удар, когда Минский обком КП(б)Б своим решением исключил его из членов ВКП(б).


Carte d'Identité
Nom Manov
Prénoms Alexandre
Nationalité russe
Profession Professeur de Théorie
Né le 25 Août 1887
à Kostroma (URSS)
Domicile Camp Forestier de Beaurepaire
SIGNALEMENT
Taille 1m68
Cheveux blond
Nez Droit Base
Dimension moyenne
Moustache neant
Yeux bleu
Visage ovale
Teint clair
Signes particuliers neant
Timbre
Le Titulaire
Signature
Valable jusqu'au 25 Novembre 1941

Удостоверение личности, выданное А. А. Манову французскими властями в 1944 г.

Не выдержав гнетущей обстановки, Александр Александрович решил уехать из БССР, подав заявления на конкурс сразу в несколько высших учебных заведений других республик. В результате в 1946 г. А. А. Манов выбрал находившийся в то время в Самарканде Узбекский институт народного хозяйства, где был избран на должность профессора кафе-

А. А. Манов во время чтения лекции советским гражданам во Франции. 1945 г.

дры учета и статистики. Новый преподаватель сразу же завоевал уважение коллег и студентов, которые избрали его председателем совета Научного общества. За короткое время по заданию ректората он осуществил большую работу по переводу на хозяйственный расчет цехов металлообрабатывающего завода «Красный двигатель», а также по повышению квалификации заводских кадров. Тем не менее уже в 1948 г. «в связи с отсутствием нагрузки» он перешел на преподавательскую работу в Самаркандский финансовый техникум, где трудился до 1951 г.

А. А. Манов среди студентов и преподавателей Самаркандского сельскохозяйственного института. 1950-е гг.

Одновременно с педагогической работой Александр Александрович осуществлял научно-практические исследования во Всесоюзном НИИ каракулеводства в качестве руководителя отдела экономики и организации производства – в 1949–1952 гг. как совместитель, а затем в 1952–1957 гг. – как штатный сотрудник института. За это время он разработал ряд важных проблем каракулеводства. Например, в ходе проектно-изыскательских экспедиций Министерства совхозов СССР в районе Главного Туркменского канала в 1951 и 1952 гг. изучил вопросы развития животноводства на этих пустынных территориях. Результаты практических разработок ученый регулярно публиковал на страницах периодической печати.

Весьма характерна для рассматриваемого периода статья А. А. Манова «Политическая экономия как важнейшая составляющая часть революционного учения марксизма-ленинизма» (1946), в которой политэкономия трактовалась как наука о развитии производственных

отношений на разных этапах истории, в том числе при социализме. В статье «Ленин и Сталин – создатели политической экономии социализма» (1947) ученым оценивалась заслуга Ленина в создании теории переходного от капитализма к социализму периода, а Сталина – как автора учения о хозяйственно-организаторских функциях советского государства, соотношении экономики и политики в условиях социализма, путях и формах индустриализации и коллективизации, законах планомерного развития, роли денег и торговли в социалистической экономике, социалистическом принципе распределения и др. Работа профессора-экономиста «Забота партии о повышении материального благосостояния и культурного уровня жизни советского народа» (1953) была реакцией на решения XIX съезда ВКП(б) по подготовке перехода к коммунизму, от принципа «от каждого по способностям – каждому по труду» к принципу «от каждого по способностям – каждому по потребностям». В статье «Социалистические преобразования в европейских странах народной демократии» (1951) А. А. Манов дал анализ политических и экономических реформ в странах, вступивших после войны на путь социалистических преобразований. Он попытался выявить и подчеркнуть общие закономерности социалистического строительства.

В 1962 г. в Минске умерла жена Манова – Маргарита Ивановна. И тогда ученый смог оформить (зарегистрировать) брак с Еленой Григорьевной Минеевой, которая была его спутницей, помощницей на протяжении всех самаркандских лет. Тогда же Александр Александрович принял решение вернуться к детям в Минск. Судьбой ему было отмерено два года жизни в столице БССР: он скончался в 1965 г. Похоронили доктора экономических наук, профессора А. А. Манова на Восточном кладбище, рядом с женой Маргаритой Ивановной.

А. А. Манов с дочерью
Г. А. Жилиной (Мановой). 1960-е гг.

В 1996 г. супругам Мановым Мемориальным институтом памяти Катастрофы европейского еврейства «Яд ва-Шем» было присвоено почетное звание «Праведник народов мира» за спасение евреев лицами других национальностей. Их имена высечены на Стене почета в Аллее праведников Национального мемориала «Яд ва-Шем» в Иерусалиме.

Александр Александрович Гужаловский

Выдающийся ученый-экономист, один из профессоров – основателей Белорусского государственного университета

Профессор БГУ, заведующий кафедрой финансово-экономических наук

Виктор Васильевич ЯКУНИН

18.04.1881 – ?

***В**иктор Васильевич Якунин – профессор БГУ, заведующий кафедрой финансово-экономических наук, один из профессоров – основателей университета. В дореволюционное время он являлся организатором ряда средних учебных заведений Российской империи, готовивших специалистов в области экономических наук и бухгалтерского дела (в Ростове-на-Дону, Днепре, Донецке, Смоленске, Ченстохове), на протяжении ряда лет был профессором Московского археологического института.*

Приехав в Минск, Виктор Васильевич заложил основы преподавания финансово-экономических дисциплин не только в БГУ, но и в других белорусских вузах. Благодаря ему в учебные планы подготовки специалистов были введены такие дисциплины, как «Общее счетоведение» (бухучет), «Наука о финансах», «История хозяйства и форм труда», «Торговлеведение». Его обширные знания были реализованы в годы заведования курсами промышленно-экономических знаний, предназначенными для коллег – профессоров и преподавателей БГУ. Профессор работал не только в университете, но был востребован в других учебных заведениях республики: активно преподавал на образовательных курсах различных государственных учреждений Беларуси, в Минском железнодорожном техникуме, был директором Минского промышленно-экономического техникума. Своей квалификацией и профессиональной активностью он способствовал популяризации экономических знаний среди населения Беларуси.

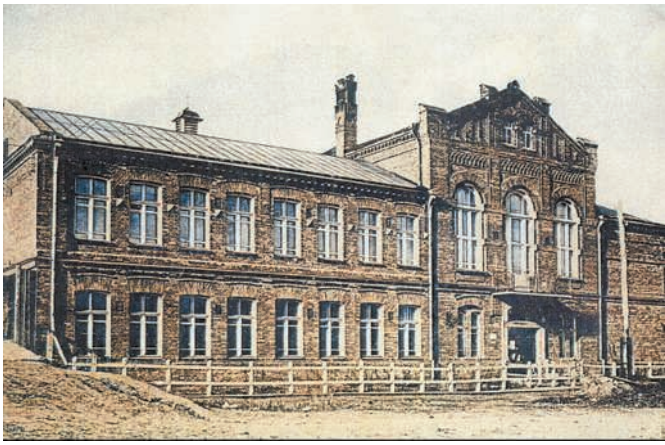
В последние годы жизни Виктор Васильевич был профессором Московского государственного института цветных металлов и золота. К сожалению, пока место и время смерти В. В. Якунина установить не удалось.

Виктор Васильевич Якунин родился 18 апреля 1881 г. в Ростове-на-Дону. В автобиографии он указывал, что появился на свет в русской «бедной трудовой семье». Несмотря на происхождение из социальных низов, смог получить хорошее образование, закончил реальное училище в Ростове-на-Дону, затем Рижский политехнический институт по коммерческому отделению и Московский археологический институт.

Полученное образование позволило сосредоточиться на преподавательской деятельности. Недолго – в 1903–1904 гг. – Виктор Васильевич читал лекции по политической экономии на Женских курсах коммерческих знаний в г. Нахичевань-на-Дону (ныне – часть Ростова-на-Дону) и по совместительству преподавал «коммерческие дисциплины» в различных учебных заведениях Ростова-на-Дону. В 1904 г. перешел на административную работу в области народного образования – стал инспектором Екатеринославской торговой школы. В то время здесь начинал свою трудовую деятельность и В. И. Пичета, впоследствии первый ректор Белорусского государственного университета. Тогда состоялось знакомство двух профессоров БГУ, которое переросло в искренние дружеские отношения. Когда 20 августа 1921 г. В. В. Якунин (явно по предложению В. И. Пичеты) писал заявление о приеме на работу в открывавшийся в Беларуси университет, то счел необходимым с уважением и теплотой напомнить эпизод из совместной работы в Екатеринославле: мол, был не только инспектором торговой школы, но «каковую и организовал при Вашем просвещенном содействии».

На инспекторской должности Виктор Васильевич находился с 1907 по 1909 г., а в 1910–1913 гг. являлся директором Екатеринославского 2-го коммерческого училища, преобразованного им из торговой школы. На короткое время в эти же годы он был приглашен на должность директора Юзовского (ныне – г. Донецк) коммерческого училища – специально для организации данного учебного заведения.

Административные и организаторские таланты В. В. Якунина не остались незамеченными – уже в 1913 г. его пригласили для создания еше одного коммерческого училища, на сей раз в Ченстохове (ныне – город в Польше). Годом позже Виктор Васильевич переехал в Смоленск для работы в должности директора Смоленского коммерческого училища и одновременно – ассистента Московского Археологического института. Как он писал в названном выше заявлении на имя В. И. Пичеты, «по окончании курса наук в Московском археологическом институте по археологическому факультету я посвятил себя исключительно научной деятельности и занял место преподавателя по кафедре “История народного хозяйства” в Московском археологическом институте и его провинциальных отделениях». В других документах указывается, что его научно-преподавательская деятельность началась с должности



Екатеринославское 2-е коммерческое училище

ассистента – ее он занимал с 15 сентября 1914 г. по кафедре юридических древностей, а с 1916 г. стал преподавателем по кафедре истории народного хозяйства.

В 1917 г. В. В. Якунин был избран на должность профессора этой же кафедры, оставаясь в штате Московского археологического института вплоть до его ликвидации в 1922 г. Руководство института позднее дало чрезвычайно высокую оценку его деятельности: «…неоднократно нес ответственные поручения Совета Института по чтению лекций в отделениях Института в Смоленске, Витебске, Н. Новгороде, Ярославле, Ростове, Воронеже, Калуге и Оренбурге, и, по ревизии этих отделений, принимал участие в разных ученых и учебных комиссиях и проч. В качестве профессора В. В. Якунин заявил о себе талантливым и серьезным лектором, умевшим привлечь и увлечь аудитории, пользовавшимся любовью и уважением со стороны студентов, которые находили у него исчерпывающие ответы на свои недоуменные вопросы и нравственную поддержку в своей научной работе. Как сослуживец и товарищ В. В. Якунин пользовался всеобщей любовью».

После столь активной деятельности на ниве образования, сопряженной со сменой учебных учреждений, постоянными переездами, Виктор Васильевич принял решение связать свою дальнейшую творческую жизнь с Минском, с БГУ: 3 августа 1921 г. он обратился с письмом-ходатайством к В. И. Пичете с просьбой рассмотреть его кандидатуру для замещения вакантной должности в БГУ. Он следующим образом обосновывал свою просьбу: «В последнее время, в силу жилищных и материальных условий, я не в состоянии в полной мере продуктивно научно работать и потому, выставляя свою кандидатуру, я надеюсь, что вновь открывающийся Минский государственный университет предоставит мне возможность продолжать мою научную работу в нормальной жилищной и материальной обстановке».

Прошение В. В. Якунина было удовлетворено, и уже 12 октября 1921 г. ему от имени университетского Правления была отправлена телеграмма, в которой объявлялось, что начало занятий запланировано на 15 октября и вагон Белорусского государственного университета отправится в Минск из Москвы 12 октября в 9 часов вечера.

В отличие от многих других московских профессоров, которые долгое время читали лекции в БГУ, приезжая в Минск лишь на короткое время, Виктор Васильевич решил перебраться в столицу ССРБ почти сразу после начала первых занятий в нем. Однако следовало решить вопрос с переездом из Смоленска его семьи: 2 ноября 1921 г. Правление БГУ обратилось в Смоленский губисполком с просьбой «не отказать в выдаче разрешения на беспрепятственный вывоз мебели и вещей домашнего обихода гр-ки А. Н. Скотак, переезжающей с семьей в Минск к месту службы ее мужа, профессора Белорусского государственного университета Якунина».

В БГУ В. В. Якунин получил кафедру финансово-экономических наук, причем во всех документах 1921 г. он именуется профессором. Так, в первом служебном удостоверении за № 3146, выданном 31 октября 1921 г., он назван «профессором Белорусского государственного университета по кафедре финансово-экономических дисциплин». Однако это звание поначалу являлось неофициальным, не подтвержденным в установленном порядке органами, которым подчинялись первые высшие учебные заведения РСФСР (в том числе и БГУ). Поэтому через некоторое время (сентябрь 1922 г.) последовало ходатайство Правления БГУ в отдел социально-экономического обра-

зования Главпрофобра РСФСР о предоставлении преподавателю В. В. Якунину звания профессора факультета общественных наук. В обосновании руководство БГУ сослалось на его успешную работу по организации преподавания финансово-экономических дисциплин, по созданию предоставленной ему кафедры. Не остался без внимания и тот факт, что в Московском археологическом институте он ранее уже получил звание профессора.

Вероятно, ответ был не совсем положительным, так как к вопросу о предоставлении В. В. Якунину звания профессора руководство БГУ вновь вернулось весной 1928 г. Уже в Наркомпрос БССР было отправлено новое ходатайство с просьбой восстановить Виктора Васильевича в звании профессора по кафедре счетоводства с 1 января 1928 г. По тогдашним заведенным правилам к этому ходатайству были приложены выписки с заседаний Правления БГУ, деканата факультета права и хозяйства, анкета В. В. Якунина и две характеристики, подписанные бывшим проректором Смоленского отделения Московского археологического института В. П. Лапчинским и группой профессоров того же института во главе с его бывшим ректором искусствоведом Александром Ивановичем Успенским. В обосновании просьбы указывалось, что В. В. Якунин на протяжении 5 лет, с 1917 по 1922 г., являлся профессором Московского археологического института и в 1928 г. исполняется 25 лет его научной деятельности. Ходатайство БГУ на этот раз было услышано Наркомпросом БССР, и В. В. Якунин был восстановлен в должности профессора постановлением № 97 НКП БССР от 7 мая 1928 г. сроком на 7 лет.

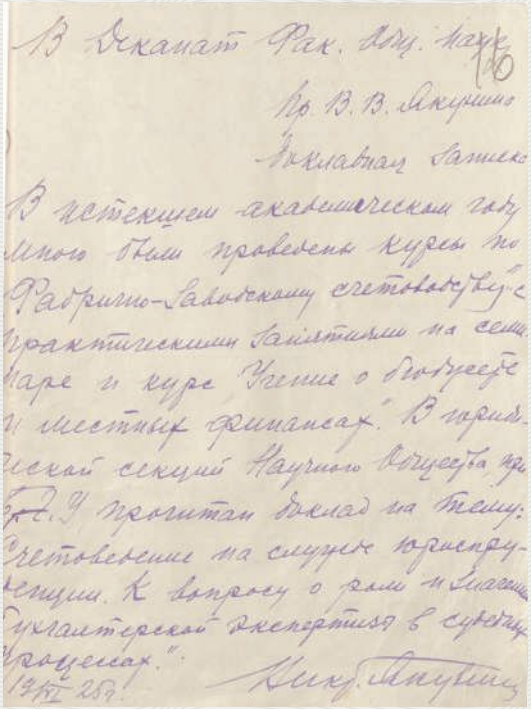
В 1922/23 учебном году В. В. Якунин преподавал на экономическом и правовом отделениях ФОНа ряд дисциплин, среди них: «Наука о финансах» и «История

В. В. Якунин в период работы в Московском археологическом институте. 1915–1922 гг.

хозяйства и форм труда» (на 1-м курсе), «Общее счетоведение» вместе с семинариями (на 2-м курсе). В этом же учебном году он сделал в Научном обществе при БГУ доклад на тему «Жизнь и творчество Шарля Фурье», приуроченный к 150-летию со дня рождения ученого.

Летом 1923 г. Виктор Васильевич был в краткосрочной научной командировке, по окончании которой составил подробный отчет (сохранился в его личном деле). Использовал он ее для ознакомления с новейшей литературой «по финансово-экономическим дисциплинам», а также с монографиями по счетоведению, «являющимися в настоящее время для провинции большой библиографической редкостью». В конце своего отчета он не без удовольствия отметил: «...кое-что из счетоводной и финансово-экономической литературы мне удалось приобрести для пополнения моей библиотеки».

Еще одна научная командировка планировалась в 1927 г. в Москву и Ленин-



В Деканат Фак. Нар. Хоз.

Гр. В. В. Якунина

Докладная записка

В истекшем академическом году мною были проведены курсы по Фабрично-Заводскому счетоводству с практическими занятиями на семинаре и курс "Учение о бухучете и местных финансах". В юридической секции Научного Общества при БГУ прочитан доклад на тему: "Счетоведение на службе юриспруденции. К вопросу о роли и значении бухгалтерской экспертизы в судебных процессах."

13/VI 25 г.

Якунин

Отчет В. В. Якунина о проделанной учебной и научной работе в 1924/25 учебном году. 19 июня 1925 г.

град «для ознакомления с постановкой работы и организацией кабинетов счетоведения». Виктор Васильевич просил у Правления аванс в размере 100 руб. для финансирования поездки, однако на заседании Правления 25 мая 1927 г. было решено «командировку разрешить без оплаты расходов по командировке». По всей видимости, из-за отсутствия средств командировка в июне 1927 г. не состоялась. Попасть в столицы не только политические, но и научные белорусский профессор смог лишь в конце августа. И поехал за свои личные средства, но по приезде в начале сентября попытался вновь добиться компенсации расходов: 50 руб. за билеты и суточные (командировка проходила с 25 августа по 2 сентября). На сей раз Правление изыскало средства, при этом отметив, что уплата означенной суммы возможна только с бюджета следующего учебного года (1927/28), так как на момент прошения В. В. Якунина «денег по этой статье нет».

Кроме поездок с сугубо научными целями за время работы в БГУ Виктор Васильевич не раз выезжал за пределы БССР по семейным делам и в связи с необходимостью укрепить свое здоровье. Использовалось не только летнее каникулярное время, но иногда в целях лечения ездил в Крым и на Кавказ зимой. И всегда оформлялось множество соответствующих документов, разрешающих такие поездки (с 25 июня по 1 сентября 1925 г., с 15 января по 1 февраля 1927 г., с 15 июня по 1 сентября 1927 г., в июле – августе 1928 г. и др.)

В 1924/25 учебном году нагрузка В. В. Якунина состояла из двух основных курсов – «Фабрично-заводское счетоводство» и «Учение о бухучете и местных финансах». В юридической секции Научного общества при БГУ им был прочитан доклад на тему «Счетоведение на службе юриспруденции. К вопросу о роли и значении бухгалтерской экспертизы в судебных процессах». В следующем году основным прочитанным им курсом для студентов нового факультета права и хозяйства стал курс коммерческих вычислений, где занятия Виктор Васильевич проводил с использованием новомодных в вузах СССР лекционно-группового и лабораторного методов. Параллельно он являлся заведующим курсами промышленно-экономических знаний коллектива профессоров и преподавателей БГУ, на которых читал курс «Наука о финансах и коммерческих вычислениях».

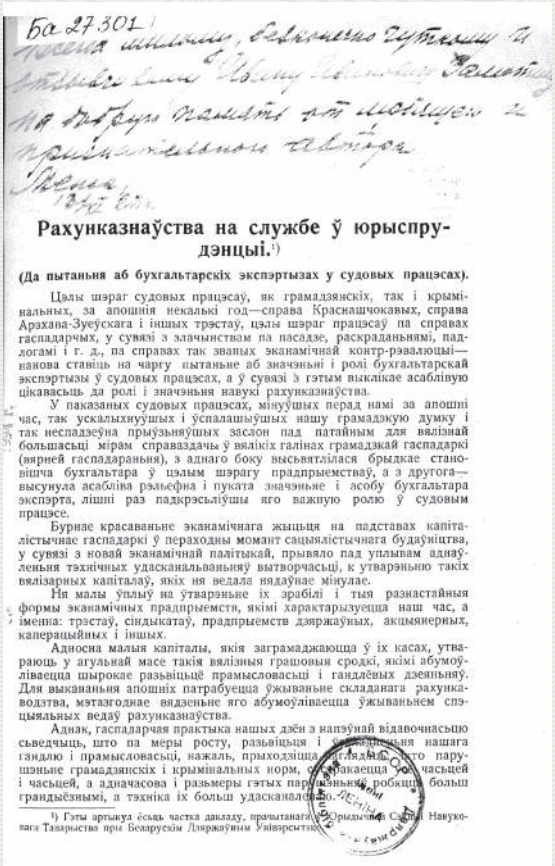
Как отмечал В. В. Якунин в своем отчете о работе за 1925/26 учебный год, научных докладов в этот период он не

делал «ввиду загруженности лекционной и административной работой». В то же время в автобиографии, написанной им в середине 1920-х гг. (текст не датирован, и время создания определено по внутренним признакам), он указывает на ряд своих научных работ (называя их «монографиями») «по коммерческим, финансовым и педагогическим дисциплинам», в том числе «Реформу денежного обращения в России», «Эстетические воззрения Платона», «Значение женского коммерческого и экономического образования для народнохозяйственной жизни страны», «Коммерческое образование в России и на Западе». В данном случае, скорее всего, В. В. Якунин перечислил темы докладов, сделанных им в разные годы, а не собственно монографии. В этом же тексте он упоминает, что ведет работу над курсом лекций по торговлеведению, экономике транспорта и кратким курсом промышленного счетоводства.

Как и большинство приехавших в начале 1920-х гг. на работу в БГУ профессоров и в целом преподавателей, определивших Минск для постоянного проживания и работы, Виктор Васильевич серьезно занялся изучением белорусского языка. Пример ректора, с которым в Беларуси товарищеские отношения переросли в дружеские, был важным. Первый документ, написанный рукой В. В. Якунина на белорусском языке, датируется 5 июня 1927 г. В нем он ходатайствует о переносе начала чтения им лекций на белорусском языке на 1 января 1928 г. вместо планировавшегося 1 сентября 1927 г. Причина состояла в том, как писал Виктор Васильевич, что ему было необходимо время для серьезной подготовки к ведению занятий и завершения работы над составлением терминологии по ряду курсов («Банковское дело», «Счетоводство», «Торговая арифметика») на белорусском языке. Однако члены Правления на своем заседании 10 июня 1927 г. отклонили просьбу, вновь предложив профессору начать чтение лекций на белорусском языке с начала 1927/28 академического года.

Кроме преподавания в стенах БГУ на протяжении 1920-х гг. В. В. Якунин активно работал и в других учебных заведениях Минска, на различных образовательных курсах. В 1922 г. он был лектором на курсах Наркомата продовольствия, в 1923 г. – на курсах Наркомата финансов и советских торговых служащих. В 1924/25 учебном году, вспоминая свой дореволюционный опыт, Виктор Васильевич являлся директором Минского промышленно-экономического техникума, а с 1924 по 1928 г. – заведующим курсами промышленно-экономических знаний коллектива профессоров и преподавателей БГУ. На протяжении 1925/26 и 1926/27 учебных годов он был преподавателем Минского железнодорожного техникума, читал там два курса («Экономика транспорта» и «Общее счетоведение»), а в 1925 г. продолжал преподавать на краткосрочных курсах финансовых работников при Наркомфине.

К 1928 г. здоровье Виктора Васильевича сильно пошатнулось. Профессор-медик М. Б. Кроль после детального обследования в своем врачебном заключении 12 мая 1928 г. констатировал, что В. В. Якунин страдает рядом хронических заболеваний («...атеросклероз, тяжелая неврастения, запущенная атония кишечника»), в силу чего ему «крайне вредно заниматься научно-педагогической деятельностью». Подобный диагноз отражал условия жизни и работы университетского профессора – постоянные стрессы и умственное перенапряжение, неправильное и скудное питание и т. д. На основании врачебного заключения В. В. Якунин написал в Правление БГУ заявление, в котором просил, учитывая его расстроенное здоровье, поднять пе-



Ба 27301

Рахунказнаўства на службе ў юрыспрудэнцыі.[1]

(Да пытаньня аб бухгальтарскіх экспэртызах у судовых працэсах).

Цэлы шэраг судовых працэсаў, як грамадзянскіх, так і крымінальных, за апошнія некалькі год—справа Краснашчокавых, справа Арэхава-Зуеўскага і іншых трэстаў, цэлы шэраг працэсаў па справах гаспадарчых, у сувязі з злачынствам па пасадзе, раскраданьнямі, падлогамі і г. д., па справах так званых эканамічнай контр-рэвалюцыі—нанова ставіць на чаргу пытаньне аб значэньні і ролі бухгальтарскай экспэртызы ў судовых працэсах, а ў сувязі з гэтым выклікае асаблівую цікавасьць да ролі і значэньня навукі рахунказнаўства.

У паказаных судовых працэсах, мінуўшых перад намі за апошні час, так ускалыхнуўшых і ўспалашыўшых нашу грамадзкую думку і так несладзеўна прыўзьняўшых заслон пад патайным для вялізнай большасьці мірам справаздачы ў вялікіх галінах грамадзкай гаспадаркі (вярней гаспадараньня), з аднаго боку высьвятлілася брыдкае становішча бухгальтара ў цэлым шэрагу прадпрыемстваў, а з другога—высунула асаблівa рэльефна і пуката значэньне і асобу бухгальтара экспэрта, лішні раз падкрэсьліўшы яго важную ролю ў судовым працэсе.

Бурнае красаваньне эканамічнага жыцьця на падставах капіталістычнае гаспадаркі ў пераходны момант сацыялістычнага будаўніцтва, у сувязі з новай эканамічнай палітыкай, прывяло пад уплывам адначасьленьня тэхнічных удасканальваньняў вытворчасьці, к утварэньню такіх вялізарных капіталаў, якіх ня ведала нядаўнае мінулае.

Ня малы ўплыў на ўтварэньне іх зрабілі і тыя разнастайныя формы эканамічных прадпрыемств, якімі характарызуецца наш час, а іменна: трэстаў, сіндыкатаў, прадпрыемств дзяржаўных, акцыянерных, канцэрнаўных і іншых.

Адносна малыя капіталы, якія заграмаджаюцца ў іх касах, утвараюць у агульнай масе такія вялізныя грашовыя сродкі, якімі абумоўліваецца шырокае разьвіцьцё прамысловасьці і гандлёвых дзеяньняў. Для выкананьня апошніх патрабуецца ўжываньне складанага рахунка-водзтва, мэтазгоднае вядзеньне яго абумоўліваецца ўжываньнем спэцыяльных ведаў рахунказнаўства.

Аднак, гаспадарчая практыка нашых дзён з напэўнай відавочнасьцю сьведчыць, што па меры росту, разьвіцьця і ўскладненьня нашага гандлю і прамысловасьці, нажаль, прыходзіцца [illegible] гэтага парушэньне грамадзянскіх і крымінальных норм, [illegible] насьцей і часьцей, а адначасова і разьмеры гэтых парушэньняў, робяцца больш грандыёзнымі, а тэхніка іх больш удасканаленаю.

[1] Гэты артыкул ёсьць частка дакладу, прачытанага [illegible] Навуковага Таварыства пры Беларускім Дзяржаўным Унівэрсытэце.

Оттиск научной статьи В. В. Якунина с дарственной надписью автора профессору-филологу БГУ Ивану Ивановичу Замотину. 13 июня 1928 г.

ред соответствующими органами вопрос о выдаче пенсии согласно § 30–31 Положения о научных работниках БССР. В ходатайстве Правления БГУ в Наркомпрос БССР просьба профессора была поддержана, и в дополнение к аргументам, приведенным им самим, подчеркивалось, что «в начале организации Университета В. В. Якунин оказывал ему “вялікія ўслугі пры максімальнай настаўніцкай нагрузцы”».

Одновременно Виктор Васильевич возбудил ходатайство об увольнении из БГУ в связи с состоянием здоровья. Ректор В. И. Пичета был вынужден пойти навстречу и 1 июня 1928 г. в связи с увольнением профессора подписал документ, удостоверяющий, что В. В. Якунин работал преподавателем в БГУ с момента его основания – с осени 1921 г. И дал краткую, но искреннюю и благожелательную характеристику, в которой отразил важнейшие заслуги Виктора Васильевича перед университетом и всей Беларусью: «В течение 7-летнего преподавания в Университете профессор Якунин поставил кафедру на соответствующую высоту, несмотря на то, что в первые годы существования Университета последний располагал минимальным количеством учебных пособий. Являясь прекрасным преподавателем и большим специалистом в своей области, профессор Якунин с честью занимал кафедру и выполнял возложенные на него Правлением Университета обязанности… Университет потерял в лице профессора Якунина прекрасного преподавателя, а университетская коллегия – чуткого товарища».

Подобные же теплые слова были и в удостоверении, выданном В. В. Якунину от имени декана факультета права и хозяйства С. Я. Вольфсона: «Заведуя кафедрой счетоведения, В. В. Якунин обнаружил большую эрудицию в своей области, значительный преподавательский опыт. В самые тяжелые годы существования Университета В. В. Якунин оказал ему ценные услуги».

Несмотря на заявление о назначении пенсии и решение об увольнении, В. В. Якунин оставался в составе преподавателей БГУ до ноября 1928 г. После летнего отпуска он принимал зачеты у студентов факультета права и хозяйства на протяжении зачетной сессии в сентябре 1928 г., после чего ходатайствовал о

выдаче денежного содержания за первую половину сентября в связи с тяжелым материальным положением. Последний автограф Виктора Васильевича в его личном деле датируется 14 ноября 1928 г.: «Трудавы сьпіс атрымаў на рукі».

После увольнения из БГУ Виктор Васильевич уехал из Беларуси – вначале в поселок Сартань под Мариуполем, затем в Москву. Он продолжал поддерживать контакты со своими коллегами по университету, прежде всего с В. И. Пичетой. В архивном фонде первого ректора БГУ сохранились письма и телеграммы, полученные Пичетой от Якунина. В первом из писем, датируемом октябрем 1929 г., бывший профессор университета рассказывает о своем обустройстве в южных краях и приглашает Владимира Ивановича приехать к нему в гости.

Вскоре в судьбе В. В. Якунина произошел очередной крутой поворот – он переехал в Москву, где стал работать профессором во вновь созданном в 1930 г. Московском государственном институте цветных металлов и золота (в те годы институт располагался в старом здании Горной академии, а в 1932 г. переехал в здание на Крымском Валу, где теперь находится Московский институт стали и сплавов). В этом институте преподавала плеяда выдающихся ученых, а многие из его выпускников прославились не только на профессиональной арене. Например, Виктор Васильевич работал с будущим главой Академии наук БССР Константином Васильевичем Горевым (он окончил институт в 1930 г., учился там в аспирантуре, а затем работал ассистентом и доцентом кафедры металловедения до избрания членом АН БССР в 1938 г.). Наверняка он встречался и с А. М. Волковым – доцентом кафедры высшей математики в 1930–50-х гг., более известным широкой публике как автор книг о волшебнике Изумрудного города. В начале войны институт был эвакуирован в Алма-Аты, хотя часть сотрудников и оборудования осталась в Москве и продолжала работу. Уже с февраля 1942 г. удалось возобновить работу института, а к началу 1942/43 учебного года был восстановлен учебный корпус и занятия велись в обычном режиме.

Все 1930–40-е годы Виктор Васильевич продолжал поддерживать контакты с В. И. Пичетой. В сохранившейся в личном фонде Пичеты Архива РАН переписке два друга обсуждали различные, в том числе и бытовые, вопросы. Эта переписка имеет характерные архивные обозначения: «Письма и телеграммы В. В. Якунина (профессор Минцветметзолота, бывш. директор Екатеринославского 2-го коммерческого училища) В. И. Пичете». Так, 29 марта 1942 г. В. В. Якунин жаловался на здоровье, но был уверен, что после победы над врагом обязательно встретится с Владимиром Ивановичем. А сам немногим позднее (9 июня 1942 г.), заботясь о друге, рекомендовал В. И. Пичете санатории для оздоровления.

Последняя дата, связанная с жизнью и деятельностью Виктора Васильевича Якунина, – 45-летний юбилей научной деятельности В. И. Пичеты. В 1946 г. Виктор Васильевич сердечно поздравил своего друга и коллегу. К сожалению, установить дату смерти В. В. Якунина и место захоронения пока не удалось.

Олег Иванович Малюгин

ИЗ КОГОРТЫ ВЫПУСКНИКОВ АЛЬМА-МАТЕР

Организатор системного преподавания истории Беларуси, автор и редактор первых послевоенных учебников по отечественной истории

Профессор, член-корреспондент АПН СССР, создатель и заведующий университетской кафедрой истории БССР

Лаврентий Семенович АБЕЦЕДАРСКИЙ

29.06.1916 – 06.07.1975

Среди многих известных белорусских историков послевоенного времени выделяется своей неординарностью профессор Лаврентий Семенович Абецедарский, занявший особое место в советской историографии. Сегодня его научное наследие по-разному упоминается, анализируется, подается то в русле исследований по белорусскому средневековью, то в соотношении с общественно-политическими процессами в БССР и СССР.

Как бы там ни было, но Лаврентий Семенович стал олицетворением эпохи в развитии исторической белорусистики, воплотив в творческой биографии не только сложную эволюцию советского ученого, но и известный тезис «историк и время», когда научная объективность непременно должна сопровождаться «политической правомерностью». Свое прочтение страниц белорусского прошлого он (как, впрочем, и большинство его коллег) соотносил и прочно увязывал с необходимостью укрепления советского современного ради приближения гармонии в восприятии прошлого и настоящего.

В белорусской советской историографии и в системе исторического образования 1950-х – первой половины 1970-х гг. не было более узнаваемой фигуры, чем Лаврентий Семенович Абецедарский. Его имя зазвучало уже с 1940–50-х гг., когда он, молодой ученый, проявил активность в доведении до печати первого тома создававшейся в 1930–50-х гг. «Гісторыі Беларускай ССР». И стал не только одним из ее авторов, но был включен в удивительный «триумвират» научных редакторов – рядом с академиком В. Н. Перцевым и кандидатом исторических наук К. И. Шабуней.

Стремительному взлету по ступеням научной, а одновременно и административной карьеры Л. С. Абецедарский обязан какой-то счастливой звезде, которая сопровождала его на «фронте исторической науки». Об этом свидетельствуют многие документы, архивные материалы, касающиеся вех жизненного и творческого пути студента, аспиранта, доцента, профессора, заведующего кафедрой, члена-корреспондента Академии педагогических наук СССР.

Лаврентий Абецедарский родился 29 июня 1916 г. в г. Горки Могилевской губернии. В официальных бумагах, которые потом часто заполнял при перемещении по служебной лестнице, всегда скромно писал, что родители были служащими. Так обозначил истоки своей биографии и в конце карьеры, но все же в одной из автобиографий уточнил: «Отец мой до 1917 г. и после Октябрьской революции работал техником-строителем. Мать – домашняя хозяйка». Семья в 1924 г. переехала в Оршу, на новое место работы отца.

Можно предположить, что с детства историк проявил свою «политическую осведомленность» и даже чутье, так как после окончания школы-семилетки целых шесть лет в очень сложное время (с сентября 1931 г. по сентябрь 1937 г.) смог удержаться на должности инструктора «отдела пионеров» райкома комсомола г. Орши. И не только не был затронут репрессиями, но выработал стратегию на жизнь: комсомольский вожак низшего звена решил принять участие в борьбе на «историческом фронте», на которую с середины 1930-х гг. нацеливали ЦК ВКП(б) и лично вождь Сталин. Не обошли молодого оршанца и идеологические баталии, которые после «разоблачения нацдемов» не успокаивались в Минске в поредевших рядах университетских и академических историков. Он был в курсе и проблем с написанием учебников по истории Беларуси, которые после уничтожения целой плеяды белорусистов 1920-х гг. так и не были созданы ни для студентов, ни для учеников, ни для широких масс.

Главное же – имелась реальная возможность получить профессию историка, так как в 1934 г. открыл свои двери исторический факультет БГУ. Для начала, как бы ни препятствовала комсомольская работа, Лаврентий приобрел среднее образование на вечернем рабфаке, что в 1937 г. дало право для поступления на истфак университета. Студенческие годы были напряженными как в учебном, так и в моральном плане. Не могло не угнетать то, что один за другим «разоблачались враги народа», в том числе и среди преподавателей, знакомых, товарищей. Поэтому, видимо, у студента формировались и закреплялись черты как бы осмысленной инициативности: в силу характера и лидерских качеств не хотелось быть на второстепенных ролях, но при этом следовало не ошибаться даже в мелочах.

С самого начала обучения студент Абецедарский, которому уже шел 21-й год, был замечен университетской администрацией: ведь он обладал немалым жизненным и трудовым опытом, учился на рабфаке, но главное – понимал суть и практику советской идеологии. Да и характером сразу дал о себе знать: активен и склонен к общественной работе, безоговорочно отстаивает политику партии. Такие студенты для руководства факультета, да и всего университета, представляли ценность. Они могли лидировать в среде вчерашних школьников и «политически незрелых» студентов, следить за тем, чтобы «вражеский элемент» не испортил учебно-воспитательную статистику, а тем более идеологическую атмосферу в коллективе. Время заставляло любого руководителя

быть архибдительным. Исторический же факультет, создававшийся как «рассадник идеологических работников», был на отдельном счету во всех инстанциях.

Назначение приказом ректора БГУ за № 222 от 13 сентября 1937 г. Лаврентия Абецедарского старостой студенческой группы стало естественным свидетельством его заметности. Строки приказа констатировали: «Прызначыць студэнта I курса гістфака Абецедарскага старастай 1 гр. студэнтаў 1 курса гістарычнага факультэта». Странную фамилию студента не сочли возможным представить по-белорусски в официальном документе, исполненном на родном языке. А имя вообще опустили. И потом фамилия уже университетского профессора будет писаться то так, то этак: буквы «е» и «э» всегда «стремились спорить» между собой. Имя же, которое до середины 1950-х гг. лучше было не упоминать запуганному белорусу, потом почти взяло на себя функцию обозначения этой неординарной личности. «Лаўрэн» – звучало из уст близких коллег даже в официальной обстановке в конце 1960-х – начале 1970-х гг. «Лаўрэн» – то вкрадчиво и запуганно, то напуская на себя смелость потихоньку шептали студенты всех факультетов, а не только истфака, когда видели фигуру профессора в коридорах главного корпуса БГУ, в начале 1960-х гг. поднявшегося на площади Ленина.

Студенческие годы были насыщены различными делами. Лаврентий успевал везде, но с начала обучения очертил для себя главное – только через науку можно достичь профессиональных вершин. Довольно быстро смог отыскать актуальную тематику для студенческих исследований: и в научном смысле, и в политическом. Исследовать борьбу предков за свои права и свободы, конечно, было перспективно. Но исследовать так, чтобы всеми фактами из прошлого стало возможным доказать «исконное стремление белорусов к воссоединению с братским русским народом». В то время подобные выводы были не столько «научно обоснованными», сколько определены сверху для их продвижения в массы. Тем более, что как раз в 1937 г. студенты получили первое официально одобренное прочтение общей для советских народов истории: в Москве текст «История СССР. Краткий курс», подготовленный коллективом историков под руководством А. В. Шестакова, выиграл государственный конкурс. И хотя он был предназначен всего лишь для учеников 3–4-х классов, но и для студентов стал отправной точкой в освоении парадигм восприятия истории великой страны Советов.

Еще за два года до поступления Лаврентия Абецедарского на истфак БГУ декан истфака В. К. Щербаков в Москве на майском 1935 г. совещании заявил, что для Беларуси наиболее актуальной задачей является «создание марксистско-

Л. С. Абецедарский накануне поступления в БГУ. 9 октября 1936 г.

ленинской истории самой Белоруссии», но с обязательным условием ее преподавания «как части истории СССР». Для историков не существовало альтернатив, ибо так определили их профессиональные устремления Сталин, Киров и Жданов в «Замечаниях» по поводу конспекта учебника по истории СССР.

В современной историографии считается, что в условиях подготовки к неминуемой войне советские власти стремились перестроить идеологию и пропаганду на основе нового прочтения истории. Но это должны были делать новые люди, а не «старая профессура» и не представители «школы Покровского». Нужно готовить «настоящих знатоков истории» – на открытых в университетах истфаках, хотя и с временным привлечением части «старой профессуры». Исходной точкой партийных указаний, прокомментированных в 1936 г. журналом «Историк-марксист», было: «Учебник д. б. смертным приговором царизму как поработителю народов», «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР...».

Сегодня, оценивая эти обстоятельства второй половины 1930-х гг., понимаешь выбор Л. С. Абецедарского в освоении исторических знаний для последующего их наложения на текущие задачи социалистического строительства. Он стал одной из блестящих фигур белорусской советской историографии, сформированной названными выше «Примечаниями…». И, без преувеличения, лидером белорусских историков 1950-х – первой половины 1970-х гг.

Однако для этого потребовались десятилетия упорного труда и наступательности в отстаивании осознанных парадигм. Шаг за шагом студент Абецедарский осваивал прошлое, находя в нем созвучие с проблематикой текущей общественно-политической жизни. А потом уже как исследователь, наделенный к тому значимыми руководящими полномочиями, реализовывал свои знания и убеждения в студенческих аудиториях, в книгах, учебниках и статьях, в острейших дискуссиях с коллегами-оппонентами.

Темой исследований, которая стала делом всей жизни, были избраны события XVII в. на белорусской земле, что разворачивались под знаком освободительной борьбы белорусского и украинского народов. Тема эта за годы студенчества Л. С. Абецедарского приобрела актуальность, так как позволяла показать «вековое, исконное стремление белорусов и украинцев» к единению с «великим русским народом». В избрании проблемы можно увидеть руку нового декана истфака БГУ – А. П. Пьянкова, он руководил студенческим научным кружком, в котором студент Абецедарский был признанным лидером.

Уже первые результаты приобщения студента к данной теме стали приносить плоды. Хорошо, что рядом оказался научный руководитель – талантливый и познавший смысл работы историка в сопровождении властных установок Денис Александрович Дудков. Он в 1938 г. перешел на работу в БГУ из АН БССР. Сначала результаты научных штудий озвучивались среди товарищей, на занятиях и первых защитах курсовых работ. Видимо, они показались убедительными, так как университетская многотиражка «За ленінскія кадры» не раз представляла способного студента-историка. Уже в 1938/39 учебном году работа Лаврентия Абецедарского «Восстание Михненка и оборона Мозыря в 1648 г.» в отчете БГУ по разделу «О самостоятельной научной работе студентов» отмечена как важный результат не только деятельности самого студента, но всей работы университета в «правильном направлении». Отмеча-

лось, что молодой ученый использовал «некоторые архивные материалы, польскую литературу», сокращенный вариант работы был напечатан в газете «Советская Белоруссия». В центральной республиканской газете «Звязда» годом позже сообщалось, что этот студент печатает свою статью «Паўстанне Міхненкі» у «Вучоных запісках БДУ» и работает над темой «Католицизм как орудие классового угнетения белорусского народа». Еще через год университетская газета писала о новой научной «победе» – подготовке к печати статьи «Вызваленчая барацьба беларускага народа з польскімі панамі (1648–1649 годы)».

Естественным стало выдвижение Советом БГУ Лаврентия Абецедарского в числе 15 студентов на получение стипендии им. Сталина. Молодой исследователь использовал всякую возможность познать тайны профессии. Он даже присутствовал на первой для истфака защите кандидатской диссертации, когда молодой декан факультета А. П. Пьянков высказал свои выводы по истории Древней Руси перед членами университетского Совета, вступив в жаркие научные дискуссии со своим официальным оппонентом – главным авторитетом по этим проблемам Б. Д. Грековым (несмотря на то, что историки поддерживали дружеские отношения).

Со второй половины 1930-х гг. историкам не нужно было особо корпеть над самостоятельным осмыслением «реперных точек» отечественной истории и истории необъятной родины – СССР. Следовало руководствоваться инструкциями, которые излагались в официальном сборнике «К изучению истории». Дух и смысл подготовки историков через университетские и институтские аудитории не оставлял места для инакомыслия по поводу самых острых тем и во времена военные, и в период «оттепели», и во время «застоя».

Разумеется, естественным сопровождением подающего надежды ученого являлась его общая академическая успеваемость. Всегда имя Абецедарского звучало среди отличников учебы исторического факультета, даже если нужно было усвоить объемный курс истории зависимых и колониальных стран, экзамен по которому строго принимал доцент Г. В. Ефимов. Неудивительно, что научная активность и успехи в учебе были на виду всего коллектива университета. Поэтому и командировка студента-историка вместе с профессором, заведующим кафедрой зоологии позвоночных М. Е. Макушком в Москву «на юбилей МГУ с 7 по 12 мая 1940 г.» никого не удивила. Как не удивило выступление студента 4-го курса (вместе выступали ректор П. П. Савицкий и академик В. Н. Перцев) на минской радиостанции им. Совнаркома на тему «Буду дастойным спецыялістам сталінскай эпохі».

Отличные результаты учебы стали «визитной карточкой» студента Лаврентия Абецедарского. Даже руководство университета ссылалось на его успехи, когда по тому или иному случаю нужно было подать что-то особенное в работе БГУ. Так, накануне празднования в 1941 г. 20-летия БГУ его ректор П. П. Савицкий в официальном тексте озвучил это имя среди немногих студентов, которые «на основе глубокого изучения “Краткого курса истории ВКП(б)” и отдельно произведений классиков марксизма-ленинизма вышли в число передовых студентов, стали отличниками учебы, а часть из них сталинскими стипендиатами». В отчете парторганизации БГУ за то же время Лаврентий Абецедарский (в 1939 г. студента приняли кандидатом в члены партии) также отмечен: «...вядучы вялікую грамадскую работу – член

Копия

(герб)

Министерство высшего
и среднего специального образования
СССР
ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ
АТТЕСТАТ ПРОФЕССОРА

МПР № 007214
Москва 5 августа 1966 г.

Решением
Высшей Аттестационной комиссии
от 6 июля 1966 г. (протокол №30/П)
Абецедарский Лаврентий Семенович
утвержден в ученом звании профессора
по кафедре истории БССР

(печать) Зам. Председателя Высшей Аттестационной Комиссии (подпись)
Ученый Секретарь Высшей Аттестационной комиссии (подпись)

«Вашу» на добрую память с самыми лучшими пожеланиями.
9/III-56. Лаврин

Л.С.Абецедарский инициативен, требователен к себе и товарищам, морально устойчив, делу партии Ленина предан.

Характеристика выдана в связи с участием Л.С.Абецедарского в конкурсе на замещение должности профессора.

ДЕКАН
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА /П.З.САВОЧКИН/

СЕКРЕТАРЬ ПАРТБЮРО /Д.Б.МЕЛЬЦЕР/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРОФБЮРО /Г.И.ЛОВГИЛО/

- 3 -

ского 1529 г." /издание АН БССР/.

Научные работы Л.С.Абецедарского по истории белорусского народа печатались отдельными изданиями /"Барацьба украінскага і беларускага народаў за ўз"яднанне в Расіяй у XVII ст.", "Белоруссия в Москве XVII ст."/ публиковались в изданиях Академии Наук СССР, Академии Наук Украинской ССР, Академии Наук Белорусской ССР, в газетах и журналах. Всего им написано 15 научных работ и более 20 научно-популярных статей.

Большое внимание уделяет Л.С.Абецедарский и подготовке научных кадров по истории БССР. С 1952 по 1958 год 12 аспирантов кафедры подготовили и успешно защитили кандидатские диссертации. Все они в настоящее время работают в учебных и научно-исследовательских учреждениях республики.

Одновременно с педагогической и научной работой Л.С.Абецедарский ведет общественную работу в университете и за пределами его. Он несколько раз избирался секретарем партийного бюро исторфака, избирался председателем месткома университета, членом ЕРК совета работников высшей школы. Л.С.Абецедарский выступает с лекциями и докладами перед учителями Минска и других городов республики.

Л.С.Абецедарский награжден медалями "За боевые заслуги", "За победу над Германией", "За победу над Японией", "За трудовую доблесть", а также Грамотой Верховного Совета БССР.

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ УНІВЕРСІТЭТ

ВЫПІСКА З ЗАГАДА № 251 от 5 октября 1951 г.

§ 5.

Кандидата исторических наук АБЕЦЕДАРСКОГО Лаврентия Семеновича назначить заведующим кафедрой истории СССР Белорусского государственного университета им: В.И.Ленина с 1-го октября 1951 года.

Основание: приказ МВО СССР § 570/12 от 24 сентября 1951

Ректор
Белгосуниверситета им. В.И.Ленина / И.ЧИМБУРГ /

Верно:

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ УНІВЕРСІТЭТ
імя В.І. ЛЕНІНА

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ЛЕНИНА

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 25/360
заседания ученого Совета Белорусского государственного университета имени В.И.Ленина.
от 8 мая 1959 года.

№ 25/360

Утверждено приказом МВО СССР членов ученого Совета - 75 чел., из них присутствовало - 55 чел.

СЛУШАЛИ:

Об избрании по конкурсу на должность заведующего кафедрой истории БССР кандидата исторических наук, доцента АБЕЦЕДАРСКОГО Лаврентия Семеновича.

ПОСТАНОВИЛИ:

На основании результатов тайного голосования (из 56 голосовавших членов ученого Совета за голосовало-49, против-6, недействительных-3) избрать на должность зав.кафедрой истории БССР доцента АБЕЦЕДАРСКОГО Л.С.

Н/П Председатель
Ученого Совета Белорусского государственного университета имени В.И.Ленина - профессор А.СЕРЧЕНКО.

Н/П ученый секретарь:

Ректору Белорусского государственного университета имени В.И. Ленина

зав. кафедрой истории БССР, доктора исторических наук, доцента Абецедарского Лаврентия Семеновича

Заявление.

Прошу Вас допустить меня к участию в конкурсе на замещение штатной должности профессора, заведующего кафедрой истории БССР.

6.II.1966 г. Л. Абецедарский

прафкама, намеснік сакратара камсамольскага камітэта, разам з тым з'яўляецца лепшым выдатнікам, мае навуковую работу і за сваю паспяховую вучобу ўдастоен сталінскай стыпендыі».

Причины и следствия очередного усиления интереса к белорусской истории, как и необходимость ее прочтения по-новому, хорошо понимали университетские студенты-историки. Есть основания полагать, что Лаврентий Абецедарский был одним из тех студентов 4-го курса истфака, кто потребовал от университетского руководства образовать в воссозданном историко-археологическом музее БГУ отдел истории Беларуси. Университетская многотиражка в начале 1941 г. поместила их обращение: «Мы не можам сабе ўявіць, чаму да гэтага часу ў гістарычным музеі Беларускага ўніверсітэта няма аддзела, паказваючага многавякавую гісторыю беларускага народа...», и этот отдел должен быть «добра афармлены, дастойны ўніверсітэта». Заведующему музеем В. И. Шевченко пришлось оправдываться тем, что к юбилею БГУ будет открыта выставка «па гісторыі барацьбы беларускага народа супроць гнёту польскіх паноў, пачынаючы з X стагоддзя». Научные наработки Л. Абецедарского, несомненно, должны были быть использованы в этом деле. Тем более, что еще при открытии музея в 1940 г. академик Н. М. Никольский в центральной республиканской газете сообщал, что в музее начата подготовка отдела истории СССР и истории БССР. Война приостановила реализацию и планов, и предложений.

Успехи студента Абецедарского в апреле 1941 г. высоко оценил Совет БГУ: в числе четырех студентов он «за развертывание научно-исследовательских работ и доброкачественное выполнение их» был премирован, а его работу включили в студенческий научный сборник. Более того, тогда же молодой исследователь ставшей столь политически актуальной после 17 сентября 1939 г. темы «Вызваленчая барацьба беларускага народа супроць польскіх паноў у 1648–1649 гг.» был включен в программу юбилейной научной сессии, которую в БГУ запланировали на 24–27 июня 1941 г. Готовился юбилей по случаю 20-летия альма-матер. Историк был единственным из студентов-гуманитариев, которого удостоили такой чести!

Но началась война. Лаврентию Абецедарскому повезло: с группой студентов и преподавателей он вовремя покинул пылающий Минск. К началу 1942 г. работал учителем истории средней школы мордовского села Мельцаны, что на реке Ирсець. Здесь приобрел первый педагогический опыт под руководством почти легендарного в Мордовии школьного директора А. Д. Трубкиной. А в феврале пришло время мобилизации. Познавать горький «солдатский хлеб» приходилось с нуля, хотя помогали знания, полученные за немалые учебные часы военной подготовки во время обучения в БГУ. Дослужился до сержанта, воевал в Маньчжурии в качестве командира отделения станковых пулеметчиков, потом отделения стрелкового полка 2-го Дальневосточного фронта. Как ни странно, но только в январе 1944 г. Л. С. Абецедарского наконец приняли в ряды партии (через 4 года после начала накопления кандидатского стажа). Можно предположить, что причиной стало пребывание родителей и жены с маленьким сыном на оккупированной фашистами белорусской земле. Судьба родных оказалась трагической: отец и сын умерли, брат-подросток был отправлен оккупантами в Германию (после освобождения юношу вышлют на окраины СССР – работать топографом Дальстроя), мать и сестра в скором времени после войны уедут в Узбекистан.

Л. С. Абецедарский (стоит слева) с однополчанами в годы Великой Отечественной войны. Дальний Восток, 1945 г.

Победу над врагом Лаврентий Семенович встретил на Дальнем Востоке, поэтому к медалям «За боевые заслуги» и «За победу над Германией» добавилась медаль «За победу над Японией». Еще один год службы в армии был специфическим: сержант возглавлял секретное делопроизводство одного из полков МВД (видимо, на «грехи» родственников соответствующие органы закрыли глаза).

Только в июле 1946 г. состоялась демобилизация. Бывший «секретчик» сразу направился в БГУ, чтобы завершить учебу. Ректорским приказом он был восстановлен в числе студентов. Через пару недель новым приказом ректор П. П. Савицкий студенту 4-го курса истфака Абецедарскому определил стипендию (с 01.07.1946) и одновременно освободил от оплаты за обучение за второй семестр 1945/46 учебного года. Не прошло и двух месяцев, как фронтовик вместе с еще семью таких же демобилизованных однокашников «выполнил требования учебного плана» и был допущен к итоговым госэкзаменам по истории народов СССР и основам марксизма-ленинизма. Отличные экзаменационные отметки были подкреплены блестящей защитой дипломной работы, которая состоялась 28 сентября 1946 г. Диплом с отличием зафиксировал появление в БССР нового «ассистента, младшего научного работника и преподавателя старших классов средней школы».

Внушительная квалификация историка, фронтовые заслуги, личное стремление стать ученым и преподавателем университета открыли двери в аспирантуру по кафедре истории СССР. Фактически же учеба осуществлялась по кафедре истории БССР, которая на короткое послевоенное время была создана в структуре истфака. Кафедру возглавил республиканский партийный идеолог Т. С. Горбунов. На ней стал работать и доцент Д. А. Дудков – довоенный руководитель научной темы студента Л. Абецедарского. В скором времени из-за нехватки кадров к преподаванию белорусской истории были приобщены и аспиранты-фронтовики Л. С. Абецедарский и А. И. Сидоренко. В отчете истфака за 1946/47 учебный год декан Ф. М. Нечай подчеркнул необходимость присоединить к преподаванию аспиранта Л. С. Абецедарского в контексте задач подготовки однотомника по истории Беларуси, которыми были озабочены историки БГУ. Для Л. С. Абецедарского, как и многих его молодых коллег, совмещение различных должностей в университете было жизненной необходимостью. Аспирантской стипендии не хватало, чтобы поддерживать семейный бюджет. Хотя жена Ольга Гавриловна и учительствовала в минской школе № 4, но подрастали две дочери – Любовь и Елена, их необходимо было поднять на ноги. Но все же главным в таком совместительстве учебы и работы было то, что факультеты БГУ, в том числе и истфак, в послевоенные годы испытывали кадровый голод. Поэтому каждый аспирант сразу становился преподавателем.

В отчете декана с гордостью отмечался факт, что факультетский аспирант

назначен редактором университетской многотиражки: молодому историку ректорат доверил подготовку первого номера газеты БГУ «За сталінскія кадры». Само название газеты ко многому обязывало (до войны газета называлась «За ленінскія кадры»). И Лаврентий Абецедарский блестяще справился! Даже новый ректор В. А. Томашевич, человек с большим опытом партийно-пропагандистской работы, приказом по БГУ посчитал не лишним объявить ему благодарность «за добросовестную работу по организации и выпуску первого номера». Через неделю (20 ноября 1947 г.) новым приказом ректор официально назначил Л. С. Абецедарского ответственным секретарем редакции газеты университета «За сталінскія кадры». Вот только менее чем через год партбюро БГУ утвердило новый состав редколлегии газеты. Ответственным редактором был назначен Герой Советского Союза, студент филфака А. Филимонов, а Лаврентий Семенович потерял свой пост и стал всего лишь одним из чуть ли не десятка «рядовых» членов редколлегии. Уже весной 1949 г. он и вовсе оставил сотрудничество с газетой.

Аспирант и ответственный за выпуск газеты (за это Абецедарский получал неплохой оклад в 700 руб.) приобретал опыт преподавателя, начав читать студентам филфака 46-часовой курс лекций по белорусской истории. Видимо, студенты на лекциях молодого преподавателя не спали, а напряженно писали конспекты: в архивах сохранилась стенограмма на 40 листах его лекции «по истории Белоруссии в период 1-й мировой войны», прочитанной в марте 1949 г. Л. С. Абецедарский читал разные курсы белорусской истории. Научно-идеологические составляющие лекционных курсов по истории (в том числе и БССР, и СССР) детально обсуждались на кафедрах факультета. Например, в апреле 1948 г. на заседании кафедры истории БССР состоялась горячая дискуссия по тезисам лекций Абецедарского о разгроме банд Булак-Балаховича. Дискуссия завершилась рекомендациями и поручениями по совершенствованию текстов.

Более спокойно рассматривался ход подготовки диссертации. В декабре 1947 г. Л. С. Абецедарский на заседании кафедры защищал реферат на тему «Крестьянские восстания в Белоруссии первой половины XVII столетия». Главным оппонентом выступила Н. В. Каменская, которая достаточно формально («...материал изложен правильно», «...сделаны соответствующие выводы», «...требуется стилистическая обработка» и т. д.) высказалась о работе аспиранта. Правда, она назвала и явный недостаток: «...нет ссылок на источники». Но реферат по ее же предложению был принят с отметкой «отлично». Исследование фактически подошло к завершению весной 1949 г., когда аспирант доложил кафедре, что «...черновая работа по диссертации уже сделана и сейчас идет литературная обработка». И было принято решение «просить всех членов кафедры познакомиться с материалами диссертации и оказать ему помощь». Завершать диссертацию пришлось уже по кафедре истории СССР, так как в 1949 г. кафедра истории БССР была объединена с вышеназванной кафедрой (приказом от 26 ноября 1949 г.).

Защита состоялась в июне 1950 г. Такому плавному карьерному взлету, пожалуй, способствовали и объективные, и субъективные обстоятельства. Их можно усмотреть и в том, что до войны студент отметился своим рвением доказать в науке несомненное русско-белорусское боевое содружество почти на всех перекрестках истории (даже тогда, когда речь нужно было вести как раз о противостоянии разных народов на долгом этапе истории стран). Для кон-

ца 1930-х гг. такая подача истории была абсолютно востребованной. Она еще более актуализировалась в послевоенное время. Что и демонстрировал аспирант, преподаватель, партийный заводила, активный полемист на всех собраниях, научных обсуждениях, защитах. Тридцатилетний аспирант сразу заявил о себе в полный голос. Он резко критиковал на партсобраниях профессоров-россиеведов А. А. Савича и А. П. Пьянкова за их политическую недальновидность и научный консерватизм при написании учебника по истории Беларуси. Он как редактор пристально следил за качественностью публикаций в университетской многотиражке «За сталінскія кадры». Совершенно естественным стало избрание Лаврентия Семеновича секретарем партбюро истфака, заместителем партбюро БГУ, председателем месткома университета. К тому же в конце 1940-х гг. уже никто из его родных не обвинялся, никто не проживал за границей. Подобная безупречная в политическом отношении биография позволяла рассчитывать на карьерные продвижения.

С другом и коллегой доцентом-историком Л. А. Михайловским. Середина 1950-х гг.

К чести Лаврентия Семеновича, он определил для себя рост в русле исторической науки и образования, но с непременным личным лидерством в продвижении среди молодежи и коллег своих идей, понимания прошлого, научных парадигм. После защиты диссертации ВАК СССР в конце 1951 г. присвоил Л. С. Абецедарскому звание доцента по кафедре истории СССР. Спустя годы не без гордости Лаврентий Семенович будет отмечать в своем послужном списке, что «в сентябре 1951 г. постановлением МВО был назначен зав. кафедрой истории СССР Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина». В этой должности он пробыл до 1955 г., когда его сменил И. М. Игнатенко, затем П. З. Савочкин.

Пожалуй, первым официальным опробированием новой должности было оппонирование кандидатской диссертации, которую в Совете БГУ защищал старший преподаватель мединститута и недавний консультант управления пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б М. П. Пашенцев. Тема «Рабочие и крестьяне Могилевской губернии в революции 1905–1907 гг.» была далекой от научной проблематики недавнего аспиранта и заведующего такой статусной кафедрой. Но кто, как не он, должен был отследить возможные идеологические искажения в раскрытии важной проблемы? Тем более когда защищался бывший партработник, что само по себе обязывало быть на уровне. Официальный оппонент отследил множество недостатков и дал резко отрицательный

отзыв. Но диссертант оказался не из пугливых и вступил в жесткую дискуссию, смог решительно отстоять свои выводы. Присуждение Советом кандидатской степени тому, кого как бы нельзя было допускать к научным вершинам, стало одним из первых и немногих поражений Лаврентия Семеновича на незатухающем «фронте исторической науки».

Л. С. Абецедарский вошел в историю БГУ как руководитель двух абсолютно различных по масштабу и учебно-научной составляющей кафедр – сначала истории СССР, а с сентября 1958 г. и до преждевременной смерти в начале июля 1975 г. – истории БССР. Какими бы ни были оценки роли профессора в развитии/сдерживании прочтения объективной истории белорусов, но именно он во многом способствовал возрождению научного сопровождения отечественной истории в течение 1950–70-х гг. Возрождению после ее становления в 1920-е гг. и придавленного существования в последующие чуть ли не 30 лет.

Конечно, Лаврентий Семенович был олицетворением историка-белорусиста, порожденного этими двумя противоречивыми этапами. Как никто другой он впитал резкое отторжение «наддемовского» прочтения истории и стал адептом концепции восточнославянского единства на всех этапах эволюции русского, белорусского и украинского этносов, тем самым изыскивая в прошлом то, что в советском настоящем должно было аргументировать «вековую дружбу советских народов» во имя построения «светлого будущего». Разумеется, строгая наука при таких партийно-идеологических установках неминуемо девальвируется, уступая место догматическим парадигмам.

Однако вся советская историческая наука, в том числе и белорусская, со второй половины 1930-х гг. была поставлена в подобные жесткие идеологические

Фото на память другу А. И. Сидоренко.
9 февраля 1954 г.

рамки. Кто из историков не смог этого понять или намеренно пытался бороться за торжество научной объективности, тот оказывался вне своей корпорации или даже физически (в лучшем случае – морально) уничтожался.

Л. С. Абецедарский сумел занять однозначную позицию в противоречивом интеллектуальном сообществе гуманитариев и долгие годы олицетворял собой лидера среди приверженцев «официальной линии» в исторической науке. И умело и даже жестко проводил ее в жизнь.

И это была реальность, как бы сегодня к ней ни относились. Поэтому уничижающий термин «абэцэдаршчына» огорчает непозволительным для историка непрофессионализмом. Легко навешивать ярлыки и придуманные словесные штампы на предшественников, учителей, если сам надышался воздуха не только либеральности, но и вседозволенности в самовыражении. Тем более легко ниспровергать тех, кто не может дать отпор.

В жизни, научной и служебной карьере Лаврентия Семеновича далеко не все складывалось просто. Не единожды ему многие открыто и тайно оппонировали, пытались найти недостатки и просчеты

Л. С. Абецедарский (второй слева в первом ряду) среди слушателей Архивного института. Москва, конец 1950-х гг.

в администрировании, преподавании, научных работах. Например, газета БГУ «За сталінскія кадры» критиковала партийного лидера истфака за незнание «Положения проведения политинформации на курсах», а при избрании на должность заведующего кафедрой истории БССР в мае 1959 г. шесть членов Совета БГУ проголосовали против кандидатуры Л. С. Абецедарского. И это несмотря на то, что он уже получил «союзный» авторитет участием в издании «Истории Белорусской ССР» и имел положительный опыт руководства кафедрой Истории СССР. Перевыборы же 1969 г. оказались еще более стрессовыми для 53-летнего заведующего кафедрой. Голосование членов Совета БГУ только 7 голосами (32 – «за», 25 – «против») оставило за ним руководство кафедрой. Лаврентий Семенович же с открытым забралом шел на любое препятствие и «сметал» всех оппонентов, если считал свою точку зрения верной.

Создавалось впечатление, что историк намеренно искал острые темы. Он мог быть абсолютно искренним, светлым, юморным, заводилой факультетских праздничных мероприятий. И вместе с тем потрясать в даже пустячных спорах своей неординарной бородой так, что собеседники чуть ли не теряли сознание, не помышляли противоречить мнению признанного «мэтра» от образования и науки. Иногда одно только имя Абецедарский вызывало среди студентов и аспирантов нервный шок, попытку спрятаться, чтобы лишний раз не попасть на глаза грозному хозяину и распорядителю твоей судьбы. Порой непредсказуемая реакция профессора могла стоить учебы и карьеры.

В характере Лаврентия Семеновича многие из тех, кто его хорошо знал, отмечали очевидную энергетику, способность влиять на коллег и учеников. И несомненную уверенность в правоте своего прочтения белорусской истории.

Его убежденность воспринималась почти всеми в качестве какого-то внутреннего стержня, порой не давая возможности ему возразить.

Из-за незыблемой парадигмы-установки Л. С. Абецедарского была не права любая историческая реальность, нарушающая идеолого-кабинетную аксиому, в которую он искренне уверовал еще со времени студенчества. От студенческих работ по истории восстания Михненко до соавторства в написании и издании в 1954 г. первой обобщающей «Истории Белорусской ССР», авторства и редактирования первой «Истории Минска» и издания в 1964 г. первого школьного учебника по истории БССР пройдет не так много времени. Как исследователь он более известен работами по позднему белорусскому средневековью. Так, университетский историк отметился при подготовке к печати текста Литовского статута 1529 г. Для этого пришлось на два года (1957–1959) стать совместителем в Институте философии и права АН БССР. Данное издание под редакцией литовского историка К. И. Яблонскиса увидело свет в 1960 г.

Своей непосредственной задачей Л. С. Абецедарский все годы работы на истфаке БГУ считал подготовку и воспитание студентов как адептов его видения белорусского прошлого. Неудивительно, что поколения выпускников тех десятилетий вынесли из его лекций прежде всего некий общий рефрен о «вековом стремлении» белорусов к единству с Россией. Вне зависимости от времени, точности событий, расстановки политических сил и общественных настроений. Так писались курсовые и дипломные работы, так входили в науку наиболее способные ученики. Например, один из них напечатает в университетской многотиражке статью под красноречивым названием «Большой праздник братских народов.

Л. С. Абецедарский (в центре) среди коллег (справа – первый проректор БГУ А. Я. Малышев). Начало 1960-х гг.

300 лет воссоединения Украины с Россией». Другой возьмется за разработку темы «Участие белорусского народа в разгроме шведских оккупантов во время Северной войны», а спустя годы защитит докторскую диссертацию в продолжение темы учителя. Третий получит задание написать обзор «белорусско-русского боевого содружества во времена Ливонской войны», но быстро поймет ненаучность такого подхода, хотя сам Лаврентий Семенович этот концептуальный посыл поместит в своей последней монографии.

И тем не менее эта «школа Абецедарского» по прошествии лет даст возможность быть максимально внимательными к историческим фактам, стремиться их анализировать, но (наперекор ей) не подгонять под готовые когнитивные шаблоны. Те, кто отважился «взять старт» в науку благодаря или вопреки Л. С. Абецедарскому, в профессиональной деятельности не раз корректировали усвоенное во время учебы, чтобы по-научному разобраться в хитросплетениях белорусской истории. Точнее – чтобы совместными усилиями непредвзято понять и оценить ее. Как оказалось, сделать это не так

На экскурсии (Л. С. Абецедарский – слева). Начало 1960-х гг.

просто. И в разновекторных подходах издаваемых сегодня научных трудов по-прежнему взгляды Л. С. Абецедарского, как бы того ни хотели авторы, просматриваются весьма отчетливо.

Это не преувеличение. И Лаврентий Семенович, и историки современного поколения стремились найти ответы на вопросы «учительницы жизни» – исторической науки. Что первично в жизни? Где, когда и как действовали те, с кого нужно брать пример? Что важнее – гражданская жизнь или жизнь политическая, государственная? Где та граница, которая проходит между историей как наукой и историей как действенным средством современного патриотического воспитания? Какую ценность с этой позиции или вообще в исторической перспективе имеют упоминания о существовании белорусского государства (а может, государства белорусов)? Эти и многие другие вопросы подталкивают к необходимости концептуального рассмотрения прошлого, а не только создания констатирующих, фактически насыщенных работ по отдельным его сюжетам.

Без сомнения, подобные вопросы волновали Л. С. Абецедарского. Вот только как он на них отвечал? Очевидно, что упрощенно, заидеологизированно, на потребу времени. Но честно, с убеждением в своей правоте, с владением немалым фактическим материалом, хотя и чуть ли не вдавленным в рамки официального понимания сущности и назначения истории. И сверхнаступательно!

Как бы мы теперь ни относились к научным характеристикам работ Л. С. Абецедарского, но должны признать: многое было исследовано и обобщено впервые. Даже научных публикаций Лаврентия Семеновича чуть больше 50. Но очевидно, что каждая работа, прежде чем быть напечатанной, проходила немало инстанций, которые определяли ее «соответствие» и «актуальность». И было создано не так много обстоятельных изданий. Однако все они оказались девальвированы в научном плане невзрачной в полиграфическом отношении брошюрой – «монографией» с провокационным названием «У святле неабвержных фактаў». Ее общедоступный «карманный» формат и 30-тысячный тираж, вербальная «пылкость, правдивость и любовь» автора к правде, установка повести борьбу с «несостоятельностью» «исторических истин фальсификаторов истории Беларуси» сегодня ассоциируются с научным наследием Л. С. Абецедарского. Но эта работа, как и некоторые другие, воплощает не науку историю, а установку реализовывать идеологию через историю.

Не потеряло актуальности небольшое, но пионерское исследование профессора Абецедарского по выявлению вклада выходцев из белорусских земель в культуру России XVII в. Оно для нескольких поколений советских студентов университетского истфака казалось вершиной научности. Сегодня же может показаться, что книга Лаврентия Семеновича «Белорусы в Москве XVII в.» более чем скромна научными характеристика-

ми. Зато смысл этой работы, озвученный буквально в первых строках, однозначен: «Дружба русского и белорусского народов крепла на протяжении веков не только в совместной борьбе против общих врагов, но и в совместном созидательном труде... Для выходцев из Белоруссии Русское государство стало второй Родиной». Весь материал книги (при подаче фактов, имен, событий) проникнут такой установкой. Их историк придерживался всю жизнь. И таким остался в истории БГУ: блестящий интерпретатор прошлого ради укрепления современных интернациональных скрепов. Заметим, что и сейчас эта парадигма для белорусской исторической науки одна из важнейших.

Лаврентий Семенович однозначно исповедовал эту дружбу как ученый и советский гражданин, утверждал своими работами. Прежде всего своей докторской диссертацией, в которой стремился доказать, что на протяжении веков шла «борьба белорусского народа за соединение с Россией», хотя конкретизировал ее только на событиях второй половины XVI – XVII в.

Выпускник БГУ и преданный патриот своей альма-матер, профессор Лаврентий Семенович Абецедарский (профессорское звание получил лишь в 1966 г.) всю свою профессиональную карьеру восхищал тысячи студентов и своих коллег удивительным даром лектора-преподавателя, всезнающего, с только ему присущей аурой собеседника. Эти качества, как и научно-преподавательская специализация, были приняты в расчет, когда в 1959 г. его, уже как заведующего кафедрой истории БССР, пригласили в Варшаву. Для студентов Польши он прочитал авторский курс белорусской истории. Нельзя не отметить его одержимость в поисках источников: он по сути воссоздал в БГУ прежнюю естественную практику исследователя – целенаправленный

Л. С. Абецедарский ведет лекцию
в аудитории 609 главного корпуса БГУ.
Конец 1960-х гг.

Л. С. Абецедарский
со студентами-заочниками после лекции.
У главного корпуса БГУ, конец 1960-х гг.

поиск материалов по белорусской истории в архивах Москвы, Ленинграда, Львова и др. Останется в анналах то, что на 1974 г. Л. С. Абецедарский лично подготовил 9 кандидатов наук, а по его кафедре было защищено 14 диссертаций. После выхода в 1950-х гг. двухтомника «История Белорусской ССР» отметился участием в новых фундаментальных изданиях, в которых упорно проводил свое видение событий XVII в. Так, в 1955 г. историк стал автором объемного параграфа «Белоруссия» в одном из томов хорошо известного всем советским студен-

там и аспирантам многотомника «Очерки истории СССР» – популярного проекта исследователей АН СССР. В 1961 г. снова вписал свое имя в переизданный двухтомник «История Белорусской ССР» и снова лично редактировал первый том. Было очевидно, что обоими изданиями двухтомника их автор и редактор так и не был удовлетворен. Что больше его беспокоило – научная составляющая или идеологический запал – сложно сказать. Но, по его убеждению, процесс написания истории белорусской земли и белорусов должен был иметь продолжение.

Более скромной была роль Лаврентия Семеновича в создании пятитомной истории Беларуси: имя университетского ученого зафиксировано в качестве одного из 11 членов Главной редакционной коллегии (правда, всех 5 томов) этого издания. В последнем томе, вышедшем в 1975 г., его имя взято в черную рамку. Лаврентий Семенович выступил опять же со своим любимым сюжетом: «Борьба народных масс против феодального и национально-религиозного гнета». Но ему было отведено всего лишь 12 страниц текста.

В. И. Козлов вручает Л. С. Абецедарскому государственную награду

Говоря о творческом наследии историка, следует в первую очередь назвать его авторство и научное редакторство в первом официальном учебнике по белорусской истории для школ республики (соавторами были коллеги М. П. Баранова и Н. Г. Павлова). Точнее – это было учебное пособие для средней школы, утвержденное Министерством просвещения республики. За 1960–80-е гг. пособие ежегодно переиздавалось, увеличиваясь в количестве страниц, но сохраняя выверенность идеологических трактовок. Лишь в период перестройки эти единственные официальные прочтение и трактовка отечественной истории утратили свое значение, будучи дополненными, а вскоре замененными учебником университетского археолога Э. М. Загорульского.

Профессор не собирался почивать на лаврах «гуру» белорусских историков, а старался всякий раз демонстрировать, что звание члена-корреспондента Академии педагогических наук СССР ему присвоено недаром (в 1968 г., в первую очередь благодаря общепризнанной качественности школьного учебника «История БССР»). И готовил обобщающее издание, в нем планировал расставить точки в проблемных вопросах «своего» времени и «своей» тематики. В одном из последних личных отчетов о работе в БГУ он указал: подготовил к печати монографию в 32 печатных листа (с характерным для его научного творчества названием – «Белоруссия и Россия в XVI–XVII вв.»).

Л. С. Абецедарского есть все основания считать первым летописцем истории БГУ. Именно под его редакцией и при его активном участии в 1961 г. наконец-то была напечатана основательная книга, в которой последовательно прослеживались основные вехи университетской истории. Несколько попыток

написания системной истории первого для Беларуси университета, предпринимавшиеся в 1920–50-е гг., не имели результата. Во многом благодаря исследовательской дотошности Лаврентия Семеновича история университета оказалась наполненной системным изложением важнейших этапов его развития, именами преподавателей, цифровыми обобщениями и т. д. Было подано много важных фактов, определено реальное и знаковое величие БГУ. С этого уровня обобщения многовекторной университетской деятельности в последующем создавались новые работы.

Несомненный лидер белорусских советских историков свято чтил свое дело, свою профессию, свой университет. И был сам неким их воплощением – конечно, в характеристиках и особенностях времени. Он безгранично любил свой факультет, кафедру. Искренние слова об истфаке БГУ и его людях он высказал на юбилейном собрании по случаю 30-летия факультета. Перед залом, в котором собрались коллеги, студенты, представители «широкой общественности», профессор сказал: «Я тоже выпускник нашего факультета. Полагаю, что мои слова выразят общее мнение всех выпускников: большое спасибо нашим деканам, которых мы очень рады видеть всех вместе с нами, которые, вообще говоря, справедливо гоняли нас когда-то, большое спасибо всем преподавателям, которые так много сделали, чтобы вооружить нас знаниями. <...> Пожелаем новых встреч в дни 40-летия, 50-летия, 60-летия и в последующие юбилеи нашего славного факультета!»

Л. С. Абецедарский на экскурсии в родных Горках с сотрудниками Музея истории БГУ и представителями местной администрации. 1974 г.

Тяжелая болезнь оборвала многочисленные планы профессора. Он внезапно скончался, активно занимаясь вместе с молодыми коллегами подготовкой к открытию первого в Беларуси музея истории вуза – истории Белорусского государственного университета. Жизнь идет вперед, историческая наука пополняется новыми фактами. И важно не потерять в погоне за ними главное – человека, а особенно неординарного, выдающегося. Таковым и был Лаврентий Семенович Абецедарский – белорусский советский историк, искренне веривший в правоту своего дела, сформированный в условиях апогея развития советской исторической науки, проникнутый личной ответственностью за порученный участок деятельности.

Олег Антонович Яновский

Основоположник исследований общественно-политической и философской мысли Беларуси, член-корреспондент АН БССР

Профессор, заведующий кафедрой БГУ, директор Института философии и права АН БССР

Иван Николаевич ЛУЩИЦКИЙ

20.01.1907 – 09.09.1973

Выдающийся белорусский философ и историк философии, доктор философских наук (первый в отечественной философии), профессор Иван Николаевич Лущицкий долгие годы являлся заведующим кафедрой истории философии и логики БГУ. В 1946–1947 гг. был ученым секретарем Президиума АН БССР. Крупный организатор проведения разноплановых исследований в различных областях философской науки. С 1947 г. работал сначала заместителем директора, а затем директором Института философии и права АН БССР. С 1969 г. – член-корреспондент Академии наук БССР. Отмечен различными государственными наградами – за боевые подвиги и трудовые достижения. Заслуженный деятель науки БССР И. Н. Лущицкий в 1954–1967 гг. являлся членом экспертного совета ВАК СССР, в БГУ же возглавлял совет по присуждению ученых степеней кандидата и доктора наук по гуманитарным наукам.

В 1958 г. ученый опубликовал монографию, где впервые им были обобщены литературное творчество, философские и общественно-политические взгляды К. Калиновского, Ф. Богушевича, А. Гуриновича и других незаурядных представителей белорусской истории и культуры. В этой работе К. Калиновский рассматривался как бесспорный герой белорусского национального пантеона. Работа положила начало всестороннему исследованию истории социально-политической и философской мысли Беларуси.

Иван Николаевич родился 20 января 1907 г. в д. Огородники Тимковичской волости Слуцкого уезда Минской губернии в крестьянской семье. Отец рано умер, и тяготы крестьянской жизни легли на плечи одиннадцатилетнего мальчика. Пришлось подрабатывать пастухом в родной деревне, наниматься в крестьянские хозяйства. Впоследствии философ писал: «…зимой учился, весной-осенью пас скот…»

Юность пришлась на годы становления в Беларуси советской власти. Новые социально-политические процессы увлекли молодого сельчанина. Иван принял активное участие в преобразованиях, в налаживании идеологической работы среди крестьян, в становлении местных органов власти. С августа 1924 г. по сентябрь 1927 г. работал секретарем и председателем Прусского сельсовета и Тимковичского межсовета, избирался членом Копыльского райисполкома. В 1924 г. вступил в комсомол, в 1926 г. – в КП(б)Б.

В 1927 г., накопив опыт общественной работы и «путем самоподготовки» повысив свой образовательный уровень, Иван Николаевич смог преодолеть экзаменационный барьер и поступить в БГУ. Он избрал судебно-административное отделение на недавно открытом факультете советского строительства и права. В университете сразу же проявил себя активным «общественником» и был избран профсоюзным лидером: в 1927–1929 гг. являлся освобожденным председателем профкома факультета. В то время это означало активное участие в решении массы вопросов: от налаживания быта студентов факультета до организации и проведения массовых политических мероприятий. У студента практически отсутствовало свободное время и даже время на полноценную учебу. Сочетать общественную должность с отличной учебой было нелегко, но И. Н. Лущицкий смог это сделать. В октябре 1930 г. по окончании учебы в БГУ молодому специалисту была присвоена квалификация «юрист». И общественная активность, и замеченные преподавателями несомненные интеллектуальные способности выпускника-юриста определили его дальнейшие приоритеты: в октябре 1930 г. он стал аспирантом в родном университете, решив связать свою судьбу с наукой.

После создания в Белорусской академии наук (БАН) центра по подготовке белорусских ученых – Института аспирантуры – Иван Николаевич вместе с другими аспирантами БГУ был переведен туда для продолжения работы над кандидатской диссертацией. Время учебы в аспирантуре было сопряжено с преподавательской работой (по совместительству): с января 1931 г. стал ассистентом по курсу советского государственного права в Юридическом институте и Комвузе, а с 1932 по 1936 г. в должности доцента преподавал в БГУ. Так накапливался педагогический опыт, пополнялся скудный аспирантский бюджет. В сентябре 1933 г., завершив аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Пролетарская демократия в период социализма» (ученая степень кандидата

Иван Лущицкий на спортивных соревнованиях во время учебы в БГУ. Конец 1920-х гг.

юридических наук утверждена 29 сентября 1934 г. решением Президиума БАН).

С 1934 г. И. Н. Лущицкий стал работать в должности научного сотрудника, затем старшего научного сотрудника Института экономики БАН, заместителем заведующего отделом аспирантуры Академии. В сентябре того же года он был избран секретарем академического парткома. Партийная карьера тут же дополнилась продвижением по административной лестнице: Ивана Николаевича утвердили в должности ученого секретаря Института философии и права БАН. С февраля по декабрь 1936 г. он был направлен на работу в должности заведующего культурно-просветительским отделом Сталинского райкома КП(б)Б Минска и стал членом его бюро. Несмотря на ответственность партийных полномочий, тем более в крайне сложное время, связь с Академией наук не прерывал (по совместительству продолжал работать старшим научным сотрудником). Партийная карьера оборвалась в сентябре 1940 г., когда Иван Николаевич полностью перешел на работу старшим научным сотрудником Института философии АН БССР, а в скором времени (после упразднения Института) посвятил себя преподавательской работе, тем более что 10 ноября 1940 г. ВАК СССР присвоил ему звание доцента. В начале 1941 г. стал преподавать в должности доцента в нескольких минских высших учебных заведениях: в БГУ, Юридическом институте, Белгосконсерватории и Институте народного хозяйства. Уже опытный ученый и преподаватель читал курсы ленинизма и основ марксизма-ленинизма, советского государственного права.

В тяжелые 1930-е гг. И. Н. Лущицкому удалось избежать репрессий, однако попытки обвинить его во «вредительстве» предпринимались не раз. Так, 12 августа 1937 г. в газете «Звязда», печатном органе ЦК КП(б)Б, вышла заметка «Теоретик фашистских полонизаторов», в которой молодой научный сотрудник И. Н. Лущицкий был обвинен во «вражеских действиях» за содержание брошюры «Советы национально-польского Дзержинского района», написанной в соавторстве. Такая публикация в центральной партийной газете равнозначна официальному приговору. В этом номере газеты также содержались публикации с обвинениями ряда сотрудников Института экономики АН БССР во «вредительстве». Через два дня, 14 августа 1937 г., было созвано специальное заседание Президиума АН БССР, на котором заслушали несколько вопросов. Первым обсуждался доклад о работе комиссии по ликвидации результатов вредительства по Институту экономики и о личном составе. Его сделал, как можно предполагать, Николай Клеофасович Стернин, который до августа 1936 г. был главным редактором газеты «Звязда» (вскоре освобожден от занимаемой должности «за потерю бдительности», впоследствии работал в Институте языка и литературы АН БССР и был арестован органами НКВД).

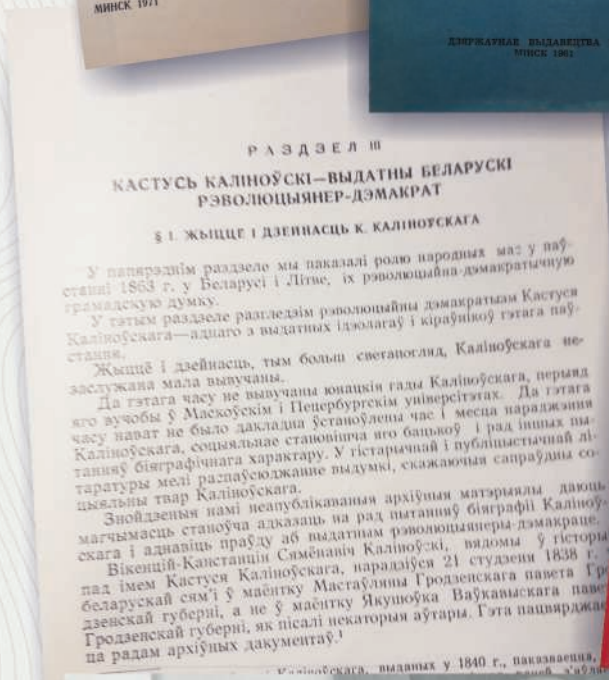
Вторым обсуждался вопрос о публикации с обвинениями в адрес И. Н. Лущицкого. Докладчиком выступил президент АН БССР Иван Захарович Сурта, что свидетельствовало о серьезности обсуждаемой проблемы. Чтобы понять атмосферу заседания и степень опасности для Ивана Николаевича, можно сослаться лишь на то, что спустя две недели был арестован сам И. З. Сурта, в декабре 1937 г. приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. К счастью, И. Н. Лущицкий смог найти аргументы в свое оправдание и убедить комиссию, что не является врагом народа. Молодой ученый заявил, что летом 1931 г. исследование советов Койдановского (Дзержинского) района было поручено заме-

стителю директора Института советского строительства АН БССР профессору Н. А. Коноплину, и отмечал: «…я, как аспирант первого курса, выезжал вместе с ним в район для помощи в сборе материалов о работе советов летом 1931 г. и весной 1932 г. Позже дирекция Института поручила мне написать брошюру под руководством профессора Коноплина». Впоследствии, в мае – июне 1932 г., под руководством профессора-юриста БГУ Н. А. Коноплина и под редакцией также университетского юриста профессора С. М. Гохмана И. Н. Лущицкий издал вышеуказанную брошюру.

В 1937 г. во время рассмотрения вопроса на заседании Президиума АН БССР И. Н. Лущицкий пояснил, что в своей работе «руководствовался установками партийных и советских органов». Однако в условиях того времени вынужден был заявить: «…после постановления ЦК ВКП(б), выявившей шпионскую банду, пробравшуюся в руководство партийных и советских органов БССР и переделавших сейчас ликвидированный Дзержинский район в шпионское гнездо, видно, что моя брошюра политически вредная и подлегает изъятию». Автор оправдывался: «…моя ошибка, что я, как и многие, был политически слеп и не видел истинных целей организации района. Моя ошибка в том, что я писал брошюру в основном по газетным и правительственным материалам, однако не изучил работу советов на местах. Это я признаю. Но не могу согласиться с газетой “Звязда”, что я “теоретик фашиствующих полонизаторов” и что я ответственный за вредительскую деятельность в этом районе, проводившуюся этой бандой на протяжении пяти лет. К этой банде и ее вредительству я никакого отношения не имел и не имею». Им были опровергнуты обвинения газеты в том, что за эту брошюру он получил степень кандидата наук. В итоге разбирательства Президиум АН БССР постановил: «1. Брошюру Лущицкого, изданную в 1932 году, как политически вредную – изъять. Просить Главлит ускорить оформление изъятия. 2. Уведомить газету “Звязда”, что т. Лущицкий получил ступень кандидата наук за защиту диссертации в 1934 г. на тему “Пролетарская демократия в период социализма”».

Тем не менее в марте 1938 г. Иван Николаевич был арестован. Однако, как он писал впоследствии, «правда восторжествовала – следствие было прекращено. Я был полностью реабилитирован, а клеветники понесли наказание. Я сразу же был восстановлен в рядах ВКП(б) и мне вернули тот же самый партбилет». Вот только этот сложный эпизод своей биографии в будущем ученый не любил вспоминать и старался обойти в анкетных листах и автобиографиях.

25 июня 1941 г. И. Н. Лущицкий добровольцем ушел на фронт. В сентябре 1941 г. он находился в резерве Политуправления Западного фронта, затем служил лектором политотдела 24-й армии, старшим инструктором политотдела 47-й гвардейской стрелковой дивизии, старшим инструктором 71-го корпуса Юго-Западного фронта. Воевал в составе 3-го Белорусского фронта, будучи лектором политотдела 31-й армии, исполняющим обязанности начальника учебной и строевой части курсов политсостава. В рядах действующей армии прошел от Москвы до Кенигсберга, участвовал в Сталинградской битве и освобождении Минска и Беларуси, был дважды ранен. Его боевые заслуги оценены орденами Красной Звезды (1943), Отечественной войны II степени (1944), Отечественной войны I степени (1945) и тремя медалями: «За оборону Сталинграда» (1942), «За взятие Кенигсберга» (1945) и «За победу над Германией» (1945).



РАЗДЗЕЛ III

КАСТУСЬ КАЛІНОЎСКІ—ВЫДАТНЫ БЕЛАРУСКІ РЭВОЛЮЦЫЯНЕР-ДЭМАКРАТ

§ 1. ЖЫЦЦЁ І ДЗЕЙНАСЦЬ К. КАЛІНОЎСКАГА

У папярэднім раздзеле мы паказалі ролю народных мас у паўстанні 1863 г. у Беларусі і Літве, іх рэвалюцыйна-дэмакратычную грамадскую думку.

У гэтым раздзеле разгледзім рэвалюцыйны дэмакратызм Кастуся Каліноўскага—аднаго з выдатных ідэолагаў і кіраўнікоў гэтага паўстання.

Жыццё і дзейнасць, тым больш светаногляд, Каліноўскага незаслужана мала вывучаны.

Да гэтага часу не вывучаны юнацкія гады Каліноўскага, перыяд яго вучобы ў Маскоўскім і Пецербургскім універсітэтах. Да гэтага часу нават не было дакладна ўстаноўлена час і месца нараджэння Каліноўскага, соцыяльнае становішча яго бацькоў і рад іншых пытанняў біяграфічнага характару. У гістарычнай і публіцыстычнай літаратуры мелі распаўсюджанне выдумкі, скажаючыя сапраўдны соцыяльны твар Каліноўскага.

Знойдзеныя намі неапублікаваныя архіўныя матэрыялы даюць магчымасць станоўча адказаць на рад пытанняў біяграфіі Каліноўскага і аднавіць праўду аб выдатным рэвалюцыянеры-дэмакраце.

Вікенцій-Канстанцін Сямёнавіч Каліноўскі, вядомы ў гісторыі пад імем Кастуся Каліноўскага, нарадзіўся 21 студзеня 1838 г. у беларускай сям'і ў маёнтку Мастаўляны Гродзенскага павета Гродзенскай губерні, а не ў маёнтку Якушоўка Ваўкавыскага павета Гродзенскай губерні, як пісалі некаторыя аўтары. Гэта пацвярджаюць радам архіўных дакументаў.[1]

Каліноўскага, выданых у 1840 г., паказваецца,

А. И. Самаль
Некоторые вопросы мировоззрения народа в белорусском дореволюционном фольклоре
Минск · 1962
Происхождение и история белорусской свадебной обрядности
Происхождение и история белорусской свадебной обрядности
Удостоверение личности
Иван Николаевич
АКАДЕМИЯ НАУК
Белорусской Советской Социалистической Республики
Член-корреспондент Академии наук БССР
ЛУЩИЦКИЙ
Иван Николаевич
Избран 21 января 1969 г.
№ 62

Гвардии майор И. Н. Лущицкий (стоит справа) проводит занятия. 1945 г.

После войны Иван Николаевич еще год оставался на военной службе. Уволившись в запас по состоянию здоровья («Демобилизован по ограничению 2-й степени») в мае 1946 г. в звании гвардии майора, уже в июне он приступил к работе на должности ученого секретаря Президиума АН БССР, а также стал заведующим сектором философии АН БССР и в этом качестве, как сам отмечал, «подбирал философские кадры и организовывал сектор философии». Уже состоявшегося ученого с богатым довоенным опытом организационной и научной работы, юриста по образованию, но с широкой философской подготовкой, фронтовика с очевидной боевой биографией в июне 1947 г. назначили на сложный участок академической работы. И. Н. Лущицкий должен был организовать работу нового Института философии и права АН БССР, который только что был открыт. В нем он стал исполнять обязанности директора и заместителя директора. Параллельно Иван Николаевич работал по совместительству заведующим кафедрой марксизма-ленинизма Минского педагогического института.

С января 1949 г. целеустремленный философ поступил в докторантуру Института философии АН СССР, которую закончил в марте 1951 г. и сразу же был назначен заведующим сектором истории философии Института философии и права АН БССР. По совместительству продолжил преподавать, работая доцентом, затем профессором кафедры истории философии Белорусского государственного университета. 19 февраля 1952 г. Иван Николаевич успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Передовая общественно-политическая и философская мысль в Белоруссии второй половины XIX века». Ученый совет Института философии АН СССР рекомендовал докторскую диссертацию к печати. В этом же году И. Н. Лущицкий был утвержден в звании профессора. Иван Николаевич стал первым в Беларуси доктором философских наук и оставался единственным до 1961 г. (к началу 1970-х гг. докторов философских наук стало уже 12).

С сентября 1953 г. И. Н. Лущицкий являлся профессором, а с 31 октября 1953 г. – заведующим кафедрой истории философии и логики БГУ. С 1 сентября 1955 г. он исполнял обязанности заведующего кафедрой марксизма-ленинизма БГУ, но в мае 1958 г. вновь был избран на должность заведующего кафедрой истории философии и логики БГУ. По совместительству, с марта 1967 г., руководил Проблемной лабораторией социологических исследований, которая по решению Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике должна была изучать эффективность различных форм идеологической работы. В БГУ в течение многих лет Иван Николаевич читал курсы и спецкурсы по истории философии, истории философской, социологической и общественно-политической мысли Беларуси.

Наука для Ивана Николаевича всегда была на первом месте, несмотря на

огромную нагрузку, которую приходилось нести ученому по учебно-организаторской и общественно-политической линии. Он одним из первых в отечественной науке обратился к истокам философской мысли Беларуси, обозначая важнейшие вехи развития белорусской истории в целом. В 1958 г. увидела свет монография И. Н. Лущицкого «Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палове XIX веку». В этой вышедшей на белорусском языке синтетической работе впервые обобщалось творчество, философские и общественно-политические взгляды К. Калиновского, Ф. Богушевича, А. Гуриновича и других представителей белорусской истории и культуры. Философ исследовал развитие прогрессивных общественных идей в устном народном творчестве столь важного для белорусской истории столетия. Научный текст монографии сопровождался значительным количеством фотографий. К. Калиновский рассматривался как бесспорный герой белорусского национального пантеона. Научные и общественно значимые константы работы высоко оценивались коллегами и оппонентами Ивана Николаевича: «…после книги И. Лущицкого уже никому не придет в голову обвинять Богушевича в национализме, а Кастуся Калиновского считать польским деятелем…», «…раздел, посвященный Калиновскому, как идеологу и руководителю восстания 1863 г. в Беларуси и Литве, является одним из лучших в книге…». Во всех белорусских энциклопедических изданиях 1950-х – начала 1970-х гг. присутствовала статья о Калиновском авторства Ивана Николаевича. Фактически эта работа положила начало систематическому и всестороннему исследованию истории социально-политической и философской мысли Беларуси XVI–XX вв. Его ученики продолжили идеи учителя в последующих исследованиях творчества Ф. Скорины, С. Полоцкого, в изучении связей социально-политических и философско-правовых идей с фольклором, традиционными взглядами на окружающий мир и природу.

Группа преподавателей и студентов истфака – участников Великой Отечественной войны (И. Н. Лущицкий – третий справа в первом ряду). 1957 г.

Работа философа была встречена научным сообществом более чем хорошо. Особенно положительно ее оценивали специалисты из смежных гуманитарных наук. Фольклористы и филологи отмечали, что «…особой заслугой автора является то, что он впервые ввел в научный оборот историков и философов белорусскую литературу», «…показал общественно-политический смысл и значение устно-поэтического народного творчества», «…связывая фольклор с литературой, с одной стороны, и поэтическое искусство с философией и историей, с другой, И. Лущицкий получил полную возможность раскрыть наиглубочайшие корни передовых общественно-политических идей, которые развивались в Беларуси во второй половине XIX в. Стоит только пожалеть, что автор ограничил себя XIX в.». Самым важным недостатком книги признавался ее тираж – всего 300 экземпляров.

И. Н. Лущицкий был крупным специалистом в области истории философии народов СССР и зарубежной философии, одним из знатоков белорусской советской истории и философии права. Опубликовал около 100 научных книг, брошюр и статей по различным темам историко-философской науки, среди которых, безусловно, наибольшей известностью пользуется монография 1958 г.

Профессор И. Н. Лущицкий
во время поездки в Калининград (Кенигсберг).
Вторая половина 1960-х гг.

И. Н. Лущицкий – один из соавторов ряда фундаментальных трудов советских философов: «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР», «История философии» и «Философская энциклопедия». Принимал активное участие в создании первой в СССР монографии «О “Философских тетрадях” В. И. Ленина» (1959), написал раздел о социологических взглядах Гегеля и Фейербаха. Работа И. Н. Лущицкого «Социология Гегеля в оценке В. И. Ленина» была опубликована на немецком языке.

Ученый был активен и в качестве научного редактора: под его редакцией издано 25 монографий и коллективных сборников невероятно широкой тематики – философии, истории философии, истории, этнографии, фольклористики, истории социологии и политологии, религиоведения и истории религии, педагогики, теории гендерных отношений. Он обладал поистине энциклопедическими знаниями, был своеобразным «белорусским Д’Аламбером».

Большое значение для развития белорусской советской науки имела активная деятельность И. Н. Лущицкого в качестве члена редколлегий журналов «Полымя», «Вестник БГУ», редакционного совета Белорусской советской энциклопедии и других изданий. Четыре года Иван Николаевич был членом экспертного совета ВАК СССР, с 1954 по 1967 г. являлся председателем ученого совета гуманитарных наук при БГУ по присуждению ученых степеней по кандидатским и докторским диссертациям.

Важное значение И. Н. Лущицкий придавал подготовке научных кадров высшей квалификации в области философии, недостаток которых ощущался

в советской Беларуси. Под его руководством были защищены 2 докторские и 35 кандидатских диссертаций. Ученый выступал официальным оппонентом более чем по 60 кандидатским и 14 докторским диссертациям. Он много писал и выступал по проблеме подготовки научных кадров. В этом вопросе философ глубоко разбирался и был непревзойденным авторитетом. Он писал: «Будущий ученый обязан знать свою специальность по первоисточникам… Неполноценен тот молодой ученый, который плохо овладел иностранными языками… Неопытному аспиранту легко растеряться без руля и ветрил во все возрастающем потоке литературы и необозримом море нерешенных проблем. Руководитель обязан подсказать, вовремя направить усилия аспиранта… Руководитель в процессе частых собеседований выясняет склад ума своего подопечного, его способность к аналитическому мышлению или, наоборот, умение вести самостоятельные наблюдения, поиски. Тесный контакт позволит ему четко разобраться в проблемах, волнующих аспиранта, выяснить характер и существо его научных привязанностей…» Без преувеличения, эти оценки положения дел, характеристики сути работы ученого, как молодого, так и состоявшегося, полностью актуальны и сегодня.

И. Н. Лущицкий был блестящим педагогом-лектором. Кроме преподавательской деятельности в БГУ и различных высших учебных заведениях активно участвовал в работе общества «Знание». Философ много выступал в Минске, в других городах Советского Союза. Довольно редкий для СССР случай, но Иван Николаевич часто бывал за рубежом, причем не только в соцстранах (Болгария, ГДР, Румыния, Югославия), но и в странах Запада – США, Франции, Италии. За границей он представлял белорусскую

Профессор И. Н. Лущицкий и аспирант кафедры истории философии и логики БГУ С. А. Малевич. 1967 г.

школу философии и истории права, установил прочные и многолетние научные и дружеские связи с коллективом Йенского университета им. Ф. Шиллера.

Заслугой ученого было инициирование издания в Беларуси серии учебных пособий по марксистско-ленинской этике и атеизму. По его инициативе в БССР было введено преподавание основ научного атеизма в средних специальных учебных заведениях, затем этот положительный опыт был перенесен в другие республики СССР. Впервые в СССР именно в Беларуси в 1965 г. под руководством И. Н. Лущицкого была разработана программа данного курса и издано учебное пособие «Основы научного атеизма» с грифом Министерства высшего и среднего специального образования БССР. При жизни Ивана Николаевича, в 1970 г., вышло второе издание этого учебного пособия, предназначенного для средних специальных учебных заведений. Но ранее, в 1967 г., такое же пособие было написано для студентов высших учебных заведений. Учебный материал, который предлагал для усвоения автор, отличался концентрацией внимания на

Встреча с однополчанами.
И. Н. Лущицкий – крайний слева. 1970-е гг.

белорусских особенностях вопросов религии и атеизма.

12 августа 1968 г. университетский философ был выдвинут Советом БГУ в качестве кандидата в члены-корреспонденты АН БССР по философии. Внес предложение на Совете БГУ ректор академик А. Н. Севченко, а поддержали заведующий кафедрой истории КПСС доктор философских наук, профессор, будущий ректор В. М. Сикорский и проректор БГУ член-корреспондент Академии педагогических наук СССР С. А. Умрейко. В постановлении Совета БГУ подчеркивалось, что И. Н. Лущицким «…созданы работы, впервые освещающие многие вопросы истории философской и общественно-политической мысли белорусского народа…», что он проводил активную многолетнюю деятельность по подготовке научных и научно-педагогических кадров. Выдвижение от БГУ поддержали кафедры белорусской, русской и зарубежной литературы Минского педагогического института им. А. М. Горького, которые в своем постановлении констатировали, что «профессор И. Н. Лущицкий своими исследованиями обогатил белорусскую советскую науку». Поддержал выдвижение и ученый совет Гродненского педагогического университета.

Всю свою жизнь И. Н. Лущицкий имел активную жизненную и общественную позицию. Он всегда параллельно с научной и преподавательской деятельностью охотно участвовал в работе различных общественных и партийных органов. В юности работал в сельсоветах, в студенчестве – в профсоюзе, в начале своей научной карьеры, до войны – в парткоме АН БССР, после войны являлся членом Ворошиловского райкома КПБ, депутатом горсовета Минска, членом Минского горкома КПБ, в течение 11 лет – председателем правления Минской городской организации общества «Знание», членом Президиума правления общества «Знание» БССР, а затем и СССР.

И. Н. Лущицкий прожил сложную жизнь, на его долю выпало немало невзгод и трудностей. Он всегда много работал, удивительно успешно сочетая научную академическую стезю с преподавательской деятельностью и общественным трудом. Иван Николаевич многое сделал для становления и развития философии, истории и философии права, истории социологии в Беларуси. Он не боялся научных и педагогических экспериментов, научной междисциплинарности. Пережитые репрессии и участие в войне, безусловно, закалили его характер, сделали целеустремленным. Он был отличным преподавателем и научным руководителем. Многие его идеи из сферы подготовки научных кадров не утратили актуальности до сих пор.

Степан Артурович Захаркевич

Историк-россиевед, белорусист и славист, организатор исторического образования и разноплановых научных исследований

Декан исторического факультета БГУ, заведующий кафедрой истории СССР

Петр Захарович САВОЧКИН

11.06.1911 – 12.11.1975

Почти 18 лет, с 1 октября 1955 г. по 1 мая 1973 г., деканом исторического факультета БГУ был Петр Захарович Савочкин. Он занимал эту должность дольше, чем кто-либо из всех руководителей факультета, во многом определив важнейшие параметры и направления его развития. В те годы сложился великолепный, высокопрофессиональный профессорско-преподавательский коллектив. Крупным специалистом-россиеведом был сам Петр Захарович. Становление историка пришлось на годы сталинизма и мучительного выхода из него, а расцвет профессионализма – на недолгий период оттепели и на бурное время политических пертурбаций общесоюзного и республиканского уровня. Страна, а вместе с ней и «идеологический факультет» Белорусского университета находились в перманентно протекающей холодной войне и эйфории крепнущей дружбы собратьев по «социалистическому лагерю». Историк-декан обязан был в полной мере отвечать за органичную включенность возглавляемого им коллектива во все политические процессы. А главное – готовить разносторонних специалистов-историков как активную составляющую передового отряда строителей коммунизма.

В годы деканства П. З. Савочкина шаг за шагом выстраивалась разрушенная в университете еще на рубеже 1920–30-х гг. система подготовки историков-античников, медиевистов, новистов, знатоков истории России, Германии, Франции. Важно было сформировать утраченную школу специалистов в области родной белорусской истории.

П. З. Савочкин – один из первых предвоенных выпускников исторического факультета. Свою квалификацию он получил в условиях, когда в университетских аудиториях еще не забыли мэтров – В. И. Пичету, Д. А. Жаринова, А. А. Савича, М. В. Довнар-Запольского, В. М. Игнатовского, Д. И. Довгялло, А. Н. Ясинского, В. Д. Друщица и др. Не все их ученики ушли в небытие в репрессивные 1930-е гг. Они смогли передать эстафету знаний. Новые принципы постановки университетского исторического образования еще до конца не были осмыслены во властных верхах. А поэтому оставался зазор в историко-идеологических парадигмах, дававший возможность преподавателям и студентам осваивать объективные исторические факты как основу их профессиональных знаний. Петр Савочкин слушал лекции крупных россиеведов московско-ленинградских научных школ – В. В. Мавродина, К. В. Базилевича, В. Н. Бочкарева, Е. А. Мораховца, М. Г. Седова и др. В тайны всемирной истории его вводили признанные белорусские историки – академики Н. М. Никольский и В. Н. Перцев, приехавшие из России Л. М. Шнеерсон, Г. М. Лившиц, А. П. Пьянков. У студентов предвоенного поколения формировался менталитет профессионалов-историков, хотя и с поправкой на советское воспитание.

К своему университетскому этапу жизни Петр Захарович шел долго. Он родился 11 июня 1911 г. в небольшой деревне с громким названием Родина Веляшковичской волости Витебского уезда Витебской губернии (позже Лиозненский район Витебщины) в семье, как он писал в одной из своих автобиографий, крестьянина-середняка Захара Амостровича и его жены Кристины Павловны. Родители в 1929 г. вступили в колхоз, но смогли сохранить в пользовании 10,5 га земли, двух коров и лошадь. Окончив семилетнюю школу, юноша успешно преодолел экзамены и стал учащимся Витебского педагогического училища. Уже через два года молодой специалист приступил к самостоятельной работе школьным учителем. Вскоре (1929) продолжил учебу на двухлетних «Дзяржаўных Пэдагагічных Курсах» в Витебске. При получении П. З. Савочкиным диплома в 1931 г. директор курсов отметил склонность выпускника «да самастойнай працы», «добрае палітычнае развіццё», возможности «з наібольшым поспехам выкладаць грамадазнаўства». В 1933 г. Петр Захарович учился и на курсах повышения квалификации при Минском пединституте, что дало основание работать в качестве «настаўніка II-га канцэнтру».

Педагогический дар и организаторские умения молодого педагога были оценены: он работал районным инструктором, был членом президиума сельского совета и в скором времени, в сентябре 1933 г., получил назначение на должность директора неполной средней школы (так тогда назывались семилетки) в д. Литвиновичи Ветринского района.

Несмотря на атмосферу сложных 1930-х гг., молодежь советской страны повсеместно тянулась к знаниям, преодолевая многие преграды. Так и Петр, молодой еще человек, но уже с определенным жизненным опытом и стажем педагогической и организаторской работы, определил для себя новые вершины. Его выбор пал на исторический факультет Белорусского государственного университета. Открытие в 1934 г. этого нового для БГУ факультета стало проявлением возрастающего значения идеологии, историки воспринимались партийно-советским руководством прежде всего в качестве пропагандистов и интерпретаторов марксизма-ленинизма с явным уклоном в сторону сталинизма. История оказалась востребованной

в условиях «строительства социализма по всему фронту». Страна Советов остро нуждалась в лояльных к системе, но высокопрофессиональных кадрах, которые бы могли находить в глубинах прошлого доказательства современных переустройств. Властная политика, немногим ранее почти разрушившая систему университетского образования, когда от того же БГУ остались после «разукрупнения» лишь два естественно-научных факультета с менее чем тысячей студентов и около сотни преподавателей, пошла на рискованный шаг: был сделан очевидный поворот в сторону гуманитарного высшего образования и науки. Правда, такого образования и такой науки, которые бы сопровождали историческими аналогами всякий социальный эксперимент и закрепляли его в сознании и практической деятельности «масс». «Кнут», которым власть научилась эффективно орудовать, должен был дополняться «пряником» – умиротворяющими тезисами стройной теории общественного развития, пафосом патриотических призывов и сюжетов из основательно «очищенной» истории и т. д.

На практике подобные современные рассуждения в те годы были чужды абсолютному большинству рвущейся к знаниям молодежи. Главное – она получила возможность для совершенствования своего образования, для карьерного роста. Это были уже не те первые студенты БГУ, которые порой выглядели «дядьками» в шинелях и тулупах, но имели свои взгляды на все, что волновало народ и что преподносила власть. Теперь студенческие аудитории наполняли те, кто сформировался в советские годы и впитал идеологемы новой, уже абсолютно своей власти. Да и преподавательский корпус, в особенности гуманитариев, к середине 1930-х гг. в значительной степени изменился: на смену «старой» профессуре, с ее непредсказуемостью, за профессорские кафедры вставали выпускники «красных» университетов.

Петр Захарович поступал в университет, когда ректором был А. И. Дьяков. Прием документов начался 17 июля (на 350 мест было подано 600 заявлений). В одну четверть тетрадного листа школьный учитель по-белорусски, как «прасіцель», написал заявление о приеме документов на истфак и сдаче вступительных экзаменов. Так совпало, что в скором времени вышло постановление ЦК КП(б)Б «О ходе нового набора и подготовки к учебному году ВУЗов, ВТУЗов и техникумов», в котором университетскому ректору в числе иных его коллег было указано на «неправильные отношения» к приему студентов и ослабление личного контроля за этим политической важности мероприятием. Более того, в молодежной республиканской газете, со ссылкой на это постановление, подчеркивалось, что ректоры (директора) несут «асабістую адказнасць перад Цэнтральным камітэтам за кожнага прынятага студэнта». Видимо, А. И. Дьяков внял партийным указаниям, и набор 1935 г. был осуществлен со всей принципиальностью.

Анания Ивановича, как справившегося с партийным указанием лучше всех, в сентябре перевели в аппарат ЦК КП(б)Б, затем утвердили наркомом просвещения. Вот только из-за этого коллектив университета два года находился без полноценного руководителя, один за другим сменялись «исполняющие обязанности» ректора. Власть никак не могла определиться с утверждением ректора, избавлялась от тех, кто ей стал ненужным, отработал свой ресурс (только в конце октября 1937 г. были расстреляны три ректора, в разное время руководившие БГУ, – И. П. Кореневский, А. И. Дьяков и А. С. Кучинский).

Красноармеец П. З. Савочкин. 1940 г.

После сдачи вступительных экзаменов (по физике, математике, русскому и белорусскому языкам) с 1 сентября 1935 г. П. З. Савочкин снова сел за студенческую скамью – теперь уже истфака БГУ. Комсомолец почти с десятилетним стажем органично влился во второй набор актуального для страны «победившего социализма» факультета, проявив явную склонность к гуманитарным знаниям.

Разумеется, атмосфера постоянного ожидания и страха, неверия в окружавших тебя людей не способствовала продуктивной учебе. Однако закаленный жизнью студент Петр Савочкин достойно выдерживал все испытания. И даже был отмечен в многотиражной университетской газете в числе немногих истфаковцев, с блеском сдавших первую зачетную сессию.

Уже с первых лет учебы молодой человек с аналитическим умом определил для себя прагматичную жизненную позицию: быть подальше от публичности и суеты, заниматься делом – учебой, постижением профессии историка. И Петр Захарович следовал этому принципу всю жизнь. Мягкость по отношению к каждому собеседнику и принципиальность при решении задач, постоянная публичность при внешне воспринимаемом непубличном образе, стремление находить ответы на сложные вопросы в русле так непросто достижимого консенсуса – эти черты формировались постепенно, с накоплением жизненного опыта, опыта военного лихолетья, опыта выживания в постоянно изменявшихся политических обстоятельствах, которые всегда налагались на «ремесло» историка.

Окончание учебы на истфаке БГУ пришлось на 1940 год, когда вовсю разворачивались сражения Второй мировой войны, когда уже произошло воссоединение Беларуси, когда три соседние прибалтийские страны в выпускном для БГУ июне под присмотром советских войск превращались из «буржуазных» в «советские». Стремительно изменялась жизнь каждого советского гражданина. В июне 1940 г. П. З. Савочкин получил диплом с отличием. Решением Государственной экзаменационной комиссии ему была присвоена квалификация «научного работника исторических наук, преподавателя ВУЗа, ВТУЗа и учителя средней школы». Молодой специалист получил назначение на работу в Плисскую среднюю школу в Смолевичском районе. Приходилось рассчитывать на свои силы, материально поддерживать мать и двух сестер (отец умер в 1940 г.).

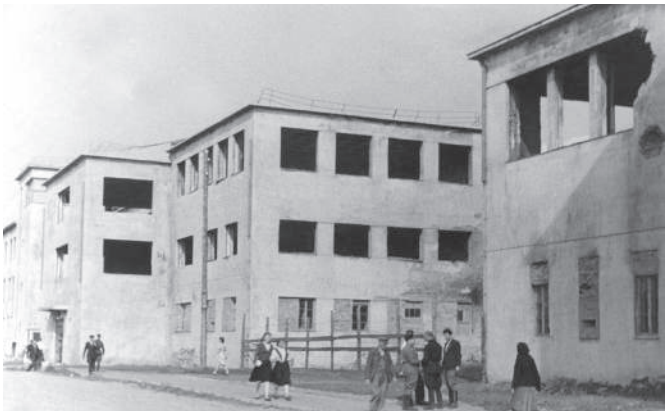
Петр Захарович разделил судьбу своих сверстников, большинства первых выпускников исторического факультета. В октябре 1940 г. он был призван в Красную армию и направлен в Прибалтийский военный округ. Его первым местом службы стала Рига, где за несколько месяцев была пройдена «школа молодого бойца» и состоялось боевое крещение: именно в Риге 22 июня 1941 г. красноар-

меец Петр Савочкин вступил в сражение с фашистскими агрессорами. Великую Отечественную войну ему было суждено пройти от первого до последнего дня.

Петр Захарович сражался в войсках Прибалтийского (Северо-Западного) фронта, воевал и в качестве танкиста, и в качестве кавалериста, что соответствовало сложнейшей обстановке первых дней войны. В начале августа красноармеец был тяжело ранен. Несколько месяцев провел на лечении в одном из госпиталей г. Горького (современный Нижний Новгород). После излечения Петр Захарович был направлен на четырехмесячные командирские курсы разведчиков в Ставрополь. С февраля 1942 г. молодой офицер снова в действующей армии – на южном крыле советско-германского фронта в составе разведотделения штаба 16-й гвардейской кавалерийской Черниговской дивизии, активно участвовавшей в Сталинградском сражении. Там был принят кандидатом в члены ВКП(б). В автобиографии Петр Захарович указал: «Участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками на фронтах Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 года до 9 мая 1945 года в различных должностях – солдата, помощника начальника разведки дивизии, офицера связи, начальника отдела кадров дивизии». Гвардии майор П. З. Савочкин прошел путь от волжских берегов до Берлина, форсировал Днепр, освобождал родную Беларусь, Варшаву. В июле 1944 г. был принят в члены КПСС. Его боевой путь пролегал по важнейшим и наиболее кровавым направлениям советско-германского фронта.

Судьба уберегла отважного воина от смерти. Ратный подвиг Петра Захаровича отмечен восемью боевыми наградами, в том числе высшим знаком солдатской доблести – медалью «За отвагу». В торжественные дни студенты истфака БГУ с восхищением любовались орденами декана – Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и др.

23 июня 1945 г. 12-я сессия Верховного Совета СССР приняла закон о демобилизации. Попал под демобилизацию и гвардии майор П. З. Савочкин – в июле 1946 г. он, как «не имеющий военного образования и специалист народного хозяйства», получил возможность вернуться к работе по специальности, полученной в БГУ. Военные годы утвердили бывшего разведчика в необходимости реализовать мечту студенческих лет – стать ученым. Был намечен новый сложный путь к интеллектуальным вершинам – в аспирантуру родной альма-матер для подготовки кандидатской диссертации. Соратником на этом пути стала жена Тамара Михайловна – и любовь, и муза, и хранительница семейного очага, мать его дочерей Натальи, Елены и Ирины. Их знакомство состоялось под сводами старинного здания на площади Свободы, где размещался тогда только еще создававшийся Музей истории Великой Отечественной войны: 17 февраля 1947 г. юная машинистка спецотдела (отдела кадров) музея



Университетский городок после освобождения Минска. 1944 г.

принимала документы у университетского аспиранта, решившегося совместить написание диссертации с формированием экспозиции нового музея в качестве «старшего научного работника».

Музейная работа по специальности приносила профессиональное удовлетворение, обеспечивала финансово. В музее, как отмечал его директор Граков, Савочкин вел тему «Колониальное порабощение и истребление белорусского крестьянства немецко-фашистскими оккупантами (1941–1944 гг.)». И проявил в полной мере способности глубокого исследователя. Даже возглавил в 1948 г. отдел «Освобождение Советской земли от немецко-фашистских оккупантов».

В Музее истории Великой Отечественной войны Петр Захарович проработал все аспирантские годы, до 1949 г. И в последующем многие годы будет «подрабатывать» там, чтобы семья не испытывала нужду, чтобы дочурки могли рассчитывать на постоянный отцовский сюрприз: когда он возвращался с работы домой, всегда приносил им то кулечек конфет, то диковинный для того времени апельсинчик, то коробочку карандашей. Специальность Тамары Михайловны, которую она впоследствии получила также в БГУ, – педагог, учительница русского и белорусского языка и литературы – в уюте домашних забот гармонично дополняла увлеченность Петра Захаровича историей. Этот уют приходилось поддерживать, несмотря на тяжелую миссию педагога: до сих пор ее, свою учительницу, добрым словом вспоминают выпускники минской школы № 44.

Работа над написанием диссертации в тех условиях продвигалась трудно. Аспирантура в 1949 г. была закончена, но рукопись не была доведена до защиты. В 1951 г. в докладе декана факультета Ф. М. Нечая на юбилейной сессии было констатировано, что П. З. Савочкин только завершает работу над диссертацией, тогда как его молодые коллеги А. И. Сидоренко и Л. С. Абецедарский уже год как защитились и стали доцентами, а последний к тому же – заведующим кафедрой истории народов СССР.

Для молодой семьи радостным стал 1952 год – с появлением первой дочери совпала подготовка к защите кандидатской диссертации отца. Тема, которую исследовал Петр Захарович, была весьма знаковой. Ситуация в Западной Беларуси по-прежнему оставалась и актуальной, и острой в политическом контексте послевоенного времени. Обращение ученого к предыстории восприятия населением западных областей БССР советской власти было, как и сейчас принято в обязательном порядке обозначать во вводной части любой диссертации, и «актуально», и «ново», и «научно значимо», и «исследовано впервые». Диссертация «Борьба за власть Советов в Западных областях Белоруссии в 1918–1920 гг.» была успешно защищена на заседании ученого совета факультетов гуманитарных наук БГУ 23 декабря 1952 г. (утверждена 17 февраля 1953 г. ВАК СССР). Новый университетский ученый смог преодолеть все житейские и научные препятствия.

Радость успешной защиты диссертации была омрачена, так как накануне и после нее пришлось пережить крайне тяжелую ситуацию, которая «высветила» потаенные душевные переживания, характерные для каждого историка, работающего под прессом властных установок, а поэтому не имеющего права на идеологическую ошибку. Накануне защиты, в конце 1951 г., в газете «Звязда» была опубликована статья П. З. Савочкина «Амерыкана-англійскія імперыялісты – злейшыя ворагі беларускага народа (матэрыялы аб рабаванні Заходняй Беларусіі амерыкана-англійскімі імперыялістамі)», а в восьмом номере партийного журнала

«Большевик Белоруссии» за 1952 г. вышла статья соискателя ученой степени «Антисоветские происки американо-английских империалистов в Белоруссии в 1918–1919 гг.». Эти публикации с некоторым опозданием вызвали недовольство партийных верхов, так как в историческом далёко была усмотрена излишняя негативная оценка действий тех стран, с которыми у СССР на 1952 г. забрезжило потепление отношений. Беседа с автором в кабинетах ЦК КП(б)Б стоила Петру Захаровичу бессонной ночи, нервного потрясения. В итоге пришлось спешно корректировать текст диссертации и долгое время лечиться у известного минского специалиста.

Эта история стала еще одним уроком для Петра Захаровича: семь раз отмерь – один отрежь. Похоже, что в русле этой известной поговорки, находясь долгие годы на ответственной должности, действовал историк и в науке, и в администрировании. И только семья, друзья-коллеги давали возможность быть самим собой, не ждать подвоха. Правда, партийная «взбучка» университетского историка оказалась недальновидной, всего лишь сиюминутной реакцией на положение СССР в международных отношениях. В принципе оценки «англо-американских империалистов», данные П. З. Савочкиным в тех публикациях, в условиях холодной войны уже вскоре были востребованы, сам он стал активным автором партийной прессы. За 1952–1966 гг. историк напечатал в журнале «Коммунист Белоруссии» еще 9 статей и рецензий. Уже через многие годы, когда 23 ноября 1971 г. на ученом совете факультета Петра Захаровича представляли к ученому званию профессора, его коллега – заведующий кафедрой истории БССР Л. С. Абецедарский – подчеркнул не только «прекрасные организаторские способности, доброжелательное отношение к преподавателям и студентам», «высокий идейно-теоретический уровень» лекций, практических и семинарских занятий, но и авторство опубликованных «серьезных работ, разоблачающих буржуазную фальсификацию истории БССР, показывающих экспансию американского империализма в Западной Белоруссии».

Возрожденный университетский городок. Начало 1950-х гг.

В учебном кабинете истории СССР истфака БГУ. 1952 г.

Першую залі-
ковую здаў на
„выдатна"

Родна пяць год аддалае мяне
ад сярэдняй школы. За гэты час
прыйшлося многа папрацаваць на
педагагічнай, адміністрацыйнай і
ваеннай работах. Ва ўніверсітэт
паступіў у 1935 годзе, адразу-ж
на вакальнымі з радыё РСЧА.

АНКЕТА

Для паступаючых у Беларускі Дзяржаўны Універсітэт
на гістарычны факультэт

Савачкін Пётр Захар
1911
не паступаў
не
холасці
настаўнік, выкладчык гісторыі
выкладчыкам гісторыі
225
1920 г.
7 га зямлі 2 коровы 1 конь
10,5 га зямлі 2 коровы 1 конь
Мозыр
Земляроб
земляроб
Навагрудзкі з 1922 года
Вайсковабязбаемны
Вітэбскі рэв ч/с Великолукі 6 Радзіна
Мінскі Райвыканкам

СПРАВА № 76

Пачата 27 мая 1985 года
Закончана 8 верасня 1985 года
На 12 лістах

Мінск

ХАРАКТАРЫСТЫКА
ученчыцы Відзаўскай 2-х гадовай Беларускай Пядагагічнай школы
у 1931 годзе.

1. Прозвішча Савачкін Пётр па бацьку
2. Час нараджэння 1911
3. Паходжанне селянін
4. Нацыянальнасць беларус
5. Партыйнасць КСМ
6. Прафсаюзны стаж
7. Дае згоду да паступлення на курс
8. Веды і поспехі удавалетворны
9. Разумовае развіццё добрае
10. Усталяваці: а/ пісьма
б/ спалучэнне
11. Усталяваць: а/ педагагічны
б/ арганізацыйны на выдатна
12. Пажыццёвае развіццё добрае
13. Адносіны да працы а/ вучобная
б/ грамадзянскае
14. Як уладае на Родным
15. Дае мова прадаваць

ДЫРЭКТАР ШКОЛЫ
САКРЭТАР ШКОЛЫ

Савачкін П.З.
гістарычны
Алмаз
Мозыр-акр.
КСМ
Пісьмо
Мова

Л. 3.
1911
Савачкін
Пётр Захар
Гісторыя Заходу
Гісторыя Народу СССР
Гісторыя Беларусі
На вялікае чарговае

Пролетары ўсіх краёў, заучаўцеся!

АТЭСТАТ

Атэстат гэты выдадзены т. Савачкіну Пётру Захаравічу, які нарадзіўся ў 1911 г., у тым, што паступіў на 2 гадовы Дзяржаўны Пядагагічны Курсы ў 1929 г., прабыў на іх 2 гады, мес. і выявіў здавальняючыя веды на ўсіх прадметах і па ўсяму курсу.

На падставе гэтага т. Савачкін Пётр Захаравіч лічыцца скончыўшым 2 гадовы мес. Пядкурсы і ему надаецца званне настаўніка пачатковай школы, што і сьведчыцца.

г. Мінск
2 мая 1929 г. № 502

Загадчык Курсаў
Сакратар

В 1953 г. Петр Захарович был назначен заместителем директора по учебной и научной работе Минской школы профдвижения ВЦСПС, которая с 1948 г. постановлением Совета Министров СССР была приравнена к «высшим учебным заведениям третьей категории – учительским институтам». Вскоре историк вернулся в БГУ на кафедру и продолжал работать по совместительству. В июне 1954 г. ученым советом БГУ (тогда председательствовал знаменитый Фрол Шмыгов) П. З. Савочкин был избран на должность доцента (по совместительству), а 8 января 1955 г. утвержден ВАК СССР в этом звании. Новый поворот в судьбе произошел в марте 1955 г.: в связи с ликвидацией Минской школы профдвижения ВЦСПС Петр Захарович не только вернулся в родные стены истфака БГУ, чтобы читать курс истории СССР на заочном факультете, но 1 октября 1955 г. был назначен деканом.

Интересная деталь: все документы этих лет о перемещениях по службе, избраниях на административные должности и в ученом звании подписывал в БГУ не ректор К. И. Лукашёв, а проректоры А. Я. Малышев, Г. А. Поветьев и Ф. П. Шмыгов. Вот и приказ о назначении «…деканом исторического факультета доцента Савочкина Петра Захаровича с 1 октября 1955 года, освободив его от работы на заочном факультете» подписал исполняющий обязанности ректора Г. А. Поветьев. Он же 20 октября 1958 г. станет его «крестным отцом» и при назначении молодого декана исполнять обязанности заведующего кафедрой истории СССР. Но уже ректор А. Н. Севченко в качестве председателя ученого совета БГУ 8 мая 1959 г. утвердит результаты тайного голосования членов совета (53 – «за», 1 – «против», 3 – «недействительных») об избрании по конкурсу заведующего кафедрой истории СССР доцента П. З. Савочкина.

Несмотря на колоссальную административную работу, поглощавшую все продуктивное рабочее время, Петр Захарович находил возможности для научных занятий. История Западной Беларуси попрежнему являлась главным предметом его научных исследований. Всего за свою творческую жизнь он опубликовал более 40 работ. Для студентов рубежа 1960–70-х гг. классикой являлись хрестоматия по истории БССР 1917–1971 гг., «Практикум по истории СССР», составленные деканом совместно с коллегами по факультету В. Н. Сидорцовым, А. П. Игнатенко и А. И. Сидоренко. Как прорыв на фронте интернационализма воспринималась его и Д. Б. Мельцера книга в темно-красно-зеленом переплете «Дружба скрозь стагоддзі», вышедшая в 1970 г. на белорусском языке. Сегодня особый интерес имеют две публикации П. З. Савочкина по истории БГУ. И если статья в «Вопросах истории» за 1962 г. штрихами очертила положение дел на историческом факультете БГУ, то глава «История» в книге «Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина», приуроченной к юбилею БГУ, представила важнейшие стороны деятельности университетских историков за 50 лет. К этому времени Петр Захарович буквально искал 25-й час в сутках, чтобы завершить рукопись докторской диссертации. Он прекрасно понимал, что отстает от своих менее обремененных администрированием коллег на поприще, которое прежде всего является уделом всякого университетского преподавателя, – в науке, с ее формальными атрибутивными признаками в виде степени доктора. И напряженно трудился над весьма сложной и теперь (конечно, принимая в расчет содержание, а не терминологическое ее оформление в виде названия) темой – «Экспансия

иностранного капитала в Западной Белоруссии (1919–1939 гг.)». И завершил-таки свое исследование, но подорванное здоровье не позволило осуществить последние формальные действия…

Судьбой состоявшемуся ученому в университете было уготовано несколько иное, нежели чисто научное, предназначение. И в годы студенческие, и в аспирантские Петра Захаровича окружали те, кого он мог назвать своими учителями, ценившими молодого рассудительного и способного ученика. Решение о назначении деканом принималось в партийных и министерских кабинетах. Однако значение имело и мнение факультетского коллектива, оценившего человеческие и профессиональные качества П. З. Савочкина. До войны и после ее окончания на истфаке преподавали А. П. Пьянков, Л. М. Шнеерсон, Г. М. Лившиц, Н. М. Никольский, В. Н. Перцев, И. С. Чимбург и др. Рядом были многие из студенческого окружения, в большинстве своем фронтовики, все – опаленные войной.

Когда антиковед Ф. М. Нечай в начале 1950-х гг. принял решение полностью посвятить себя науке и заняться подготовкой докторской диссертации, его на посту декана истфака сменил А. И. Сидоренко – герой-танкист, близкий друг Петра Захаровича, с которым он вместе учился в аспирантуре в начале 1950-х гг. Но и Сидоренко в скором времени счел за лучшее покинуть сложный и ответственный пост, уйти в науку. Страна после смерти Сталина переживала острый период. Новые политические реалии требовали от коллектива исторического факультета чуть ли не опережающего понимания происходящего, а в особенности перспектив. Поэтому состоявшийся историк с великолепным послужным списком, с позитивными чертами характера был заметной фигурой. Петр Захарович сумел достойно пройти через горнило политических кампаний конца 1940-х – начала 1950-х гг., не переусердствовать в публичных обвинениях против «безродных космополитов», приверженцев «формализма и эстетства в искусстве» или же «морганистов-вейсманистов» в биологии, а тем более – «махровых идеалистов» в философии, «клерикалов-монархистов» в истории. Например, рубеж 1940–50-х гг. в газете БГУ «За сталінскія кадры» подан ярко и разнообразно: на ее страницах заметки и статьи о борьбе с морганистами-вейсманистами, борьбе «за» и «против» учения Мара, но за «гениальное сталинское языкознание». Выделяются публикации молодых ученых-историков Л. С. Абецедарского и А. А. Филимонова об идеологических происках буржуазии и необходимости историков давать на них быстрый и достойный ответ. А вот П. З. Савочкина не видно даже в кампаниях в защиту «мира во всем мире», в борьбе с «тлетворным влиянием на советскую молодежь буржуазной пропаганды», в прославлении «сталинской конституции».

П. З. Савочкину была уготована иная миссия, гораздо более ответственная и не терпящая крикливости, суеты, показухи. В это время он находился чуть ли не с тайным спецзаданием в деревнях Западной Беларуси и в конкретике сложнейшей социально-экономической и политической (если не военной) обстановки той поры пытался склонить белорусских крестьян на сторону советской власти, агитировал вступать в колхозы. Об этих своих девяти месяцах Петр Захарович не написал ни в одной из автобиографий, не говорил даже в доверительных беседах. Лишь по косвенным сведениям можно осознавать всю опасность поездок по западнобелорусской глухомани гражданского агитатора, хотя и с послужным списком военного разведчика. Жена Тамара Михайловна вспоминала, что уез-

жал он на задание прощаясь, а не говоря «до свидания».

Назначение Петра Захаровича с октября 1955 г. деканом исторического факультета можно считать совершенно закономерным. Он сменил на этом посту целую плеяду неординарных в личностном и профессиональном плане предшественников. Первый декан, белорусист В. К. Щербаков, был расстрелян в мрачные 1930-е гг. Декан предвоенных и первых послевоенных лет, еще один наставник Петра Захаровича, но уже в проблематике древнерусской истории, А. П. Пьянков покинул БГУ в условиях политических кампаний конца 1940-х – начала 1950-х гг. Аспирантские годы П. З. Савочкина пришлись на деканство Ф. М. Нечая, уже тогда явно предпочитавшего науку, а не администрирование: впоследствии, как раз в годы деканства Петра Захаровича, Федор Макарьевич стал самым известным белорусским антиковедом. А непосредственным предшественником на этом посту был уже названный А. И. Сидоренко.

Так что «приход во власть» для Петра Захаровича был неким естественным предопределением. Этот выбор, состоявшийся в «высоких кабинетах», по прошествии десятилетий можно считать судьбоносным: и для факультета, и для тысяч студентов, и для новой молодой поросли профессорско-преподавательского состава факультета, которые на протяжении чуть ли не 20 лет ощущали мягкую, но властную ауру «своего» (!) декана. Во многом благодаря его каждодневной заботе и деятельному участию (а пост декана, руководителя многих сотен состоявшихся и потенциальных интеллектуалов, к этому обязывал) к началу 1970-х гг. истфак подготовил более двух тысяч выпускников-специалистов, его почти 200 сотрудников защитили кандидатские и докторские диссертации. Немал и «послужной список» аспирантов самого Петра Захаровича, успешно защитивших кандидатские диссертации под его научным руководством (И. А. Литвиновский, П. К. Кравченко и др.).

Важной в судьбе состоявшегося ученого-историка как специалиста в области белорусоведения стала педагогическая специализация. Этим направлением всю его жизнь была история СССР. Да, история СССР, хотя на самом деле в той трактовке к ней относилась история всех народов СССР, но прежде всего России, – от древности до настоящего времени. В этой условности названия заключался глубокий политический смысл: связать исторические эпохи в единую цепь, чтобы тем самым оттенить величие советского периода, закономерно венчающего череду столетий. Студентам разных поколений Петр Захарович читал курс истории СССР XVII–XVIII вв., иногда вел практические занятия по этому курсу. Читал в тихой задушевной манере, которая не усыпляла, а заставляла думать.

Строительство главного корпуса БГУ. Сюда в 1962 г. с улицы Красноармейской переедет истфак во главе с деканом П. З. Савочкиным. 1960 г.

Петр Захарович был всегда собранным, спокойным и уравновешенным. В такой манере он проводил учебные занятия, различные заседания, беседы с нерадивыми студентами и провинившимися преподавателями. Обладая широким кругозором, логикой и четкостью построения мысли, имея самостоятельную точку зрения по рассматриваемым вопросам, он был наделен редким даром ярко и в то же время доступно преподнести изучаемый материал, увлечь студента, вызвать интерес к проблеме. На время лекции аудитория полностью погружалась в изучаемую эпоху со всеми ее проблемами и пертурбациями. Вместе с тем в беседах со студентами и коллегами Петр Захарович всегда живо реагировал на интересную мысль, умел оценить шутку, мог поддержать любую тему разговора. Вот только, пройдя нелегкими дорогами жизни, рассказывать о себе, а тем более о войне не любил. Не избегал этих тем, не уходил от вопросов (это было не в его характере), но и не инициировал. Иногда, если это было к месту, мог вспомнить какой-нибудь эпизод из личной жизни, но только если он был весомым, значимым.

Чтение общих и специальных курсов по истории СССР (точнее, именно по дореволюционной истории России) позволяло Петру Захаровичу владеть широким спектром знаний и в области славистики. Уже осенью 1950 г., после отъезда А. П. Пьянкова в Могилев, ему было доверено руководство кафедрой в качестве исполняющего обязанности заведующего. Именно тогда состоялось апробирование задатков П. З. Савочкина как руководителя творческого коллектива. Ответственность выросла на порядок. Об этом напоминал каждый день, отзвуки от произнесенных слов, действий членов кафедры. Так, в 1952 г. инструктор отдела науки и вузов ЦК КП(б)Б дотошно проверил идеологическую качественность лекций и составил записку с множеством замечаний и претензий, порекомендовав П. З. Савочкину, М. Д. Мельцер, М. Б. Фридман, М. П. Барановой, А. И. Сидоренко, Л. С. Абецедарскому «шире привлекать к чтению лекций труды классиков марксизма-ленинизма». Руководство кафедрой пришлось оставить.

И только всесторонне войдя в курс дел, П. З. Савочкин в 1958 г. вновь возглавил кафедру истории СССР и почти 16 лет плодотворно ею руководил. В его характеристиках постоянно подчеркивался этот аспект трудовой биографии, успешная научная и учебно-методическая результативность коллектива: «Руководимая им кафедра истории СССР по постановке учебной и воспитательной работы является одной из лучших в университете». В 1971 г. в газете «Беларускі універсітэт» на первой странице была широко представлена плодотворная работа кафедры: «...менавіта тут вырашаюцца важнейшыя вучэбныя задачы, арганізуецца самастойная работа студэнтаў, навуковая праца сталых і маладых даследчыкаў, фарміруецца ў студэнтаў навуковы, марксісцка-ленінскі светапогляд, навыкі і інтарэс да выбранай спецыяльнасці».

В 1950-е гг. страна залечивала раны, нанесенные Великой Отечественной войной. Грезились новые, коммунистические горизонты. И студенческая молодежь обязана была их приближать. Декану надо было отправлять своих питомцев на освоение целины, вместе с новым ректором БГУ А. Н. Севченко отстаивать для историков, юристов и филологов университетскую «колыбель» (в 1958 г. «Дом № 1 БГУ» по улице Красноармейской наконец-то был отстроен после военных разрушений), затем с начала 1962 г. перевозить факультет в отстроенный главный корпус. Обустройство на новом месте

П. З. Савочкин (первый слева во втором ряду) среди членов ученого совета БГУ в юбилейный для университета 1961 г. (часть общей фотографии)

всегда дело хлопотное. Даже в условиях постоянно существовавших трудностей со свободными учебными помещениями он смог найти место для размещения обширного музея исторического факультета, ставшего гордостью всего университета. А его-то надо было воссоздать, сделать современным. Не лишне подчеркнуть, что именно в первые годы деканства Петра Захаровича наконец-то началась реальная работа по сбору материалов для открытия Музея истории БГУ. И этим занимались преподаватели кафедры истории СССР М. Б. Фридман и Я. П. Иконникова (Науменко). Впоследствии (в середине 1970-х гг.) собранные раритеты позволили открыть экспозиции первого в Беларуси музея истории вуза. Именно П. З. Савочкин как декан и как заведующий кафедрой истории СССР подготовил условия к созданию (точнее – воссозданию после долгого времени) кафедры белорусской истории. Это был поистине огромный прорыв в организации университетской структуры со времен гонения на «нацдемов» и кратковременного возрождения после победы в Великой Отечественной войне национальной составляющей в историческом университетском образовании.

В 1961 г. Петру Захаровичу исполнилось 50 лет. За свои усилия и результаты на ниве университетского образования и науки и в связи с юбилеем П. З. Савочкин был награжден медалью «За трудовую доблесть». В последующем он будет удостоен еще одной «трудовой» медали – «За доблестный труд» (1970) – и нескольких значимых по статусу грамот. Специфику времени отразила грамота, полученная в 1967 г. из рук ректора А. Н. Севченко, за первое место, которое занял коллектив БГУ среди вузов БССР в республиканском смотре-конкурсе по оборонно-мас-

Заседание деканата истфака БГУ.
1964 г.

П. З. Савочкин среди коллег:
слева – проректор С. А. Умрейко,
справа – заместитель декана истфака
доцент В. А. Титок. Середина 1960-х гг.

совой работе. Но особо дороги для Петра Захаровича были две грамоты, полученные уже на исходе университетской карьеры. В связи с 60-летием он был награжден Почетной грамотой Верховного Совета БССР «за большую научно-педагогическую и воспитательную работу» на посту декана. А его личное заявление с просьбой освободить от должности декана с 1 мая 1973 г. Антон Никифорович Севченко не только сопроводил своей ректорской благодарностью, но и в Почетной грамоте кратко и емко оценил роль П. З. Савочкина – одного из самых дееспособных членов своей «команды» руководителей БГУ: «За долголетнюю и безупречную работу в должности декана истфака».

Эта «безупречность» работы руководителя проявлялась в самых разных направлениях. Так, по инициативе декана в 1963 г. провели весьма интересный эксперимент – подготовку историков для специальных школ с углубленным изучением иностранных языков (такие школы тогда стали создаваться в республике). Часть студентов исторического факультета, начиная с 3-го курса, обучались по специальной программе и готовились к преподаванию истории в школе на одном из иностранных языков – английском, французском, немецком. Первый выпуск был сделан в 1965 г. Уже в следующем году факультет получил завершенный качественно-идеологический облик: к историческому направлению подготовки прибавилось философское. Отделение философии, на 1-й курс которого было принято 25 студентов, Петр Захарович представил в первом сентябрьском номере университетской многотиражки.

Круг вопросов, ответственность за решение которых (кроме учебного процесса) возлагалась на декана факультета, был огромен: работа общественных организаций, спорт, художественная самодеятельность, общежитие, поездки студентов на уборку урожая и т. д. В немалой степени в результате повседневной работы декана небольшой по современным меркам факультет (в первой половине 1960-х гг. на каждом из курсов было около 40 человек) постоянно занимал лидирующие позиции (1–2-е место) в спорте и художественной самодеятельности. Бывало, что сам декан инициировал необычные мероприятия. Так, в декабре 1966 г. он во главе большой группы преподавателей факультета посетил Дом отдыха писателей БССР в Королищевичах и на лыжах проехал вместе с более молодыми коллегами по «коласаўскіх мясцінах».

П. З. Савочкин, незаурядный организатор учебного процесса и научных исследований на факультете, много лет был заместителем председателя совета по защите диссертаций по философским и историческим наукам (затем – ученым секретарем этого совета), заместителем главного редактора журнала «Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта», редактировал научный сборник «Вопросы истории БССР», различные учебные пособия по истории СССР, истории БССР, методике преподавания учебных курсов, древнерусскому языку и др. Не выпускал из поля зрения вопросы методического обеспечения учебного процесса. Поэтому закономерно, что немало учебных пособий было подготовлено на факультете по его инициативе.

Определенной вершиной организаторского таланта П. З. Савочкина стала эпохальная для Беларуси, историческая (в полном смысле слова) IV межвузовская конференция историков-славистов. Она проходила в 1968 г. на базе БГУ и собрала около 200 историков-славистов из крупнейших университетских и академических центров 46 городов СССР, а также Софийского, Люблянского и Йенского университетов. Работа по подготовке и проведению конференции осуществлялась под руководством Петра Захаровича. Он возглавлял делегацию истфака БГУ на конференции (университетские историки прочитали девять докладов), был главным научным редактором увесистого сборника материалов этой конференции. Фотография президиума конференции с открывающим ее заседания П. З. Савочкиным стала классикой фотолетописи БГУ. Как, впрочем, и фотография участников делегации от БССР на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в 1970 г.

Возглавляя почти два десятилетия коллектив творческих работников, людей с разными характерами, темпераментом, взглядами, целями в жизни, Петр Захарович зарекомендовал себя мудрым руководителем, умеющим не допустить конфликтов (на крайний случай – сгладить их) между людьми, многие из которых были действительно интеллектуалами, неординарными личностями. В годы его деканства на историческом факультете работал ряд известных не только в Бела-

П. З. Савочкин открывает
IV межвузовскую научную конференцию
историков-славистов.
БГУ, 31 января 1968 г.

На археологических раскопках
с «деканской проверкой». Слева направо:
Л. С. Абецедарский, А. И. Кожушков,
П. З. Савочкин, Э. М. Загорульский.
Вторая половина 1960-х гг.

П. З. Савочкин среди членов белорусской делегации на XIII Международном конгрессе исторических наук. Москва, 16–23 августа 1970 г.

Заседание деканата истфака БГУ. 1970 г.

руси, но и во всем СССР ученых, крупных специалистов в различных направлениях исторической науки – профессора Л. С. Абецедарский, И. М. Игнатенко, Г. М. Лившиц, Ф. М. Нечай, Н. П. Полетика, Г. М. Трухнов, Л. М. Шнеерсон и др. Под стать им были доценты с уровнем профессорских знаний – М. П. Баранова, Н. А. Гусакова, Г. И. Довгялло, Э. М. Загорульский, А. П. Игнатенко, А. И. Кожушков, М. С. Корзун, В. Н. Рябцевич, В. Н. Сидорцов, М. Б. Фридман и многие другие. Сплотить этот творческий коллектив и нацелить его на решение поставленных задач было не таким простым делом. Важно, что в эти два десятилетия многие, затем ставшие яркой частицей истории факультета, ученые-преподаватели сформировались такими именно в «годы Петра Захаровича»! Эту миссию П. З. Савочкин исполнял тонко, тактично, целенаправленно и твердо. Его доброжелательность подкупала и очаровывала всех, кто его знал, кто был рядом. Он всегда находил время, был готов выслушать и коллегу, и студента, оказать посильную поддержку. И, конечно, Петр Захарович пропускал через сердце все проблемы коллектива. Он никогда не жаловался. Жизнь научила его выполнять свой долг мужественно.

В последний раз П. З. Савочкин единогласно был переизбран на должность декана на заседании ученого совета исторического факультета 31 марта 1969 г. Выступившие в его поддержку профессора Ф. М. Нечай, Л. М. Шнеерсон, Г. М. Трухнов и секретарь партбюро доцент В. А. Титок отметили незаурядность административных способностей и человеческих качеств Петра Захаровича. В скором времени, 23 мая, Совет БГУ столь же единодушно переизбрал декана и в должности заведующего кафедрой истории СССР. Впереди судьба отмерила всего лишь несколько лет активной деятельности…

Ректор А. Н. Севченко 5 мая 1973 г. подписал приказ: «Освободить Савочкина П. З. от занимаемой должности декана истфака с 1 мая 1973 г. по личной просьбе». Два года Петр Захарович, несмотря на прогрессирующую болезнь, продолжал руководить кафедрой, в названии которой после ее разделения появилось дополнение – «…досоветского периода». В приказе ректора за № 497-л от 19 ноября 1975 г. в последний раз было названо имя одного из выдающихся представителей коллектива университетских

интеллектуалов и руководителей БГУ: «Исключить из списков БГУ зав. кафедрой истории СССР досоветского периода Савочкина П. З. с 12-го ноября 1975 г. в связи со смертью».

Петр Захарович Савочкин вошел в историю БГУ как талантливый организатор исторического образования в Беларуси, наставник нескольких поколений студентов, создатель его кадрового и интеллектуального потенциала. Он обладал величайшим даром увидеть в своих учениках этот творческий потенциал, оценить возможности каждого. Одной из прекраснейших черт его характера было стремление поддержать человека. И зная это, к нему тянулись люди, в судьбе многих он сыграл определяющую роль.

Через научно-педагогическую школу Петра Захаровича Савочкина прошла не только большая часть современного коллектива исторического факультета, но и добрая половина корпуса учителей-историков Беларуси, окончивших исторический факультет БГУ в 1950-е – начале 1970-х гг. Мы все «птенцы гнезда Петрова» – как нельзя более к месту прозвучали известные слова поэта в выступлениях выпускников исторического факультета в день 60-летнего юбилея Петра Захаровича. И столь же пророческими для многих его «птенцов» стало четверостишие-подпись под дружеским студенческим шаржем, где любимый декан изображен в образе государя с булавой и державой в руках:

Истфак БГУ на первомайской демонстрации 1973 г. Студенты последнего выпуска декана П. З. Савочкина

Недаром на истфаке он глава,
12 лет в руках не дрогнет булава.
Мы твердо верим: так должно случиться –
Своих детей пришлем к нему учиться.

Олег Антонович Яновский

Выдающийся ученый-физик, профессор, академик, директор Института физики и математики АН БССР

Ректор БГУ, заведующий кафедрой, директор Института прикладных физических проблем БГУ

Антон Никифорович СЕВЧЕНКО

22.02.1903 – 26.09.1978

***Б**елорусский советский физик, академик Академии наук БССР (1953), в 1957–1973 гг. член Президиума АН БССР. Заслуженный деятель науки БССР (1967). Один из основателей белорусской школы физики. Награжден орденами «Знак Почета» (1953), Ленина (1961, 1971), Герой Социалистического Труда (1971).*

Высшее образование получил на физико-техническом отделении педагогического факультета Белорусского государственного университета, затем поступил в аспирантуру ленинградского Физического института АН СССР, откуда перешел в аспирантуру Государственного оптического института. Ученик известного ученого С. И. Вавилова. В 1955 г. возглавил созданный им же Институт физики и математики АН БССР, а также кафедру физической оптики Белорусского государственного университета. В апреле 1957 г. А. Н. Севченко был назначен ректором университета, с 1973 г. – директором Института прикладных физических проблем при БГУ.

А. Н. Севченко подробно изучил спектрально-люминесцентные свойства ряда соединений уранила и поляризацию свечения активированных урановыми соединениями стекол, обнаружил новое физическое явление – деполяризацию люминесценции при ее затухании и др. Многие из результатов его научных разработок внедрены в народное хозяйство страны.

Антон Никифорович Севченко родился 22 февраля 1903 г. в с. Денисковичи Рогачевского уезда Могилевской губернии (ныне Жлобинский район Гомельской области) в многодетной крестьянской семье. Начальную школу успешно окончил в 1916 г., обнаружив явные способности к естественным наукам. В 1922 г. юноша поступил в педагогический техникум в Рогачеве. После его окончания (1926) преподавал физику и математику в школах Бобруйского района, три года работал заведующим Жеребцовской начальной школой Турковского сельского совета, директором Жиличской неполной средней школы.

В 1929 г. Антон Никифорович был зачислен в Белорусский государственный университет на физико-техническое отделение педагогического факультета. В то время в университете уже сформировался коллектив высокопрофессиональных физиков и математиков, среди которых выделялись двое ученых, эмигрировавших из Германии: профессор Ц. Л. Бурстин (преподавал курс геометрии) и профессор Я. П. Громмер (преподавал курс механики). Именно они и порекомендовали А. Н. Севченко после окончания БГУ поступить в аспирантуру ленинградского Физического института АН СССР.

Первая ступень – сдача вступительных экзаменов в аспирантуру этого института (ФИАН) – в 1932 г. была успешно преодолена. Впереди ждала упорная научная работа под руководством академика Сергея Ивановича Вавилова. В 1934 г., в связи с переездом ФИАН в Москву, А. Н. Севченко решил остаться в Ленинграде и перешел в аспирантуру Государственного оптического института (ГОИ), где начал заниматься исследованием люминесценции органических и неорганических веществ, кристаллофосфоров, смежными вопросами молекулярной спектроскопии. С. И. Вавилов возглавлял оба института и по-прежнему оставался научным руководителем молодого ученого. Всю свою жизнь с исключительной теплотой и признательностью, с искренней любовью и уважением вспоминал Антон Никифорович своего учителя. Молодой ученый был рядом с С. И. Вавиловым не только в моменты вручения ему многочисленных премий и наград, но и в минуты горя. Так, в 1943 г. А. Н. Севченко пытался удержать своего наставника от очевидно самоубийственного поступка – отправки резкого письма Сталину после получения известия о гибели от дистрофии в тюрьме старшего брата, академика Н. И. Вавилова.

В 1937 г. А. Н. Севченко успешно защитил кандидатскую диссертацию по важной научной проблеме – поляризованной люминесценции растворов органических красителей. Наряду с научными исследованиями А. Н. Севченко проводил большую педагогическую работу: читал курсы баллистики и общей физики в Военно-политической академии им. В. И. Ленина и курс высшей математики в ГОИ. Многие годы он исполнял обязанности ответственного редактора, позднее – научного редактора всесоюзного журнала «Оптико-механическая промышленность». Во время Великой Отечественной войны Антон Никифорович со свойственной ему энергией и настойчивостью занимался оборонной тематикой, выполнил большую работу по обоснованию единой светомаскировки военных и гражданских объектов, по совершенствованию способов люминесцентного освещения шкал военных оптических приборов. Эти работы проводились в Казани и Йошкар-Оле, куда эвакуировали Государственный оптический институт. Создавались устройства для подсветки шкал военных приборов, самосветящиеся лупы и другие механизмы с использованием «светосоставов»

постоянного действия. Разработанные белорусским ученым оптические приборы стали широко применяться в промышленности, за что А. Н. Севченко в декабре 1943 г. был награжден медалью «За трудовую доблесть», а в мае 1945 г. – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Еще в первые годы научной деятельности А. Н. Севченко начал изучать люминесценцию соединений редкоземельных элементов и урана и в 1940 г. выполнил совместно с С. И. Вавиловым многообещающую в научном плане работу по изучению законов затухания свечения редкоземельных ионов. Им и его учениками были установлены условия, пути и механизмы передачи энергии в сложных органических системах, количественно определены вероятности переноса. Также было обнаружено явление дополнительной сенсибилизации свечения редкоземельных ионов в многокомпонентных поликристаллических комплексах и доказана определяющая роль процессов переноса энергии возбуждения между редкоземельными ионами в проявлении уникальных эффектов в люминесценции активированных кристаллических сред.

После окончания войны эти исследования были продолжены. В 1946 г. Антон Никифорович был зачислен в докторантуру Академии наук СССР при Физическом институте им. П. Н. Лебедева (Москва). Итогом исследований люминесценции ураниловых соединений явилась докторская диссертация, она была успешно защищена в 1952 г. А. Н. Севченко подробно изучил спектрально-люминесцентные свойства ряда соединений уранила и поляризацию свечения активированных урановыми соединениями стекол, обнаружил новое физическое явление – деполяризацию люминесценции при ее затухании, показал зависимость степени поляризации от длины волны излучения. Совместно с Б. И. Степановым физик исследовал и интерпретировал электронно-колебательные спектры люминесценции ураниловых солей.

Академик А. Н. Севченко (в центре), ректор БПИ М. В. Дорошевич, писатель Михась Лыньков и другие делегаты Первой сессии Верховного Совета БССР IV созыва. 22 марта 1955 г.

В январе 1953 г. А. Н. Севченко избрали академиком АН БССР, что было одним из обстоятельств его переезда на родину – на постоянную работу в Минск. С этого времени вся жизнь Антона Никифоровича связана с Минском, с родной Беларусью. В результате его активной научно-организационной деятельности в республике стали быстро развиваться физические, физико-технические и математические исследования. В мае 1953 г. незаурядный ученый возглавил сектор физики и математики Физико-технического института АН БССР. За короткое время был организован Институт физики и математики АН БССР: 15 марта 1955 г. А. Н. Севченко был утвержден его директором и руководил Институтом вплоть до его разделения в 1957 г. на Институт физики и Институт математики. Еще во время работы в Институте физики и математики Антон Никифорович создал и возглавил лабораторию люминесценции и фотохимии, она в 1965 г. разделилась на лабораторию люминесценции (руководил ею до 1971 г.) и лабораторию фотохимии (руководитель – Г. П. Гуринович, впоследствии академик АН Бела-

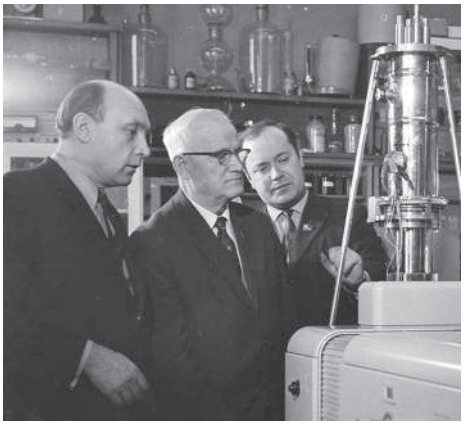
руси). Поэтому не будет преувеличением утверждение, что А. Н. Севченко внес неоценимый вклад в образование, становление и развитие Института физики – флагмана физической науки в Беларуси во второй половине XX в. Одновременно Антон Никифорович исполнял обязанности академика-секретаря Отделения физико-математических и технических наук АН БССР (1955–1956) и возглавлял созданную им кафедру физической оптики Белорусского государственного университета (1953–1978).

В апреле 1957 г. А. Н. Севченко был назначен ректором Белорусского государственного университета, сменив на этом ответственном посту академика К. И. Лукашёва. С приходом энергичного и творчески мыслящего руководителя университет получил мощный импульс в развитии. Под руководством Антона Никифоровича БГУ интенсивно развивался: открывались новые факультеты и кафедры, укреплялась материально-техническая база, были построены современные учебные корпуса и общежития. Молодой ректор буквально «вырвал» для университета только что отстроенный корпус знаменитого «Дома № 1 БГУ», который собирались передать техникуму советской торговли. Сюда переселился сначала истфак, а вскоре филологический факультет. В 1961 г., к юбилею БГУ, по проекту архитектора М. И. Бакланова был возведен главный корпус университета, принявший несколько факультетов, в том числе и исторический. Значительно выросли научный потенциал и профессиональный уровень профессорско-преподавательских кадров. Это позволило БГУ войти в число 25 ведущих вузов Советского Союза, а в БССР он стал флагманом высшей школы и национальной культуры. В 1967 г. Белорусский государственный университет им. В. И. Ленина был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в чем немалая заслуга его ректора.

А. Н. Севченко подписывает Устав Международного агентства по мирному использованию атомной энергии. Нью-Йорк, 1956 г.

Под руководством Антона Никифоровича на физико-математическом факультете были открыты три новые математические кафедры, а в 1958 г. из состава физико-математического факультета образованы самостоятельные физический и механико-математический факультеты. Впоследствии на базе последнего создан факультет прикладной математики. Особую заботу и внимание

А. Н. Севченко провожает студентов БГУ на целину. 1957 г.



А. Н. Севченко в лаборатории кафедры лазерной физики и спектроскопии со своими первыми аспирантами докторами физико-математических наук Л. В. Володько и Д. С. Умрейко. 1960-е гг.

А. Н. Севченко как ректор и заведующий кафедрой уделял физическому факультету. В 1957–1972 гг., годы его ректорства, на факультете было открыто десять новых кафедр: физики твердого тела (1957), ядерной физики и мирного использования атомной энергии (1961), высшей математики и математической физики (1961), электронных математических машин (1963), радиофизики и электроники СВЧ (1965), экспериментальной физики и физэлектроники (1965), теплофизики (1965), физики полупроводников (1966), атомной и молекулярной физики (1968), биофизики (1972).

Много сил и энергии А. Н. Севченко отдал организации при БГУ первого в системе высшего образования республики НИИ прикладных физических проблем (1971), который в настоящее время – передовое научно-исследовательское учреждение и заслуженно носит имя своего создателя и первого директора. При его непосредственном участии коллективы ученых физиков и математиков БГУ тесно сотрудничали с научными школами Москвы, Ленинграда, Горького, Киева и другими исследовательскими центрами страны.

Как физик-экспериментатор, Антон Никифорович предпринимал колоссальные усилия для обеспечения кафедр и НИИ прикладных физических проблем самой лучшей аппаратурой. В результате закупки современного оборудования на первой выставке зарубежных оптических приборов, проходившей в Минске в 1975 г., и целого ряда экспонируемых приборов на других выставках в Москве экспериментальная база БГУ стала одной из самых современных в Советском Союзе. Неудивительно, что вместе с престижем БГУ на небывалую высоту в то время поднялся престиж его руководителя.

Подлинный хозяин университета, Антон Никифорович дотошно вникал во все мелочи его жизни (например, не обходил вниманием даже громкость звонков в учебных корпусах). Современник оставил такой образ ректора главного и единственного университета республики: «И когда я ходил по коридорам университета, надеясь встретить, перехватить Севченко, мне казалось, что сам, без чужой помощи узнаю его. Так оно и случилось. Из парткома вышел подвижный, с живым открытым лицом человек и быстрыми шагами направился в то крыло здания, где был кабинет ректора. Я успел поймать взгляд его быстрых, немного задумчивых глаз. Про себя отметил также, что снежная белизна волос делает его доброе, приветливое лицо еще более мягким и приятным, будто добавляет света. Шел он легко, с какой-то молодой задиристостью. Под мышкой правой руки – пальто, в левой – шапка. “Конечно же Севченко!” – подумал я.

– Скажите, это ректор пошел? – спросил у молодого парня.

– Да, – доброжелательно, с хорошей улыбкой ответил юноша. – Это ректор. Наш Антон Никифорович.

Слова “Наш Антон Никифорович” были произнесены тепло, душевно, с ноткой гордости, произнесены так, как может сказать сын об отце, которым гордится».

Большую заботу о сотрудниках университета А. Н. Севченко проявлял в области создания благоприятных бытовых условий. За время его руководства университет построил несколько жилых домов и общежитие для малосемейных молодых сотрудников. По сути, все сотрудники с учеными степенями, нуждавшиеся в жилье, были им обеспечены. Кардинальное решение было найдено и в решении проблемы доставки сотрудников на работу после открытия НИИ прикладных физических проблем в урочище Щомыслица. Антону Никифоровичу удалось добиться положительного решения от пассажирской службы Белорусской железной дороги на строительство остановки «Роща», хотя действовавшие правила не позволяли этого делать.

Огромное внимание А. Н. Севченко уделял здоровью сотрудников. При нем значительно расширились площади и улучшилась работа оздоровительного лагеря на озере Нарочь. Многих поражала его принципиальность в отстаивании взглядов на безопасность применения новых методов лечения. Когда встал вопрос о внедрении лучевой терапии в практику лечения онкологических заболеваний, ученый выступил категорически против использования жесткого излучения без ограничения и контроля его воздействия на человеческое тело. В этом споре, затронувшем и высшее руководство республики, Антону Никифоровичу удалось отстоять свои позиции лишь ценой больших издержек для себя лично.

По воспоминаниям современников, ректор всегда что-то создавал, строил и организовывал. Помимо его поразительной энергии, целеустремленности и настойчивости ему очень помогали высокие связи. Например, он был дружен и знаком семьями с первым секретарем ЦК КПБ К. Т. Мазуровым, который в 1965 г. переехал в Москву и стал первым заместителем председателя Совета Министров СССР. Регулярно бывая в Москве, Антон Никифорович каждый раз созванивался с ним по телефону и договаривался о времени и месте их встречи. Еще с времен Великой Отечественной войны он был хорошо знаком с министром обороны СССР Д. Ф. Устиновым.

Разумеется, ректорские, административные нагрузки не могли снизить научную креативность незаурядного ученого. А. Н. Севченко – автор около 230 научных и научно-популярных работ, опубликованных в советских и зарубежных изданиях и получивших признание среди ученых мира. Благодаря глубокому пониманию сущности физических явлений, хорошей интуиции и искусству физика-экспериментатора Антон Никифорович получил принципиальные и важные ре-

Ректор (А. Н. Севченко)
и проректор (С. А. Умрейко) на площади
Мясникова – университетская колонна готова
к выдвижению на демонстрацию!
Начало 1970-х гг.

зультаты по многим научным направлениям: спектроскопия и люминесценция ураниловых соединений, люминесценция органических комплексов (хелатов) редкоземельных элементов, фотоника биологически важных пигментов и их аналогов, люминесценция и генерация сложных органических молекул, оптика и спектроскопия полупроводников, научное приборостроение.

Антон Никифорович уделял большое внимание практическому использованию результатов научных разработок. Многие из них внедрены в народное хозяйство страны. На основе фундаментальных исследований по спектроскопии и люминесценции им и его учениками созданы высокочувствительные методы определения урана, платины и ряда редкоземельных элементов. Исследования ИК-спектров перекисных соединений дали возможность рационально подбирать инициаторы реакций полимеризации для получения полимерных материалов. Изучение оптических свойств полупроводников, содержащих радиационные дефекты, привело к разработке практических рекомендаций и технологий изготовления изделий микроэлектроники. Созданные им и его учениками уникальные электронные информационно-измерительные приборы и комплексы широко внедрены во многих ведущих научных и учебных центрах СНГ (ГОИ, ФИАН, ИОФАН, МГУ, Киевский госуниверситет и др.) и на ряде промышленных предприятий.

Слева направо: проректор А. Я. Малышев, ректор А. Н. Севченко и проректор С. А. Умрейко. Начало 1970-х гг.

Жизненным кредо Антона Никифоровича стала подготовка национальных научных кадров. И при всей сложности он с этой задачей успешно справился: под его руководством защищено 10 докторских и свыше 40 кандидатских диссертаций. Среди его учеников – академики и члены-корреспонденты АН БССР, лауреаты государственных премий СССР, БССР и Республики Беларусь. Учениками и последователями А. Н. Севченко получены важные научные и практические результаты во многих областях науки и техники. Какое бы направление он ни инициировал, вскоре вокруг него сплачивался дружный молодой коллектив.

Своих учеников Антон Никифорович любил, относился к ним по-отцовски, всячески опекал и необыкновенно гордился их успехами. Его любимцами были Л. В. Володько, Г. П. Гуринович, А. М. Саржевский, К. Н. Соловьев, Д. С. Умрейко и др. Он как старатель «просеивал» десятки способных к физике, к науке молодых людей, чтобы отыскать настоящие таланты. Так, он заметил в сельской школе способного учителя А. И. Комяка и дал ему путевку в науку. Ученики безмерно ценили своего учителя. Они с большой теплотой и любовью относились к нему, иногда ласково подшучивали над «дедом» и никогда не предавали его. Один из них – Леонид Викентьевич Володько – был избран академиком АН БССР и в 1967 г. занял должность проректора БГУ. Он лишь на три дня пережил своего учителя: на другой день после похорон А. Н. Севченко,

Руководители ректората и общественных организаций БГУ. Начало 1970-х гг.

29 сентября 1978 г., умер от сердечного приступа…

Антон Никифорович – выдающийся представитель вавиловской школы физиков-оптиков. Для этой школы характерно стремление к углубленному пониманию того, что С. И. Вавилов в одной из своих книг назвал «микроструктурой света», т. е. взаимодействия элементарных излучателей со светом и между собой, при примате эксперимента и подчиненной роли теории. Сергей Иванович с большим доверием относился к искусству экспериментатора, которым в совершенстве овладел А. Н. Севченко, высоко ценил его научные работы, часто цитировал их в своих статьях и докладах и поручал ему проверку данных, казавшихся сомнительными. Именно благодаря тесному взаимодействию с С. И. Вавиловым Антон Никифорович выработал глубокую научную интуицию и определенный скептицизм при оценке работ других авторов, что впоследствии помогало ему, а также руководимым им коллективам избегать ложных путей в науке. Уместно вспомнить, что А. Н. Севченко первоначально с недоверием относился к факту генерации на растворах органических красителей, однако впоследствии, проанализировав данные, нашел мужество признать свою неправоту.

Интенсивную научную, организационную и педагогическую работу А. Н. Севченко успешно совмещал с общественной деятельностью. Его авторитет в советской и мировой науке позволил стать участником многих международных мероприятий ООН. Некой вершиной на этом поприще можно считать факт участия Антона Никифоровича в создании в 1956 г. Международного агентства по мирному использованию атомной энергии. Ученый был депутатом Верховного Совета СССР в 1958–1962 гг., депутатом Верховного Совета БССР VI–VIII созывов (1963–1976), принимал участие в XXIV–XXVII съездах КПБ, был членом ЦК КПБ. Он всегда проявлял государственный подход к делу, принципиальность и требовательность, чуткость к людям.

Активная натура и неиссякаемая энергия Антона Никифоровича прояв-

Интеллектуальная элита БГУ начала 1970-х гг.

лялись не только в его профессиональной и общественной деятельности, но и в увлечениях. Прекрасный пловец, отдыхая на Черном море в санатории, он оказался в числе победителей соревнования в плавании на длинные дистанции. Темперамент и азарт рыбака вырывались наружу во время отдыха на Нарочи. Еще одна страсть – скоростная езда за рулем – временами приводила к нестандартным ситуациям. В ходе одной из них, когда у автомобиля, управляемого А. Н. Севченко, на полной скорости отказали тормоза, он чудом остался жив, остановился у перил моста через р. Птичь.

Слева направо: министр высшего и среднего специального образования БССР Н. М. Мешков, ректор БГУ А. Н. Севченко, проректоры университета А. Я. Малышев, С. А. Умрейко у входа в главный корпус университета. Начало 1970-х гг.

Супруга А. Н. Севченко, Матрена Григорьевна, миловидная, добрая, мягкая, всегда в любое время могла принять званых и незваных гостей, которые приносили свои, подчас сложные, личные и рабочие проблемы. В доме ректора и академика Севченко всегда веяло теплом и взаимной заботой. И это как-то смягчало напряженность личных проблем визитера, все решалось наилучшим образом.

Многолетняя плодотворная деятельность А. Н. Севченко в области науки и высшего образования была по достоинству оценена государством. Ему присуждено высокое звание Героя Социалистического Труда, он награжден двумя орденами Ленина, орденом «Знак Почета» и медалями. В одном из последних интервью Антон Никифорович так сформулировал свое жизненное кредо: «Много работы. Но в этом и смысл жизни. Собственно, жизнь – это труд. Он

рождает импульсы творчества, поиска. Именно в труде человек изобрел рычаги для рук, для мускульной силы – машины, а сейчас и рычаг для мозга – кибернетику. Но не думайте, мозг не уснет от этого. Он только разгрузится от второстепенного для более важных и сложных проблем».

До конца своей жизни, а смерть застигла ученого 26 сентября 1978 г., А. Н. Севченко находился на трудовом посту. Проститься с незаурядным во всех отношениях человеком пришло огромное количество людей. Народ буквально запрудил весь внутренний двор Белорусского государственного университета. Один из выдающихся ректоров Беларуси похоронен на Восточном кладбище Минска.

Научное и педагогическое наследие Антона Никифоровича Севченко – ученого, профессора, гражданина, беззаветно служившего своему народу, – вошло в золотой фонд национального образования и науки. В 1993 г. в Белорусском государственном университете было принято решение ежегодно отмечать достижения ученых в области естественных и технических наук премией им. А. Н. Севченко в номинациях «Наука» и «Образование».

Визит в БГУ первого секретаря ЦК КПБ П. М. Машерова. 1977 г.

В вестибюле главного корпуса БГУ установлена мемориальная доска с профилем ученого.

Александр Александрович Гужаловский

Незаурядный ученый-химик, член-корреспондент АН БССР, заслуженный деятель науки БССР

Профессор, заведующий кафедрой аналитической химии, основатель научной школы

Григорий Лазаревич СТАРОБИНЕЦ

14.05.1910 – 10.11.2001

Уроженец белорусского местечка Березино в 1936 г. успешно окончил химический факультет БГУ, затем аспирантуру университета и в 1940 г. стал работать доцентом кафедры аналитической химии. Григорий Лазаревич внес существенный вклад в разработку проблем в области физической и коллоидной химии. В годы Великой Отечественной войны молодой ученый участвовал в сражениях, награжден медалями и орденом Отечественной войны. В 1956–1989 гг. возглавлял кафедру аналитической химии БГУ. Его научные и педагогические заслуги по достоинству оценены: доктор химических наук (1955), профессор (1956), член-корреспондент АН БССР (1969), заслуженный деятель науки БССР (1980). Григорий Лазаревич получил известность как выдающийся физико-химик, который вместе с профессором М. М. Павлюченко создавал и развивал школу физической химии в БГУ и Беларуси. Ученый-химик опубликовал свыше 600 научных работ, автор многих открытий. Наибольших успехов Г. Л. Старобинец добился в изучении свойств каучукоподобных полимеров в водных растворах, его работы об ионообменных процессах сохраняют актуальность, несмотря на бурное развитие этого направления в современной химии. По-прежнему актуальны его научные опыты по термодинамике сорбции различных насыщенных растворов, сорбции красителей полимерами. Среди его многочисленных учеников 40 стали кандидатами химических наук, 4 защитили докторские диссертации.

Становление в Беларуси различных направлений химической науки связано прежде всего с именами профессоров Белорусского государственного университета Н. А. Прилежаева и Б. М. Беркенгейма. В 1927 г. в БГУ был основан химико-технологический факультет, в октябре 1931 г. – химический факультет. Благодаря усилиям профессоров Николая Александровича Прилежаева и Эмиля Викентьевича Змачинского факультет формировал научную школу в нескольких направлениях органической и неорганической химии. В числе первых выпускников факультета – Григорий Лазаревич Старобинец, выдающийся химик Беларуси второй половины XX в.

Из автобиографии Григория Лазаревича известно, что он родился 14 мая 1910 г. в м. Березино Минской губернии в семье ремесленников. Березино уже с момента своего первого письменного упоминания в 1501 г. было местечком. Оно принадлежало известному в истории Беларуси полководцу князю Константину Острожскому. С XVI в. в местечке были расселены евреи. Удобное расположение Березино (на пересечении судоходной реки и гостинца из Минска на Могилев) способствовало развитию торговли (в 1668 г. местечко получило привилей на проведение ежегодной ярмарки). Отсюда вывозили дерево, деготь, пеньку в Киев, Крулевец (Кенигсберг, ныне Калининград), Ригу, а завозили для продажи в Березино, Борисове, Бобруйске и Минске зерно, соль и сукно. В 1648 г. во время крестьянско-казацкого восстания в Речи Посполитой под предводительством Б. Хмельницкого еврейская торгово-ремесленная община в Березино уже была многочисленной и зажиточной (она сильно пострадала от нападения казаков). Кроме торговли жители занимались обработкой древесины, ремеслами, винокурением. С 1830-х гг. в Березино работала суконная фабрика, принадлежавшая местным купцам-евреям.

Бурное развитие получила торговля лесом и лесными материалами в пореформенное время благодаря предпринимательской деятельности местных купеческих семей (Старобинец, Зельдович, Гинзбург, Парный, Пикус). Накопленные в торговле капиталы березинские купцы вкладывали в строительство предприятий (канатный завод Берко Старобинца, винокуренный завод, несколько паровых мельниц, небольшие лесопилки), а также в благотворительность. По всероссийской переписи 1897 г. в Березино проживало 4,8 тыс. жителей, из которых 71 % составляли евреи.

Несмотря на развитие торговли и промышленности, большинство населения местечка составляли небогатые ремесленники. С начала XX в. в местечке действовала революционная социал-демократическая рабочая организация, которая в октябре 1901 г. провела стачку, а в годы Первой российской революции в Березино прошли массовые митинги рабочих и ремесленников. Из Березино происходил один из ярких деятелей рос-

Рисунок К. Саермильха
«Вид на местечко Березино». 1918 г.

сийской социал-демократии начала XX в. Александр Парвус.

Похоже, родители Г. Л. Старобинца также участвовали в этих событиях. Известно, что Лазарь Старобинец всю жизнь занимался извозом, но был достаточно образованным и активным человеком. Получить образование в Березино можно было в двух частных еврейских училищах, действовала частная публичная библиотека. К тому же этому способствовали возросшие самоорганизация, самообразование и солидарность местных ремесленников и рабочих. В такой атмосфере и формировался характер, личность будущего ученого. Его постоянное стремление к знаниям, их пополнению и обновлению не раз отмечали коллеги Григория Лазаревича.

На момент смерти отца Григорию было всего восемь лет. Семья оказалась в тяжелом материальном положении. Мальчику на некоторое время пришлось продолжить дело отца и в качестве извозчика зарабатывать на пропитание. Однако одновременно он постигал азы знаний в местной семилетней школе. В сентябре 1925 г. Григорий поступил в Борисовский педтехникум. Известно, что в 1914 г. на базе начального училища в Борисове (аналогичное училище имелось и в Березино) была создана учительская семинария. В нее принимались выпускники двухклассных начальных училищ, которые после трехлетнего обучения становились учителями начальных школ. В 1918 г. на базе семинарии был основан педагогический техникум с четырехлетним обучением. Программа обучения строилась таким образом, чтобы подтянуть недостаточно грамотных и разновозрастных учащихся по основным предметам.

В воспоминаниях Григорий Лазаревич называет свое училище «Белорусским педагогическим техникумом», его он окончил в 1929 г. В 1929–1932 гг. работал учителем химии и физики в семилетней школе м. Холопеничи на Борисовщине. Здесь встретил свою будущую супругу, которая происходила из семьи служащих. В довоенные годы в семье родились сын (1933) и дочь (1939). В эти годы мать Григория Лазаревича проживала в Березино, а его старший брат был политруком и проживал в пос. Крупки.

Карьере рядового провинциального учителя Григорий Лазаревич предпочел сложную, но очевидно перспективную науку – химию. В 1932 г. он поступил на химический факультет БГУ. В источниках имеются разночтения: сам Г. Л. Старобинец в ряде анкет, автобиографических справках и записях отмечал, что учился на химфаке БГУ в 1932–1936 гг. Однако в штатных формулярах университета указано, что Григорий Лазаревич поступил на химфак БГУ в 1931 г., т. е. был в числе первого набора студентов на факультет. Также есть записи, что он окончил факультет в 1935 г., а вот в списках выпускников за 1936 г. его нет. Так что будем полагаться на автобиографические сведения. Снять вопросы позволяет сохранившийся диплом Г. Л. Старобинца об окончании университета по специальности «неорганическая химия» (№ 98 от 03.07.1936): по всем предметам только одна оценка – «отлично».

С сентября 1936 г. по сентябрь 1937 г. Григорий Лазаревич преподавал химию в Белорусской средней школе г. п. Жодино Минской области. Но только год, так как принял решение поступить в аспирантуру родного университета по специальности «физическая химия». В этот тяжелый, трагический год не только для белорусской интеллигенции университетская химическая наука оказалась подорванной. Уже в 1936 г. вынужден был уйти из БГУ в Институт химии АН БССР профессор Н. А. Прилежаев, в 1937 г. арестовали

профессоров Э. В. Змачинского, В. К. Никифорова, Н. С. Козлова, молодой профессор Н. Ф. Ермоленко благоразумно уехал в Киев. Новая, основанная в 1934 г. кафедра физической химии после ареста В. К. Никифорова оставалась вакантной. Физическая химия была тогда новым и востребованным направлением химических исследований. Однако специалистов в СССР было крайне мало, а в БССР и вовсе не было. Центрами в данной области химии тогда, в условиях сталинистских репрессий, оставались Лаборатория неорганической и физической химии МГУ (основана в 1926 г., в 1929 г. она стала основой для НИИ химии) и Государственный оптический институт в Ленинграде (основан в 1918 г.).

Собирать знания в области физической и коллоидной химии приходилось по крупицам. Исключительно трудны были условия для проведения лабораторных испытаний. Из отчета декана химического факультета И. П. Марковко за 1939/40 учебный год известно, что из-за плохого обеспечения реактивами и оборудованием для опытов по кафедре физической и аналитической химии не могла вестись на хотя бы приемлемом уровне научно-исследовательская работа. Но даже в таких условиях преподаватели и аспиранты кафедры (М. М. Павлюченко, Г. Л. Старобинец, А. С. Баркан, Л. И. Малишевская) вели занятия со студентами, привлекая их к научным опытам. Декан отметил и высокую успеваемость студентов по физической химии на экзаменах, и увлеченность своим делом преподавателей.

Григорий Лазаревич был беспартийным. «Анкетные сведения» разнятся. Так, о начале рабочего пути в БГУ в большинстве анкетных данных указано, что он работал на кафедре физической химии с 1940 г. Однако найден приказ ректора БГУ № 23 от 26 ноября 1938 г., где сказано, что Г. Л. Старобинец является ассистентом по кафедре физической химии на треть ставки с месячным окладом в 500 руб. А в справке кафедры физической и коллоидной химии БГУ за 1955 г. зафиксировано, что «с 1937 г. тов. Старобинец Г. Л. ведет педагогическую работу в Белгосуниверситете, где работал ассистентом, старшим преподавателем, а затем с 1940 г. доцентом кафедры физической и коллоидной химии. Читал лекционные курсы по химической термодинамике, электрохимии, химической технологии, избранные главы по неорганической химии на химическом факультете, курс физической химии на физмате, коллоидной химии на биофаке. Руководил практическими занятиями по физической, коллоидной и электрохимии, а также дипломными работами. <…> Чтение лекционных курсов, руководство практическими занятиями и дипломными работами Старобинец Г. Л. осуществлял на должном идейно-теоретическом уровне».

С 1940 г. Григорий Лазаревич работал, уже как завершивший учебу в аспирантуре, на полную ставку. В воспоминаниях его коллег приводится факт о том, что в 1940 г. выпускник аспирантуры БГУ успешно защитил диссертацию на тему «Автосорбция на границе жидкость – пар» и стал кандидатом химических наук. Защита диссертации состоялась в апреле 1940 г. в университетском Совете, который и принял решение о присуждении ученой степени кандидата химических наук. Однако окончательное утверждение принималось в Москве, но в связи с началом Великой Отечественной войны диплом кандидата наук Г. Л. Старобинцу был выдан Министерством высшего образования СССР лишь в октябре 1947 г.

Областью научных изысканий молодого ученого с 1937 г. стало исследование строения адсорбционных слоев в

неводных средах. В том же 1937 г. вышли его первые статьи в «Журнале общей химии» – о выяснении зависимости между теплотой испарения и поверхностным напряжением жидкостей, а также о плотности поверхностных слоев жидкостей, выраженных посредством адсорбционного уравнения Гиббса. Это уравнение следует из первого и второго законов термодинамики и отражает поверхностное натяжение в связи с адсорбционными свойствами жидкости по отношению к растворяемым в ней веществам. Исследования требовали от университетского аспиранта отличной теоретической подготовки и кропотливых наблюдений. В дальнейшем данная область стала основным направлением его научных поисков. В 1940–1941 гг. он исследовал адсорбцию растворов на границе состояний жидкость – пар.

С началом Великой Отечественной войны 26 июня 1941 г. Григорий Лазаревич вместе с женой, сыном и дочерью направился в Холопеничи, к родителям жены. Похоже, до Холопенич семья добралась пешком, поскольку, по воспоминаниям самого Г. Л. Старобинца, они прибыли в местечко 28 июня 1941 г. После эвакуации семьи он должен был явиться на призывной пункт, однако из-за болезни двухлетней дочери ушел из Холопенич с задержкой, где-то в начале июля. Под Оршей оказался на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории. В автобиографической справке от 2 мая 1955 г. Григорий Лазаревич писал, что пытался пересечь линию фронта, но неудачно. В конце сентября 1941 г. оказался в д. Буяново Краснинского района Смоленской области, где некоторое время работал батраком в хозяйстве у местной крестьянки и в силу возможного старался внести свою лепту в сопротивление оккупантам (читал местным жителям партизанские листовки и газеты, разъяснял их содержание). Уже на следующий день после освобождения деревни частями Красной армии, 20 сентября 1943 г., вступил в ее ряды. В то время пребывание на оккупированной территории было для советских спецслужб основанием для выяснения обстоятельств и допросов, и поэтому Григорию Лазаревичу пришлось не раз доказывать, что он «в плену не был».

С сентября 1943 г. по конец 1945 г. Г. Л. Старобинец служил как боец-химик в Красной армии. Участвовал в кровопролитных боях под Оршей в октябре 1943 г. и на р. Великой в апреле 1944 г. Наступление на Оршу закончилось неудачно. Всего в ходе трех наступлений в октябре, ноябре и декабре 1943 г. советские войска потеряли на оршанском направлении 25 тыс. бойцов убитыми. Подобный характер имели сражения на р. Великой в марте – апреле 1944 г.: советское командование планировало прорвать оборонительную линию и занять Псков. После ожесточенных сражений удалось решить данную задачу в июле 1944 г. В этих кровавых сражениях принимал участие и Г. Л. Старобинец.

За участие в сражении на р. Великой Григорий Лазаревич в составе 30-й гвардейской дивизии был награжден медалью «За боевые заслуги». В последующем принимал участие в боевых операциях 3-го Прибалтийского фронта. В сентябре 1945 г. был награжден медалью «За победу над Германией», а в ноябре этого же года после демобилизации Г. Л. Старобинец сразу вернулся в Минск, забрав семью, которая во время войны проживала в Крупках. Не сумев как следует обустроиться в разрушенном Минске, приступил к работе в БГУ в качестве доцента кафедры физической химии. В октябре 1946 г. подал заявление ректору университета о присвоении ему звания доцента, хотя еще в декабре 1940 г. Президиум ВАК СССР

утвердил его в этом звании. Похоже, из-за обстоятельств войны необходимые документы не были изготовлены или не выполнены требуемые бюрократические процедуры. Но, может быть, имели место иные невыясненные причины, поскольку в документах сказано, что «вторично рассматривалось дело Г. Л. Старобинец».

В любом случае профессиональные качества Григория Лазаревича не подвергались сомнению. Ректор БГУ П. П. Савицкий в октябре 1946 г. писал об университетском химике: «Проявляет большой интерес и любовь к науке, имеет хорошую теоретическую подготовку. <…> Чтение лекций стоит на высоком теоретическом уровне, добросовестно и аккуратно к ним готовится. <…> С большим энтузиазмом работает над научной проблематикой. <…> Успешно работает над разрешением ряда научных проблем». Отлично иллюстрирует эти слова тот факт, что с 1946 по 1955 г. число научных публикаций Г. Л. Старобинца возросло с 6 до 60. После войны ученый продолжил изучение химического явления адсорбции.

В списке профессорско-преподавательского состава БГУ за 1946/47 учебный год сказано, что Григорий Лазаревич Старобинец работал доцентом кафедры физической и коллоидной химии, возглавляемой его коллегой М. М. Павлюченко, вел учебные курсы по физической химии. В первое послевоенное время исследовательскую работу сильно тормозила разруха и дефицит средств и оборудования. Ситуация заметно улучшилась, как видно из архивных документов, к 1950 г. Именно тогда в «Журнале общей химии» Григорий Лазаревич опубликовал совместную статью с доцентом Кларой Соломоновной Фридман о растворимости дефениламина в воде, что требовало проведения сложных опытов. В 1951 г. вышли еще две его совместные статьи с К. С. Фридман. Можно говорить о том, что в 1950-е гг. Г. Л. Старобинец начал создавать свою научную школу, привлекая к исследованиям учеников (В. С. Комаров, Х. М. Александрович и др.) и осуществляя с ними совместные публикации о явлениях адсорбции в гетерогенных реакциях.

В справке за 1955 г. заведующий кафедрой (М. М. Павлюченко) указал, что Григорий Лазаревич проводит интенсивную научно-исследовательскую работу, постоянно и успешно совершенствуется как высококлассный специалист в области физической химии, руководит студенческим научным кружком, «дисциплинирован, пользуется авторитетом у научных работников и студентов». Не устранялся ученый и от общественной работы: с 1955 г. являлся членом профбюро химического факультета, дважды избирался членом месткома БГУ.

К 1955 г. Григорий Лазаревич подготовил докторскую диссертацию «Сорбция бинарных смесей насыщенных паров каучукоподобными высоко-полимерами и адсорбция на границе раствор – воздух в системах растворитель – не растворитель». Данная работа была новаторской для своего времени. Известный советский ученый А. А. Жуховицкий, пионер в области физической химии, так писал о диссертации Г. Л. Старобинца: «…до работ Г. Л. Старобинца не было возможности достаточно надежно предсказать состав раствора, поглощенного полимером. Основной идеей, проходящей через все исследование Г. Л. Старобинца, является использование свойств адсорбированного раствора. <…> Справедливо выбрав в качестве наиболее устойчивой характеристики сорбции зависимость эффективной адсорбции от состава, автор дает классификацию изотерм адсорбции. <…> Во второй главе излагаются результаты измерений автора сорбции

СССР
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ПРИКАЗ
ПО ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ УНИВЕРСИТЕТОВ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ

г. Москва № 1 «3» января 1956 г.

Содержание: О зачислении Г.Л.Старобинца в з.а. на кафедру аналитической химии Белорусского государственного университета

Допустить выдающегося химического вида, доцента Старобинца Григория Лазаревича к исполнению обязанностей заведующего кафедрой аналитической химии Белорусского государственного университета им. В.И.Ленина.

Обязать ректора университета выделить в 1956/57 учебном году указанную должность по штатному расписанию.

Зам. начальника Главного Л.Ковалев

КОПИЯ

СССР
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ

АТТЕСТАТ
профессора

МПР № 000853

Москва 17 октября 1956 г.

Решением Высшей Аттестационной Комиссии от 22 сен 1956 г. /протокол № 5/П/ СТАРОБИНЦУ ГРИГОРИЮ ЛАЗАРЕВ утвержден в учёном звании профессора по кафедре "аналит химия".

Председатель Высшей Аттестационной Комиссии /подпись/

Учёный секретарь Высшей Аттестационной Комиссии /подпись/

Гладкая А. П.

Савет Міністраў
Рэспублікі Беларусь

ПАСТАНОВА

6 чэрвеня 2000 г. № 816

г. Мінск

АБ УЗНАГАРОДЖАННІ Р. Л. СТАРОБІНЦА ГАНАРОВАЙ ГРАМАТАЙ САВЕТА МІНІСТРАЎ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

Савет Міністраў Рэспублікі Беларусь ПАСТАНАЎЛЯЕ:

За вялікі асабісты ўклад у арганізацыю навуковых даследаванняў і падрыхтоўку навуковых кадраў вышэйшай кваліфікацыі для народнай гаспадаркі Рэспублікі Беларусь узнагародзіць галоўнага навуковага супрацоўніка Навукова-даследчага інстытута фізіка-хімічных праблем Беларускага дзяржаўнага універсітэта Старобінца Рыгора Лазаравіча Ганаровай граматай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь.

Прэм'ер-міністр
Рэспублікі Беларусь У. Ярмошын

05

Управление кадров 4

КАНЦЕЛЯРИЯ
Белгосуниверситета
Вх. № 104
2000

и ассистента БУЗ"а.

Ч.Б.Б. Ректор БГУ /подпись/

Декан химичнага факультета /подпись/

Вучоны сакратар /подпись/

СПРАВКА

Выдана настоящая тов.СТАРОБИНЦУ Г.Л. в том, что он поступил в аспирантуру Белорусского Государственного Университета 20/IX-1937 года по специальности аналитической химии. Аспирантский план по одной из дисциплинарных минимум выполнен тов.СТАРОБИНЦЕМ Г.Л. в полном объеме, что и удостоверяется.

/П.ЗАВИЧА/
/ЧЕЛКОВ/

РЕКТОР БЕЛ.ГОС.УН-ТА
УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ БГУ

Библиотека Государственного университета Высшая Школа Минск

ГНОМ

Тов. Старобинец Г.Л. дисциплинирован, [illegible] клейно выдержан.

ДЕКАН
химического факультета
ДОЦЕНТ
СЕКРЕТАРЬ
партийного бюро
ДОЦЕНТ

31 марта 1951 года.

и научно-аналитической корреспондента 1981-1986 гг.

[illegible]влял выполнение [illegible]ты:
[illegible]фия" для [illegible]токов дневного [illegible]кого факультета

[illegible]ктикой студен- [illegible]ственный поток), [illegible]ипломных работ [illegible] работой

[illegible]: обеспечение [illegible]процесса по общему и специальным курсам (разработка [illegible]ние учебных программ, контроль за состоянием учебного [illegible] разработка и реализация мероприятий по совершенство- [illegible]товки специалистов)

[illegible]-методическая работа выполнялась в соответствии с планом работы учебно-методической комиссии кафедры аналитической химии. За отчетный период были тщательно рассмотрены вопросы, связанные с переходом на новые учебные планы. Проделана существенная работа по совершенствованию программ лекционного курса и лабораторного практикума по общему курсу "аналитическая химия". Сделан решительный шаг в сторону расширения использования современных физико-химических методов анализа для решения реальных аналитических задач.

Руководил работой научно-методического семинара кафедры. На заседаниях семинара обсуждаются вопросы, направленные на повышение научно-методического уровня преподавания общих и специальных курсов, и вопросы, связанные с важнейшими научными направлениями кафедры.

66

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее тов. СТАРОБИНЦУ Григорию Давидовичу в том, что он 25 апреля 1940 года в Совете Белорусского Государственного Университета /гор.Минск/ защитил диссертацию на степень кандидата химических наук на тему: "Автосорбция на границе жидкость-пар".

Официальными оппонентами являлись: доктор химических наук, проф. Борис Васильевич ПРОСВИН и кандидат химических наук, доц. ПАВЛУЧЕНКО Михаил Никифорович.

Решением Совета Белорусского Государственного Университета от 25 апреля 1940 года тов.СТАРОБИНЦУ Григорию Давидовичу присуждена ученая степень кандидата химических наук, что и удостоверяется.

РЕКТОР БГУ /Л.САВИЧЕВ/
УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ БГУ /УГАРОВ/

65

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ОБРАЗОВАНИЯ БССР
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ.

ДИПЛОМ № 98
гор. Минск, БССР, 3 июня 1936 г.

Выдан сей гр. СТАРОБИНЦУ ГРИГОРИЮ ДАВИДОВИЧУ, родившемуся в 1910 году, в том, что он, поступив в 1932 г. на химический факультет Белорусского Государственного Университета, окончил этот факультет в июне 1936 г. по специальности неорганической химии.

За время обучения гр. Старобинцев Г. Д. на химическом факультете был прослушан и сдал теоретические курсы со следующей оценкой:

1. Политическая экономия отлично
2. Диалектический и исторический материализм отлично
3. Ленинизм отлично
4. Диалектика природы отлично
5. Общая и неорганическая химия отлично
6. Аналитическая химия /качественный и количествен. анализ/ отлично
7. Органическая химия и органический синтез отлично
8. Физическая химия отлично
9. Коллоидная химия отлично
10. Техническая химия отлично
11. Высшая математика /аналит. геометрия, дифференциальное и интегральное исчисление, вероятностная статистика/ отлично
12. Химия отлично
13. Кристаллография с минералогией отлично
14. Геология и петрография отлично
15. Ботаника отлично
16. Общая биология отлично
17. Микробиология отлично
18. Биологическая химия –
19. Военная химия –
20. Методика химии отлично
21. Педагогика отлично
22. Военный язык отлично
23. Черчение техническое хорошо
24. Оборонная работа –

Выполнил и защитил практические занятия:

1. Производственная практика на химических предприятиях отлично
2. Педагогическая практика отлично.

Сдал специальные курсы:

1. Техника химического эксперимента отлично
2. Новейшие успехи химии
3. Кинетика химических реакций
4. Органический анализ

Написал и защитил в Государственной квалификационной комиссии дипломной работы на тему "К вопросу о зависимости между теплотой испарения и поверхностным натяжением" с оценкой отлично

Постановление Государственной квалификационной комиссии Наркомпроса БССР от 23 июня 1936 г., протокол № 6 гр. Старобинец Г. Д. считается окончившим Белорусский Государственный Университет по химическому факультету, по специальности неорганической химии.

Зав. секретарем
Старобинцу Г.

Д И П Л О М
КАНДИДАТА
С Н К СССР
ВСЕСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ ПО ДЕЛАМ
ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КО

Д И П Л О М
КАНДИДАТА НАУК
Москва 4 марта 194

Р е ш е н и
Совета Белорусского Государ
от 25 апреля 1940 г.

Гражданин
СТАРОБИНЦУ Григорию Да
ПРИСУЖДЕНА УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ КА
НАУК

Председатель Совета
Ученый секретарь Совета

Минск

Министерство образования
БГУ Химический факультет

Скоросшиватель

ДЕЛО №

Старобинец
Григорий Давидович

Начато: 25.11.1945
окончено 10.11.2001
на 218 листах

Хранить 75 лет

2

НКО
ПОЧТОВАЯ ЯЧЕЙКА
ПОЛЕВАЯ ПОЧТА
— 30787 —

РЕКТОРУ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ТОВ. САВИЧЕВУ.

На № 650 от 27.10.45 г.

Сообщаю, что СТАРОБИНЦ Григорий Давидович разыскивается по Красной Армии на основании Указа Верховного Совета СССР от 25 октября 1945 г.

КОМАНДИР ВЧ/ПЧ П.Я. 30787
НАЧСТАВ:

из насыщенных паров 30 бинарных смесей на вулканизированном натуральном и натрий-бутадиеновом каучуке». Наиболее ценным для науки достижением опытов Григория Лазаревича стало создание механизма для измерения и прогнозирования состава адсорбированного раствора на границе состояний вещества (например, с воздухом). Авторитетный оппонент указал: именно Г. Л. Старобинец впервые в советской и мировой науке показал, что избирательная сорбция компонента бинарного раствора полимером будет наблюдаться тогда, когда изменения свободной энергии отдельных частей системы суммируются. Причем они слагаются так, что происходит большая убыль свободной энергии всей системы. Также исключительно важным было то практическое наблюдение Григория Лазаревича, что «…чем ближе поведение раствора к идеальному, тем кривые равновесия между полимером и раствором приближаются к прямой». На основании опытов ученый БГУ рассчитал состав сорбированного каучуком раствора и строго сформулировал принцип моделирования подобных взаимодействий.

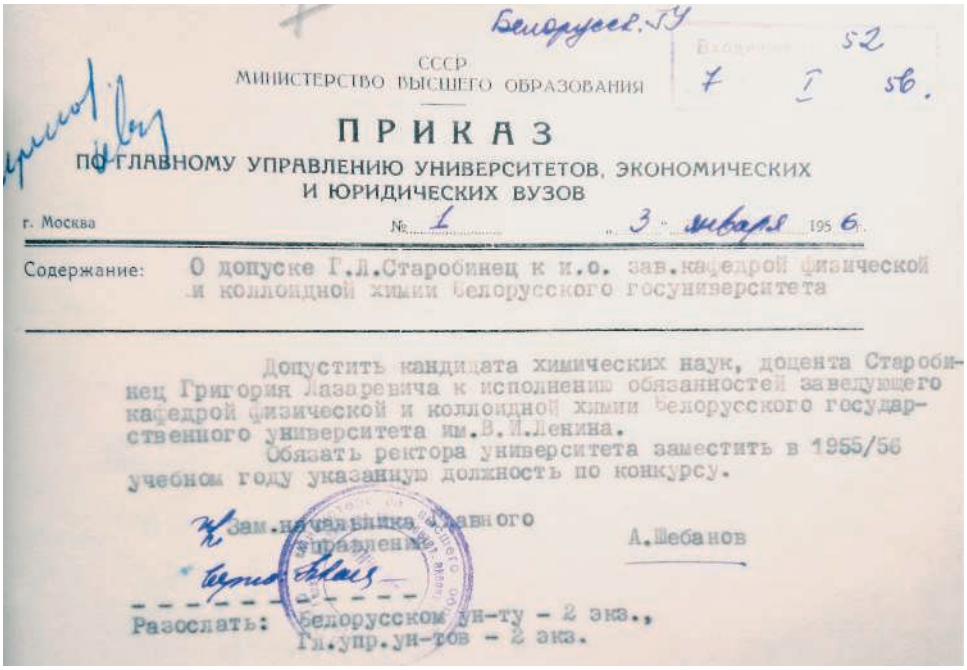
До настоящего времени в области технической и физической химии не утратили значения и актуальности работы о термодинамике сорбции различных насыщенных растворов, смесей, сорбционного взаимодействия полимеров с газами и жидкими растворителями, о сорбции различных красителей полимерами и т. п. Именно Григорий Лазаревич Старобинец – пионер на этом научном направлении. Его исследования стали трамплином для поступательного развития целой отрасли науки и промышленности. Здесь имя белорусского ученого стоит в ряду выдающихся химиков XX в. (В. А. Каргин, П. Флори, М. Хаггинс, С. П. Папков, А. А. Тагер, А. Е. Чалых, Ю. С. Липатов, К. Роджерс). Собственно Г. Л. Старобинец опирался на актуальные выводы советского химика, уроженца украинского Днепра В. А. Каргина – основателя советской полимерной школы, – что растворы высокополимеров являются термодинамически устойчивыми равновесными системами. Тогда это было открытие новых свойств полимеров. Отсюда следовала смелая, неподтвержденная, но логичная теория набухания высокополимеров в ходе термодинамического взаимодействия. Именно белорусский ученый-новатор сосредоточился на малоизвестном в его время поведении каучукоподобных высокополимеров в бинарных смешанных средах. Среди прочего – в среде паров. В итоге им была обнаружена и показана глубокая связь между сорбцией компонентов бинарного раствора полимером и адсорбцией этого компонента на границе раствор – воздух. Было установлено и подтверждено, что эффективная сорбция компонента бинарного раствора значительна, когда переход компонента из раствора в полимер способствует увеличению термодинамической необратимости бинарного раствора. На большом экспериментальном материале ученым показано строение адсорбционных слоев в растворителях. Фактически благодаря исследованиям Григория Лазаревича стало возможным направлять и отслеживать химические реакции сорбции с заданными параметрами в промышленности.

Г. Л. Старобинец в своих исследованиях сосредоточился на применении каучукоподобных полимеров для разделения бинарных и многокомпонентных полимеров. Это использовалось при экстракции или в различных вариантах молекулярной хроматографии. В итоге были получены иониты, обладающие большой обменной емкостью, химической стойкостью и избирательностью обмена. До середины XX в. в данной области было проведено недостаточно

экспериментов. Поэтому Григорий Лазаревич с коллегами и студентами из БГУ провел ряд экспериментов для системы полимер – бензол – бутиловый спирт, а также в системах каучукоподобный высокополимер – растворитель – нерастворитель, с углями.

В 1955 г., после защиты докторской диссертации, Г. Л. Старобинец возглавил кафедру аналитической химии химического факультета БГУ, которую бессменно возглавлял до 1989 г. В 1956 г. он удостоился звания профессора. На протяжении ряда лет ученый плодотворно трудился в студенческих аудиториях и научных лабораториях БГУ. С 1956 г. возглавил лабораторию по исследованию ионообменных процессов в Институте общей и неорганической химии АН БССР. Декан химического факультета (в 1953–1965 гг.) И. Г. Тищенко писал о нем: «Проф. Г. Л. Старобинец за время своей работы в Белгосуниверситете проявил себя высококвалифицированным исследователем. Чтение лекционных курсов на высоком идейном и научном уровне. <…> Принимает активное участие в общественной работе, является председателем общества по распространению научных и политических знаний при БГУ». Ректор А. Н. Севченко в июне 1961 г. так характеризовал его: «Тов. Старобинец Г. Л. политически грамотен, дисциплинированный, пользуется авторитетом у научных работников и студентов. <…> Г. Л. Старобинец пользуется известностью не только в Советском Союзе, но и за рубежом».

В 1989 г., оставив руководство кафедрой, Григорий Лазаревич работал профессором, руководил научной работой студентов и молодых ученых, стал главным научным сотрудником НИИ физико-химических проблем БГУ



Белоруссг. ГУ

Входящий 52
7 I 56.

СССР
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ПРИКАЗ
ПО ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ УНИВЕРСИТЕТОВ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ

г. Москва № 1 „3" января 1956

Содержание: О допуске Г.Л.Старобинец к и.о. зав.кафедрой физической и коллоидной химии Белорусского госуниверситета

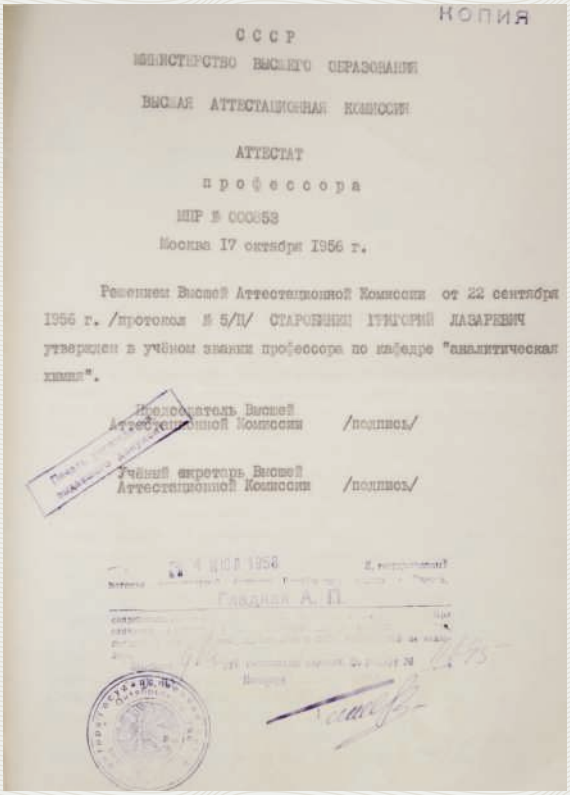
Допустить кандидата химических наук, доцента Старобинец Григория Лазаревича к исполнению обязанностей заведующего кафедрой физической и коллоидной химии Белорусского государственного университета им.В.И.Ленина.

Обязать ректора университета заместить в 1955/56 учебном году указанную должность по конкурсу.

Зам.начальника Главного управления А.Шебанов

Разослать: Белорусском ун-ту – 2 экз.,
Гл.упр.ун-тов – 2 экз.

Приказ о назначении Г. Л. Старобинца исполняющим обязанности заведующего кафедрой физической и коллоидной химии БГУ. 3 января 1956 г.



КОПИЯ

СССР

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ

АТТЕСТАТ

профессора

ИПР № 000853

Москва 17 октября 1956 г.

Решением Высшей Аттестационной Комиссии от 22 сентября 1956 г. /протокол № 5/П/ СТАРОБИНЕЦ ГРИГОРИЙ ЛАЗАРЕВИЧ утвержден в учёном звании профессора по кафедре "аналитическая химия".

Председатель Высшей Аттестационной Комиссии /подпись/

Учёный секретарь Высшей Аттестационной Комиссии /подпись/

Аттестат профессора Г. Л. Старобинца. 17 октября 1956 г.

(НИИ ФХП БГУ). В 1971 г. коллектив университета торжественно отметил 30-летие научной работы Г. Л. Старобинца в БГУ. Тогда были названы некоторые из наград юбиляра: Почетная грамота Верховного Совета БССР и юбилейная медаль «За доблестный труд». В 1980 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки БССР.

Не всегда заслуги ученого адекватно оцениваются. Главное в его труде – теоретические и практические результаты исследований, возможность содействовать прогрессу, модернизации различных сфер жизнедеятельности страны, общества, человека. Возглавляемые Г. Л. Старобинцем кафедра и лаборатории БГУ успешно участвовали в Координационном плане Министерства химической промышленности БССР, он и сотрудники вели разработку экстракционных и хромографических методов очистки сложных смесей органических веществ. Эти процессы и реагенты использовались для анализа состава и выявления степени загрязнения сточных вод и атмосферы, для определения качества сплавов металлов. Фактически до самой смерти в ноябре 2001 г. ученый занимался активной исследовательской работой. Так, с 1989 по 2001 г. вышло около 100 его научных трудов. С 1991 по 1999 г. он работал старшим научным сотрудником лаборатории физической химии и модификации целлюлозы, а с 1998 по 2001 г. – лаборатории лекарственных препаратов. Несмотря на преклонный возраст, Григорий Лазаревич был принят в январе 2001 г. на должность главного научного сотрудника НИЛ аналитической и физической химии.

Г. Л. Старобинец – автор свыше 600 научных публикаций и более 100 открытий. Его работы о свойствах каучукоподобных полимеров в водных растворах, ионообменных процессах сохраняют актуальность, несмотря на бурное развитие данного направления в современной химии. До последних дней ученый работал в НИИ ФХП БГУ. 40 его учеников стали кандидатами химических наук, 4 – докторами наук.

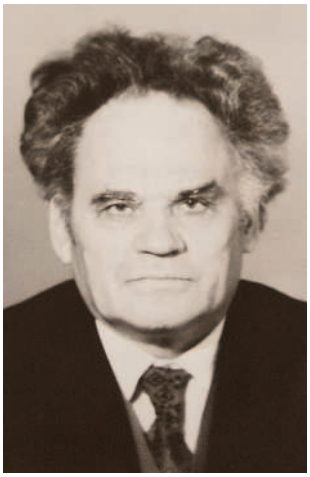
Сегодня НИИ ФХП и кафедра аналитической химии, лаборатории химического факультета БГУ продолжают начинания Григория Лазаревича Старобинца. Так, в НИИ физико-химических проблем БГУ разработаны сорбент фосфата титана – для удаления ионов тяжелых металлов и аммония из сложносоставных растворов (например, очистка воды, вина и др.), магнитные сорбенты для очистки

сточных и промышленных вод, сорбент «Флам» для удаления радионуклидов. Кафедра аналитической химии БГУ продолжает вести учебные курсы и готовить студентов, ученых в таких отраслях, как экстракция металлокомплексных органических и минеральных анионов различного строения, экспертное исследование алкогольсодержащей продукции, наркотических, ядовитых, взрывчатых веществ, фармацевтических субстанций. В составе химфака БГУ функционирует лаборатория химико-аналитических систем, одним из направлений исследований ее сотрудников являются процессы экстракции и создания новых химико-аналитических систем, синтез новых веществ и материалов с заданной структурой, функциональными и физико-химическими свойствами, взаимодействиями поверхностно-активных веществ. Результаты исследований по этим направлениям востребованы в Беларуси и многих других странах мира.

Виктор Адамович Кохнович

Незаурядный ученый-химик, член-корреспондент АН БССР, заслуженный деятель науки БССР

Профессор, декан химического факультета БГУ, основатель научной школы



Иван Григорьевич ТИЩЕНКО

25.02.1912 – 08.07.1987

Выпускник химического факультета Белорусского государственного университета 1938 г. И. Г. Тищенко начал свою творческую и педагогическую деятельность на кафедре органической химии химического факультета БГУ. Участник Великой Отечественной войны (прошел боевой путь от рядового до офицера), награжден несколькими медалями, орденами Красной Звезды (1945), Отечественной войны II степени (1985). За многолетнюю деятельность на благо страны в 1971 г. удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Большое прикладное и фундаментальное значение имели его опыты по синтезу кетонов. В частности, результаты исследований и опытов И. Г. Тищенко нашли широкое применение в фармакологической и химической промышленности. Доктор химических наук (1967), профессор (1968), член-корреспондент АН БССР (1974), заслуженный деятель науки БССР (1982). В 1963–1987 гг. незаурядный ученый-химик возглавлял кафедру органической химии, а в 1953–1965 гг. был деканом химического факультета БГУ. Иван Григорьевич – один из основателей и руководителей лаборатории органической химии НИИ ФХП БГУ. Он автор более 140 научных публикаций и открытий: исследовал гетерогенные реакции органических соединений, открыл и описал реакционные способности многих веществ, синтезировал ациклические, карбо- и гетероциклические соединения с несколькими функциональными группами. Под руководством И. Г. Тищенко подготовлено 16 кандидатов и 1 доктор химических наук.

Во второй половине 1920-х – 1930-е гг. вокруг выдающегося химика, профессора БГУ Н. А. Прилежаева сформировалась научная школа в области исследований органической химии. Представители разных поколений этой школы (Н. А. Прилежаев, Б. Ф. Ерофеев, И. Г. Тищенко, Л. С. Станишевский, Е. А. Продан, В. В. Свиридов, Н. Ф. Капуцкий, В. С. Комаров, Ф. Ф. Можейко, О. Г. Кулинкович и др.) внесли огромный вклад в развитие и успехи науки, образования, промышленности и экономики страны.

Один из ярких представителей этой школы, внесших во второй половине XX в. значительный вклад в развитие органической химии, – профессор Иван Григорьевич Тищенко. Он родился 25 февраля 1912 г. в белорусской крестьянской семье в д. Улуки Долговичской волости (ныне Славгородский район Могилевской области). Семья Тищенко принадлежала к середнякам, и до революции 1917 г. родители занимались земледелием. Отец, Григорий Анисимович, коренной житель деревни, в качестве рядового воевал в 1904–1905 гг. на Дальнем Востоке с японцами. Мать – Ульяна Ивановна – «потомственная» крестьянка. Всего в семье было пятеро детей (Яков, Пелагея, Иван, Василий и Мария). Скоро после рождения младшей Марии отец семейства умер (1927). Все тяготы в обеспечении семьи легли на плечи матери и старших детей. В разгар коллективизации, в 1930 г., Тищенко вступили в колхоз.

До 1931 г. средний сын Иван работал и в домашнем хозяйстве отца, и в колхозе. Он смог окончить неполную среднюю школу в Славгороде, затем в октябре 1931 – мае 1932 г. работал фрезеровщиком на деревообрабатывающем заводе в Харькове. Огромное стремление к знаниям, несмотря на жизненные препятствия, в октябре 1932 г. привело юношу на рабфак Белорусского государственного университета. Учеба на рабфаке позволила подготовиться к поступлению в сентябре 1933 г. на недавно открытый химический факультет БГУ. Годы учебы – сложное время, многие «старые» профессора просто «выдавливались» из студенческих аудиторий. Так, Н. А. Прилежаев, который происходил из семьи священника, был вынужден уйти в АН БССР. В 1937 г. был арестован декан химфака профессор В. Э. Змачинский, в 1938 г. репрессиям подвергся ряд ученых. Так что наиболее зарекомендовавших себя выпускников химического и других факультетов чуть ли не сразу ставили за кафедры читать сложные курсы. Разумеется, страдало качество образования, тем более в такой сложной сфере, как химия.

После окончания университета молодой специалист был принят в качестве ассистента на кафедру органической химии и с сентября 1938 г. по июнь 1941 г. осваивал тяжелую миссию преподавателя высшей школы и ученого. Как отражено в автобиографии Ивана Григорьевича, одновременно он в числе семи молодых коллег учился в аспирантуре химфака БГУ по специальности «органическая химия». В 1941 г. был успешно сдан кандидатский экзамен по специальности и молодой ученый даже опубликовал две научные работы. Он был активно вовлечен в образовательный процесс, вел практические и лабораторные занятия по органической химии, его учебная нагрузка составляла 710 часов. Условия для проведения исследований и подготовки к занятиям со студентами были спартанские: не хватало специальной литературы, оснащения лабораторий, реактивов.

Сообщения о вероломном нападении Германии застало И. Г. Тищенко в Минске. Из личного дела Ивана Григорьевича известно, что в июне – августе 1941 г. он был эвакуирован в Мордовскую АССР,

вероятно покинув горящий Минск то ли 25, то ли 26 июня. По всей видимости, эвакуация состоялась пешком и заняла длительное время. С августа 1941 г. по февраль 1942 г. университетский молодой ученый – учитель средней школы в старинном мордовском селе Атемар Саранского района. Местная школа была переполнена и остро нуждалась в учителях. Однако белорус жаждал вести борьбу с врагом на фронте.

Документы, имеющиеся в архиве БГУ, свидетельствуют: «В годы Великой Отечественной войны товарищ Тищенко И. Г. находился в рядах Советской Армии, где служил сначала рядовым, а затем офицером». Так, в марте – сентябре 1942 г. он служил в 31-й инженерно-строительной бригаде в пос. Суслонгер (Марий-Эл), где, очевидно, проходил военную подготовку. Затем служил в составе 369-й саперной дивизии (сентябрь 1942 г. – июнь 1943 г.), стал начальником полевой химической лаборатории 260-й саперной дивизии (октябрь 1943 г. – июнь 1945 г.). Позже воевал в составе 1-го и 2-го Белорусских фронтов, дослужился до звания старшего лейтенанта, в марте 1945 г. за выполнение боевого задания награжден ореном Красной Звезды. По окончании войны до демобилизации в октябре 1945 г. служил в составе химического управления советских войск в Германии.

После демобилизации Иван Григорьевич вернулся к работе в БГУ в качестве старшего преподавателя кафедры органической химии. С 1947 г. недолго работал доцентом на кафедре физической химии (впрочем, архивные документы свидетельствуют о беспрерывной работе именно на кафедре органической химии).

И в послевоенные годы И. Г. Тищенко продолжил исследования α-окиси винилалкетонов, о чем подготовил и защитил в апреле 1953 г. кандидатскую диссертацию. В мае 1953 г. ему была присуждена

Выпуск химического факультета. В центре ректор П. П. Савицкий. Справа от него профессор Н. Ф. Ермоленко, слева – проректор, доцент-химик А. А. Будкевич. 1946 г.

ученая степень кандидата химических наук, а в 1954 г. присвоено ученое звание доцента. Под руководством академика Ивана Николаевича Назарова выполнены исследования по синтезу α-окисей винилпропинилкетонов и образующихся из них непредельных β-метокси-кетонов окислением щелочной перекисью водорода, разработаны методы синтеза ранее труднодоступных или вовсе незнакомых тогда науке соединений фуранового ряда. Кетоны – сложные, но легко входящие в реакцию органические соединения. Они более летучие как органические соединения и притом важны в биологических процессах (составляют важную часть фруктозы, компонентов эфирных масел, природных красителей, гармонов). Исследование их свойств было и остается важным для ряда отраслей промышленности, медицины.

О научных достижениях Ивана Григорьевича академик АН БССР Б. В. Ерофеев писал: «Диссертация И. Г. Тищенко представляет собой большое экспериментальное исследование по синтезу и химическим превращениям эпоксилей и гидроперекисей, α- и β-непредельных кетонов...» В последующие годы Ивану Григорьевичу удалось синтезировать около 200 эпоксидных и гидроперексидных соединений, в том числе α- и β-непредельных кетонов – необходимых эффективных инициаторов реакций полимеризации. Данное качество этих соединений было и остается востребованным химической промышленостью.

В первые послевоенные годы Иван Григорьевич встретил свою будущую супругу – Ольгу Романовну Скороход (1915–1994). Выпускница химфака БГУ 1939 г., она с 1945 г. работала ассистентом на кафедре аналитической химии БГУ и стала известным химиком: в 1953 г. защитила кандидатскую («Взаимное вытеснение кислот и избирательная адсорбция»), а в 1970 г. – докторскую диссертацию. Занималась исследованием сорбции органических электролитов в ионообменных смолах. В 1971 г. стала профессором БГУ. Наукой занялась также дочь двух университетских ученых Елена (научный сотрудник НИИ биохимии АН БССР).

В 1967 г. И. Г. Тищенко защитил докторскую диссертацию, посвященную исследованию эпоксидных и гидропероксидных соединений α- и β-непредельных кетонов алифатического ряда. Эти кетоны привлекали ученого именно своей высокой реакционной способностью. Были сделаны ценные для науки наблюдения, уточнены условия реакции в разных температурных режимах, открыто и описано большое число новых соединений. Иван Григорьевич развивал то направление в органической химии, которое внедрил в БГУ основатель белорусской школы органической химии Николай Александрович Прилежаев. Открытые им условия и закономерности протекания реакций с кетонами и кетоноспиртами, а также соединения имели большую практическую значимость. Один из коллег из НИИ органических полупродуктов, красителей писал о достижениях ученого: «…значительно расширяют наши знания в области химии эпоксидных и гидроперексидных соединений».

В то же время Иван Григорьевич большую часть своих творческих сил реализовывал в учебном процессе. В сентябре 1965 г. он сменил профессора Ф. Г. Осипенко в должности заведующего кафедрой органической химии БГУ и возглавлял кафедру до 1987 г. Он один из основателей и руководителей лаборатории органической химии НИИ ФХП БГУ. Важное место в биографии и карьере ученого занял период с апреля 1953 г. по сентябрь 1965 г.: Иван Григорьевич в качестве декана руководил химическим факультетом БГУ. Ректор БГУ

Копия

ВЫПИСКА

из протокола заседания Ученого Совета Белорусского государственного университета имени В.И.Ленина

от 12 мая 1953 года. № 20/152.

Утверждено приказом МВО СССР

членов Ученого Совета - 5

из

СЛУШАЛИ: Решение Учен

естественных наук Бел

университета имени В.

о защите диссертации

горьевичем на тему:"

и их превращения" на

кандидата химических

ПОСТАНОВИЛИ: На основании

сования присвоить тов.

кандидата химических н

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
УЧЕНОГО СОВЕТА БЕЛГОСУНИВЕРСИ
ИМЕНИ В.И.ЛЕНИНА
(м.п.)

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СОВ

13. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая учебу в высших и средних специальных учебных заведениях, военную службу, участие в партизанских отрядах и работу по совместительству).

При заполнении данного пункта учреждения, организации и предприятия необходимо именовать так, как они именовались в свое время, военную службу записывать с указанием воинской части.

Месяц и год поступления	Месяц и год ухода	Должность с указанием учреждения, организации, предприятия, а также министерства (ведомства)	Местонахождение учреждения, организации, предприятия
20	25 VIII 31	Работал в колхозе им. Ем. Ярослав	Славгородский р-н
IX 31	5 32	Фрезеровщик механического завода	г. Харьков
IX 32	6 33	Студент рабфака при БГУ	г. Ленинград
IX 33	7 38	Студент БГУ им. В.И. Ленина	г. Минск
IX 38	6 41	Аспирант, карьер-фармацевт БГУ	г. Минск
		в Вендский р-н, СССР	
		ой арез. школы	
		Северный Урал	
		рабфак-университет БГУ	
		ниверсиада, Смыгар	
		дент, Декан химфака	БГУ г. Минск
		ер-химик, Декан	
		ультета БГУ им. В.И.Ленина	г. Минск
		ой организации	
		в организации	
		(Заместитель декана)	г. Минск

МІНІСТЭРСТВА АСВЕТЫ БЕЛАРУСКАЙ ССР
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ССР

№ 29/09 8 апреля 1942 г.

СПРАВКА.

Выдана настоящая ТЕЛЕШКО Ивану Григорьевичу в том, что он действительно работал штатным ассистентом кафедры органической химии Белорусского Государственного Университета имени В.И.Ленина с I-го сентября 1933 года по 22-е июня 1941 года.

Справка выдана на основании Инструктивного письма ЗКВШ при СНК СССР от 16 февраля 1940 года № Д-09-09.

Заместитель министра просвещения Белорусской ССР /М.Мурашко/.

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ УНІВЕРСІТЭТ

ВЫПІСКА З ЗАГАДА № 186 от 26.XII. 5 19 г.

§ -11

Зачислить тов. Тешкевич И.Г. ассистентом кафедры органической химии с 20.XII.с.г. с окладом 800 рублей в месяц.

Ректор Белорусского Государственного Университета

верно: (П.Сашкевич)

Родился 25 февраля 1912 года в д. Лужа [illegible] (сейчас). Рабочий. Окончил школу в своей деревне (сейчас). [illegible] до Октябрьской революции 1917 г. и после революции [illegible] Целиноградской. В 1924 году работал учит., сейчас в 1930 г. [illegible] в колхоз. Трудовую деятельность я начал в [illegible] До 1931 года был в деревне, работал в колхозе [illegible] в колхозе. В 1931 году поехал в Славгород [illegible] и поступил на механический завод на работу [illegible] в полевой фрезеровщик до июня 1932 г. В сентябре [illegible] поступил на рабфак университета в 1933 г. В период 1933–1937 [illegible] (г. Минск), аспирант университета БГУ. Занимал должность [illegible] на химическом факультете. [illegible] в [illegible] годы и был горным при карьере организовал [illegible] аллергиит. В этот период работал до начала [illegible] войны. В сентябре 1941 г. по март м-ц 1942 [illegible] ССР, где в сентябре 1941 г. [illegible] прибыл сразу в распоряжение [illegible] армии. Где в марте 1942 г. был мобилизован [illegible] в Красном Киевском районе, а затем [illegible] В апреле 1945 г. работал [illegible] и в октябре м-це 1946 г. по настоящее время [illegible] на выборном конкурсе химических наук [illegible] приехал в 1947 г. на педагогическую и научную [illegible] работу в области органической химии. Много [illegible] и поднимал 20 научных работ. Наряду с научно-[illegible] работой, начиная с 1953 года занимался работой [illegible] деканом факультета университета. Много [illegible] непрерывно. В коммунистическую партию вступил [illegible] Из рождения в надлежащее время учился [illegible] школу в деревне (сейчас), [illegible] рабочим [illegible] выполнял поручения и за отдых, [illegible] в [illegible] работ в колхозе. Руководство [illegible] а также [illegible] за [illegible]

20.X.61 г.

ДЕЛО

№ _____

Тешкевич

Иван

Григорьевич

на 13 листах

Начато 28 апреля 1945 г.

Окончено 9 июля 1947 г.

срок хранения 75 лет

Ф. 205
Оп. 10
Д. 363

Утверждена
Постановлением Президиума
Верховного Совета БССР
10 октября 1969 года

Город Минск, Белорусская ССР
(область, район, город)

Указ Президиума не был
от 13 января 1992 г.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ТИЩЕНКО Иван Григорьевич

2. Представляется к присвоению почетного звания
(за награждение Почетным Грамотой или Грамотой)
"Заслуженный деятель науки БССР"
(вид звания Совета МОСР, в применении почетного звания)

3. Должность и место работы (указать полное наименование цеха, отдела, предприятия, учреждения, организации) заведующий кафедрой органической химии химического факультета Белорусского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени В.И. Ленина

4. Профессия, звание химик, член-корреспондент АН БССР

5. Число, месяц и год рождения 26 февраля 1922 года

6. Пол мужской г. Национальность белорус

8. Партийность член КПСС с 1943 года 9. Образование высшее

10. Какими орденами и медалями, Почетными Грамотами и Грамотами награждается(ся), какие почетные звания лучший работник(а) и даты награждений (присвоения званий)

Орденом Красной Звезды в 1945 году,
орденом Трудового Красного Знамени в 1971 году,
медалью "За трудовое отличие" в 1961 году,
медалью "За взятие Берлина" в 1945 году,
медалью "За освобождение Варшавы" в 1945 году,
медалью "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." в 1945 году,
медалью "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина" в 1970 году,
знаком Почетным грамотами Верховного Совета МОСР в 1963 и 1972 гг.

09. 1938	- 06. 1941 г.	- ассистент кафедры органической химии Белгосуниверситета имени В.И. Ленина, г. Минск
06. 1941	- 09. 1941 г.	- эвакуация в Мордовскую АССР
09. 1941	- 03. 1942 г.	- преподаватель средней школы, село Атемары Мордовской АССР
03. 1942	- 10. 1945 г.	- служба в Советской Армии
10. 1945	- 01. 1946 г.	- не работал после демобилизации из Советской Армии
1. 1946	- 04. 1953 г.	- старший преподаватель кафедры органической химии Белгосуниверситета имени В.И. Ленина, г. Минск
. 1953	- 01. 1963 г.	- старший преподаватель, доцент кафедры органической химии, декан химического факультета Белгосуниверситета имени В.И. Ленина, г. Минск
1963	- 11. 1965 г.	- декан химического факультета, заведующий кафедрой органической химии химического факультета Белгосуниверситета имени В.И. Ленина, г. Минск
1965	- по н/время	- заведующий кафедрой органической химии химического факультета Белгосуниверситета имени В.И. Ленина, г. Минск

Начальник отдела кадров
Белгосуниверситета имени В.И. Ленина
05.01.1992 М.Л.Горлов

-8.31	Колхозник колхоза им. Кирова, деревня Ужуки, Слонимского р-на
31-8.32	Фрезеровщик механического завода, город Харьков
-8.33	Студент рабфака ПГУ, город Минск
33-8.38	Студент Белгосуниверситета, город Минск
38-8.41	Ассистент кафедры органической химии ПГУ, город Минск
41-8.41	Эвакуация в тыл страны СССР
41-3.42	Преподаватель средней школы с.Атемары, Мордовская АССР

РЕШЕНИЕ
ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ
от 14 октября 1967г. /протокол 346/

ТИЩЕНКО ИВАНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ

ПРИСУЖДЕНА УЧЁНАЯ СТЕПЕНЬ ДОКТОРА
ХИМИЧЕСКИХ НАУК

Председатель Высшей
Аттестационной Комиссии

Подпись

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА
по Белорусскому государственному университету
имени В. И. Ленина

от 10 сентября 1982 г. № 307
§ 1.
г. Минск

Возложить исполнение обязанностей зав.кафедрой органической химии на доцента этой же кафедры Тищенко Ивана Григорьевича с 1 сентября 1982 года.
Основание: рапортная проректора по учебной работе.

Ректор ПГУ - профессор (А.Сенченко)

ОТЧЕТ
О работе зав.кафедрой органической химии Белорусского государственного университета им. В.И.Ленина, члена-корреспондента АН БССР, профессора И.Г.Тищенко за период с 1.01.1970 г. по 1.01.1975г. в связи с прохождением конкурса

В отчетном периоде продолжал исполнять обязанности заведующего кафедрой органической химии, осуществлял руководство учебно-методической и научно-исследовательской работой кафедры, представляющей собой сплаченный, хорошо подготовленный и работоспособный коллектив. Кафедра успешно обеспечивает учебный процесс, активно ведет научно-исследовательскую работу, располагает достаточной материально-технической базой.

За отчетный период по специализации кафедры закончило обучение свыше 150 специалистов, успешно работающих в научно-исследовательских учреждениях, промышленных предприятиях и в области просвещения. Существенное внимание на кафедре уделяется улучшению качества подготовки специалистов на основе укрепления единства учебной и научно-исследовательской работы.

Осуществляя общее руководство кафедрой, я читал курс лекций по органической химии и спецкурс по методам синтеза гетероциклических соединений, руководил дипломными, курсовыми работами, научными исследованиями студентов, подготовкой научных кадров через аспирантуру.

В отчетном периоде мною осуществлялось руководство научн ми исследованиями по синтезу антивирусных средств в ряду пр изводных 3-оксипиперидона-4, синтезу органических веществ основе эпоксикетонов, исследованию реакций сульфонилевых и дов с карбонильными соединениями и жидкофазному окислению предельных соединений. Эти темы успешно закончены в истекшем году и по ним подготовлены отчеты.

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА
ПО БЕЛОРУССКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ УНИВЕРСИТЕТУ ИМЕНИ
В.И. ЛЕНИНА

от "9" июля 1987 г. № 504-к г. Минск

ИСКЛЮЧИТЬ

4. ТИЩЕНКО Ивана Григорьевича - заведующего кафедрой органической химии, профессора - из списков университета с 9-го июля 1987 г. в связи со смертью.

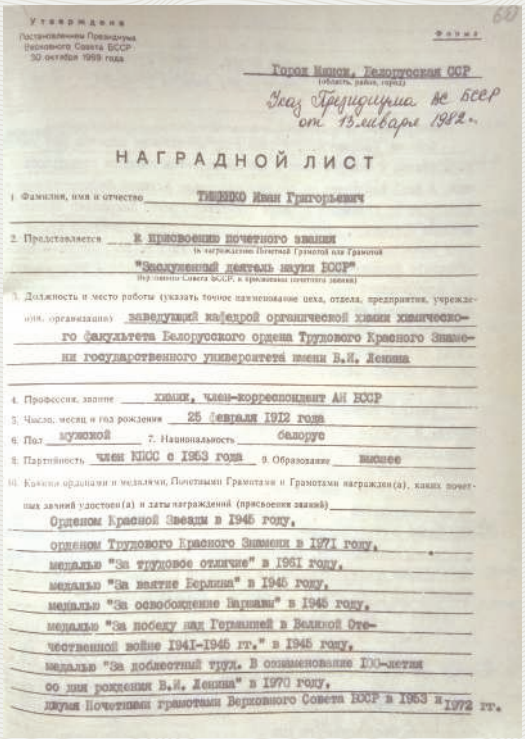
Основание:

Ректор

верно:

ДЕЛО № 1987 г. ст. 5-7

академик А. Н. Севченко писал о нем как декане: «За время работы в университете И. Г. Тищенко проявил себя хорошо подготовленным научным работником, знающим и любящим свое дело». Далее Антон Никифорович отметил, что декан смог существенно расширить факультет, организовать должную и соответствующую задачам времени учебную и научную работу кафедр. Доцент и коллега, а в будущем доктор химических наук, профессор, академик и ректор БГУ Ф. Н. Капуцкий очень тепло отозвался о своем старшем товарище: «Иван Григорьевич прошел очень сложный и трудный жизненный путь. <…> В течение 13 лет Иван Григорьевич был деканом химического факультета. Именно в это время химический факультет вырос и теперь (по состоянию на 1972 г. – *Авт.*) является одним из самых больших факультетов университета. <…> Несмотря на большую занятость и загруженность Иван Григорьевич ведет интенсивную научно-исследовательскую работу. В очень сложных условиях, большей частью за счет своего отдыха. <…> Кроме научной деятельности Тищенко И. Г. ведет большую общественную работу. Он является редактором “Вестника университета”, членом Научно-технического Совета. <…> Профессор И. Г. Тищенко отличается большой работоспособностью и требовательностью к себе и другим, но вместе с тем человек глубоко отзывчивый и внимательный».



Утверждена
Постановлением Президиума
Верховного Совета БССР
30 октября 1969 года

Форма

Город Минск, Белорусская ССР
(область, район, город)

Указ Президиума ВС БССР от 13 января 1982 г.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ТИЩЕНКО Иван Григорьевич

2. Представляется к присвоению почетного звания
(к награждению Почетной Грамотой или Грамотой)
"Заслуженный деятель науки БССР"
(Грамотой Совета БССР, к присвоению почетного звания)

3. Должность и место работы (указать точное наименование цеха, отдела, предприятия, учреждения, организации) заведующий кафедрой органической химии химического факультета Белорусского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени В.И. Ленина

4. Профессия, звание химик, член-корреспондент АН БССР
5. Число, месяц и год рождения 25 февраля 1912 года
6. Пол мужской 7. Национальность белорус
8. Партийность член КПСС с 1943 года 9. Образование высшее
10. Какими орденами и медалями, Почетными Грамотами и Грамотами награжден(а), каких почетных званий удостоен(а) и даты награждений (присвоения званий)
Орденом Красной Звезды в 1945 году,
орденом Трудового Красного Знамени в 1971 году,
медалью "За трудовое отличие" в 1961 году,
медалью "За взятие Берлина" в 1945 году,
медалью "За освобождение Варшавы" в 1945 году,
медалью "За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг." в 1945 году,
медалью "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина" в 1970 году,
двумя Почетными грамотами Верховного Совета БССР в 1953 и 1972 гг.

Наградной лист И. Г. Тищенко
от 13 января 1982 г.

На протяжении многих лет профессор преподавал курс органической химии студентам химфака, успешно занимался научной работой и подготовкой научных кадров. Вместе с учениками исследовал пути синтеза новых, функционально-заменимых органических соединений, искал новые методы синтеза пиридина, аминофенолов, аминофеонов, тетрагидротиопиранов. До 1986 г., согласно отчетам кафедры органической химии, подготовил и издал свыше 450 научных работ, получил 48 авторских свидетельств на новые разработки, подготовил 20 кандидатов и 1 доктора химических наук. Ученый являлся редактором ряда научных сборников, где публиковались работы и его учеников: например, их совместные с Л. С. Станишевским статьи о жидкофазном окислении α- и β-непредельных кетонов, или с П. М. Малашко – о взаимодействии окисей метилвинил-(-изопропилен-, -изобутиленил-)кетонов с бензилкаптаном, или с И. П. Зятьковым и В. М. Языченко – об инфракрасных спектрах поглощения α- и β-непредельных кетонов и их окисей. Под его руководством на кафедре проходили стажировку пре-

подаватели из Болгарии, Польши, Кубы, Индии. Иван Григорьевич пользовался высоким авторитетом и признанием у коллег, обладал поразительной энергией ученого, исследователя новых проблем в области любимой химии. И эти качества по достоинству ценились коллегами, аспирантами, студентами. Даже несмотря на преклонный возраст, в ноябре 1986 г. решением ученого совета университета он был переизбран на новый пятилетний срок в должности заведующего кафедрой органической химии. В связи с 75-летием университета в январе 1987 г. Иван Григорьевич удостоился Почетной грамоты Минвуза БССР.

Однако вскоре, 8 июля 1987 г., заведующий кафедрой химического факультета БГУК, ее научный лидер Иван Григорьевич Тищенко умер. Заслуги ученого в белорусской науке велики и общепризнаны. В 1961 г. он был награжден медалью «За трудовое отличие», в 1970 г. – почетным знаком «За доблестный труд», в 1971 г. – орденом Трудового Красного Знамени, в 1953 и 1972 гг. – почетными грамотами Верховного Совета БССР.

Сегодня дело Ивана Григорьевича Тищенко продолжает его кафедра – органической химии БГУ. Сотрудники и студенты кафедры занимаются исследованиями методов органического синтеза. Близко к профилю исследований профессора находятся опыты современного поколения его учеников по изучению состава феромонов насекомых, разработка метода получения противоопухолевого препарата темозоломида. При кафедре работает Научно-исследовательская лаборатория элементоорганического синтеза. Кроме того, на химическом факультете БГУ развивается химия лекарственных соединений, биофармохимические направления. Последнее пересекает и развивает область

И. Г. Тищенко за работой. 1980-е гг.

научных изысканий не только Ивана Григорьевича, но и его супруги профессора О. Р. Скороход и дочери Е. И. Тищенко. Научно-исследовательский институт физико-химических проблем в своей структуре с 1999 г. имеет лабораторию химии свободнорадикальных процессов. Она развивает во многом те же направления исследований, которыми занимался И. Г. Тищенко: новых фармакологически активных веществ, основанных в свободнорадикальных процессах. Сотрудники лаборатории исследуют реакционную способность природных соединений (флавоноиды, фенилпропаноиды, витамины, коэнзимы), разработали противогерпетические препараты «Бутаминофен», «Актовир». Молодое поколение помнит и развивает научное наследие И. Г. Тищенко. Его работы и открытия содействуют развитию химической промышленности Беларуси.

Виктор Адамович Кохнович

Выдающийся физик-теоретик, организатор физической науки в Беларуси, действительный член АН БССР

Профессор, заведующий кафедрой, декан физико-математического факультета БГУ

Федор Иванович ФЁДОРОВ

19.06.1911 – 13.10.1994

Федор Иванович Фёдоров – организатор физической науки в БССР, выдающийся ученый, талантливый педагог, авторитетный руководитель, активный общественный деятель. Первый кандидат и один из первых докторов физико-математических наук, вырос в Беларуси и получил образование в Белорусском государственном университете. Инициатор создания кафедры теоретической физики на физико-математическом факультете БГУ и ее несменный руководитель на протяжении 1938–1962 гг. Декан физико-математического факультета в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановительного периода (1943–1950). Один из организаторов Института физики и математики Академии наук БССР (1955).

Своими научными изысканиями Ф. И. Фёдоров внес огромный вклад в развитие кристаллооптики, кристаллоакустики и теории элементарных частиц. В 1956 г. был избран членом-корреспондентом, в 1966 г. действительным членом Академии наук БССР. Достижения ученого-физика отмечены высокими наградами, среди которых: ордена Трудового Красного Знамени (1949) и Ленина (1971), звезда Героя Социалистического Труда (1978). Он заслуженный деятель науки БССР (1968), лауреат Государственной премии БССР (1972) и Государственной премии СССР (1976).

Федор Иванович Фёдоров родился 19 июня 1911 г. в д. Турец Новогрудского уезда Гродненской губернии в семье народных учителей. На становление будущего ученого-физика большое влияние оказал его отец – Иван Михайлович Фёдоров (писатель Янка Мавр). Уже состоявшийся академик Ф. И. Фёдоров с трепетом и гордостью отзывался о своем отце. В частности, в воспоминаниях о нем говорил: «...хотя моя специальность – теоретическая физика – весьма далека от литературы, истории, географии, к которым тяготел мой отец, однако я с полным основанием могу заявить, в моем становлении, как человека и ученого, огромную роль сыграло воздействие личности моего отца».

Судьба отца ученого, Ивана Михайловича Фёдорова, сложна и интересна. Получив в 1903 г. образование в Поневежской учительской семинарии (современная территория Литвы), он стал учителем одной из школ под Поневежем, затем в д. Бытче Борисовского уезда Минской губернии. Однако первый этап его профессиональной деятельности был непродолжительным. Спустя пару лет за участие в нелегальном преподавательском съезде, проходившем 9 июля 1906 г. около д. Николаевщины Минского уезда, Иван Михайлович лишился права преподавать и попал под надзор полиции. Анализируя документы съезда, можно прийти к выводу, что И. М. Фёдоров был не просто его участником, но, возможно, и одним из инициаторов, поскольку подпись учителя Бытчинского народного училища стояла первой под протоколом. Как известно, в работе съезда принимал участие и Константин Михайлович Мицкевич, который вместе с Иваном Михайловичем входил во временное бюро Минской группы учителей, выбранное во время съезда. Это событие стало одним из первых в череде будущих переплетений жизненных путей двух литературных классиков Беларуси – Янки Мавра и Якуба Коласа.

В 1909 г. Иван Михайлович перебрался в д. Турец, где встретил свою будущую супругу – сельскую учительницу Варвару Федоровну Адамович. В этом же году они поженились, а спустя два года у молодой четы Фёдоровых родился первенец. В 1909–1911 гг. И. М. Фёдоров на общественных началах (без получения жалования) помогал своей супруге вести уроки. Появление сына Федора вынудило искать всевозможные пути получения средств для обеспечения семьи.

В 1911 г. И. М. Фёдоров благодаря своему брату сумел нелегально устроиться преподавателем истории и географии в частную торговую школу в Минске. Прожив здесь четыре года, чета и совсем юный сын Федор в усло-

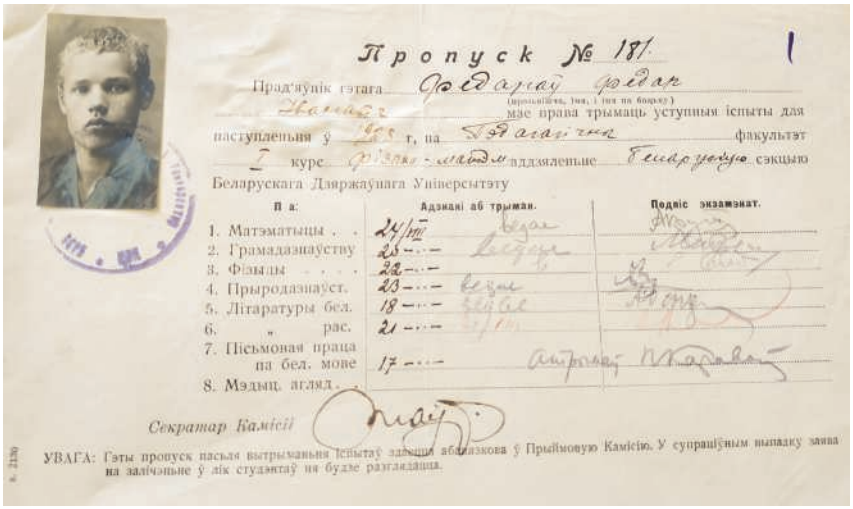
И. М. Фёдоров [Янка Мавр] (в центре) с супругой Варварой Федоровной, ее двумя детьми от первого брака (стоят позади) и их общим сыном Федором (справа)

Федор Фёдоров. 1915 г.

виях угрозы оккупации губернского города были вынуждены эвакуироваться в Томск. Там в семье родился сын Арсений. В 1917 г. Фёдоровы вернулись в Минск. Через два года родилась дочь Александра. Вскоре семейная идиллия была нарушена – в 1920 г. умерла Варвара Федоровна, оставив мужа-вдовца с маленькими детьми. Иван Михайлович старался дать детям все самое лучшее, с малых лет привить тягу к знаниям. Об этом вспоминал Федор Иванович, отмечая: «...жили мы очень небогато, порой еле сводили концы с концами. Но всегда, как туго бы нам не жилось, у нас в доме водились книги и журналы – на них отец средств не жалел». И это дало свои плоды – все дети связали свою жизнь с наукой. В 1923 г. Иван Михайлович вступил в брак со Стефанидой Александровной Шиленок, вскоре на свет появилась дочь Наталья. Она спустя чуть более 20 лет стала женой младшего из сыновей Якуба Коласа – Михася.

В 1920 г. девятилетний Федор пошел в 1-й класс железнодорожной школы, в которой преподавал отец. После получения семилетнего образования (1928) успешно прошел вступительные испытания на 1-й курс физико-математического отделения педагогического факультета Белорусского государственного университета. Будучи студентом, Федор Иванович показал глубокие знания по изучаемым предметам. Качества будущего ученого и педагога были замечены, и осенью 1930 г. он был принят на работу в БГУ ассистентом для ведения практических занятий по математике на 1-м курсе. Приобретенный некоторый опыт преподавания в стенах альма-матер пригодился, когда в 1931 г. Ф. И. Фёдоров был направлен преподавателем физики и математики в Кричевский педагогический техникум. Однако университетский выпускник сложного и перспективного в научном плане физмата БГУ тяготел к иным, более высоким профессиональным вершинам. Еще со студенческой скамьи он стремился постичь глубинные основы теоретической физики. Уже в 1932 г. Федор Иванович поступил в аспирантуру Белорусской академии наук. Научную деятельность пришлось совмещать с педагогической (работал старшим преподавателем по кафедре физики в Минском строительном институте).

На начало 1930-х гг. в Беларуси продолжал пошагово развиваться процесс становления физической науки, который десяток лет назад «запустил» профессор Н. Н. Андреев, продолжили Е. Е. Сиротин и его коллеги по Институту физики БГУ, еще в начале 1926 г. сумевшие провести I Всебелорусскую физико-математическую конференцию. Однако время и успехи в развитии мировой и советской физической науки неумолимо требовали обновления знаний, поиска современных фундаментальных и практико-ориенти-



Пропуск № 181

Прад'яўнік гэтага Федараў Фёдар
(прозвішча, імя, і імя па бацьку)
мае права трымаць уступныя іспыты для
паступленьня ў 1933 г. на Педагагічны факультэт
I курс Фізіко-матэм аддзяленьне Беларускую сэкцыю
Беларускага Дзяржаўнага Універсытэту

П а:	Адзнакі аб трыман.	Подпіс экзамэнат.
1. Матэматыцы . .	24/III	
2. Грамадазнаўству	25 — —	
3. Фізыцы	22 — —	
4. Прыродазнаўст.	23 — —	
5. Літаратуры бел.	18 — —	
6. „ рас.	21 — —	
7. Пісьмовая праца па бел. мове	17 — —	
8. Мэдыц. агляд . .		

Секратар Камісіі

УВАГА: Гэты пропуск пасьля вытрыманьня іспытаў адзнакі абмазкова ў Прыймовую Камісію. У супраціўным выпадку заява на залічэньне ў лік студэнтаў ня будзе разглядацца.

Экзаменационный лист абитуриента педагогического факультета БГУ Ф. И. Фёдорова

рованных научных тем для исследовательских разработок. С 1933 г. начался отсчет аспирантской учебы Ф. И. Фёдорова в Физическом институте при Ленинградском государственном университете, куда его направила БАН. Здесь Федор Иванович не только занимался научными изысканиями, но и совершенствовал педагогические навыки. В постижении научных глубин ему помогал научный руководитель В. А. Фок – известный советский физик-теоретик, действительный член АН СССР. Владимир Александрович своими трудами внес значительный вклад в развитие общей теории относительности, квантовой механики и квантовой теории.

Под влиянием руководителя сформировался своеобразный научный стиль Ф. И. Фёдорова, сочетающий широту рассматриваемых проблем, общность развиваемых им подходов к решению всевозможных задач и изящество математического описания. За годы обучения в аспирантуре Федор Иванович смог заполнить пробелы в специальных знаниях, почерпнуть у своего учителя актуальные методы теоретической физики, решить ряд сложнейших задач квантовой электродинамики, по которой он готовил кандидатскую диссертацию. Итогом трехлетнего пребывания в Ленинграде стала защита осенью 1936 г. кандидатской диссертации на тему «Применение метода функционалов к некоторым вопросам теории излучения», в которой Федор Иванович при помощи созданного двумя годами ранее метода функционалов Фока рассчитал естественную ширину спектральных линий и сечений рассеяния гамма-квантов на электроне (комптон-эффект). Ф. И. Фёдоров стал первым кандидатом наук по физике, выросшим в Беларуси и получившим образование в Белорусском государственном университете.

В 1936 г. новоиспеченный кандидат физико-математических наук вернулся в Минск. По прибытии в белорусскую столицу Ф. И. Фёдоров был принят на должность старшего научного сотрудника в Физико-технический институт Академии наук БССР. Однако этот этап сотрудничества с академическим сообществом был непродолжительным. В 1938 г. институт ликвидировали, и практически все последующее десятилетие Федор

Иванович посвятил себя Белорусскому государственному университету. В главном образовательном учреждении республики, в отличие от АН БССР, все предвоенное двадцатилетие, с самого начала деятельности университета, большое значение придавалось точным наукам. Можно назвать лишь один пример: первым специально построенным зданием для БГУ в середине 1920-х гг. стал корпус Института физики университета (современное здание ректората). Даже «разукрупнение» БГУ, постигшее его в начале 1930-х гг., не особо сказалось на развитии физики и математики в его стенах. Более того, был создан отдельный факультет, который находил резервы для развития. Так, в 1937–1938 гг. на физико-математическом факультете БГУ были организованы четыре новые кафедры – кафедра общей физики (под руководством Ильи Григорьевича Некрашевича), кафедра рентгенофизики (во главе с Иосифом Пинхусовичем Шапиро), кафедра электромагнитных колебаний (заведующий – Евгений Васильевич Снятков) и кафедра теоретической физики. Ее вплоть до 1962 г. возглавлял Федор Иванович Фёдоров.

В условиях сложной политической обстановки, волны репрессий в БССР все острее ощущалась нехватка профессиональных кадров, в том числе и в области физики. Молодому ученому выпала миссия стать одним из первых глубоких исследователей в сфере теоретической физики. Своими содержательными и безупречными по форме лекциями по квантовой механике, теории относительности, электродинамике Федор Иванович содействовал выстраиванию преподавания теоретической физики на качественно новом уровне. Помимо студентов и коллег БГУ к нему на консультации по физике старались попасть научные работники со всей Беларуси. Получение же Белорусским государственным университетом в марте 1937 г. права приема к защите докторских и кандидатских диссертаций и присуждения ученых степеней привело на физико-математический факультет первых соискателей по проблемам физической науки. Несмотря на наличие закрепленных за ними научных руководителей с различных кафедр физмата БГУ, нередко проводить консультации, давать решения сложных диссертационных задач из арсенала теоретической физики доводилось именно Ф. И. Фёдорову.

Можно считать, что первый этап профессиональной деятельности в Белорусском государственном университете складывался для Федора Ивановича удачно. В отчетах конца 1930-х гг. его отмечали как одного из перспективных педагогических и научных работников университета. Однако начало Великой Отечественной войны внесло свои коррективы в дальнейшую судьбу молодого физика. В июне 1941 г. он смог эвакуироваться из Минска и, пройдя пешком свыше 1,2 тыс. километров в сборном полку призывников, оказался в Липецке Воронежской области. Здесь в августе 1941 г. военкоматом был направлен в тыл на гражданскую работу. В условиях военного времени устроиться на работу по специальности возможности не представилось. До марта 1943 г. Федор Иванович работал учителем и заведующим учебной частью в средней школе № 16 г. Киселевска Кемеровской области, затем оказался в Новосибирске, где устроился на работу доцентом кафедры физики эвакуированного Московского авиационного технологического института. Здесь он проработал до сентября 1943 г., пока не был отозван в восстановленный Белорусский государственный университет на ст. Сходня под Москвой.

По прибытии Ф. И. Фёдорова руководство университета возложило на него

непростую и ответственную задачу – возглавить физико-математический факультет. Несмотря на сложное материальное положение, когда приходилось жить в съемной комнате площадью 4 квадратных метра, когда угнетала тяжелая болезнь отца, родные и близкие были раскиданы по разным городам Советского Союза, Федор Иванович приложил неимоверные усилия по возобновлению работы родного для себя факультета. В 1943/44 учебном году на физмате БГУ обучалось 27 студентов. Для занятий была организована работа 7 кафедр, хотя все они испытывали кадровые проблемы: из 17 штатных преподавательских ставок было занято лишь 7.

Тем не менее все шесть довоенных факультетов университета (физико-математический, биологический, географический, исторический, филологический и химический) возобновили свою работу. В отчете БГУ за этот учебный год отмечалось, что была организована не только педагогическая работа, но и научно-исследовательская. Кафедры физико-математического факультета помимо исследования по тематике общенаучного характера взяли на себя обязательства разработать ряд проблем по физике металлов и другим вопросам, имевшим важное значение для народного хозяйства. Подчеркивалось, что в условиях возобновления деятельности университета без лабораторий и минимально необходимого оборудования работа крайне затруднена и не может принести желаемого эффекта. Благодаря личным связям декана физмата для проведения практических занятий удалось достать в Москве кое-что из оборудования, аппаратуры и приборов (уже после реэвакуации БГУ в Минск они составили основу физического кабинета факультета). Федор Иванович, стремясь внести лепту физиков в приближение победы, предложил

Янка Мавр с супругой Стефанидой Александровной, дочерьми Александрой и Натальей, сыновьями Федором и Арсением. 1940-е гг.

в качестве научной разработки усовершенствование для ведения боевых действий Красной армией. В итоге оно стало первым в списке авторских изобретений Ф. И. Фёдорова. Правда, из-за бюрократических проволочек запатентовано оно было лишь спустя год после окончания Великой Отечественной войны.

В октябре 1944 г., когда университет переехал в освобожденный Минск, Федор Иванович продолжил исполнять обязанности декана физико-математического факультета и заведующего кафедрой теоретической физики. Последующее десятилетие было сложным не только по причине того, что приходилось восстанавливать всю материально-техническую базу факультета фактически с нуля, но и из-за отношения к физико-математической отрасли научных знаний в республике. Дело в том, что в Академии наук БССР в то время считали, что не следует придавать особого значения развитию физики и математики в Беларуси, так как эти области знаний были далеки от насущных требований жизни. По мнению руководства Академии

наук, нужно было сосредоточиться на развитии обществоведческих и сельскохозяйственных наук, а также биологии и химии. В 1949 г. Федор Иванович обратился с резко критическим письмом к президенту АН БССР Н. И. Гращенкову, характеризуя недальновидную политику руководства и отстаивая право физико-математических наук быть представленными в главном научном учреждении республики. Высказывать свое мнение в условиях противоречий того времени и неоднозначной атмосферы в академическом сообществе было смелым поступком, но стоило нервов.

Однако прошло совсем немного времени, и уже в 1950 г. Академия наук БССР была резко раскритикована председателем правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, известным советским физиком Сергеем Ивановичем Вавиловым за почти полное отсутствие в ней исследований в области физики и математики. Но политика руководства АН БССР оставалась неизменной. И только с избранием в январе 1952 г. новым президентом Академии Василия Феофиловича Купревича ситуация стала кардинально иной. Именно он поддержал инициативу Ф. И. Фёдорова и других видных белорусских ученых по созданию в 1955 г. Института физики и математики, что стало грандиозным событием в дальнейшем развитии естественно-научной отрасли знаний в республике.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. вся научная деятельность в области физики была сосредоточена в основном в Белорусском государственном университете. Для студентов 3–5-го курсов Федором Ивановичем были разработаны учебные дисциплины «Термодинамика и статистическая физика», «Теория относительности», «Общая теория относительности», «Релятивная квантовая механика». Возглавляемая им кафедра теоретической физики стала центром не только учебно-педагогической, но и научно-исследовательской работы соответствующей отрасли знаний. Именно здесь под руководством профессора в послевоенное десятилетие были подготовлены и защищены первые кандидатские диссертации по физике: И. З. Фишером (1948), Л. А. Борисоглебским (1952), Б. В. Бокутем (1955). Навсегда в памяти студентов тех лет остались впечатления от научных семинаров кафедры по злободневным проблемам физики и методологии естествознания, проходивших в острейших дискуссиях.

Федор Иванович запомнился студентам блестящими, необычайно глубокими по содержанию, тщательно продуманными, отточенными до совершенства и исключительно яркими по форме лекциями, которые не могли оставить равнодушными никого. Его занятия стали эталоном педагогического и лекторского мастерства для всех преподавателей физико-математического факультета. Один из студентов физмата БГУ, впоследствии президент АН БССР в 1969–1987 гг., Николай Александрович Борисевич вспоминал, что на лекциях по теоретической оптике «нам нравилось записывать формулы, в которых вместо координат, синусов, косинусов и т. д. вводились векторы и тензоры, лекции легко было конспектировать». Еще один студент того времени, ныне член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси Лев Митрофанович Томильчик отмечает, что в лекциях Ф. И. Федорова по квантовой механике захватывало все, а именно «архитектура лекций, глубина и одновременно доходчивость изложения. Блестящий стиль, исключительно высокая культура речи, какой-то органичный, ненавязчивый, сдержанный артистизм».

Неоднократно Фёдора Ивановича приглашали для чтения лекций в различные учреждения высшего образования СССР. В частности, в 1958 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова он читал курс лекций по теоретической кристаллооптике, в 1959 г. – спецкурс по оптике оптических активных кристаллов. В 1978 г. в Томском государственном университете профессор Ф. И. Фёдоров прочел курс лекций «Современные разделы теоретической физики», в 1981 г. в Казахском государственном университете – спецкурс «Некоторые проблемы теории гравитации Эйнштейна» и т. д.

Сочетая в себе умения талантливого руководителя, искусного лектора и глубокого ученого, Федор Иванович все больше склонялся к научно-исследовательской работе. Еще в апреле 1946 г. он подал заявление на имя президента АН БССР К. В. Горева с просьбой зачислить его заведующим отделом теоретической физики академического Физико-технического института. Ради этой должности Ф. И. Фёдоров готов был пожертвовать должностью декана физмата БГУ. Но просьба не была удовлетворена в полной степени – его взяли на должность старшего научного сотрудника физико-технической лаборатории. Деканом физико-математического факультета он оставался до 25 августа 1950 г. На этом посту его сменил Станислав Антонович Пахуто. И Федор Иванович практически все свое время посвятил научно-исследовательской работе.

Областью научных интересов Федора Ивановича в это время была прежде всего оптика анизотропных сред, где им были получены результаты действительно фундаментального значения. Используя инвариантные методы тензорного исчисления, он впервые построил общую теорию магнитных и поглощающих кристаллов, а также решил ряд иных важных задач. В частности, им были разработаны методы определения всех оптических констант непрозрачных кристаллов по наблюдению света, что впоследствии нашло широкое практическое применение в минералогии рудных ископаемых. Сделанные выводы легли в основу докторской диссертации «Инвариантные методы в оптике анизотропных сред», которую Ф. И. Фёдоров успешно защитил 3 декабря 1954 г. в Государственном оптическом институте им. С. И. Вавилова в Ленинграде. Результаты исследований послужили основой для выяснения основных, ранее неизвестных, закономерностей распространения, отражения и поглощения света в анизотропных средах. Докторская диссертация Ф. И. Фёдорова стала классическим трудом, сделанные автором выводы привлекли внимание ученых, были общеприняты, успешно использовались в кристаллографии и излагались в специальных университетских курсах. Ее научное содержание – одно из крупнейших достижений в области феноменологической оптики за предшествующие 40–50 лет. Свидетельством важности полученных ученым в этой области результатов стало присуждение ему Государственной премии СССР в 1976 г. Существенно и то, что 8 декабря 1954 г., спустя пять дней после защиты докторской диссертации, Федор Иванович теоретически предсказал «Явление бокового смещения луча света при отражении», которое в 1969 г. было экспериментально подтверждено французским физиком Кристианом Эмбером. Данное научное открытие, более известное как «Сдвиг Фёдорова» или «Эффект Фёдорова – Эмбера», зарегистрировано 26 июня 1980 г. под № 233 Государственным комитетом по делам открытий и изобретений при Совете Министров СССР.

Ф. И. Фёдоров (второй справа) и А. Н. Севченко (первый слева) на конференции по выработке Устава МАГАТЭ. Нью-Йорк, 1956 г.

Оставаясь заведующим кафедрой теоретической физики, Федор Иванович все больше внимания уделял научной деятельности в стенах Академии наук БССР. В январе 1955 г. он стал руководителем лаборатории теоретической физики только что созданного Института физики и математики, во главе которой находился до 1987 г. Научные достижения молодого доктора наук и усилия, приложенные для развития естественно-научной отрасли знаний в республике, не могли остаться без внимания белорусского академического сообщества. В 1956 г. Ф. И. Фёдоров был избран членом-корреспондентом АН БССР.

1956 год в жизни Федора Ивановича был ознаменован еще одним важным событием – участием в конференции по выработке Устава Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), проходившей с 20 сентября по 26 октября в Нью-Йорке. Кандидатуры Федора Ивановича Фёдорова и его однокурсника академика Антона Никифоровича Севченко, на тот момент директора Института физики и математики АН БССР, впоследствии – ректора Белорусского государственного университета, были одобрены высшим партийным руководством для участия в судьбоносном для дальнейшего мирового развития форуме. После месяца активной работы (члены белорусской делегации сделали 11 выступлений по тексту разрабатываемого документа) 26 октября 1956 г. представителями 82 стран мира, в том числе и БССР, был подписан Устав МАГАТЭ. Он вступил в силу 29 июля 1957 г.

В последующие годы Федор Иванович неоднократно входил в состав научных делегаций на многочисленных международных форумах. В 1957 г. он являлся руководителем атомной выставки СССР в Хельсинки (Финляндия), в 1965 г. – членом делегации СССР на конференции по физике относительности и гравитации в Лондоне (Великобритания), в 1971 г. – членом делегации БССР на международной конференции по атомной энергии в Женеве (Швейцария), в 1974 г. – руководителем делегации БССР на конференции МАГАТЭ в Вене (Австрия), в 1975 г. – членом делегации СССР на конференции ЮНЕСКО по атомной энергии в Париже (Франция) и т. д.

Профессиональная деятельность Федора Ивановича сконцентрировалась в АН БССР. Так, в начале 1960-х гг. он принимал активное участие в организации Отделения физико-математических наук Академии, академиком-секретарем которого являлся с момента его создания в 1963 г. и вплоть до 1987 г. Именно в это время Ф. И. Фёдоров оставил пост заведующего кафедрой теоретической физики, работая в дальнейшем в Белорусском государственном университете профессором по совместительству. Как академик-секретарь он провел колоссальную научно-организационную работу по координации научных исследований по физике и математике в республике. В результате институты, входившие в

Отделение, стали крупнейшими научными центрами всесоюзного значения. Занимая пост академика-секретаря, Федор Иванович, отличался принципиальностью и деловитостью, большой активностью и нетерпимостью к недостаткам. За огромный вклад в развитие физико-математических наук в 1966 г. его избрали действительным членом Академии наук БССР, а в 1968 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки БССР.

В послевоенные десятилетия Федор Иванович зарекомендовал себя не только как педагог, ученый, но и как активный общественный деятель. В 1947–1958 гг. он являлся председателем секции физико-математических наук Общества по распространению политических и научных знаний БССР (впоследствии – общество «Знание») и членом его правления. В 1972 г. был избран заместителем председателя общества «Знание» в БССР и занимал этот пост до 1977 г. С 1978 г. входил в правление Советского фонда мира (СФМ) – одной из самых массовых и влиятельных общественных организаций, снискавших своими миротворческими и благотворительными акциями огромный авторитет как внутри страны, так и за рубежом. Особенно важной была деятельность СФМ после чернобыльской трагедии. В первые годы после случившейся катастрофы данная общественная организация содействовала переселению чернобыльцев и оздоровлению тысяч детей, пострадавших от аварии. Федор Иванович не только сам участвовал в организации оздоровления белорусских детей, но и передал в Фонд мира свою Государственную премию и Государственную премию своего отца для организации преодоления последствий от чернобыльской катастрофы.

На протяжении всей творческой деятельности Федор Иванович плодотворно работал в области проблем теоретиче-

Ф. И. Фёдоров на лекции в Белорусском государственном университете. 1970 г.

Ф. И. Фёдоров (крайний слева) на встрече с П. М. Машеровым. Август 1971 г.

Ф. И. Фёдоров – руководитель делегации БССР на конференции МАГАТЭ. Вена, 1974 г.

ской физики. Результатом стали свыше 400 научных публикаций, в том числе 5 крупных монографий: «Оптика анизотропных сред» (1958), «Теория упругих волн в кристаллах» (1965, в переводе на английский язык – 1968), «Теория гиротропии» (1976), «Отражение и преломление света прозрачными кристаллами» (1976), «Группа Лоренца» (1979). Среди работ Ф. И. Фёдорова исследования не только по теоретической физике, но и по математике, истории и методологии физики, философии естествознания. Федор Иванович не переставал публиковать работы даже после выхода на пенсию в 1987 г. Оставаясь советником Президиума, главным научным сотрудником Академии наук, профессором кафедры теоретической физики Белорусского государственного университета, ученый своими трудами старался привносить все новое в физическую науку Беларуси. В 1993 г. был избран президентом Белорусского физического общества и оставался им до последних дней. Умер Ф. И. Фёдоров 13 октября 1994 г. Похоронен на Восточном кладбище Минска.

Имя заслуженного деятеля белорусской науки увековечено в памяти. Решением Минского городского исполнительного комитета от 18 января 1996 г. № 28 в микрорайоне Сухарево одной из улиц присвоено имя академика Федора

Ф. И. Фёдоров (стоит третий слева) на встрече с космонавтом П. И. Климуком. Октябрь 1975 г.

Ивановича Фёдорова. Постановлением Президиума Национальной академии наук Беларуси от 24 октября 2002 г. № 58 учреждена Премия имени выдающегося белорусского ученого-физика академика Федора Ивановича Фёдорова, присуждаемая отдельным лицам или группам сотрудников за лучшую научную работу или цикл работ, вносящих крупный вклад в развитие физико-математических наук – создание и развитие нового научного направления, открытие новых явлений и закономерностей, разработку новых принципов и методов, получение новых знаний, составляющих основу прогрессивных технологий, и т. д.

Самая яркая память об ученом живет в работах его последователей. И в этом плане Федор Иванович оставил после себя богатейшее наследие. За годы работы в Белорусском государственном университете и Академии наук БССР им было подготовлено свыше 40 кандидатов наук, более 10 из которых впоследствии стали докторами наук. Среди них академики Б. Б. Бойко, Б. В. Бокуть, А. М. Гончаренко, члены-корреспонденты А. А. Богуш, А. Н. Сердюков, Л. М. Томильчик, профессора Л. М. Барковский, Л. А. Борисоглебский, В. И. Кувшинов, Б. А. Сотский и многие другие. Ученики Ф. И. Фёдорова имеют свое продолжение в подготовленных ими новых докторах и кандидатах наук. Научная школа выдающегося белорусского физика-теоретика, профессора БГУ Федора Ивановича Фёдорова из года в год пополняется, растет ее научный потенциал.

Александр Вячеславович Бурачонок

ПОКОРИТЕЛИ НОВЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ВЕРШИН

Выдающийся ученый-математик и педагог, действительный член АН БССР

Профессор, заведующий кафедрой БГУ, создатель научной школы

Федор Дмитриевич ГАХОВ

19.02.1906 – 30.03.1980

Федор Дмитриевич Гахов – талантливый ученый-математик и педагог, сыгравший важную роль в развитии математической науки и высшего образования в Беларуси, основоположник всемирно известной научной школы по краевым задачам аналитических функций и особым интегральным уравнениям.

В Белорусском государственном университете ученый стал работать в 1961 г. и сразу возглавил кафедру математического анализа. Его научные интересы нашли дальнейшее развитие в стенах белорусского университета, увлекли многих учеников профессора. Сформировалась математическая школа Гахова. Научные публикации ее представителей, и в первую очередь самого Федора Дмитриевича, охватывали весь круг проблем теории краевых задач аналитических функций и особых интегральных уравнений. Благодаря исследованиям Ф. Д. Гахова и его молодых коллег советская математическая школа в данном направлении стала ведущей в мире.

В 1966 г. Ф. Д. Гахова избрали действительным членом Академии наук БССР. Он внес значительный вклад в развитие белорусской математики, в подготовку научных кадров высшей квалификации. В БГУ и Академии он подготовил 19 кандидатов наук, 4 из них позднее защитили докторские диссертации. Университетский профессор вошел в историю и как выдающийся организатор науки. Творческое наследие ученого составляет более 80 научных трудов, в их числе 2 монографии.

Федор Дмитриевич Гахов родился 19 февраля 1906 г. в станице Баталпашинской (ныне г. Черкесск) Ставропольского края в семье ремесленника-сапожника. После окончания Черкесского педагогического техникума в 1925 г. поступил на физико-математический факультет Горского педагогического института в г. Орджоникидзе (сейчас – г. Владикавказ). В 1928 г. с 4-го курса талантливого студента по рекомендации профессора Л. И. Креера перевели на учебу на физико-математический факультет Казанского государственного университета. С получением диплома о высшем математическом образовании в 1930–1934 гг. Ф. Д. Гахов преподавал математику в вузах Свердловска (ныне – г. Екатеринбург).

Станица Баталпашинская (ныне г. Черкесск) Ставропольского края, в которой родился Ф. Д. Гахов. Начало XX в.

Горский педагогический институт в г. Орджоникидзе (сейчас – г. Владикавказ), в котором учился Ф. Д. Гахов. Первая половина XX в.

На 1934–1937 гг. пришлась учеба в аспирантуре родной альма-матер. Круг научных интересов молодого ученого был связан с решением краевых задач теории аналитических функций и соответствующих им особых интегральных уравнений с ядрами Коши и Гильберта. На этот сложный путь аспирант вступил под влиянием академика В. И. Смирнова. Данная математическая теория зародилась в начале XX в. в трудах классиков математики Д. Гильберта и А. Пуанкаре, обоснование ее существенно продвинулось в начале 1920-х гг. в работах Э. Нётер и Т. Карлемана. В 1937 г. Федор Дмитриевич защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук на тему «Линейные краевые задачи теории аналитических функций». Исследованию присудили вторую премию на Всесоюзном конкурсе работ молодых ученых. Академик М. В. Келдыш в рецензии писал: «Автором дано полное решение классической задачи Римана новым принадлежащим ему методом, и применены современные методы исследования краевых задач к ряду новых задач, до сих пор в полном виде не разбиравшихся. Рассмотренные задачи интересны как с точки зрения теории функций, так и с точки зрения их применения к задачам математической физики».

В 1937–1939 гг. Ф. Д. Гахов преподавал в должности доцента в Казанском государственном университете. В 1939 г. переехал в г. Орджоникидзе и до 1947 г. работал в Северо-Осетинском педагогическом институте в должностях заведующего кафедрой математического анализа (1939–1943) и профессора (1944–1947). Для математика данный период жизни оказался очень напряженным. Во-первых, более двух лет пришлось одновременно

исполнять обязанности декана физико-математического факультета. Во-вторых, молодой ученый работал над докторской диссертацией. В сложный военный 1942 год в ученом совете Тбилисского математического института АН Грузинской ССР Ф. Д. Гахов успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Краевые задачи теории аналитических функций и сингулярные интегральные уравнения», получившую высокую оценку у специалистов. В 1943 г. молодому доктору наук было присвоено звание профессора.

Кандидатская и докторская диссертации Ф. Д. Гахова оказали большое влияние на развитие теории краевых задач и особых интегральных уравнений. Советская математическая школа в этом направлении стала ведущей в мире, а Федор Дмитриевич, наряду с академиками Н. И. Мусхелишвили и И. Н. Векуа, по праву стал считаться одним из ее основоположников. Он – один из родоначальников теории краевых задач аналитических функций: впервые в СССР рассмотрел задачу Римана – Гильберта со многими неизвестными функциями. В своих исследованиях математик использовал функции матриц, применил топологические методы теории функций комплексного переменного к обратным краевым задачам. Занимался ученый теорией одномерных сингулярных уравнений и связанной с нею теорией краевых задач для аналитических функций, дал подробный анализ метода решения некоторых интегральных уравнений, указал границы его применимости и др.

В 1947–1953 гг. Ф. Д. Гахов вновь работал в Казанском государственном университете: два года в должности профессора, затем заведующего кафедрой дифференциальных уравнений. Для подготовки выпускников по специальности «краевые (или граничные) задачи теории функций комплексного переменного»

Казанский государственный университет, где Ф. Д. Гахов преподавал в 1937–1939, 1947–1953 гг.

стал создавать аспирантуру, организовал спецсеминар по краевым задачам. Еще до открытия спецсеминара Федор Дмитриевич руководил работой студенческого кружка и внимательно следил за успехами его членов. Доказательства эффективности работы спецсеминара – достижения его участников. Например, студенты М. П. Ганин и Ю. М. Крикунов стали членами спецсеминара после 2-го курса, к окончанию университета имели по несколько публикаций в математических журналах, в том числе академических. С конца 1940-х гг. и по 1953 г. 11 участников семинара успешно защитили кандидатские диссертации по направлениям, связанным с тематикой, разрабатываемой Ф. Д. Гаховым, а 3 из них в дальнейшем стали докторами наук. В казанский период жизни Федор Дмитриевич поставил несколько новых задач и выдвинул немало важных идей, вошедших в известную ученикам «золотую тетрадь», хранящуюся в музее Казанского университета. Эти задачи и идеи стали основой научных исследований многих участников его семинаров.

В 1953 г. Ф. Д. Гахов перешел на работу в Ростовский государственный

С учениками (Ф. Д. Гахов – второй справа в первом ряду). Казанский государственный университет. 1952 г.

университет. Свою роль сыграл бытовой фактор: в Казани профессор с женой и сыновьями проживал в полуподвальном помещении, а администрация Ростовского университета выделила ему три комнаты в благоустроенном многоквартирном доме. За научным руководителем в Ростов переехали почти все аспиранты математика. В 1953–1961 гг. Федор Дмитриевич заведовал кафедрой математического анализа, затем – кафедрой дифференциальных уравнений и сформировал вторую научную школу по краевым задачам, подготовил более 20 учеников, в том числе двух заведующих кафедрами – профессоров В. С. Рогожина и И. Б. Симоненко. Семь его ростовских учеников стали докторами наук. Ученики Ф. Д. Гахова Р. Х. Зарипов и Л. А. Чикин открыли в университете Вычислительный центр и кафедру вычислительной математики.

Ростовский государственный университет, где Ф. Д. Гахов преподавал в 1953–1961 гг.

Ф. Д. Гахов руководил двумя семинарами: специальным – по теории краевых задач и объединенным – математиков и механиков Ростова. Работа последнего дважды освещалась на страницах журнала «Успехи математических наук». Большое внимание Федор Дмитриевич уделял чтению спецкурсов, благодаря им он выявлял талантливых студентов. Коллеги вспоминают, что многие молодые люди, имея за плечами тяжелое послевоенное детство, «груз» безотцовщины, тянулись к Ф. Д. Гахову, попадая под его обаяние, увлеченность наукой. В Ростовском университете он основал Воскресную математическую школу старшеклассников, где со школьниками занимались преподаватели механико-математического факультета. Чтение спецкурсов, работа с молодежью способствовали совершенствованию текста и научной составляющей готовящейся к публикации главной книги ученого – «Краевые задачи». В 1958 г. она увидела свет в виде монографии.

В начале 1960-х гг. Ф. Д. Гахов – известный ученый всесоюзного уровня, автор 42 научных работ. Такого ученого желал иметь любой университет СССР. Несколько предложений о переезде на работу в Минск сделало и руководство Белорусского государственного университета. Университет продолжал политику укрепления кадрового потенциала не только за счет самостоятельно подготовленных молодых ученых, но и путем приглашения ведущих специалистов из научных центров страны. В этом отношении имя Гахова, его научный авторитет

должны были укрепить университетскую математическую науку и образование.

Переезду поспособствовала «черная полоса» в жизни Федора Дмитриевича, начало которой положила неожиданная смерть младшего сына при трагических обстоятельствах. После похорон, как отмечали близкие, профессор выглядел опустошенным. Старший сын уже вырос, у него была своя жизнь, интересы. Ученый принял решение резко сменить обстановку. В этот тяжелый период Федора Дмитриевича поддержала его коллега – Валентина Степановна, которая закончила физико-математический факультет Ростовского государственного университета и в послевоенный период преподавала в финансово-экономическом институте Ростова. Валентина Степановна стала второй женой профессора и находилась рядом до последних дней. Для новой семьи двух математиков кстати оказалось предложение о переезде на работу в Минск (ученому была обещана отдельная квартира).

Ф. Д. Гахова 30 июня 1961 г. единогласно избрали по конкурсу и 25 августа назначили заведовать кафедрой математического анализа БГУ. С этого момента всю свою энергию он отдавал развитию белорусской математической науки. Валентина Степановна Гахова стала преподавать на кафедре высшей математики и математической физики университета.

Когда Ф. Д. Гахов возглавил кафедру математического анализа, в штате состоял только один доцент (кандидат наук Н. Е. Ламбин) и семь ассистентов. Через два года на кафедре кроме профессора-заведующего работали два доцента (доктор наук Н. Е. Ламбин и кандидат наук Н. И. Бриш), два кандидата наук (П. Н. Князев и В. И. Смагина). В 1968 г. уже 40 % преподавателей кафедры имели ученые степени. Серьезно препятствовало научной работе то, что

С коллегами-математиками
(Ф. Д. Гахов – третий справа). 1955 г.

преподаватели прошли различные научные школы и продолжали трудиться по старой тематике, не объединенной общекафедральными научными интересами. Заведующий стремился объединить тематику, сконцентрировав ее около небольшого числа проблем. Он начал читать спецкурс теории краевых задач для 16 научных работников, в том числе 5 членов кафедры, нескольких сотрудников Вычислительного центра БГУ, а также 5–6 работников Политехнического института.

Сувенир, подаренный Ф. Д. Гахову на его 50-летие, с надписью: «Ф. Д. Гахову в день 50-летия от беспокойных механиков РГУ»

Ф. Д. Гахов в своем кабинете. 1961 г.

С 1 февраля 1962 г. Ф. Д. Гахов был утвержден в должности декана математического факультета БГУ. На этой должности он находился до 14 ноября 1963 г. В начале 1962/63 учебного года профессор организовал на факультете объединенный научный семинар по математическому анализу и математической физике, в котором принимали участие преподаватели кафедр математического анализа и дифференциальных уравнений, часть преподавателей кафедры высшей математики и математической физики физического факультета, теоретической механики, некоторые работники Института математики АН БССР и Политехнического института. Федор Дмитриевич пытался найти общую тематику для указанной большой группы людей и считал, что подготовку научных кадров нужно начинать с работы со студентами, продолжать в аспирантуре, создавая научную среду, в которой мог бы формироваться настоящий ученый. Эта среда создается в том случае, если на кафедре большинство преподавателей интересуются близкими вопросами и объединены в семинар. В 1964 г. к работе семинара подключились студенты.

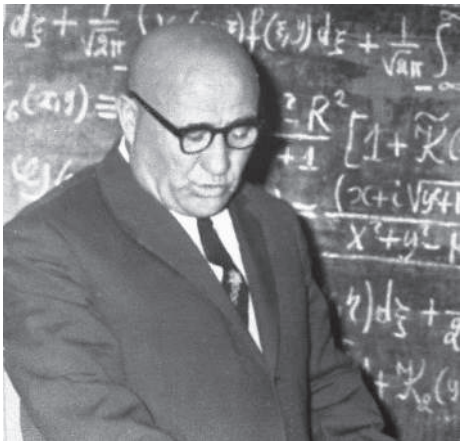
В бытность деканом математического факультета Ф. Д. Гахов ратовал за развитие математической науки и ее популяризацию в масштабах республики. В январе 1963 г. ученый совет факультета принял постановление о проведении Первой научной конференции математиков БССР, избрал временный подготовительный комитет и обратился с ходатайством в Министерство высшего, среднего специального и профессионального образования (далее – Минвуз БССР) республики о санкционировании работы конференции и отпуске финансовых средств. По вузам республики разослали извещения с предложением прислать заявки на прочтение докладов с приложением тезисов. Конференция прошла 25–28 января 1964 г. Оргкомитет в составе 15 человек возглавил ректор БГУ А. Н. Севченко, его заместителями стали Ф. Д. Гахов и А. В. Иванов. На секциях заслушали свыше 150 докладов, большинство из них представляли серьезный научный интерес. Конференция сыграла важную роль в деле повышения уровня научной работы в области математики. Было решено и в дальнейшем созывать подобные масштабные математические научные конференции. Их инициатором в 1967, 1971 и 1975 гг. вновь выступил Федор Дмитриевич. Благодаря ему на республиканские конференции приезжали практически все математики СССР, занимавшиеся краевыми задачами и их приложениями.

Время, высвободившееся после сложения с себя полномочий декана, Ф. Д. Гахов тратил на организацию научных исследований – как на кафедре, так и в рамках семинара. Ученый стимулировал коллег и учеников личным примером. В 1963 г. вышло второе, переработанное и дополненное, изда-

ние его монографии «Краевые задачи». Профессор добился включения в 1964 г. проблемы «Краевые задачи и особые интегральные уравнения» в План важнейших научно-исследовательских работ Минвуза БССР. В 1960-е гг. данная тема была главной на кафедре математического анализа. Над ней работали Ф. Д. Гахов, В. И. Азаматова, И. А. Соколов, И. И. Комяк, Л. П. Примачук, М. Э. Толочко и все аспиранты. В 1969 г. кафедра завершила работу над шестью научными темами, включенными в министерский план исследований: «Краевые задачи и особые интегральные уравнения», «Нелинейная краевая задача типа задачи Римана для многосвязной области», «Исключительные случаи интегральных уравнений с суммарными и разностными ядрами», «Интегральные уравнения в пространствах обобщенных функций», «Краевая задача с бесконечным индексом» и «Краевая задача со сдвигом». В 1971–1975 гг. научная работа продолжалась в таких направлениях, как исследование краевых задач теории аналитических функций с бесконечным индексом; краевые задачи для полианалитических функций; исследование интегральных уравнений со слабой особенностью на сложных контурах; приложения к решению уравнений эллиптико-гиперболического типа.

Научная деятельность Ф. Д. Гахова в БГУ была неотделима от педагогической. Он читал курс теории функций комплексного анализа и спецкурсы. Лекции профессора, сочетавшие простоту и доступность с глубоким научным содержанием, а образность языка с эмоциональностью, привлекали студентов. Через спецкурсы он выявлял талантливых студентов и привлекал их к работе спецсеминара. Вскоре спецсеминар профессора по математическому анализу и математической физике стал знаменитым. Он проходил по понедельникам, с 17.30, в главном корпусе университета. Участвовать в семинаре могли не только преподаватели, но и все желающие: студенты, аспиранты, интересовавшиеся проблематикой минчане, исследователи из других городов и стран. Со дня смерти Ф. Д. Гахова прошли десятилетия, но его последователи продолжают дело учителя и каждый понедельник в 17.30 открывают работу спецсеминара.

Курсовые и дипломные работы студентов, посещавших спецсеминар, становились основой кандидатских диссертаций. Федор Дмитриевич обладал уникальной способностью заинтересовать молодых людей математической наукой, объединить вокруг себя, увлечь конкретной проблематикой и организовать их научную работу в актуальном русле. Он умел «чувствовать» научное направление – как в отношении каждого аспиранта, сотрудника кафедры, так и в отношении кафедральных и университетских исследований. Поэтому так много людей обязаны незаурядному ученому тем, что он обозначил их путь в науке – как в Беларуси, так и за ее пределами. За 1961–1975 гг. под руководством Ф. Д. Гахова 10 сотрудников и аспирантов БГУ защитили кандидатские диссертации. В БССР



Ф. Д. Гахов читает лекцию студентам математического факультета БГУ

он подготовил 19 кандидатов наук, 4 из которых защитили докторские диссертации.

На заседании ученого совета математического факультета 5 октября 1965 г. кандидатуру Ф. Д. Гахова единогласно выдвинули в действительные члены АН БССР. Избрание состоялось в 1966 г. Академик Гахов внес большой вклад в формирование нового научного направления в республике и в создание белорусской школы по краевым задачам и особым интегральным уравнениям. Подтверждение тому – проведенные в Минске на базе БГУ международные конференции: «Краевые задачи, специальные функции и дробное исчисление» (февраль 1996 г.) и «Аналитические методы анализа и дифференциальных уравнений» (АМАДЕ) – 9 конференций в 1999–2018 гг. Три конференции были посвящены 90-летию, 95-летию и 100-летию со дня рождения Федора Дмитриевича Гахова. С 2001 г. конференции АМАДЕ стали проходить под эгидой Международного союза по анализу, приложениям и вычислениям (ISAAC) и при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований. В работе каждой из этих конференций, организованных БГУ совместно с Институтом математики НАН Беларуси и МГУ им. М. В. Ломоносова, принимают участие многие известные ученые из Австралии, Алжира, Великобритании, Вьетнама, Германии, Испании, Италии, Канады, Кореи, Кувейта, Македонии, Малайзии, Мексики, Польши, Португалии, США, Турции, Финляндии, Франции, Югославии, Японии и крупнейших научных центров России, Беларуси, Казахстана, Литвы, Узбекистана и Украины. В математическом мире серия конференций приобрела широкую известность. Эти конференции продолжили традиции расширенных научных семинаров, проведенных в Белорусском государственном университете в 1981 и 1986 гг. и посвященных 75-летию и 80-летию Ф. Д. Гахова.

Основные научные достижения Ф. Д. Гахова относятся к краевым задачам, сингулярным интегральным уравнениям и теории функций комплексного переменного. Он одним из первых в СССР исследовал задачу Римана – Гильберта для функций многих переменных. В своих исследованиях ученый широко использовал аппарат функций от матриц, а также топологические методы. Он занимался теорией одномерных сингулярных уравнений, дал подробный анализ методов решения отдельных классов таких уравнений и указал границы их применимости. Также исследовал особые интегральные уравнения с ядром Коши и ядром Гильберта, обратные краевые задачи, уравнения типа свертки, интегральные уравнения первого рода со слабыми особенностями. Полученные совместно с учениками результаты отражены в 80 статьях и 2 монографиях университетского профессора: «Краевые задачи» (выдержала 3 издания и переведена на английский и испанский языки) и «Уравнения типа свертки» (опубликована совместно с учеником, профессором Ю. И. Черским). Результаты исследований имеют приложение в задачах математической физики и механики сплошных сред, использованы для создания теории сингулярных интегральных уравнений с ядром Коши. Научные исследования, связанные с идеями и методами Ф. Д. Гахова, до сих пор интенсивно разрабатываются коллективами математиков Казани, Ростова-на-Дону, Одессы, Краснодара, Душанбе и в других научных центрах ближнего и дальнего зарубежья.

Научные идеи и методы – свои и учеников – Ф. Д. Гахов пропагандировал посредством чтения лекций. Так, в

1969/70 учебном году в индивидуальном плане профессора были зафиксированы 1550 часов. Эти часы профессор отрабатывал не формально, а стремился заинтересовать студентов, мотивировать, вовлечь в научные исследования. В отчете факультета за 1967/68 учебный год отмечены четыре профессора, которые уделяют студентам много внимания, среди них – Ф. Д. Гахов. На научно-методических конференциях выступал с докладами о методике чтения лекций по математическим дисциплинам, подчеркивал роль интуитивно наглядных методов в преподавании. Федору Дмитриевичу были близки позиции немецкого математика Феликса Клейна («Всегда находятся люди, которые по примеру средневековых схоластиков начинают свое преподавание с самых общих идей и защищают этот метод якобы единственно научный. А между тем и это основание неправильно: научно обучать значит научить человека научно думать, а не оглушать с самого начала холодной, научно напряженной систематикой») и русского математика Николая Григорьевича Чеботарева («Если бы наука… стремилась бы путем популярных сочинений стать ближе к широким слоям населения, то она продвигалась бы несравненно быстрее»).

Для всех работ Ф. Д. Гахова характерна простота изложения. Он не любил наукообразия. Его книги стали настольными для математиков и механиков. Вот как отзывались коллеги о монографии «Краевые задачи»: «В этой книге математическая строгость, полнота и глубина охвата материала как теоретического, так и прикладного, сочетается с доступностью и ясностью изложения. Это качество сделало монографию “Краевые задачи” в определенном смысле универсальной, полезной не только специалистам в области собственно краевых задач, но и специалистам из других областей математики и смежных с математикой наук – механики, физики и т. д. Что особенно важно, Федор Дмитриевич позаботился о том, чтобы эта книга была доступна начинающим исследователям. Многолетний опыт привлечения студентов, начиная с 2–3 курса, к активной научной работе, хорошее знание психологии начинающего и тех трудностей, которые подстерегают его на первых шагах, позволили Ф. Д. Гахову, не снижая научного уровня, создать монографию, которая одновременно является и учебником, причем очень хорошим». Сам Федор Дмитриевич так определял свое творческое кредо: решение задачи желательно получить в явном виде, а используемый аппарат должен быть простым. Он любил говорить: «Простота обоснования результата – не порок его, а достоинство». С этих позиций ученый и преподаватель рецензировал математические монографии и учебники других авторов.

Заведуя кафедрой математического анализа, Ф. Д. Гахов занимался проблемой качества преподавания одноименного учебного курса. Он возглавлял несколько авторских коллективов, разрабатывавших программы по этой учебной дисциплине, и всегда отстаивал разумное обновление курса, но без математических излишеств. По заданию Министерства высшего и среднего специального образования СССР Федор Дмитриевич возглавил комиссию по разработке учебных планов для математических отделений университетов и вошел в состав комиссии по созданию программ по математическим дисциплинам. Его избрали членом Научно-методического совета по математике при Минвузе СССР и заместителем председателя физико-математической секции Научно-технического совета при Минвузе БССР.

Ф. Д. Гахова с полным правом можно назвать популяризатором математи-

ческой науки. Все его работы написаны доступным языком, изданные им книги и обзорные статьи стали настольными для многих математиков. Ученый уделял много времени математическому образованию школьников. В 1966 г. участвовал в разработке учебной программы по математике для средней школы, настаивая на ее упрощении. В частности, он писал в своих замечаниях: «…следует провести длительное и серьезное обсуждение проекта программы с массовым учителем. При этом нужно терпеливо выслушать высказывания учительства без подавления их мнения научным и другим авторитетом. Опыт учит, что лучшие школьные учебники по математике, выдержавшие длительную проверку временем (Киселев, Рыбкин, Шапошников и Вальцов и др.), составлены учителями. Учебники же, составленные учеными, начиная с учебника геометрии Н. И. Лобачевского, несмотря на многие их научные достоинства, неизменно оказывались для обучения в массовой школе непригодными. Кроме того, нужно помнить, что главной фигурой в деле внедрения новых программ является учитель. Именно он вынесет на себе все тяготы перестройки преподавания и успех или неудача перестройки будет, в основном, зависеть от отношения к новой программе массового учителя». Федор Дмитриевич неоднократно выступал перед учителями на учительских конференциях, работал на республиканских курсах по переподготовке учителей, в Городском университете культуры для учителей школ Минска. Профессор БГУ, академик АН БССР был одним из инициаторов проведения республиканских математических олимпиад для школьников. С 1963 г. он председательствовал в жюри республиканской математической олимпиады, выступал перед учащимися юношеской математической школы, успешно работавшей при математическом факультете. Так ученый вносил свою лепту в повышение престижа и популяризацию математической науки среди детей и молодежи. Многие победители республиканских олимпиад впоследствии поступали на математический факультет БГУ.

После открытия в университете факультета прикладной математики произошла структурная реорганизация математического факультета. В 1973 г. кафедру математического анализа переименовали в кафедру теории функций и функционального анализа. Должность исполняющего обязанности заведующего занял Ф. Д. Гахов. Кроме административной, преподавательской, общественной деятельности он состоял в редакционных коллегиях журналов «Известия АН БССР» и «Вестник БГУ», писал, редактировал и рецензировал научные статьи в Белорусской советской энциклопедии. Не один раз выступал на страницах газеты «Беларускі універсітэт» с интересными статьями. Федору Дмитриевичу было чем поделиться с читателями: он много ездил по Советскому Союзу, в 1969 г. его направили в командировку в Болгарию, в 1971 г. – в Югославию. Д. Ф. Гахов участвовал во многих международных и межвузовских научных конференциях, симпозиумах и совещаниях, выступал с докладами на важнейших математических конференциях и съездах и часто делал обзорные сообщения по основным результатам исследований.

В 1975 г. кафедра теории функций и функционального анализа была разделена на две – теории функций и функционального анализа. Заведование кафедрой теории функций взял на себя известный ученый-математик, один из учеников Ф. Д. Гахова профессор Э. И. Зверович, приглашенный руководством БГУ из Одесского университета. Федор Дмитриевич продолжил работу на кафедре

в качестве профессора-консультанта, по-прежнему отдавая себя науке и университету. По его инициативе с середины 1970-х гг., под руководством молодых ученых О. И. Маричева и А. А. Килбаса, на кафедре стала разрабатываться тематика, связанная с интегральными преобразованиями, специальными функциями и дробным интегрированием и дифференцированием. В 1977 г. вышло третье издание, переработанное и дополненное, монографии «Краевые задачи», которое автор посвятил памяти выдающегося советского математика Н. И. Мусхелишвили.

Заслуги Ф. Д. Гахова отметило государство. Его наградили медалями «За оборону Кавказа» (1944), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне. 1941–1945» (1945), «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1975). В 1976 г. общественная, научная и педагогическая деятельность академика была отмечена высокой правительственной наградой – орденом Трудового Красного Знамени. Он награждался также почетными грамотами Президиума Верховного Совета БССР, Минвуза СССР и Минвуза БССР.

Федора Дмитриевича отличали высокая работоспособность, принципиальность, требовательность к себе и другим. Широкая научная эрудиция, разносторонние интересы, жизнелюбие и чуткость к людям принесли ему уважение и заслуженный авторитет крупного ученого, опытного педагога и воспитателя молодежи. Профессор интересовался историей и философией, разбирался в физике, биологии, географии. Ему нравились живопись и музыка – как народная, так и классическая. С детства ученый полюбил природу. Дома ухаживал за комнатными растениями, наблюдая за их ростом и цветением. Лето проводил в деревне, увлекался рыбалкой. Жена вспоминала, что после часового забрасывания удочки и одного пойманного окунька Федор Дмитриевич мог сказать: «Доказано существование и единственность, займемся костром». Ценитель остроумной шутки, человек горячего темперамента, приятный и интересный собеседник – таким запомнили Федора Дмитриевича в общении. Он любил дружеское застолье. Во время работы в БГУ самым близким другом Гахова стал Мина Минович Чепинога, заведующий кафедрой теоретической механики.

19 февраля 1976 года исполняется 70 лет со дня рождения и 45 лет научной и педагогической деятельности академика АН БССР, доктора физико-математических наук, профессора Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина

Федора Дмитриевича

ГАХОВА

Пригласительный билет на 70-летие Ф. Д. Гахова

Ф. Д. Гахов был не только душевно щедрым, но и азартным человеком, оптимистом и жизнелюбом. Не мог что-либо делать вполсилы и если считал какое-либо дело важным, полезным, то боролся за него. Дважды он поднимался на Казбек, любил длительные прогулки, обладал физической силой и выносливостью: неоднократно переплывал Волгу в районе Кзыл-Байрака.

Однако годы брали свое. В 1979 г. ученый перенес инсульт, смог оправиться, но второго инсульта не выдержал – умер Федор Дмитриевич 30 марта 1980 г. Незадолго до смерти, 19 февраля, он приготовил и надписал экземпляр третьего

Мемориальная доска на доме № 5
по бульвару Луначарского
(сейчас – бульвар Мулявина),
где жил Ф. Д. Гахов

издания своей монографии М. М. Чепиноге. Тот получил этот подарок уже после кончины автора и друга. Ф. Д. Гахова похоронили в Минске – столице республики, ставшей его новой родиной. 13 июля 1981 г. Совет Министров БССР принял постановление об увековечении памяти Ф. Д. Гахова. В соответствии с ним на доме № 5 по бульвару Луначарского, где жил Федор Дмитриевич, установили мемориальную доску, а на его могиле на Северном кладбище, по решению Минского горисполкома, – уникальное надгробие в форме книги. На ее «страницах» расположен барельеф ученого, математическая формула и карта СССР с изображением городов, в которых Федор Дмитриевич получил те или иные научные результаты.

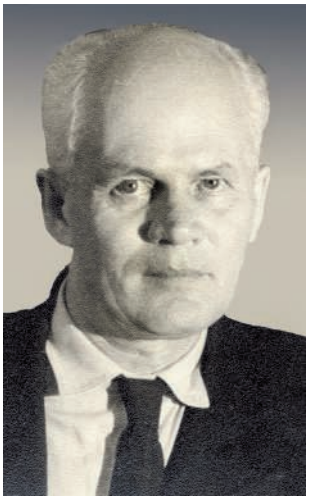
Белорусский государственный университет хранит память о Ф. Д. Гахове. Аудитории № 419 механико-математического факультета присвоено его имя – как и еженедельному спецсеминару, проведение которого в настоящее время курирует кафедра теории функций. Ученики Федора Дмитриевича, состоявшиеся как самостоятельные зрелые ученые, работали в университете и сами подготовили учеников, пополнивших ряды математиков не только в БГУ, но и в других вузах и научных учреждениях. В их исследованиях сохранилась тематика школы Ф. Д. Гахова и получили развитие новые современные направления.

Во время обсуждения на заседании ученого совета БГУ в 1968 г. проблемы подготовки научных кадров профессор И. Н. Лущицкий поддержал мнение Ф. Д. Гахова о том, что работа с аспирантами очень тяжела, но одновременно и очень почетна. В частности, философ сказал: «…человек должен прожить жизнь, оставить след после себя. И самый главный будет след, когда он оставит целую группу ученых». У Федора Дмитриевича Гахова это получилось. Среди его многочисленных учеников 52 защитили кандидатские диссертации, 15 из них стали докторами наук. Один из них, профессор В. А. Какичев, выступая на юбилейном спецсеминаре, посвященном 75-летию Гахова, сказал: «Забудем, что Федора Дмитриевича уже нет среди нас. Он будет жив, пока будем живы мы, имевшие счастье знать его лично, пока будут живы наши ученики. Он навсегда остался с нами живущим в своих трудах и учениках».

Ольга Игоревна Ершова

Основоположник геоморфологической и ландшафтной научных школ, исследователь в области теории физической географии и физико-географического районирования

Профессор, декан географического факультета БГУ



Василий Алексеевич ДЕМЕНТЬЕВ

04.04.1908 – 12.12.1974

Василий Алексеевич Дементьев – профессор, кандидат географических наук, заведующий кафедрой физической географии (1938–1974), декан географического факультета БГУ (1943–1946). Автор первой схемы физико-географического районирования Беларуси с выделением четырех областей – Северной (Двино-Вилейской), Западной (Неманской), Восточной (Среднее Приднепровье), Южной (Белорусское Полесье) – и ряда районов. Основоположник геоморфологической и ландшафтной научных школ. Работа в этой области поставила В. А. Дементьева в ряд ведущих ученых не только Беларуси, но и Советского Союза. Василий Алексеевич разработал систему соподчиненных таксономических единиц (провинция – округ – район – подрайон), определил принципы и критерии их выделения. Ученый отмечал, что природные комплексы – это единицы районирования, они определяются тесными взаимосвязями природных компонентов и четкой направленностью природных процессов.

Большим успехом белорусских географов стала публикация в 1959 г. монографии «Природа Беларуси», подготовленной В. А. Дементьевым, А. Х. Шкляром и О. Ф. Якушко с использованием личных полевых материалов авторов. В 1962–1974 гг. ученый был президентом Географического общества Беларуси. Он автор 110 научных работ. Его заслуги оценены четырьмя почетными грамотами Верховного Совета БССР и знаком «Отличник народного образования».

Развитие региональной географической научной школы Беларуси тесно связано с именем выдающегося ученого Василия Алексеевича Дементьева. Он родился 4 апреля 1908 г. в д. Судбище Тульской губернии в русской крестьянской семье. В 1917 г. семья Дементьевых обосновалась в Красноярске, отец будущего ученого Алексей Георгиевич стал служить в учреждении водного хозяйственного управления на невысоких управленческих должностях.

В 1924 г. после окончания средней Красноярской школы В. А. Дементьев связал свою жизнь с географией. По воспоминаниям его дочери Татьяны Васильевны, на его выбор сильно повлияла школьная экспедиция. Василий Алексеевич устроился работать лаборантом в краеведческий музей Приенисейского края, где занимался физической географией и краеведением под началом доктора биологических наук, ученого-орнитолога, руководителя отделения орнитологии Зоологического института АН СССР А. Я. Тугаринова и директора музея А. Н. Соболева. Будущий ученый проводил экскурсии для учителей и старших школьников по маршруту г. Красноярск – заповедник «Столбы», занимался разработкой моделей рельефов местности, осуществлял работу секретаря краеведческого педагогического кружка и секретаря областного бюро краеведения. Работая в музее, Василий Алексеевич познакомился с трудами известных ученых в области географии – А. А. Крубера (основоположник русского и советского карстоведения), А. Зупана (австрийский географ и метеоролог, автор учебника по географии для австрийских школ), Г. И. Танфильева (русский и советский ботаник, почвовед и географ) и др.

В. А. Дементьев с отцом Алексеем Георгиевичем

Целеустремленность, неподдельная увлеченность географией, приобретенные теоретические знания и практический опыт позволили молодому человеку «из глубинки» в 1926 г. поступить на географический факультет Ленинградского государственного университета. Учеба стала продолжением его научных исследований. В университете он принимал активное участие в работе методического краеведческого кружка и написал первую статью о способах изготовления моделей рельефа (1929). Научную работу Василий Алексеевич осуществлял под руководством известного геолога и географа профессора Якова Самойловича Эдельштейна. В 1929 г. студент Дементьев начал работать в Центральном научно-исследовательском геологоразведочном институте (ЦНИГРИ) – сначала коллектором, прорабом, затем геологом. В этом же году по заданию Научно-исследовательского института профессор Я. С. Эдельштейн организовал большую экспедицию по изучению рельефа и четвертичных отложений Западно-Си-

бирской низменности. Деятельность экспедиции положила начало новейшим систематическим геологическим и геоморфологическим исследованиям в Западной Сибири. Большое участие в экспедиции принимали соратники ученого А. Г. Бер, В. И. Громов и В. А. Дементьев. В этот период вышли научные работы Василия Алексеевича по геоморфологии (геоботанические наблюдения в бассейне р. Большой Юган и в бассейне р. Вах) в «Трудах комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР» и в журнале «Известия Государственного Географического общества».

В 1930 г. Василий Алексеевич успешно закончил высшее учебное заведение по специальности «геоморфология» с присвоением квалификации научного работника 2-го разряда, преподавателя вуза и втуза. В 1932–1933 гг. стал участником экспедиции по изучению северной части Уральских гор Пай-Хой, Печорской низменности, центральной части Карелии.

В университете Василий Алексеевич познакомился со своей будущей женой – геологом Фаиной Михайловной Малышевой, уроженкой г. Петропавловска. Вместе они были в экспедициях. Молодая пара поженилась в 1935 г. У них родились четверо детей: Наталья (1936), Валентин (1938), Татьяна (1940) и Евгений (1946). Трое окончили Белорусский политехнический институт, а младший Евгений учился в Киевском авиационном техникуме. По воспоминаниям дочери Татьяны Васильевны, семья жила очень дружно. Отец любил проводить время с детьми, много им читал – любимой книгой была «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя. Позже, когда дети подросли, Татьяну и Евгения Василий Алексеевич брал в экспедиции.

В 1937 г. начался новый этап в жизни В. А. Дементьева: по приглашению Наркомпроса БССР он переехал в Минск и начал работу в Белорусском государственном университете в качестве доцента кафедры физической географии. Квартиру семье выделили в доме на улице Клары Цеткин. В этом году геолого-почвенно-географический факультет БГУ, основанный в 1934 г., переименовали в географический. На 5 факультетах университета обучалось 925 студентов, из них на географическом – 161 студент. На работу в БГУ перешла и жена В. А. Дементьева Фаина Михайловна. Она стояла у истоков создания музея минералогии и петрографии. В 1934 г. кабинет минералогии и петрографии при БГУ был преобразован в музей минералогии и петрографии (заведующий музеем – П. М. Зубрицкий). В 1946 г. Фаина Михайловна вынуждена была оставить работу и посвятила себя семье.

В политически сложное время 1930-х гг. кадровый вопрос в системе образования, в том числе и в БГУ, стоял очень остро. Решение вопроса виделось в приглашении на работу и постоянное место жительства в БССР молодых, но уже зарекомендовавших себя ученых из других советских республик, в первую очередь из РСФСР. Практика приглашения на работу «по совместительству» себя не оправдала. Договоры с вузами и научными учреждениями Москвы и Ленинграда нередко не исполнялись в отношении поддержки кадрового потенциала БГУ.

На географическом факультете в сентябре 1937 г. не было ни одного ученого со званием профессора. Поэтому пополнение профессорско-преподавательского состава факультета молодым, но уже зарекомендовавшим себя ученым было как нельзя кстати. В архиве БГУ в личном деле В. А. Дементьева сохранилось рекомендательное письмо профессора Я. С. Эдельштейна: «Василий Алексеевич, мой ученик, является одним из хорошо подготовленных работников,

обладающим широким географическим образованием и большим стажем как научно-полевой, так и камеральной работы в области геоморфологии и геологии четвертичных отложений. Помимо солидных знаний, В. А. Дементьев, как научный работник, обладает еще весьма важным и ценным качеством: добросовестностью в выполнении своих обязательств. Я надеюсь, что в его лице БГУ найдет весьма полезного и способного молодого преподавателя и научного исследователя».

Сразу после приезда в Минск Василий Алексеевич начал читать курсы динамической геологии, общей физической географии, физической географии СССР и БССР. В БССР объектом исследования ученого стала территория республики. Однако он некоторое время продолжал разрабатывать тему «Геология и геоморфология центральной части Западно-Сибирской низменности» и в 1938 г. первым на географическом факультете Белорусского государственного университета защитил кандидатскую диссертацию. В 1939 г. В. А. Дементьев возглавил кафедру физической географии, которая была основана профессором И. М. Ивановым. Уже в послевоенное время (в 1961 г.) кафедра была переименована в кафедру физической географии СССР, но ее заведующим до 1974 г. оставался Василий Алексеевич. В 1940 г. под авторством В. А. Дементьева и Я. Г. Ракова вышел первый краткий географический очерк БССР, в котором впервые было дано комплексное описание природы, населения и хозяйства республики.

С началом Великой Отечественной войны Василий Алексеевич был эвакуирован в г. Петропавловск (Северо-Казахская область), где до 1943 г. работал в должности доцента и возглавлял кафедру в Учительском институте. С осени 1943 г. Белорусский государственный университет возобновил свою работу в Подмосковье – в нескольких зданиях, расположенных близ железнодорожной станции Сходня. Учебные занятия стали проводиться на всех шести довоенных факультетах университета. Большую помощь географическому факультету в организации учебного процесса, обеспечении учебно-методической литературой, приборами и оборудованием в это тяжелое время оказал географический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Ученые Москвы читали отдельные курсы, содействовали возобновлению научных исследований, осуществляли научное руководство аспирантами. По решению Наркомпроса БССР руководство БГУ вело поиск и восстановление в должностях тех, кто работал в БГУ до войны. В. А. Дементьева пригласили вернуться в университет и назначили деканом географического факультета. В этой должности ученый проработал с 1943 по 1946 г.

После окончания Великой Отечественной войны и реэвакуации БГУ в Минск Василий Алексеевич активно приступил к масштабным экспедиционным работам по изучению геоморфологии Беларуси, разработал методику полевого картографирования. Это позволило выявить морфологическое строение ландшафтов изученной территории и разработать их классификацию. В. А. Дементьев, выезжая в различные районы республики, часто в одиночку совершал многодневные пешеходные маршруты. В экспедиционных полевых дневниках ученого отражены красочные описания природы той или иной местности, научные гипотезы и размышления о происхождении рельефа и его связи с геологическими отложениями. Собранные полевые материалы позволили проследить историю формирования рельефа в плейстоцене, разработать схему геоморфоло-

гического районирования, отражающую «четыре геоморфологические зоны (Белорусское Поозерье, Белорусская гряда, приледниковые равнины Предполесья, низменности Белорусского Полесья) и 32 геоморфологических района».

В 1950-х гг. в условиях социально-экономических преобразований в Корейской Народной Демократической Республике руководство СССР активно помогало этой молодой стране (торговля, промышленность и др.), в том числе командируя советских специалистов по линии науки и образования. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 18 апреля 1955 г. и решением о выезде специалистов (от 18 июля) руководство БГУ командировало В. А. Дементьева на работу в КНДР сроком на один год. На весь срок командировки за Василием Алексеевичем сохранялось право по возвращении занять прежнее место работы и 75 % от основной оплаты. По воспоминаниям его дочери Татьяны Васильевны, в семье очень долго обсуждался вопрос о поездке отца в КНДР, что было связано с болезнью старшей дочери и необходимостью ухода за детьми. В Пхеньянском университете белорусский ученый-географ читал лекции по физической географии и курировал аспирантов, осуществлял полевые исследования. Впоследствии корейские студенты с благодарностью вспоминали профессора и писали ему письма, которые сохранились в семейном архиве.

После возвращения из командировки В. А. Дементьев вновь активно включился в учебные и научные будни БГУ. Становление ландшафтной школы в университете произошло в 1950–60-х гг. Период наивысших творческих успехов Василия Алексеевича и по времени совпал с бурным развитием вузовской науки и формированием ландшафтных школ в Московском, Ленинградском, Киевском,

Со студентами на практике. Минск. Гора Маяк, 1950 г.

Воронежском университетах. В МГУ ландшафтоведение развивалось благодаря усилиям профессора Н. А. Солнцева, идеи которого разделял В. А. Дементьев и подчеркивал это на различных конференциях. Еще в 1930–40-х гг. Василий Алексеевич познакомился с работами Л. С. Берга, ландшафтная идея которого постепенно стала господствующей в физической географии: «Ландшафт рассматривался как генетически однородный природно-территориальный комплекс (ПТК) с определенным набором взаимосвязанных природных компонентов и сложной морфологической структурой». В работах, на конференциях

В. А. Дементьев с аспиранткой О. Ф. Якушко. 1950-е гг.

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ЛЕНИНА

№ 634
6 · III 1964

Собственноручная подпись

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявителю сего т. Дементьев Василий Алексеевич является зав. каф. физгеограф. СССР профессор Белгосуниверситета имени В. И. Ленина.

Ректор БГУ имени В. И. Ленина

М. П.

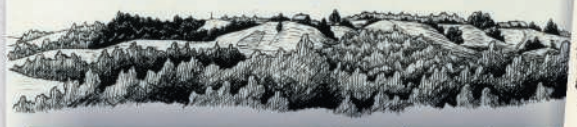
ДИПЛОМ

ПЕРВОЙ СТЕПЕНИ

Дементьеву
Василию Алексеевичу
одному из авторов
книги
„Советский Союз.
Белоруссия."

ЗНАНИЕ

Москва 2 июл. 11 № 29-4



Ректору Белорусского государственного университета

В связи с переводом на научную работу в Ленинградский университет прошу разрешить мне направиться в Ленинград на переговоры с руководством ЛГУ по вопросу о переводе меня на работу в ЛГУ.

Дементьев В.А.

Разрешить. Командировать на переговоры с руководством ЛГУ по вопросу о переводе на работу в ЛГУ.

Дементьев В.А. с 21/X по 27/X.

Ректор Белорусского государственного университета

Выдано настоящее свидетельство гражданину ДЕМАНТЬЕВУ, НАСИЛИЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ, родившемуся в бывш. Тульской губ. в 1908 году в том, что он действительно, поступив в 1925 году 19-го числа Августа месяца в Ленинградский Государственный Университет на ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ факультет, выполнил все требования учебно-производственного плана по специальности ГЕОМОРФОЛОГИИ и окончил Университет в 1930 году 29 числа Мая месяца.

Гражданин, ДЕМАНТЬЕВУ В.А. присваивается квалификация научного работника II разряда в области ГЕОМОРФОЛОГИИ и преподавателя ВУЗ"а и ВТУЗ"а.

Ис. об. ДИРЕКТОРА (подпись) /ТИХОМИРОВ/

М.П. Пом. ДИРЕКТОРА ПО УЧЕБНОЙ ЧАСТИ (подпись) /З. ГАЛАРОВА/

Секретарь (подпись) /А. СВИТЕНКО-НИКОЛИНА/

Дано настоящее тов. ДЕМАНТЬЕВУ Василию Алексеевичу в том, что он защитил диссертацию в Совете Белорусского Государственного Университета 28-го сентября 1938 года на тему: "Геология и геоморфология Центральной части Западно-Сибирской низменности" и Ученым Советом Белорусского Государственного Университета утвержден 28/IX-1938 г. в ученой степени кандидата географических наук.

ЗАМ. ДИРЕКТОРА ПО НАУЧНОЙ ЧАСТИ БЕЛГОСУНИВЕРСИТЕТА /проф. ГОДИН/

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ БГУ /ЛУДИНСКИЙ/

Верно: М. Реш

А.А. Дементьеву.

На память о выпуске Географического ф-та Бел. Гос. Университета 1947 года.

Орлова Е.Е.
Крешолович В.А.
Плоскевский С.В.
Лешко Л.С.
Сульскер Н.Е.
Зевин Е.И.
Нарвик Н.П.
Пясина Е.Д.
Волпеко Н.И.
Парахимович Н.В.
Межуихин А.Ф.
Шевырева К.А.

г. Минск.

и симпозиумах обсуждались проблемы ландшафтоведения, среди которых основными были взаимоотношения между ландшафтом и физико-географическим районом, морфологическая структура ландшафта, роль природных компонентов в формировании ПТК, методика полевых исследований и картографирование ландшафтов, принципы классификации ландшафтов.

В 1957 г. на географическом факультете БГУ В. А. Дементьев организовал постоянную студенческую экспедицию, в течение 10 лет она занималась изучением и картографированием ландшафтов территории северной Беларуси. Одним из ведущих ассистентов в полевых исследованиях Василия Алексеевича была его первая аспирантка О. Ф. Якушко. Ученики всегда с большой теплотой отзывались о своем учителе. Так, Ольга Филипповна вспоминала: «Обычно с раннего утра мы уходили в поход. Студенты восторгались неожиданным великолепием высоких, покрытых лесом моренных гряд и холмов, разделенных глубокими впадинами и долиной реки Гайны. Решили найти самую высокую вершину и назвать ее именем В. А. Дементьева». В 1960 г. были опубликованы результаты исследований типов местности (ландшафтов) и физико-географических районов северо-западной части Беларуси. Были определены следующие типы местности: крупно- и среднехолмистый в зоне последнего оледенения, крупно- и среднехолмистый в зоне древнего оледенения, волнисто-равнинный донноморенный, озерно-ледниковый, водно-ледниковый, приречный пойменных и надпойменных террас. Характеристика каждого типа содержала информацию о формах рельефа, антропогеновых отложениях, микроклиматических особенностях, почвенно-растительном покрове, современных геоморфологических процессах,

В. А. Дементьев (справа) с коллегами – преподавателями геофака БГУ. 1950-е гг.

сельскохозяйственном использовании. Согласно сведениям Г. И. Марцинкевич, доктора географических наук, опубликованные материалы были резюмированием студенческих работ и представляли первую значительную реализацию идеи объективно существующего ландшафта в легко обозреваемую и читаемую картографическую модель. По воспоминаниям Галины Иосифовны, «Василий Алексеевич был очень незаурядным эрудированным человеком, с множеством разносторонних знаний, включая такие, которые никак не совпадали с географией. Читал лекции обстоятельно, не торопясь, с воспоминанием об отдельных личностях, с которыми был знаком, а таких было великое множество. Ведь он считался в 1950–1960-е гг. крупнейшим представителем географической науки в Беларуси. От студентов требовал глубоких знаний и понимания природных процессов и географических закономерностей. На экзамене мог опрашивать студента до 30 мин., жертвуя своим временем. Получить 5 баллов у него (тогда это высшая оценка) было очень непросто, но и двойки ставил с неохотой, хотя они

В. А. Дементьев с женой
Фаиной Михайловной и детьми. 1955 г.

В. А. Дементьев в рабочем кабинете
на геофаке БГУ. 1957 г.

всегда присутствовали в его ведомостях. Студенты его очень уважали, но страшно боялись».

Большим успехом белорусских географов стала публикация в 1959 г. монографии «Природа Беларуси» В. А. Дементьева, А. Х. Шкляра и О. Ф. Якушко. Соавторы Василия Алексеевича позднее стали известными учеными, докторами географических наук, профессорами. «Природа Беларуси» – первая научная географическая работа, написанная с использованием личных полевых материалов авторов. Работа состояла из общей и региональной частей. В общей части были выявлены особенности природы республики – от геологических отложений до животного мира, региональная часть содержала характеристику физико-географических областей и районов. Аккумулированный экспедиционный материал свидетельствовал о «разнообразии рельефа в северной, центральной и южной частях республики и в том, что эти регионы различаются также геологическим строением, растительными формациями, климатическими условиями, природными процессами».

В книге «Природа Беларуси» представлена разработанная В. А. Дементьевым первая схема физико-географического районирования с выделением четырех областей – Северной (Двино-Вилейской), Западной (Неманской), Восточной (Среднее Приднепровье), Южной (Белорусское Полесье) – и ряда районов. Работа в этой области поставила университетского географа в ряд ведущих ученых не только Беларуси, но и Советского Союза. Василий Алексеевич разработал «систему соподчиненных таксономических единиц (провинция – округ – район – подрайон), определил принципы и критерии их выделения». Ученый отмечал, что природные комплексы – это единицы районирования, которые определяются тесными взаимосвязями природных компонентов и четкой направленностью природных процессов. Василий Алексеевич выделил ведущие факторы для каждой единицы районирования: наиболее крупные единицы – провинции (6) и округа (6) – были выделены с учетом особенностей орографии и климата, районы (42) и подрайоны (53) различались характером рельефа и почвенно-растительного покрова. Это нашло отражение в учебнике «География Белоруссии».

По совместительству В. А. Дементьев работал в АН БССР редактором физических и географических карт для издания атласа БССР (1958). Были напечатаны четыре карты по разделу геоморфологии. В 1960-е гг. Василий Алексеевич усовершенствовал методику полевых исследований и картографирования. Он определил нецелесообразность перегруженности и сложности легенды карты. В работе «Ландшафты северной и средней Беларуси» (1968) начал разработку классификации ландшафтов. Усовершенствование системы классификации ландшафтов продолжили ученики В. А. Дементьева и создали первую ландшафтную карту республики масштаба 1 : 600 000.

В конце 1960-х гг. под руководством Василия Алексеевича были начаты первые в республике работы ландшафтно-прикладного характера. Одна из них – рекреационная оценка ландшафтной зоны отдыха «Минское море» (Заславское водохранилище, входит в состав Вилейско-Минской водной системы) – получила признание ландшафтных архитекторов, была использована при планировке этой территории и имела широкий общественный резонанс. Это водохранилище – второй по площади искусственный водоем в Беларуси – расположено на северо-восточных склонах Минской возвышенности. Водохранилище было образовано в 1956 г. путем перекрытия течения р. Свислочь плотиной в целях борьбы с паводками в Минске и для регулирования стока реки. В результате исследования была разработана ландшафтная карта зонирования территории для отдыха. Опыт прикладных исследований был использован на Белорусском Полесье в условиях мелиорации.

В последние годы жизни В. А. Дементьев создал научно-исследовательскую группу из учеников (Г. И. Марцинкевич, Н. К. Клицунова) и последователей (Г. Т. Хараничева, Л. В. Логинова), которые занимались новой для ландшафтоведения проблемой – изучением влияния осушительных мелиораций на ландшафты. Эта группа явилась инициатором и основным исполнителем последующих работ, поставивших географический факультет БГУ в один ряд с центрами подобных фундаментальных научных исследований: разработка подходов и принципов классификации природных и антропогенных ландшафтов, развитие концепции природно-антропогенного ландшафта и проблемы ландшафтного районирования. Основой работ в области теории ландшафта стал большой полевой материал, собранный в процессе многолетних экспедиционных исследований, проводившихся в разных частях Беларуси. Это обусловило развитие второго важного направления ландшафтных исследований – разработки методики полевого изучения и картографирования ландшафтов в крупном и среднем масштабах. Все это позволило осуществить составление карты природно-антропогенных ландшафтов масштаба 1 : 1 000 000, разработку схем ландшафтного районирования.

Обсуждение научной работы «Ландшафты Беларуси»: профессор В. А. Дементьев и доцент О. Ф. Якушко

Заседание ГЭК на геофаке.
Слева направо: профессор Н. Е. Рогозин,
доцент С. Е. Янченко,
профессор В. А. Дементьев,
доцент К. И. Костюкевич,
академик И. С. Лупинович,
доцент А. Х. Шкляр,
профессор В. Г. Завриев

Данные карты и схемы выполнены для территории Беларуси впервые. В целом ландшафтной группой опубликовано более 130 ландшафтных карт республики, областей и административных районов.

Из-за болезни В. А. Дементьев не смог продолжить научную и административную деятельность. С 1 сентября 1974 г. исполняющим обязанности заведующего кафедрой физической географии СССР был назначен А. Е. Шкляр. Болезнь Василий Алексеевич не смог преодолеть и 12 декабря 1974 г. умер.

Научная деятельность профессора Василия Алексеевича Дементьева – яркий образец служения географической науке. Им подготовлены 5 кандидатов географических наук, 2 из которых (О. Ф. Якушко и Г. И. Марцинкевич) защитили докторские диссертации. Ученый опубликовал 110 научных работ, из которых 7 – учебники, учебные пособия, монографии. В течение 12 лет (1962–1974) он был президентом Географического общества Беларуси. Сейчас отделы этого Общества существуют во всех областях страны и насчитывают более 600 членов. Одна из основных задач Общества, которую активно поддерживал Василий Алексеевич, – распространение и популяризация географических знаний, рациональное размещение производительных сил, оказание методической помощи, чтение лекций, рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды. Представители БелГО принимали участие в экспедиции к Северному полюсу, в определении географического центра Беларуси и установлении соответствующего знака. Основными зарубежными организациями, с которыми сотрудничает БелГО, являются Международный географический союз (Кейптаун) и Русское географическое общество (Москва и Санкт-Петербург).

Ученый достиг больших успехов и признания в геоморфологии, физической географии, ландшафтоведении. Он – основатель ландшафтной школы на географическом факультете БГУ, которая продолжает свою работу и имеет мировое признание. За успехи в научной и воспитательной работе Василий Алексеевич Дементьев награжден четырьмя почетными грамотами Верховного Совета БССР и знаком «Отличник народного образования».

Эмма Леонидовна Малиновская

Выдающийся ученый в области геологии, геохимии и палеогеографии, геохимии биосферы, академик, вице-президент АН БССР

Профессор БГУ, ректор Ленинградского и Белорусского государственных университетов

Константин Игнатьевич ЛУКАШЁВ

25.12.1906 – 23.05.1987

Известный геолог, геохимик, создатель университетской кафедры геохимии и полезных ископаемых, положившей начало геохимическим исследованиям и формированию белорусской геохимической школы. Выпускник Ленинградского государственного университета, в 1938–1939 гг. был его ректором, а в 1952–1956 гг. – ректором БГУ. Вошел в историю внешней политики СССР как председатель «Амторга» – акционерного общества, учрежденного в 1924 г. в качестве посредника при проведении экспортно-импортных операций советскими внешнеторговыми объединениями с американскими компаниями. В годы Великой Отечественной войны, находясь в Соединенных Штатах Америки, с 1942 г. был одним из руководителей Советской закупочной комиссии и внес неоценимый вклад в организацию бесперебойных поставок по ленд-лизу вооружения, продуктов, техники и др.

С 1953 г. – академик, а в 1956–1969 гг. – вице-президент АН БССР, один из организаторов академического Института геохимии и геофизики. Константин Игнатьевич внес огромный вклад в изучение четвертичных отложений Беларуси, в развитие геохимии ландшафтов, обосновал и ввел в геологическую науку термин «геохимические типы коры выветривания», предложил геохимическую теорию лёссообразования. Большинство работ незаурядного ученого носили прикладной характер, что в особенности подтверждают усилия по выявлению и использованию нефти, газа, рассолов Припятского прогиба.

Будущий ректор БГУ родился в самый канун 1907 г., если принять в расчет старое летоисчисление. Его малой родиной был центр волости Быховского уезда Могилевской губернии (современный Быховский район Могилевской области) – д. Городец. Родители вели вполне успешное хозяйство и считались зажиточной крестьянской семьей. Начальное образование Константин получил в народном училище, которое было открыто в деревне еще в 1866 г. А вот завершить учебу в 1922 г. довелось уже при новой власти – в Быховской трудовой семилетней школе. Полученное образование применить сразу не пришлось, поэтому юноша продолжал помогать родителям по хозяйству. Но уйти от кипевшей вокруг жизни не мог и не хотел. Уже в 1923 г. стал комсомольцем не по принуждению, а по сформировавшимся убеждениям. И был замечен как активный проводник политики советской власти. Поэтому в 1925 г. молодого комсомольца сельская партячейка приняла кандидатом в члены ВКП(б) – в первый ленинский прием в партию.

Большевик Лукашёв, которому не было и 20 лет, мог рассчитывать на крутые изменения в своей судьбе и сам к ним стремился. И они в скором времени последовали. В том же 1925 г. по решению райкомов партии и комсомола его выдвинули на руководящую работу в Быхове – ответственным секретарем районного комитета крестьянских обществ взаимопомощи. Одновременно юноша стал секретарем производственной комсомольской ячейки. Однако, не успев толком войти в курс своих обязанностей, Константин в следующем году вновь совместным постановлением партийного и комсомольского райкомов был переведен на стеклозавод «Ильич» Быховского района в качестве заведующего клубом и секретаря местной комсомольской ячейки. К началу 1927 г. по истечении кандидатского стажа был принят в члены ВКП(б).

Молодой, активный, пытливый, с неплохим уровнем образования провинциальный партиец ставил перед собой иные задачи, чем просто сплачивать сельскую молодежь вокруг «линии партии». Он грезил столичными университетами, получением высшего образования. Мечте способствовала и практика того времени выполнения райкомами разнарядок по направлению способных юношей и девушек из провинции на учебу в те или иные вузы СССР. И не обязательно в те, которые были поближе к месту жительства. В августе 1927 г. Константин Лукашёв был направлен на учебу в Ленинградский государственный университет.

Студенческие годы пролетели быстро. Способного студента оставили по окончании университета в 1931 г. в аспирантуре. Кандидатская диссертация на тему «Грунтоведение» была подготовлена и защищена в срок – в 1934 г. Это было закономерно – Константин Игнатьевич с первых дней учебы в ЛГУ прикипел к науке. Еще в 1928 г. на съезде почвоведов его, всего лишь студента, избрали в состав организационного комитета и его президиума по созыву Международного конгресса почвоведов (состоялся в 1930 г. в Москве). Авторитет в научной среде студент завоевывал тем, что успешно проводил исследования по физике и механике грунта, мерзлотоведению. А в аспирантуре, одновременно с проведением исследований, работал на кафедре грунтоведения, занимаясь механикой грунтов, читал специальный курс грунтоведения. Впервые в практике советской высшей школы К. И. Лукашёв организовал (вместе с П. А. Земятченским) в 1932 г. в ЛГУ учебную специальность «грунтоведение» и стал признанным пионером-основателем генетического грунтоведения.

В 1933–1935 гг. Константин Игнатьевич участвовал в мерзлото-геологических экспедициях Академии наук СССР на трассе Байкало-Амурской магистрали. Дело в том, что весной 1932 г. СНК СССР принял постановление «О строительстве Байкало-Амурской железной дороги», которое определяло проведение проектно-изыскательских работ по линии строительства. За продуктивность проделанной работы К. И. Лукашёв удостоился почетных грамот Президиума АН СССР и Географо-экономического научно-исследовательского института при ЛГУ.

В дальнейшем уже состоявшийся и авторитетный ученый занимался исследованиями генетических и геохимических типов грунтов СССР. Итоги были обобщены в нескольких изданиях – «Грунтоведение» (1933), «Элементы генетического грунтоведения», «Область вечной мерзлоты как особая физико-географическая и строительная область» (1938) и «Грунты СССР» (1939). Они позволили автору сформировать генетическое направление в грунтоведении. Исследования К. И. Лукашёва имели государственное значение – было подведено научное обоснование правомерности и возможности строительства в Сибири и на Дальнем Востоке железных и шоссейных дорог.

Константин Игнатьевич в предвоенные годы был очень увлечен своими исследованиями. Как результат – уже в 1937 г. защитил докторскую диссертацию. В 1938 г. ВАК СССР утвердил его в ученой степени доктора геолого-минералогических наук и в звании профессора. В этом же году на Всесоюзном конкурсе молодых ученых, проведенном АН СССР и ЦК ВЛКСМ, работа К. И. Лукашёва «Физико-географические условия выветривания в северной и средней части Амурского бассейна» получила вторую премию. И это не все победы талантливого ученого: он возглавил кафедру грунтоведения, был назначен деканом геолого-почвенного факультета, в мае 1938 г. – директором (ректором) ЛГУ. В это время сотрудники геолого-почвенного факультета совершили ряд успешных экспедиций на Кавказ, в Якутию, Карелию, Западную Сибирь и другие районы СССР, получив ценный материал, обработка которого дала возможность сделать серьезные теоретические обобщения в народно-хозяйственных и оборонных интересах.

Чета Лукашёвых. Ленинград. Около 1935 г.

Казалось бы, наступило затишье в стремительно развивавшейся карьере Лукашёва – ученого и университетского руководителя. Однако он был вызван заместителем председателя СНК СССР А. И. Микояном и уже в феврале 1939 г. постановлением правительства СССР направлен в США в качестве председателя (президента) «Амторга» (англ. – Amtorg Trading Corporation) – акционерного общества, учрежденного еще в 1924 г. в качестве посредника при проведении экспортно-импортных операций советскими внешнеторговыми объединениями с американскими компаниями. Офис находился в Нью-Йорке. Общество осуществляло закупки в США оборудования, проводило его приемку, контролировало отгрузку.

К. И. Лукашёв в США. 1940-е гг.

Семья Лукашёвых. Вашингтон, 1943 г.

Особенно возросло значение этой специфической структуры после начала Великой Отечественной войны и с началом поставок в СССР военной техники и материалов (с ноября 1941 г.). Соглашение о поставках по ленд-лизу СССР и США подписали 11 июня 1942 г. (закон о ленд-лизе Конгресс США принял еще 11 марта 1941 г.). Была создана Правительственная закупочная комиссия (ПЗК, или СЗК – Советская закупочная комиссия). Константина Игнатьевича назначили сначала председателем, затем заместителем председателя этой важной организации СССР (находилась в Вашингтоне, а председателем стал профессиональный военный), приобретавшей вооружение, оборудование, нефтепродукты, продовольствие и другие товары по программе ленд-лиза.

За океан семья Лукашёвых переехала в полном составе. Несмотря на то что сын Валентин был совсем еще ребенком (родился в Ленинграде в 1938 г.), жена Константина Игнатьевича – Валентина Демьяновна Михайлова-Лукашёва (1913–2002), врач по профессии, в будущем известный геронтолог – устроилась на работу. В начале 1943 г. у супругов родилась дочь Ира, и оба ребенка были на попечении няни – мисс Магги. Константин Игнатьевич быстро перенял многие позитивные правила жизни и работы американцев: пунктуальность, четкость в формулировках, неприятие бюрократических проволочек и т. д. Даже внешне он скоро стал неотличим от тех, с кем приходилось общаться денно и нощно: опрятность и строгость в одежде, завтрак и обед по-американски, для солидности – курительная трубка или хорошие сигары.

Во время работы К. И. Лукашёв не раз встречался с послом СССР в Вашингтоне М. М. Литвиновым, советником полномочного представительства, затем послом А. А. Громыко, заместителем председателя СНК СССР, наркомом

внешней торговли СССР А. И. Микояном. За работу во время войны Константин Игнатьевич был награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

В сентябре 1944 г. последовало новое назначение – экспертом при наркоме (после – министре) внешней торговли СССР. В этой должности Константин Игнатьевич проработал до октября 1949 г. Приходилось решать широкий круг вопросов, возглавляя методическую комиссию Министерства внешней торговли по рассмотрению и утверждению программ по экономическим и внешнеторговым дисциплинам Академии и Института внешней торговли, будучи председателем Госкомиссии по выпуску слушателей Академии внешней торговли, членом внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате.

При всей загруженности столь высокими полномочиями Константин Игнатьевич не оставлял преподавательской и научной деятельности. В Московском институте внешней торговли он заведовал кафедрой международной и внешней торговли (1946–1949), кафедрой экономической географии (1949–1953). В своих научных исследованиях К. И. Лукашёв сконцентрировался на разработке вопросов внешнеторговой политики СССР и США, изучении минеральных и других ресурсов, международных транспортных путей и др. Как итог, из-под его пера вышли очередные разноплановые работы: «Империалистическая борьба за послевоенные рынки и источники сырья», «Основные вопросы военной и послевоенной внешнеторговой политики США» (1947), «Буржуазная лженаучная география на службе реакции», «Ресурсы минерального сырья в капиталистических странах» (1953) и др. Во многом обращение к заполитизированным темам

К. И. Лукашёв в США

объяснялось развертыванием холодной войны, когда вчерашние союзники должны были определить потенциальные возможности друг друга, в том числе и экономические ресурсы.

В это время авторитет Лукашёва-ученого возрос еще больше. После неоднократных приглашений поработать в Московском государственном университете Константин Игнатьевич дал согласие возглавить в 1949/50 учебном году (по совместительству) кафедру физической географии зарубежных стран (1950–1953). Это было не формальное руководство, а напряженный труд по постановке преподавания географии зарубежных стран в ведущем университете страны. Он написал несколько работ по данной проблеме, разработал программу курса физической географии материков и океанов.

Разумеется, имя и авторитет К. И. Лукашёва были известны в родной Беларуси – и коллегам, и руководству республики. В 1952 г. судьба Константина Игнатьевича вновь кардинально изменилась: он дал согласие на переезд в БССР, чтобы возглавить Белорусский государственный университет.

Согласно приказу министра высшего образования СССР В. Н. Столетова за

№ 359-к от 19 июля 1952 г. профессор, доктор геолого-минералогических наук Лукашёв Константин Игнатьевич назначался с 14 августа ректором ведущего вуза советской республики. Интересно, что в скором времени, 6 августа, новый ректор сам издал приказ по университету о своем утверждении в главной университетской должности.

Незнакомый для себя университет его новый руководитель принимал в тех масштабах, которые сформировались еще в предвоенное время, а потом были восстановлены на ст. Сходня под Москвой и после возвращения в Минск. БГУ уже достаточно долгий период состоял из шести факультетов: филологического (с отделениями белорусского языка и литературы; русского языка и литературы; журналистики; логики, психологии и русского языка), исторического (с отделениями истории и философии), биолого-почвенного (с отделениями биологии и почвоведения), химического, геолого-географического (с отделениями геологии и географии), физико-математического (с отделениями физики и математики). Филологический, исторический, геолого-географический и физико-математический факультеты кроме очной формы обучения имели отделения заочного обучения. Помимо факультетских 27 кафедр также действовало и 9 общеуниверситетских – основ марксизма-ленинизма, диалектического и исторического материализма, политической экономии, истории философии и логики, немецкого и французского языков, английского языка, педагогики и психологии, физического воспитания и спорта, спецподготовки. Кафедры имели в своем составе 181 преподавателя, в том числе 14 профессоров. В общей структуре университета учебный процесс обеспечивали 14 кабинетов, 15 лабораторий, 2 музея (зоологический и минералогии), ботанический сад (он находился в университетском городке), биостанция (располагалась в Красном Урочище) с отделением на оз. Нарочь, библиотека и типография. Все эти и другие цифровые выкладки были пунктуально изложены в специфическом объемном документе, сегодня хранящемся в Национальном архиве Республики Беларусь – «Приемо-сдаточный Акт передачи университета им. В. И. Ленина тов. Чимбургом вновь назначенному ректору БГУ им. В. И. Ленина тов. Лукашёву. По состоянию на 14 августа 1952 г.».

Конечно, к 1952 г. БГУ смог восстановить свой потенциал, разрушенный войной. Он жил полноценно, наладил не только учебный процесс и научные исследования, но и активную общественную деятельность, шефскую помощь селу и школам, студенческий досуг, регулярное проведение массовых культурных, спортивных и интеллектуальных мероприятий. И все же это следовало считать лишь окончанием восстановления, требовался решительный качественный рывок в развитии. Московское и белорусское руководство видело в К. И. Лукашёве, незаурядном опытном руководителе и авторитетном ученом, того, кто «с чистого листа», не будучи обремененным устоявшимися местными традициями, сможет придать БГУ ускорение, обеспечит приток квалифицированных кадров, наметит перспективы.

Так что новый ректор должен был заняться и коренным изменением масштабов университета, и выводом его на новый уровень образовательной и научной деятельности во благо решения очередных грандиозных задач коммунистического строительства. Константин Игнатьевич, как крупный ученый, сразу обратил внимание на слабую материально-техническую базу университета, отсутствие необходимого лабораторного оборудования, многопроблемность

и многотемность в научно-исследовательской работе ученых и почти полное отсутствие разработки крупных народно-хозяйственных тем. Проведению плодотворной научной работы, как и эффективного учебного процесса для почти 1,5 тыс. студентов и почти сотни аспирантов, не способствовало и то, что университетская библиотека располагала всего лишь 190 тыс. книг, при этом находясь в совершенно не приспособленных помещениях.

В сентябре 1952 г. ректор выступил со статьями в университетской газете «За сталінскія кадры», в которых выразил свое понимание задач университета. По его мнению, в первую очередь следовало улучшить подготовку исследовательских кадров через аспирантуру, наладить эффективные связи университетской науки с производством – внедрять новейшие разработки в белорусскую промышленность и сельское хозяйство. Не осталась без внимания Константина Игнатьевича и образовательно-общественная, политическая миссия БГУ. Он нацеливал коллектив на повышение качества учебной и политико-воспитательной работы. И, как истинный руководитель своего времени, подчеркнул необходимость уделять особое внимание «повышению идейно-теоретического уровня лекций, перестройке преподавания и научно-исследовательской работы в свете основных указаний т. Сталина по вопросам языкознания», усилению критики и самокритики. В этой части университетской жизни, по мнению ректора, должны были активизировать работу партийная, комсомольская и профсоюзная организации, стать надежным и действенным помощником ректорату, всему профессорско-преподавательскому составу.

Выполнение масштабных задач осложнялось многими обстоятельствами организационно-управленческого характера. Например, в начале марта 1953 г. БГУ перешел из подчинения ликвидированного Министерства высшего образования СССР в Министерство культуры СССР, а ровно через год снова оказался в юрисдикции воссозданного союзного Министерства высшего образования. Такая чехарда не способствовала реализации даже элементарных университетских планов (невозможно было согласовать любые задуманные проекты, а тем более получить в Москве разрешение на их финансирование). От университетских проблем К. И. Лукашёва отвлекало и бремя заведования двумя кафедрами в Москве – в Институте внешней торговли и в МГУ.

Нельзя не подчеркнуть то обстоятельство, что ректорство К. И. Лукашёва совпало с крупнейшими политическими пертурбациями, происходившими в СССР после смерти в марте 1953 г. Сталина. Они напрямую и косвенно влияли на университетскую жизнь, возбуждали коллектив консервативно и радикально настроенных интеллектуалов. Всем было очевидно, что грядут крупнейшие перемены. Но какие? Ректор воспринимался всеми наиболее информированным и знающим. Но таковым тогда не мог быть никто. Оставалось лишь не отстать и не опередить события, по-прежнему заниматься решением повседневных дел в области профессиональной деятельности. Но следовало способствовать проведению митинга, например по поводу разоблачения «преступных действий Л. П. Берии и его сообщников», поддержать инициативу студентов в строительстве общежитий по улице Бобруйской, приостановить травлю некоторых преподавателей-«космополитов» и т. д.

Дух перемен затронул университет. Так, общий «большой» ученый совет дополнился двумя «малыми» – учеными советами гуманитарных и естественных наук. Был создан постоянно действую-

щий орган – ректорат, который состоял из ректора, проректоров, деканов, представителей парторганизации и месткома. Он собирался ежемесячно для обсуждения вопросов текущей научной и учебной работы. В связи с ростом количества студентов и профессорско-преподавательского состава на факультетах возрастала роль деканатов. Они самостоятельно стали решать вопросы перевода студентов с курса на курс, назначать и снимать стипендии, предоставлять отпуска, отсрочки и др. Расширились и права самих деканов как руководителей учебной и научной работы на факультетах.

Однако основное внимание ректора было обращено на обеспечение БГУ собственными научными кадрами, повышение научного уровня преподавателей. Вот только существенно изменить ситуацию за короткий срок было не под силу даже столь опытному руководителю. Рост кадрового потенциала наблюдался, но он не отвечал масштабности поставленных перед БГУ задач: в 1952/53 учебном году среди 197 преподавателей насчитывалось лишь 16 профессоров и 89 доцентов; в 1953/54 – из 219 членов профессорско-преподавательского состава было уже 23 профессора и 106 доцентов. Однако высокой оставалась доля совместителей, некоторые заведующие кафедрами не имели научного звания. Особенно остро не хватало ученых-профессоров по математике, истории Беларуси, русскому и белорусскому языкам, географии, геологии и др. Постепенно наращивалась подготовка ученых через собственную аспирантуру. Важно, что было получено право на проведение защит кандидатских диссертаций чуть ли не по всем отраслям науки и на защиту докторских диссертаций по ряду наук. Так, если за предыдущее время было защищено лишь 7 кандидатских диссертаций, то в 1952/53 учебном году– 25 и 1 докторская (доцент химфака М. М. Павлюченко). Увеличивалось и количество учащихся аспирантуры: с 111 в 1953/54 учебном году до 135 в 1954/55. Вот только в качестве научных руководителей были не всегда высококвалифицированные преподаватели, порой утверждались темы, для выполнения которых в БГУ не было необходимой материальной базы. Понимая это, К. И. Лукашёв стал нацеливать коллег не на количественные показатели, а на качественные: кафедры начали вести отбор кандидатов в аспирантуру по наиболее дефицитным специальностям из выпускников университета, стал более жестким конкурсный отбор. Поэтому закономерно, что в 1955/56 учебном году численность аспирантов снизилась до 126, а в 1956/57 – и вовсе до 106. Тем не менее за годы ректорства К. И. Лукашёва в БГУ было защищено 196 диссертаций.

И даже такой темп подготовки ученых не соответствовал запросам времени. Константин Игнатьевич, понимая эту ситуацию, уже с 1952 г. начал приглашать на работу в университет маститых физиков и математиков, действуя совместно с республиканскими властями (А. Н. Севченко, Б. И. Степанов, М. А. Ельяшевич, Б. В. Ерофеев, М. П. Яругин, В. И. Крылов и др.). С их приходом в университете началось стремительное развитие исследований в области спектроскопии, люминесценции, химической кинетики и катализа, теории линейных и нелинейных дифференциальных уравнений, вычислительной математики и других современных и востребованных направлений знаний. Важно, что усилилось скоординированное сотрудничество в области проведения научных исследований с АН БССР. Хотя, как и прежде, было мало разработок по комплексным проблемам, а научный план БГУ был перенасыщен индивидуальными, узкими темами. Так,

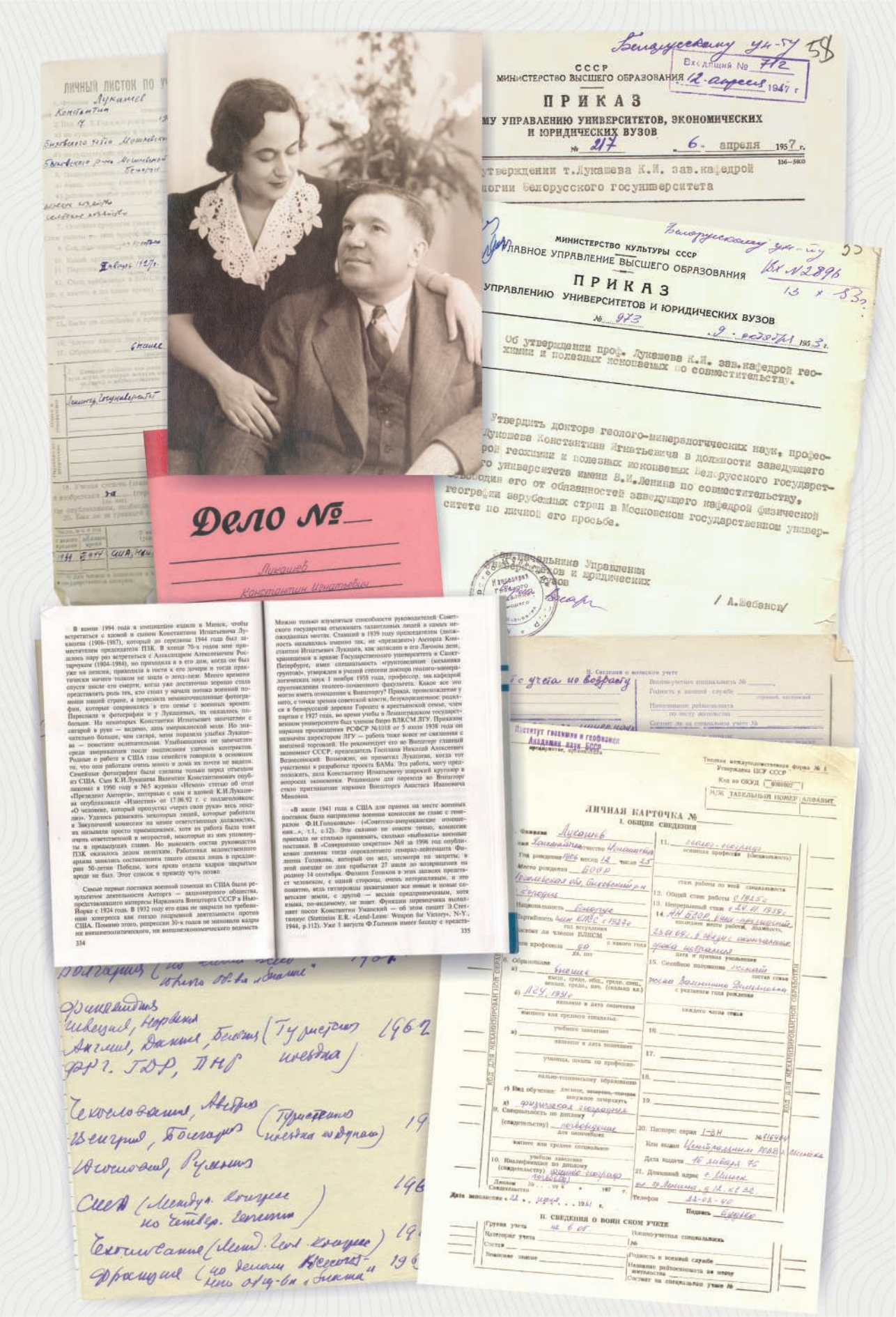
в 1954 г. таких тем было 186. Но уже на следующий год план НИР состоял из 124 тем, объединенных в 30 комплексных научных проблем (например: «Исследование спектральными методами комплексных соединений», «Экономико-географическая характеристика БССР», «История государства и права БССР», «Повышение урожайности сельскохозяйственных культур»). План 1956 г. предусматривал разработку 92 тем, объединенных в 36 комплексных проблем.

В годы ректорства К. И. Лукашёва БГУ наладил творческое сотрудничество с МТЗ, МАЗом, велозаводом, кожевенным заводом «Большевик», радиозаводом, картографической фабрикой. Кафедры химфака внедряли в производство результаты своей научной работы: применение глин для очистки выработанных смазочных масел, новые виды синтетического каучука, искусственных волокон, моющих средств и др. Кафедра систематики растений проводила исследования по агротехнике возделывания кукурузы на силос и семена в условиях Беларуси. На физико-математическом факультете осуществлялись комплексные разработки проблемы исследования полупроводников, столь важных для военной промышленности, которая бурно развивалась в БССР.

На развитие БГУ существенно повлияло постановление о переходе от семилетнего образования к всеобщему среднему в столицах союзных республик, крупных городах и промышленных центрах, а также о подготовке условий для полного перехода к всеобщему среднему и политехническому образованию. Это требовало значительного увеличения выпуска специалистов с высшим образованием. Возрос прием в университет, а значит, увеличивалось и количество студентов. Если в 1952/53 учебном году в БГУ училось немногим более 2 тыс. студентов, то в 1953/54 – 2220, в 1954/55 – 3506, в 1955/56 – 3152 (сокращение произошло в связи с передачей 450 студентов юрфака на учебу в Институт народного хозяйства).

Одновременно шли изменения в подготовке специалистов: в 1954 г. состоялся последний выпуск отделения логики, психологии и русского языка филологического факультета, прекратилась подготовка специалистов и на философском отделении исторического факультета. Решением Совета Министров СССР от 10 октября 1954 г. Минский юридический институт был реорганизован в юридический факультет БГУ. Подготовка правоведов вернулась в родные университетские стены. Приказом Министерства высшего образования СССР от 3 апреля 1954 г. было организовано издательство БГУ, что позволило своевременно обеспечивать учебный процесс необходимыми учебниками и пособиями. Разумеется, эти реорганизации мало зависели от намерений университетского ректора. Однако именно ему было необходимо претворять в жизнь подобные масштабные решения.

Головной и постоянно усиливавшейся болью Константина Игнатьевича была острейшая нехватка в университете учебных площадей, помещений для проведения научных исследований, общежитий для студентов и квартир для все увеличивавшегося штата преподавателей. Так, в восстановленном после военных разрушений биологическом корпусе университетского городка вынуждены были уживаться биолого-почвенный и филологический факультеты, ректорат, библиотека, студклуб. В химическом же корпусе бок о бок «грызли» гранит науки студенты химического, геолого-географического и исторического факультетов. В двухэтажном небольшом корпусе физмата кроме хозяев (физики и математики) ютился заочный сектор,



Белорусскому ун-ту 58

Вх. № 712 12 апреля 1957 г.

СССР
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ПРИКАЗ

...МУ УПРАВЛЕНИЮ УНИВЕРСИТЕТОВ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ

№ 217 6 апреля 1957 г.

136—5000

утверждении т.Лукашева К.И. зав.кафедрой ...логии Белорусского госуниверситета

Белорусскому ун-ту

Вх. № 2896 13 х 83 г.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ПРИКАЗ

УПРАВЛЕНИЮ УНИВЕРСИТЕТОВ И ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ

№ 973 9 ноября 1983 г.

Об утверждении проф. Лукашева К.И. зав.кафедрой геохимии и полезных ископаемых по совместительству.

Утвердить доктора геолого-минералогических наук, профессора Лукашева Константина Игнатьевича в должности заведующего кафедрой геохимии и полезных ископаемых Белорусского государственного университета имени В.И.Ленина по совместительству, освободив его от обязанностей заведующего кафедрой физической географии зарубежных стран в Московском государственном университете по личной его просьбе.

Начальник Управления университетов и юридических вузов

/ А.Шебанов /

Дело №

Лукашев

Константин Игнатьевич

В конце 1994 года я специально ездил в Минск, чтобы встретиться с вдовой и сыном Константина Игнатьевича Лукашева (1906-1987), который до середины 1944 года был заместителем председателя ПЗК. В конце 70-х годов мне пришлось пару раз встретиться с Александром Алексеевичем Рестарчуком (1904-1984), но приходил я в его дом, когда он был уже на пенсии, приходил в гости к его дочери и тогда практически ничего такого не знал о эпоп-лаем. Много времени спустя после его смерти, когда уже достаточно зорко стала представлять роль тех, кто стоял у начала потока военной помощи нашей стране, я пересмотрел немногочисленные фотографии, которые сохранилась в его семье с военных времен. Переснял и фотографии и у Лукашевых, их оказалось побольше. На некоторых Константин Игнатьевич значительно стройнее и рыж — видимо, дань американской моде. Но значительно больше, чем сигара, меня поразила улыбка Лукашева — поистине ослепительная. Улыбающимся он запечатлен среди американцев после подписания уставных контрактов. Родные и работа в США глазами семьёй говорили в основном то, что они работали очень много и домой их почти не видели. Семейные фотографии были сделаны только перед отъездом из США. Сын К.И.Лукашева Валентин Константинович опубликовал в 1990 году в №5 журнала «Неман» статью об отце «Президент Авторга», интервью с ним и вдовой К.И.Лукашева опубликовали «Известия» от 17.06.92 г. с подзаголовком: «О человеке, который пронесен через свои руки» весь эпоп-лаем. Удалось разыскать некоторых людей, которые работали в Закупочной комиссии на менее ответственных должностях, их называли просто промышленниками, хотя их работа была тоже очень ответственной и непростой, некоторые из них упоминаются в предыдущих главах. Но выяснить состав руководства ПЗК оказалось делом нелегким. Работники вдовостенного архива заняты составлением такого списка лишь в преддверии 50-летия Победы, хотя архив отдела кадров закрытым среди не был. Этот список я приведу чуть позже.

Самые первые поставки военной помощи из США были результатом деятельности Авторга — акционерного общества, представлявшего интересы Наркомата Внешторга СССР в Нью-Йорке с 1924 года. В 1932 году его едва не закрыли по требованию конгресса как гнездо подрывной деятельности против США. Помимо этого, репрессии 30-х годов не миновали кадры из внешнеполитического, то внешнеэкономического ведомств

334

Можно только изумляться способности руководителей Советского государства отыскивать талантливых людей в самых неожиданных местах. Сталиной в 1939 году председателем (неожиданно назывались именно так, не «президент») Авторга Константин Игнатьевич Лукашев, как записано в его Личном деле, хранящемся в архиве Государственного университета в Санкт-Петербурге, имел специальность «грунтоведение (механика грунтов)», утверждена в ученой степени доктора геолого-минералогических наук 1 ноября 1938 года, профессор, зав.кафедрой грунтоведения геолого-почвенного факультета. Какое все это могло иметь отношение к Внешторгу? Правда, происхождение у него, с точки зрения советской власти, безукоризненное: родился в белорусской деревне Городец в крестьянской семье, член партии с 1927 года, во время учебы в Ленинградском государственном университете был членом бюро ВЛКСМ ЛГУ. Приказом наркома просвещения РСФСР №1018 от 5 июля 1938 года он назначен директором ЛГУ — работа тоже вовсе не связанная с внешней торговлей. Не рекомендует его во Внешторг главный экономист СССР, председатель Госплана Николай Алексеевич Вознесенский. Возможно, он примкнул Лукашева, когда тот участвовал в разработке проекта БАМа. Эта работа, могу предположить, дала Константину Игнатьевичу широкий кругозор в вопросах экономики. Решающим для перехода во Внешторг стало приглашение наркома Внешторга Анастаса Ивановича Микояна.

«В июле 1941 года в США для приема на месте военных поставок была направлена военная комиссия во главе с генералом Ф.И.Голиковым» («Советско-американские отношения...», т.1, с.12). Это сказано не совсем точно, комиссия приехала не столько принимать, сколько «выбивать» военные поставки. В «Совершенно секретно» №8 за 1996 год опубликованы дневники тогда «горевшего» генерал-лейтенанта Филиппа Голикова, который он вел, несмотря на запреты. В этой поездке он для прибытия 27 июля до возвращения на родину 14 сентября. Филипп Голиков в этих записях предстает человеком, с одной стороны, очень неторопливым, и это понятно, ведь интервью захватывают все новые и новые советские земли, с другой — весьма предприимчивым, хотя языка, по-видимому, не знает. Функции переводчика выполняет посол Константин Уманский — об этом пишет Э.Стеттиниус (Stettinius E.R. «Lend-Lease: Weapons for Victory», N-Y., 1944, p.112). Уже 3 августа Ф.Голиков имеет беседу с предсе-

335

с учета по возрасту

Институт геохимии и геофизики Академии наук БССР

Типовая межведомственная форма № 1
Утверждена ЦСУ СССР
Код по ОКУД 0301002

Н/Ж	ТАБЕЛЬНЫЙ НОМЕР	АЛФАВИТ

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА №

I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

1. Фамилия Лукашев
имя Константин отчество Игнатьевич
Год рождения 1906 месяц 12 число 25
Место рождения СССР Гомельская обл. Буховичский р-н с.Городец
Национальность белорус
Гражданство бывш. СССР с 1937 г.
состоял ли членом ВЛКСМ
член профсоюза СО с какого года
8. Образование
а) высш., средн. обш., средн. спец., неполн. средн., нач. (сколько кл.) ЛГУ, 1931 г.
название и дата окончания высшего или среднего учебного заведения
а) название и дата окончания учебного заведения
учебного заведения, школы по профессионально-техническому образованию
г) Вид обучения: дневное, вечернее, заочное, внешнее обучение
д) физическая география
9. Специальность по диплому (свидетельству) географическая
для окончивших высшее или среднее специальное
учебное заведение
10. Квалификация по диплому (свидетельству) физико-географ
Диплом Свидетельство № ... от ... 197 г.
Дата заполнения «22» марта 1961 г.

11. военно-геолог
основная профессия (специальность)
стаж работы по этой специальности
12. Общий стаж работы с 1925 г.
13. Непрерывный стаж с 24.11.1939 г.
14. АН БССР, инж.-геолог, ... должности места работы, должность, 23.01.69 г. в отдел заместитель ... начальника
дата и причина увольнения
15. Семейное положение женат состав семьи жена Валентина Дмитриевна с указанием года рождения
каждого члена семьи
16.
17.
18.
19.
20. Паспорт: серия I-ВН № 616464
Кем выдан Центральным РОВД г. Минска
Дата выдачи 16 февраля 75
21. Домашний адрес г. Минск ул. Фрунзе д.18 кв 22
Телефон 22-08-40
Подпись Лукашев

II. СВЕДЕНИЯ О ВОИНСКОМ УЧЕТЕ

Группа учета не в б/у
Категория учета
Состав
Воинское звание
Военно-учетная специальность
№
Годность к военной службе
Название райвоенкомата по месту жительства
Состоит на специальном учете №

Болгария (по ... в «Балкан»
Финляндия
Швеция, Норвегия
Англия, Дания, Бельгия (Гуттерсен 1962
ФРГ, ГДР, ПНР шведка)
Чехословакия, Австрия
Венгрия, Болгария (Пропетенко 19
шведка из Дрездена)
Югославия, Румыния
СССР (Междун. конгресс 196
по четверт. геологии)
Чехословакия (Межд. геол. конгресс) 19
Франция (по делам Ноосферы 19
день от 4-бл «Балкан»)

ЛИЧНЫЙ ЛИСТОК ПО УЧЕТУ КАДРОВ

Форма № 2

1. Фамилия Лукашев
имя Константин отчество Игнатьевич
2. Пол м. 3. Год и место рождения 1906 г.
4. Место рождения: а) по существовавшему в то время или делению с. Городец Быховского уезда Могилевской губернии.
б) по существующему в настоящее время адм. делению с. Городец Быховского р-на Могилевской области БССР
5. Национальность белорус 6. Соц. происхождение:
а) бывш. сословие (звание) рабочий из крестьян-бедняков
б) основное занятие родителей до Октябрьской революции сельского кузнеца после Октябрьской революции сельского кузнеца
7. Основная профессия (специальность) сельский кузнец
Стаж работы по этой профессии
8. Соц. положение из крестьян 9. Гражданство гражданин СССР
10. Какой организации принят в члены ВКП(б) Могилевский
11. Партбилет № 1147 (номер, серия) № карточки 2460095
12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с 1923 по 1930 13. Состоял ли в других партиях (политических партиях, где, с какого и по какое время) нет
14. Состоял ли ранее в ВКП(б) нет (да, нет) с какого и по какое время
15. Были ли колебания в проведении линии партии в участии ли в оппозициях (какие, когда) нет
16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года Работник высшей школы с начала 1939
17. Образование среднее

	Наименование учебного заведения (школа, втуз, университет, институт, аспирантура и т.д.)	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Какую специальность получил по окончании учебного заведения
Высшее образование	Минский Госуниверситет	Географ.	1927	1931	Учитель-географ
Партийное образование					

18. Ученая степень (звание) Доктор геолого-минералогических наук, профессор 19. Имеет ли научные труды и изобретения нет (перечень научных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам и где опубликованы, необходимо дать в приложении).
20. Был ли за границей (включая службу в Советской Армии) нет

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Лукашев
имя Константин отчество Игнатьевич
2. Пол мужской 3. Год, число и место рождения 1907, 7 февраля с. Городец, Быховского р-на, Могилевской области
4. Место рождения: с. Городец, Быховского р-на, Могилевской области
5. Национальность белорус 6. Соц. происхождение из крестьян
7. Партийность: а) КПСС партбилет № 0849297
8. Состоял ли ранее в ВЛКСМ, с какого времени и № билета —
9. Образование высшее

Наименование учебного заведения и его местонахождение	Факультет или отделение	Год поступления	Год окончания или ухода	Какую специальность получил по окончании учебного заведения
Ленинградский Гос. Университет им. А. А. Жданова	Географ.	1927	1931	Географ-географ.

ЛИЧНАЯ КАРТОЧКА № 31

1. Общие сведения
1. Фамилия Лукашев
Имя Константин Отчество Игнатьевич
2. Год рождения 1906 дек. число 25
3. Место рождения: республика, край, область Могилевская, район Быховский, город, село Городец
4. Национальность белорус 5. Гражданин СССР
6. Образование высшее
7. Специальность (профессия) геолог-географ
8. Общий стаж работы по найму с 1925 г.
13. Последние четыре работы, должности, дата и причина увольнения Академия наук БССР вице-президент, 23.01.69 г. в связи с окончанием срока избрания
14. Семейное положение женат

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА — по Институту геологии и геофизики АН БССР
от 11 февраля 1971 г.
Зачислить Лукашев Константин Игнатьевич на должность главного инженера института с 1 февраля 1971 г.
Должностной оклад 450 рублей.
Основание заявление
Директор Института

СПРАВКА.

В личном деле профессора ЛУКАШЕВА Константина Игнатьевича значится, что ЛУКАШЕВ К.И. состоял на службе в Ленинградском государственном университете с 1 июля 1931 года по 23 февраля 1939 г. в должности ассистента, доцента и профессора, занимая, одновременно с ведением преподавательской работы, последовательно должности Зав. Кафедрой грунтоведения, декана Геолого-Почвенного факультета и Директора Университета.

Уволен в связи с переходом на другую работу /пр.№ 107/25 от 31/1-39 г./.

Справка наведена в архиве Ленгосуниверситета по документальным материалам: л/дело проф.-пр. состава, св. 25, л/дело № 978.

/М.Н. Колесин/
/М.А. Никифоров/

Н-ку Отд. Кадров, Белорусского Госуд. университета им. В.И. Ленина.

На в/о 1909 от 16/11-55 г.

СПРАВКА.

В личном деле профессора ЛУКАШЕВА Константина Игнатьевича значится, что ЛУКАШЕВ К.И. состоял на службе в Ленинградском государственном университете с 1 июля 1931 года по 23 февраля 1939 г. в должности ассистента, доцента и профессора, занимая, одновременно с ведением преподавательской работы, последовательно должности Зав. Кафедрой грунтоведения, декана Геолого-Почвенного факультета и Директора Университета.

Уволен в связи с переходом на другую работу /пр.№ 107/25 от 31/1-39 г./.

Справка наведена в архиве Ленгосуниверситета по документальным материалам: л/дело проф.-пр. состава, св. 25, л/дело № 978.

/М.Н. Колесин/
/М.А. Никифоров/

31. Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая военную службу)

Число, м-ц и год поступления	Число, м-ц и год ухода	Должность с указанием учреждения, организации, предприятия, а также министерства (ведомства), в систему которого оно входит	Местонахождение учреждения, организации, предприятия
[illegible]	[illegible]	Доцент Рейтинского Гос. Колл. Обр. Вузов	г. Быхов.
[illegible]	[illegible]	Зав. кафедр. «Гео. Ин. ЗЛКСМ Станкостроительного завода Мачер»	[illegible]
[illegible]	[illegible]	Доцент Минск. Госуниверситета	г. Ленинград.
[illegible]	[illegible]	Доцент кафедр. Геологический в Минск. Госуниверситете	г. Ленинград
[illegible]	[illegible]	Ассистент кафедры Грунтов. МГУ	— " —
[illegible]	[illegible]	Доцент	— " —
[illegible]	[illegible]	Зав. кафедрой Геологии МГУ	— " —
[illegible]	[illegible]	Декан Геолого-Почв. факультета МГУ	— " —
[illegible]	[illegible]	Директор Университета Горловой Корпорации в Нью-Йорке	— " —
[illegible]	[illegible]	Доцент. преп. Пров. Университет Колумбия США	г. Нью-Йорк
[illegible]	[illegible]	Университет [illegible]	г. Вашингтон
[illegible]	[illegible]		г. Москва
[illegible]	[illegible]		г. Минск.
[illegible]	[illegible]		— " —
[illegible]	[illegible]		г. Москва
[illegible]	[illegible]		Минск.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Экз. №

ПРИКАЗ № 359-к

19 июля 1958

Утвердить доктора геолого-минералогических наук, профессора Лукашева Константина Игнатьевича в звании профессора по кафедре общего учения о полезных ископаемых Минского государственного университета имени В.И. Ленина.

Министр Высшего Образования СССР

Н. Столетов

Рассылка: Университету, Минобразованию БССР, Минсоцобеспечению БССР, отдел учета и распределения кадров.

Подлинный приказ хранится в Управлении кадров Министерства высшего образования СССР.

Верно: Инспектор по учету номенклатурных работников

30 июля 1958

а также квартировались несколько профессорских семей. БГУ работал чуть ли не в три смены, от чего страдало качество и обучения, и науки. Для проведения занятий ректору приходилось изыскивать любые возможности. Так, после включения Минского юридического института в состав БГУ в 1954 г. удалось сохранить за БГУ освободившийся корпус Института по улице Б. Хмельницкого и перебазировать туда исторический факультет. Однако для полноценной деятельности университету при возросших его масштабах было необходимо чуть ли не в три раза больше только лишь учебных площадей, не говоря уже о лабораториях, кабинетах и т. д.

Столь же острой была проблема со студенческими общежитиями. В октябре 1952 г., как раз с началом работы Константина Игнатьевича на посту ректора БГУ, было завершено строительство общежития по улице Свердлова, что лишь в малой степени повлияло на ситуацию. Поэтому ректор добился развертывания с февраля 1953 г. строительства двух схожих корпусов общежитий по улице Бобруйской. Он способствовал возможно быстрому вводу их в эксплуатацию (в сентябре 1954 г.). Однако и это не решило проблему. Но финансирование исходило от решений, которые принимались в московских кабинетах. Повлиять на них у ректора было слишком мало возможностей. Приходилось лишь констатировать: «Из всех имеющихся в Минске учебных заведений только университет находится в таких ограниченных жилищных условиях для студентов и преподавателей».

Несмотря ни на что университет бурно развивался как крупный учебный и научный центр. Конечно, важнейшие изменения в его работе были прерогативой МВО СССР. Так, с 1955 г. по его указке были существенно изменены учебные планы в целях устранения параллелизма в преподавании, а отдельные дисциплины переведены из обязательных в факультативные. В связи с министерским приказом в БГУ начала проводиться работа по сокращению многопредметности и количества экзаменов в сессии. В новых учебных программах исключался лишний материал, более нацеленной на практику становилась тематика практических занятий (особенно по дисциплинам, имеющим отношение к сельскому хозяйству). Требование к усилению самостоятельности студентов в освоении знаний натолкнулось на их слабые навыки работы даже просто с учебниками, не говоря уже о навыках поиска и анализа дополнительного материала. Поэтому в учебном процессе для преподавателей актуализировалась подготовка методических указаний: как работать с книгами, как вести поиск информации в библиотеках, как конспектировать лекции, как планировать внеучебное время и др.

Это и многое иное должен был отслеживать ректор и нацеливать коллектив на качественное исполнение. Из более приятных и в то же время ответственных сфер деятельности К. И. Лукашёва на посту ректора БГУ было руководство международными связями университета, которые с 1955 г. вышли на новый этап. Можно даже сказать, что произошел чуть ли не прорыв, так как с времен ректорства В. И. Пичеты БГУ находился почти в полной международной изоляции, точнее – самоизоляции. Все его реакции на происходившее за рубежом выражались в проведении идеологически выверенных митингов, в испепеляющих «мир буржуазной науки» публикациях в республиканской прессе и... полном отсутствии контактов с зарубежными учеными.

После долгого перерыва ученым БГУ было позволено налаживать контакты с зарубежными коллегами. В августе 1955 г. академики, профессора БГУ

А. Н. Севченко, Т. Н. Годнев и Б. И. Степанов выехали в Женеву для участия в Международной конференции по мирному использованию ядерной энергии, в 1956–1957 гг. физики А. Н. Севченко и Ф. И. Фёдоров принимали участие в разработке Устава и программы деятельности Международного агентства по мирному использованию атомной энергии при ООН. Ректор БГУ академик К. И. Лукашёв в 1955 г. участвовал в работе Международной ассоциации университетов в Турции, в 1956 г. – XX Международного геологического конгресса в Мексике, в 1957 г. – в работе Конгресса по четвертичной геологии в Испании. На студенческом уровне также происходила подвижка: в августе 1955 г. на учебу в БГУ приехали 10 студентов из Польши (восемь для учебы на филфаке и по одному – на истфаке и биофаке). И если это были представители «социалистического лагеря», то в 1956 г. в БГУ на учебу прибыл один студент из Канады – для прохождения двухлетнего курса на филфаке.

Важным являлось и то, что студенты БГУ могли совершенствовать свои профессиональные компетенции как в условиях родных стен, так и на лучших учебных, научных, производственных площадках СССР. Так, студенты-биологи проходили учебно-производственную практику не только в Беловежской пуще, на оз. Нарочь, опытной станции АН БССР в Боровлянах, но и на Кавказе. Зональная практика почвоведов шла по маршрутам от Минска до Симферополя, от Брянска до Харькова и Запорожья. Будущие геологи постигали премудрости профессии в геологических управлениях как Беларуси, так и России и Украины. Будущие физики и математики практиковались на минских автозаводе и радиозаводе, в институтах АН БССР, а химики – на калийных комбинатах Соликамска, Калуги и др.

В годы ректорства Константина Игнатьевича в университетских стенах впервые стало звучать слово «целина»: 12 марта 1954 г. 170 комсомольцев Минска, в том числе и студенты БГУ, отправились в Казахстан на освоение целинных земель. В 1955 г. 275 студентов БГУ участвовали в уборке казахстанского урожая, а на следующий год – уже около 700. Одновременно в традицию студенческой жизни в начале учебного года вошла и помощь белорусским сельчанам в уборке урожая: впервые массовый выезд всех студентов всех курсов в колхозы и совхозы «на картошку» состоялся в сентябре 1954 г.

Активным был и досуг студентов, когда вполне уже состоявшиеся молодые люди, познавшие ужасы войны и тяготы восстановительного периода, спешили проявить себя в новой жизни. Роль ректора и в данном случае сложно переоценить. Константину Игнатьевичу нельзя было прослыть ретроградом, как и допустить проявления излишнего вольнодумства. В эти годы в стенах университета вызревала целая плеяда будущих классиков белорусской литературы (Н. Гилевич, Г. Бородулин, Г. Буравкин, А. Мальдис и др.). В аудиториях постоянно шли жаркие дискуссии по случаю выхода в свет новых неординарных книг (хотя бы повести И. Эренбурга «Оттепель», название которой ассоциируется с целой политической эпохой), правилом стали встречи с именитыми белорусскими писателями и поэтами (Якуб Колас, А. Кулешов, М. Лужанин, М. Лыньков, Я. Брыль, И. Шамякин, П. Панченко, П. Бровка, П. Глебка и др.), с русскими знаменитостями – К. Симоновым и А. Твардовским. Таланты проявляли студенты буквально всех факультетов, стремясь полной грудью вдохнуть воздух свободы, какой они себе ее представляли после смерти «вождя всех народов». Энергию студенче-

Сын – Валентин Константинович Лукашёв

ства поглощали занятия физкультурой и спортом. Действовали секции по различным видам спорта: от фехтования до тяжелой атлетики, от бокса до альпинизма, от настольного тенниса до мотоциклетного спорта и т. д. С 1952/53 учебного года ректорат возобновил традиции еще довоенного времени проводить ежегодную круглогодичную спартакиаду по более чем десятку видов спорта.

На время ректорства К. И. Лукашёва выпал еще один важнейший политический перелом (первым был, конечно, период, последовавший после смерти Сталина) – в феврале 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, решения которого повлекли крупнейшие изменения в общественно-политической жизни СССР в русле «преодоления культа личности». Занять надлежащую позицию в этом «русле» в первую очередь должен был руководитель многоликого университетского коллектива. Решений пришлось принять немало, в том числе внести изменение в название университетской газеты. И «За сталінскія кадры» стала политически нейтральной – «Беларускі універсітэт». Волной прокатились общеуниверситетские и факультетские партсобрания с обсуждением постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». Интеллектуальное, думающее и умеющее анализировать университетское сообщество, как никакой иной коллектив советских граждан, находилось на особом контроле не столько руководства БГУ, сколько высшего руководства республики. Явное стремление взять под контроль «оттепель» в университете продемонстрировало партсобрание БГУ, состоявшееся 17 декабря 1956 г. После ректора выступил секретарь ЦК КПБ Т. С. Горбунов. Сам выпускник-заочник университетского истфака, он сделал доклад о состоянии и задачах идеологической работы в БГУ. Оратор обрушил партийную критику на декана филфака М. Г. Ларченко за статью в газете «Літаратура і мастацтва», в которой тот предлагал включить в программы изучение творчества писателей, работавших в газете «Наша ніва» (партийный идеолог расценил это как попытку реабилитации врагов, которые «сотрудничали с оккупантами-белополяками»).

1956 год породил много различных слухов о крупной реорганизации БГУ. Обсуждались возможности закрытия отделений геологии и почвоведения, присоединения Минского педагогического института. Такого характера вопросы приходилось Константину Игнатьевичу выслушивать даже от деканов и заведующих кафедрами, хотя подобного рода решения от него не зависели. Более актуальными были хлопоты подготовки к Всесоюзному совещанию руководителей вузов в Москве. Тем не менее в жизни БГУ в 1956 г. состоялось несколько зна-

ковых событий. Среди них важнейшими следует признать отмену платы за обучение и введение нового порядка начисления стипендий. В учебном процессе последовали изменения (впрочем, они коснулись всех университетов СССР): для всех студентов ввели экзамены по истории КПСС, на философских факультетах – государственный экзамен по курсу диалектического и исторического материализма, на экономических – по курсу «Политическая экономия».

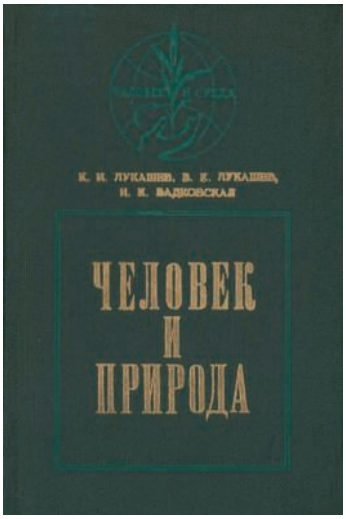
23 ноября 1956 г. в Театре оперы и балета состоялось торжественное заседание ученого совета, посвященное 35-летию БГУ. Некоторые члены коллектива вместе с ректором были отмечены в связи с этим событием и за заслуги в науке и педагогической деятельности Почетной грамотой Верховного Совета БССР (Г. Г. Винберг, И. В. Гуторов, В. Г. Ивашин, А. Я. Малышев, И. Г. Тищенко и др.). Университет был преисполнен гордости, что его профессора М. А. Ельяшевич, В. И. Крылов, А. В. Лыков, Н. Н. Сирота, М. П. Томин, Н. П. Еругин были избраны академиками АН БССР. Сам же академик, ректор БГУ К. И. Лукашёв 22 декабря 1956 г. общим собранием АН БССР был избран вице-президентом Академии. Через короткий срок, 25 февраля 1957 г., Бюро ЦК КПБ утвердило его на этой должности (освободив академика И. С. Лупиновича). Четырехлетний срок пребывания Константина Игнатьевича на посту ректора завершился. Предстояло сосредоточить знания и опыт сугубо на научном поприще.

В апреле 1957 г. на ученом совете БГУ был представлен новый ректор – академик АН БССР, профессор А. Н. Севченко. На совете Константин Игнатьевич скромно оценил итоги своего ректорства: коллектив БГУ «добился некоторых успехов в подготовке специалистов для народного хозяйства, подготовив за последние 4 года 2690 специалистов, работающих на предприятиях, в школах, учебных заведениях», хотя пока «не решена проблема использования выпускников на предприятиях, и ближайшей задачей является налаживание тесной связи... с промышленностью и сельским хозяйством». Он умолчал, что БГУ был и остался ведущим в системе высшей школы БССР, что из года в год наращивается его творческий потенциал, что за время его руководства защищено 196 диссертаций (из них 8 докторских), в том числе 64 аспирантами университета. Масштабы университета значительно возросли, несмотря на отставание материально-технической базы. Так, количество студентов очной и заочной форм обучения возросло почти до 6 тыс. человек. На 7 факультетах и 44 кафедрах педагогическую и научную работу вели 272 ученых, из них 60 – воспитанники университета. Если в 1952 г. количество опубликованных научных работ составило 129, то на конец 1955 г. – 203. Среди организационно-научных заслуг Константина Игнатьевича, как штрих к его незаурядной биографии, можно назвать факт создания в 1954 г. на базе геофака Белорусского географического общества (совместное детище с академиком И. С. Лупиновичем).

К. И. Лукашёв с женой и родными. 1961 г.

Так что, несмотря на все проблемы затянувшегося восстановления университета и среди прочих – нахождение резервов для его вывода на новый (количественный и качественный) уровень, за недолгие годы Константину Игнатьевичу вместе с коллегами и руководством республики удалось заложить фундамент для бурного движения вперед в самое ближайшее время.

Избранный в 1953 г. академиком Академии наук БССР, с 1957 по 1969 г. К. И. Лукашёв являлся ее вице-президентом и занимался развитием в Беларуси новых научных направлений, расширением исследований в области освоения природных богатств республики. В 1964 г. он создал и возглавил в Институте геологических наук АН БССР Лабораторию геохимических проблем, где изучались геохимические аспекты формирования четвертичных отложений, геохимические процессы в покровных отложениях и ландшафтах Белорусского Полесья и др. В 1971 г. по инициативе К. И. Лукашёва Лаборатория геохимических проблем и Плещеницкая геофизическая станция были преобразованы в Институт геохимии и геофизики, Константин Игнатьевич был назначен его директором. В Институте разрабатывались актуальные проблемы геологии и геохимии земной коры Беларуси, ландшафтной сферы, поисков полезных ископаемых и др. Эти проблемы имели важное теоретическое и прикладное значение. За открытие и разведку крупных нефтяных месторождений Припятской нефтегазоносной области Беларуси трем сотрудникам Института, в том числе Константину Игнатьевичу, в 1972 г. была присуждена Государственная премия БССР.



Обложка монографии
«Человек и природа» К. И. Лукашёва
и его коллег

Если обобщить белорусские годы научной деятельности К. И. Лукашёва – геолога, геохимика, то можно определить, что она проводилась по следующим главным направлениям:

1) четвертичная геология – генезис, литология, классификация генетических типов четвертичных отложений, палеогеографическая специфика условий и геологических процессов;

2) геохимия гипергенеза, миграция химических элементов в земной коре и биосфере, их рассеяние и концентрация в зависимости от разных факторов;

3) минеральные ресурсы, проблемы нефтегазоносности Припятского прогиба, геохимические аспекты нефтеобразования, геохимические критерии нефтеносности и поисков этого вида минерального сырья;

4) геохимия техногенеза, рациональное использование ландшафтов Беларуси.

Константин Игнатьевич, так уж сложилась его судьба, умел гармонично сочетать увлеченность наукой и разного уровня административные должности с активным участием в весьма неоднозначной общественно-политической жизни СССР и родной Беларуси. Он неоднократно (в 1952–1960 гг.) изби-

рался членом ЦК КП(б)Б, членом ревизионной комиссии, депутатом Верховного Совета БССР V, VI и VII созывов (в 1959–1971 гг.), был председателем планово-бюджетной комиссии и членом Президиума Верховного Совета БССР. Кроме того, в 1957–1972 гг. возглавлял Республиканское общество «Знание», а в 1965–1972 гг. – Республиканский совет народных университетов. За активную работу по распространению политических и научных знаний его имя вписано в Почетную книгу Всесоюзного общества «Знание», во Всесоюзную книгу народных университетов. Ученый награжден медалью академика Н. И. Вавилова. К. И. Лукашёв принимал участие в различных научных советах и редакционных коллегиях: Белорусской советской энциклопедии, многотомного издания «Советский Союз», научных журналов «Доклады АН БССР», «Вести АН БССР» и др. Даже будучи с апреля 1977 г. на пенсии, Константин Игнатьевич не прекращал участия в работе Комитета советских геологов, оставался членом советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода.

Несомненной заслугой К. И. Лукашёва следует признать создание собственной, семейной школы незаурядных ученых в области, в которой академик утвердил много новых научных парадигм. Его сын Валентин Константинович (1938–1998) также стал доктором геолого-минералогических наук, был избран членом-корреспондентом АН БССР. Он автор многих научных исследований в области прикладной и экспериментальной геохимии, геологических аспектов охраны окружающей среды. Дочь Константина Игнатьевича – Ирина Константиновна Вадковская – кандидат биологических наук, соавтор его многочисленных книг, посвященных проблемам биосферы. Третье поколение Лукашёвых также

К. И. Лукашёв с сыном Валентином в минской квартире. Первая половина 1980-х гг.

пошло по научным стопам выдающегося во всех отношениях деда. Кандидат геолого-минералогических наук, доцент Олег Валентинович Лукашёв – геохимик, преподаватель широкого круга геологических дисциплин – сегодня возглавляет кафедру региональной геологии факультета географии и геоинформатики БГУ. Кандидат геолого-минералогических наук Светлана Валентиновна Савченко – ученый-геохимик, сотрудник Института природопользования НАН Беларуси.

Умер академик, заслуженный деятель науки Беларуси Константин Игнатьевич Лукашёв 23 мая 1987 г. За годы своей трудовой, творческой деятельности ученый был удостоен двух орденов Трудового Красного Знамени, ордена Дружбы народов, четырех медалей, трех почетных грамот Верховного Совета БССР, многих других грамот и дипломов. Награды венчали его усилия и плодотворность деятельности по развитию геологической науки, подготовке научных кадров (20 кандидатов и 5 докторов наук), а также достижения на различных административных постах. Константин Игнатьевич все годы напряженной творче-

ской работы стремился результаты исследований довести до коллег, читателей, студентов – в его научном багаже более 450 опубликованных работ, среди них выделяются 50 монографий по грунтоведению, геологии, геохимии, рациональному природопользованию и другим научным направлениям.

Выражением огромного уважения к творческому наследию Константина Игнатьевича стал ряд посвященных его памяти научных конференций. В 2002 г. в Институте геологических наук НАН Беларуси прошла республиканская научная конференция «Современные проблемы геохимии», посвященная 95-летию со дня рождения академика.

В 2007 г. совместными усилиями БГУ и Института геохимии и геофизики НАН Беларуси была организована крупная международная научная конференция «Современные проблемы геохимии, геологии и поисков месторождений полезных ископаемых». Она посвящалась 100-летию со дня рождения Константина Игнатьевича. Множество выступлений нашли оформление в значительном по объему сборнике материалов конференции, вышедшем в издательстве университета. Ряд статей был посвящен рассмотрению актуальности научных достижений К. И. Лукашёва. Даже сами темы этих докладов дают возможность убедиться в широком научном кругозоре ученого и значимости выполненных им исследований. Рефреном большинства оценок звучала констатация, что Константин Игнатьевич – признанный лидер отечественной геологии и геохимии. В мае 2017 г. в БГУ была проведена конференция, посвященная уже 110-летию К. И. Лукашёва.

Перечень научных достижений университетского профессора и академика АН БССР огромен. Дотошно разобраться в количественных параметрах его научных трудов сегодня сложно – требуется специальное историографическое исследование, так как в разных публикациях цифры подаются весьма разноречивые даже в отношении монографических изданий. Для историка огромный интерес представляет вашингтонский период биографии ученого. Так что, чтя память интеллектуала Беларуси и публикуя данный очерк, следует задуматься над подготовкой фундаментальной биографической книги о нем.

Олег Антонович Яновский

Выдающийся ученый-почвовед и агрохимик, академик АН БССР и Академии сельскохозяйственных наук БССР, заслуженный деятель науки БССР

Профессор БГУ, доктор сельскохозяйственных наук, заведующий кафедрой почвоведения университета

Иван Степанович ЛУПИНОВИЧ

23.06.1900 – 09.10.1968

Иван Степанович Лупинович – крупнейший отечественный специалист в области почвоведения и земледелия (исследования возможностей повышения плодородия дерново-подзолистых почв). Им разработана методика комплексного природно-исторического районирования территории СССР для сельскохозяйственного использования и составлены соответствующие карты. Ученый изучал генезис, физико-исторические и биологические свойства заболоченных и торфяно-болотных почв и пути повышения их плодородия. Исследовал агро- и биохимические свойства почв, почвенное питание растений. С 1947 г. вице-президент АН БССР. В 1951–1952 гг. – исполняющий обязанности президента АН БССР. Стоял у истоков создания Академии сельскохозяйственных наук БССР и в 1957–1961 гг. был ее первым президентом. В 1948 г. в БГУ основал кафедру почвоведения и руководил ей. И. С. Лупинович – основатель и первый председатель (1954–1957) Научного совета Белорусского географического общества. Велика его роль в расширении и популяризации географических знаний о БССР, при его непосредственном участии в Могилеве был открыт (1959) первый областной отдел Белорусского географического общества. С 1963 г. возглавлял Белорусское республиканское общество охраны природы. Заслуженный деятель науки БССР. Автор более 120 научных работ.

Иван Степанович Лупинович родился 23 июня 1900 г. в м. Шацк Пуховичского уезда Минской губернии в семье крестьянина-бедняка. В детстве работал по найму и учился в сельской двухклассной школе, которую окончил в 1913 г. В 1914–1918 гг. учеба продолжалась в учительской семинарии. В 1918 г. юноша поступил в Политехническое училище в Минске – на культурно-техническое отделение. Однако уже в 1920 г. перевелся в Минский сельскохозяйственный институт. И сразу показал свою увлеченность новой областью знаний – за отличную учебу студент 3-го курса (1923) был приглашен на работу в качестве младшего научного сотрудника по кафедре почвоведения. После окончания института (1925) со званием ученого агронома был назначен агрохимиком на Белорусскую опытную агрономическую станцию.

Через год, в июле 1926 г., Ивана Степановича Народный комиссариат земледелия СССР отозвал в Москву и направил старшим агрономом и помощником руководителя в Вятскую почвенно-ботаническую экспедицию Московского института агропочвоведения. В 1927–1929 гг. занимал должность заместителя начальника в этой экспедиции, а в последующие годы (1930–1932) был заведующим отделом в Институте агропочвоведения. В 1931 г. проявивший себя исследователь и практик был утвержден в звании ученого специалиста научно-исследовательских учреждений. О плодотворности научной деятельности этих лет свидетельствовали несколько публикаций в трудах данного учреждения.

Затем произошел новый поворот в карьере. В 1932–1934 гг. И. С. Лупинович работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте удобрений и агропочвоведения ВАСХНИЛ, руководил рядом экспедиций, был начальником почвенной экспедиции Западной области по химизации сельского хозяйства. За этот небольшой период ученый составил ряд почвенных карт областей и районов СССР, издал четыре научные статьи.

Параллельно с научно-исследовательской работой Иван Степанович успешно преподавал в вузах Москвы. Так, в 1932–1933 гг. читал курс геологии почвоведения в Московском дорожном техникуме им. В. И. Ленина, в 1933–1934 гг. – курс общего земледелия для аспирантов в Московском колхозно-совхозном институте. Перед Великой Отечественной войной (1939–1941) читал курсы по почвоведению и общему земледелию в Московском гидромелиоративном институте. Преподавательская и научная деятельность Ивана Степановича была замечена на родине. В 1934 г. он был избран заведующим кафедрой общего земледелия в Белорусском сельскохозяйственном институте в г. Горки, в следующем году приобретенный педагогический опыт нашел официальное признание – ВАК утвердил Ивана Степановича в звании исполняющего обязанности профессора.

В Горках профессор читал курсы общего земледелия на агрономическом и агрохимическом факультетах, курс растениеводства – на зоотехническом. Работа в качестве заведующего кафедрой требовала исключительной настойчивости, организаторских усилий. И. С. Лупинович смог за короткий срок буквально ее преобразовать, сделать ведущей в институте. Так, прибыв в институт, он принял кафедру общего земледелия с оборудованием на сумму 2400 руб., а оставил, чуть ли не в 20 раз увеличив ее оснащенность. За время работы в институте заведующий нацеливал своих коллег на практико-ориентированную, повседневную научно-исследовательскую работу, опубликовал 3 статьи и 20 подготовил к печати. Документы свидетельствуют: профессор И. С. Лупинович проявлял активность и

в общественной жизни института, за что его неоднократно премировали.

Проработав в Белорусском сельскохозяйственном институте до 1938 г., И. С. Лупинович был переведен на работу в Москву – в Совет по изучению производительных сил (СОПС) при Академии наук СССР. Там в должности руководителя группы технического отдела изучал вопросы природных ресурсов сельского хозяйства и их использования. Параллельно в 1938–1939 гг. руководил агротехнической группой технического отдела Народного Комиссариата совхозов СССР. Затем, в предвоенные годы и годы Великой Отечественной войны (1939–1944), занимал должность ученого секретаря Совета по изучению производительных сил АН СССР и руководил группой по естественному районированию СССР.

В начале Великой Отечественной войны И. С. Лупинович организовал эвакуацию АН СССР из Москвы в Казань, где сам находился с августа 1941 г. С созданием академической комиссии по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья на нужды обороны Иван Степанович был назначен ее ученым секретарем и проявил инициативу и энергию в организации работы всех секций этой комиссии (нефтяной, энергетической, экономической, минерально-сырьевой, химической, водохозяйственной), руководя сельскохозяйственной секцией. На этом сложном поприще зарекомендовал себя как отличный организатор и руководитель, умеющий сочетать теорию с практикой, пользовался заслуженным авторитетом среди сотрудников. Ученый сумел быстро сориентироваться во многих отраслях народного хозяйства, способствовал выявлению наиболее отстающих и вместе с тем важных в обеспечении военных потребностей.

И. С. Лупинович (в центре, в нижнем ряду) со студентами 3-го курса геофака БГУ. 21 января 1949 г.

МИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

РЕШЕНИЕ № 54

ТРЕТЬЕЙ СЕССИИ МИНСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ (второго созыва)

30 октября 1946г. г.Минск.

Об избрании тов.Лупиновича И.С. членом исполнительного комитета Минского областного Совета депутатов трудящихся.

VIe Congrès International de la Science du Sol
Paris — 1956

EXTRAIT
des
Rapports présentés au Congrès

1969:
Заседание ГЭК на географическом ф-те
пред. Рогозин Н.В.
рец. Личенко С.В.
пред. Доменитов В.А.
рец. Косилюкевич К.И.
рец. [illegible] Г.С.
секр. [illegible]

DIE URBARMACHUNG
VON MOORBÖDEN IN DER U.d.S.S.R.

von

I.S. LUPINOWITSCH
U.d.S.S.R.

Die Moorböden nehmen auf dem Territorium der U.d.S.S.R. we
Flächen ein. In der Nicht-Tschernosemzone des europäischen Teils d
U.d.S.S.R. allein findet man ca. 36 Millionen Hektar Moorboden u
ungefähr anderthalb soviel versumpfte Rasen- und rasenpodzol
Böden.

Die Moorböden entwickeln sich bei überschüssiger Feuchtigkeit und bei Vorherrschen anaärober Prozesse, daher beobachtet man hier beim Bodenbildungsprozess das Vorherrschen der Synthese der organischen Stoffe über deren Abbau. Die Zerlegung und die Mineralisation der organischen Substanz sind nur schwach ausgeprägt und hängen vom Aerationszustand, dem Chemismus des Oberflächen- und des Grundwassers und den hydrothermischen Verhältnissen ab.

Als Folge der erwähnten Eigenschaften der Bodenbildung beobachtet man in Moorböden eine jährliche Anhäufung von organischen Stoffen in Form von Torf. Die Mächtigkeit der Torfschicht hängt von hydrothermischen und anderen lokalen Verhältnissen ab und schwankt in verschiedenen Gebieten, von einigen Dutzenden Zentimetern bis zu fünf Metern und mehr. Moorböden mit deutlich ausgeprägtem Torfbildungsprozess bezeichnen wir als Torf-Moorböden. Im Bereiche der Nicht-Tschernosemzone unterscheiden wir folgende Typen von torfmoorigen Böden: 1) Hochmoorböden, die sich bei überschüssiger atmosphärischer Befeuchtung entwickeln; 2) Niedermoorböden, die sich bei überschüssiger Grundwasserbefeuchtung entwickeln; 3) alluvialmoorige Böden der Flutebenen; 4) kultivierte Humus-Torfböden, umgestaltet durch die Wirtschaftstätigkeit des Menschen.

Die Böden der Uebergangsmoore betrachten wir als Subtypus. Die weitere Einteilung der Böden nach Arten und Varietäten wird entsprechend der Natur des bodenbildenden Ausgangsmaterials — des Torfes, seiner botanischen Zusammensetzun

Членский билет не действителен:

1) При неуплате без уважительных причин членского взноса работающим членом союза в течение трех месяцев.

2) При неотметке без уважительных причин безработного члена союза в течение трех месяцев.

Издание ЦК профсоюза сельхозрабочих СССР
Москва 1928 г.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ И ЛЕСНЫХ РАБОЧИХ СССР
(СЕЛЬХОЗРАБОТНИКИ)

Членский билет № 85730

Фамилия
Имя, отчество
Год рождения
Занимаемая работа
Вступил в союз
Общий стаж
Выбывшим
Секретарь

ЛУПИНОВИЧ
Іван
Сцяпанавіч
1900-1964

Кому
Куды

ХОНА

ПРИКАЗ

ПО ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ УНИВЕРСИТЕТОВ МИНИСТЕРСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

г.Москва № 74/4К 14 февраля 1950г.

Утвердить доктора сельско-хозяйственных наук профессора ЛУПИНОВИЧА Ивана Степановича в должности заведующего кафедрой ...логии и почвоведения Белорусского государственного университета им.В.И.Ленина.

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
П/П: УНИВЕРСИТЕТОВ, ЧЛЕН КОЛЛЕГИИ МИНИСТЕРСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ /проф.И.Ежгач/

Разослать
1.Университету.
2.Тов.Лупиновичу.
3.Отделу кадров Главка
4.Канцелярии -"-

М.П.

ВЕРНО:

ПРЭЗІДЫУМ ВЯРХОЎНАГА СОВЕТА БССР

Лупіновічу Івану Сцяпанавічу

ў сувязі з 30-годдзем Беларускага Дзяржаўнага Універсітэта імя В.І. Леніна і ўлічваючы заслугі ў справе развіцця навукі ў Беларускай ССР

Указам Прэзідыума Вярхоўнага Совета БССР ад 30 кастрычніка 1951 года

ПРЫСВОЕНА ЗВАННЕ

ЗАСЛУЖАНАГА ДЗЕЯЧА НАВУКІ БССР

Старшыня Прэзідыума Вярхоўнага Совета БССР (В. КАЗЛОЎ)

Сакратар Прэзідыума Вярхоўнага Совета БССР (Л. ЛУКАШЭВІЧ)

Он занимался подбором квалифицированных научных сил. Организаторские способности и научная эрудиция Ивана Степановича проявились при проведении им исследовательских работ по всемерному использованию природных ресурсов сельского хозяйства Среднего Поволжья, организации всех сторон хозяйствования применительно к условиям военного времени. В результате был разработан ряд мероприятий по улучшению способов использования природных ресурсов и организации сельскохозяйственного производства.

За время пребывания в Казани ученый активно участвовал в общественно-политической жизни АН СССР, был председателем месткома и членом ряда комиссий парткома, лектором – популяризатором агротехнических знаний, прочитал много лекций по сельскому хозяйству для партактива Татарского обкома ВКП(б), на радио, опубликовал ряд брошюр по актуальным вопросам сельского хозяйства.

В непростых условиях военного времени, в октябре 1943 г., И. С. Лупинович защитил докторскую диссертацию по теме «Естественно-историческое районирование СССР в целях сельского хозяйства». Защита состоялась в Казанском государственном университете им. Ульянова-Ленина. В 1944 г. ему была присуждена ученая степень доктора сельскохозяйственных наук.

В 1944–1945 гг. И. С. Лупинович – заместитель начальника Южно-Киргизской комплексной экспедиции совета по изучению производительных сил АН СССР, затем – ученый секретарь этого совета и начальник Арало-Каспийской комплексной экспедиции. В 1947 г. Иван Степанович вернулся на родину. Его избрали академиком и вице-президентом АН БССР, в 1951–1952 гг. он исполнял обязанности президента Академии. Одновременно со столь высокими административными

И. С. Лупинович читает лекцию студентам 2-го курса геофака. 1953 г.

должностями ученый в 1947–1957 гг. заведовал лабораторией физики и биохимии торфяно-болотных почв при академическом Институте мелиорации и водного хозяйства.

В Беларуси основным направлением научно-исследовательской работы И. С. Лупиновича стало изучение условий и последствий проведения мелиорации, народно-хозяйственной значимости освоения Полесской низменности. В марте 1957 г. авторитетный ученый был назначен первым президентом только что основанной Академии сельскохозяйственных наук БССР и занимал эту должность до 1961 г. Здесь Иван Степанович фактически создал новый центр сельскохозяйственной науки в республике.

Значимой вехой научной деятельности И. С. Лупиновича явилось создание под его руководством кафедры почвоведения и геологии на биологическом факультете БГУ им. В. И. Ленина. В 1948 г. он был назначен ее заведующим и в этом качестве работал в БГУ до 1959 г. После небольшого перерыва Иван Степанович полностью перешел на работу в университет и с 1961 г. вновь возглавил «свою»

кафедру. Одновременно его знания были востребованы в Белорусском научно-исследовательском институте почвоведения, где он состоял научным консультантом лаборатории физики и биохимии заболоченных и торфяно-болотных почв.

В 1962 г. при кафедре почвоведения БГУ И. С. Лупинович создал научно-исследовательскую лабораторию почвенной биогеохимии. Под его руководством активно проводились многочисленные экспериментальные исследования микроэлементного состава почв и почвообразующих пород. В лаборатории БГУ впервые в Беларуси начали изучаться вопросы не только микроэлементного состава почв и пород, но также вод и растительности. По этим проблемам под руководством Ивана Степановича были подготовлены 2 докторские и более 10 кандидатских диссертаций, написана монография и составлены десятки карт. Всего же под руководством профессора было защищено более 50 кандидатских и 7 докторских диссертаций. В 1961–1968 гг. он являлся председателем университетского ученого совета по защите докторских и кандидатских диссертаций. Без преувеличения, И. С. Лупиновичем в стенах Белорусского государственного университета создана школа белорусских почвоведов-биогеохимиков.

И. С. Лупинович (второй слева) на международном конгрессе. 1960 г.

Основные направления научных исследований И. С. Лупиновича можно разделить на три группы: почвоведение, обработка и удобрение почв, естественно-историческое районирование в целях сельского хозяйства. Труды по почвоведению относятся преимущественно к первому периоду его научной деятельности (1923–1932). Работая в качестве ученого специалиста, агронома-почвоведа Московского почвенного института, И. С. Лупинович провел основательные исследования по изучению почв бывшей Вятской губернии и впервые составил почвенные карты и очерки агрономической характеристики почв. В период строительства зерновых совхозов в СССР ученый возглавлял отдел агропочвенных исследований Московского почвенного института и непосредственно руководил научно-исследовательской работой по изучению и выбору территории для зерносовхозов. В 1930 г. он возглавлял специальную экспедицию по изучению почв Гжатского района Западной области. По итогам проделанной работы была составлена детальная почвенная карта и написано исследование «Агрономическая характеристика почв Гжатского района».

В последующие годы, будучи руководителем экспедиции по изучению почв и применению удобрений в Западной области, И. С. Лупинович трудился с большим коллективом сотрудников, в короткий срок составил почвенную карту известкования почв Западной области и провел большую работу по изучению эффективности удобрений на различных почвах. Его труды оказали неоценимую практическую помощь в повышении урожайности колхозных и совхозных полей этого региона СССР.

После избрания руководителем кафедры общего земледелия Белорусского сельскохозяйственного института (1933–1938) И. С. Лупинович, наряду с огромной педагогической практикой, широко развернул исследовательскую работу по изучению системы обработки и удобрения почв под различные культуры. Результатом труда стал выпуск ряда научных работ, среди которых особенно важны «Значение фосфоритной муки в системе удобрения почв льномолочной зоны» (1935) и «Углубление пахотного горизонта, как фактор повышения урожайности» (1936).

На это время пришлось радостное событие в семье ученого: в 1935 г. супруга (в девичестве Т. А. Звиногродская) родила сына Юрия, который в будущем станет ученым-геологом, заместителем директора Института геологии.

С 1939 г. И. С. Лупинович работал над одной из сложных проблем – комплексное естественно-историческое районирование территории для целей сельского хозяйства, что было особо важным в условиях планового социалистического сельского хозяйства. При участии большого коллектива научных работников различных специальностей И. С. Лупиновичу удалось разработать методику комплексного естественно-исторического районирования территории для сельскохозяйственных целей и впервые провести районирование территории СССР, составить карту естественно-исторического районирования СССР и дать монографическое описание всей территории СССР. За эту капитальную работу ему была присуждена степень доктора сельскохозяйственных наук. Исследование получило исключительно высокую оценку в среде специалистов. В частности, отмечалось, что автор «показал свое умение ориентироваться в огромном материале, выбирать из него самое ценное, необходимое сельскому хозяйству и построить на этой основе стройную классификационную систему». В этом же направлении в 1947 г. были опубликованы еще две важные работы: «Естественно-историческое районирование и размещение сельскохозяйственных культур в Молотовской области» и «Плодовые леса Южной Киргизии и перспективы их хозяйственного освоения». Первая работа получила высокую оценку на первой специальной конференции по изучению производительных сил Молотовской области, вторая – на сессии биологического отделения АН СССР (май 1947 г.) и Президиума АН СССР. За нее автор был удостоен премии в 10 тыс. руб.

Заседание симпозиума по мелиорации.
И. С. Лупинович – третий слева.
Москва, 1967 г.

Среди других научных трудов ученого можно назвать: «Природно-историческое районирование СССР» (1947, соавт. С. Г. Струмилин); «Торфяно-болотные почвы БССР и их плодородие» (1952 и 1958, соавт. Т. Ф. Голуб); «Преобразование природы Полесской низины» (1953, соавт. С. Г. Скоропанов, З. М. Денисов); «По Белорусскому Полесью, географические очерки» (1958, соавт. А. Х. Шкляр); «Изменение физико-химических свойств торфяно-болотных почв под воздействи-

ем мелиорации и сельскохозяйственного использования» (1969); «Микроэлементы в почвах БССР и эффективность микроудобрений» (1970, соавт. Г. П. Дубиковский) и др.

Упорный плодотворный труд Ивана Степановича в разные годы неоднократно отмечался высокими наградами: Почетная грамота Верховного Совета Дагестанской АССР (за научную работу по изучению производительных сил Дагестанской АССР, 1940 г.); ордена – Красной Звезды (за научные работы по сельскому хозяйству в период Великой Отечественной войны, 1945 г.), Трудового Красного Знамени (за достигнутые успехи в развитии науки, 1949 г.), Ленина (за многолетний безупречный труд и выдающиеся заслуги в области науки и техники, 1951 г.), Трудового Красного Знамени (за достигнутые успехи в развитии науки, 1958 г.), вновь Трудового Красного Знамени (в связи с 60-летием со дня рождения и за большие заслуги за достигнутые успехи в развитии сельскохозяйственной науки, 1960 г.); медали – «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «В память 800-летия Москвы» (1948), «За трудовую доблесть» (1959). Ученый в 1951 г. за огромную научную и педагогическую работу был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки БССР».

По воспоминаниям коллег, Иван Степанович Лупинович в работе проявлял твердость характера, принципиальность в решаемых вопросах, внимательность к делу и чуткость к людям. Эти качества в полной мере реализовывались и в активной общественной деятельности: ученый избирался депутатом в Верховный Совет БССР (1953–1961), также был депутатом Минского областного совета, в 1950–1955 г. – заседателем Верховного Суда СССР. Еще более значимо для его времени было участие в центральных партийных органах республики: в 1952–1961 гг. являлся членом ЦК КПБ, затем в 1961–1966 гг. – членом Ревизионной комиссии ЦК компартии. С 1952 г. он член Минского обкома КПБ. Долгое время, с 1948 по 1961 г., И. С. Лупинович возглавлял правление Минского областного общества по распространению политических и научных знаний БССР, а с 1963 г. – Белорусское республиканское общество охраны природы.

Напряженная творческая, педагогическая, общественная работа не могла не сказаться на здоровье академика и профессора БГУ. Скончался Иван Степанович, едва переступив порог своего 68-летия. В скором времени (1970) его имя было увековечено в названии Белорусской республиканской научной сельскохозяйственной библиотеки, а на здании Белорусского научно-исследовательского института почвоведения и агрохимии в Минске установили мемориальную доску.

Андрей Анатольевич Торканевский

Государственный деятель, ученый-педагог, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР

Профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии, проректор БГУ

Степан Андреевич УМРЕЙКО

19.12.1908 – 18.06.1978

Известный белорусский ученый и государственный деятель С. А. Умрейко сыграл важную роль в развитии педагогической науки и народного образования в Беларуси. Почти полстолетия жизни он посвятил обучению и воспитанию, организации школьного дела, исследованию актуальных проблем теории воспитания и обучения, истории образования и педагогической мысли в Беларуси. В 1928–1938 гг. молодой педагог активно участвовал в реализации всеобщего обучения в БССР. В 1939 г. его выдвинули на руководящую работу в Народный комиссариат просвещения БССР – начальником управления средней школы. С 1946 г. С. А. Умрейко – заместитель министра просвещения БССР.

В 1948–1952 гг. опытный педагог-практик и руководитель возглавлял работу НИИ педагогики Министерства просвещения БССР. Научную, руководящую и общественную деятельность Степан Андреевич совмещал с преподаванием в высшей школе. В 1964 г. он пришел в БГУ, где возглавил кафедру педагогики и психологии, многие годы являлся проректором по учебной работе. В этот период он погрузился в исследование проблем педагогики высшей школы. В 1968 г. С. А. Умрейко избрали членом-корреспондентом Академии педагогических наук СССР.

Главной заслугой С. А. Умрейко как ученого можно считать организацию фундаментальных исследований в области истории народного образования и педагогической мысли в Беларуси и создание в республике собственной школы истории педагогики.

Степан Андреевич Умрейко родился 19 декабря 1908 г. в д. Песочное Копыльского уезда Минской губернии. Его отец Андрей Карпович работал экономом в поместье Иодко-Наркевича, которое находилось на другом берегу р. Неман, недалеко от д. Песочное. Андрей Карпович имел собственный дом и большой надел земли. С началом Первой мировой войны, оставив маленького сына на попечение супруги Марии Михайловны, он воевал на фронте, дослужился до унтер-офицера и, получив ранение, вернулся домой. Мария Михайловна родилась в д. Семеновичи Узденского района в обеспеченной религиозной семье. Родители понимали значение образования, поэтому отдали своего единственного ребенка в народное училище, открывшееся в д. Песочное еще в 1863 г. С установлением советской власти народное училище преобразовали в семилетнюю школу, которую Степан Умрейко окончил экстерном в 1926 г. В этом же году он поступил на Минские двухгодичные педагогические курсы, после окончания которых был направлен на работу на родину, в Копыльский район, учителем русского и белорусского языка семилетней школы. Одновременно молодой педагог заведовал отделом пионерской работы в Копыльском райкоме ЛКСМБ, в августе следующего года перешел в Копыльский районный отдел образования на должность инспектора культпросветработы.

С. А. Умрейко – заведующий отделом газеты «Чырвоная змена». 1931 г.

В августе 1930 г. Степана Андреевича перевели на работу в Минск – заведовать отделом агитации и пропаганды Фрунзенского райкома ЛКСМБ. В феврале 1931 г. ЦК ЛКСМБ направил молодого специалиста в редакцию молодежной газеты «Чырвоная змена» – на должность заведующего отделом. В газете он пробыл недолго, попросив перевести на преподавательскую работу. Дело в том, что должность заведующего отделом предполагала частые командировки, а Степан Андреевич болел туберкулезом. В 1929–1930 гг. он много разъезжал по Копыльскому району, в том числе и в плохую погоду, являясь уполномоченным по осуществлению сплошной коллективизации в Лешнянском сельсовете. Сказалось и чрезвычайное перенапряжение сил, ведь одновременно молодому учителю приходилось работать и в школе, и в райотделе образования. Болезнь начала прогрессировать. В августе 1931 г. С. А. Умрейко назначили директором семилетней школы № 19 г. Минска и учителем обществоведения, где он проработал до конца учебного года. В июле 1932 г. состоялся перевод на должность директора школы-интерната для детей начсостава пограничных войск ОГПУ БССР. Во время работы в школе состояние здоровья постепенно улучшилось, в чем была заслуга жены Зинаиды Александровны. До конца своих дней Степан Андреевич был благодарен супруге за то, что она выходила его и спасла от одного

из самых опасных заболеваний первой половины XX в. Зинаида Александровна, в девичестве Пылило, родилась в д. Лавы Копыльского района в семье мельника. После замужества полностью посвятила себя заботам о муже, обеспечив ему прочный тыл и поддержку во всех начинаниях. В 1934 г. у молодоженов родился сын Дмитрий. Жизнь постепенно налаживалась, входила в стабильную колею. Однако летом 1935 г. школа-интернат переехала в Витебск. С. А. Умрейко попросил оставить его в столице республики и в августе получил назначение на должность заведующего учебной частью семилетней школы № 22, где одновременно преподавал историю. В начале следующего учебного года он перешел в СШ № 46 г. Минска на должность директора и учителя истории. Своим опытом работы в качестве директора школы Степан Андреевич делился на страницах республиканского педагогического журнала «Камунiстычнае выхаванне». В 1935 г. он поступил на заочное отделение исторического факультета Минского педагогического института им. М. Горького и окончил его в 1941 г., получив специальность «учитель истории средней школы».

В январе 1939 г. С. А. Умрейко был назначен начальником управления средних школ и членом коллегии Наркомпроса БССР. Ему достался сложный участок работы: предстояло обеспечить подготовку учителей-предметников с высшим образованием, разработку учебных программ и учебников для старших классов школы; наладить методическую работу и повышение квалификации учителей; преодолеть хроническое отставание в сроках строительства школьных зданий; создавать советскую школьную систему в Западной Беларуси. В 1940/41 учебном году в БССР в 12 149 школах обучалось 1 818 780 детей и работало 60 842 учителя. Количество средних школ составляло 934. Проблем было много: 2000 учителей 8–10-х классов не имели высшего образования, 20 % школ показывали низкий уровень успеваемости, в ряде школ отмечались нарушения дисциплины со стороны учащихся, пропуски занятий, негативно отражавшиеся на качестве знаний.

С. А. Умрейко с присущей ему обстоятельностью и трудолюбием приступил к решению трудных задач. Если в первом полугодии 1939/40 учебного года абсолютная успеваемость школьников по БССР составляла 72 %, то во втором повысилась до 79 %. В 1940 г. в районах открылись 133 педагогических кабинета для оказания методической помощи учителям. В марте 1941 г. Наркомпрос совместно с НИИ школ организовал 1-ю Всебелорусскую научно-педагогическую конференцию, на которой обсуждались проблемы воспитания сознательной дисциплины и повышения грамотности учеников.

Однако продолжению работы в Наркомпросе помешала война. 22 июня 1941 г. жена и сын С. А. Умрейко гостили у родителей Зинаиды Аркадьевны в д. Лавы. Он попытался эвакуировать близких, но в условиях быстрого наступления немецко-фашистских войск добраться в деревню не удалось. Несмотря на наличие брони работника Наркомпроса, Степан Андреевич ушел добровольцем в действующую армию. Воевал на Западном фронте в должности инструктора пропаганды 15-го отдельного автотранспортного полка; старшего инструктора политотдела тыловых частей и учреждений фронта; заместителя командира по политчасти 537-го отдельного автотранспортного батальона. Участвовал в битве под Москвой в 1941 г. и был награжден медалью «За оборону Москвы». За мужество и отвагу в боях с немецко-фашистскими захватчиками в

июле 1943 г. был удостоен ордена Красной Звезды.

В ноябре 1943 г., после начала освобождения оккупированной территории Беларуси, С. А. Умрейко отозвали из действующей армии и назначили заместителем наркома просвещения БССР. В тот период аппарат комиссариата размещался в Гомеле. Началась работа по возрождению разрушенной системы образования. Много сил заместитель наркома отдал восстановлению школ, завершению всеобуча, налаживанию учебной и воспитательной работы. Его заслуги отмечены медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

Летом 1944 г. С. А. Умрейко наконец встретился с семьей. Мать пережила оккупацию, а отец заболел пневмонией и умер в 1944 г. Жена вынуждена была покинуть дом своих родителей и вместе с сыном ушла в партизанский отряд им. Буденного 95-й бригады им. Фрунзе, базировавшийся в пуще под Лавами. Военные годы принесли Зинаиде Александровне и Дмитрию, как и большинству советских людей, много горя и испытаний. Однако они выжили. Дмитрия за то, что он был связным в партизанском отряде, наградили медалью «Партизану Отечественной войны II степени», орденом Отечественной войны II степени. Воссоединившись, семья снова обосновалась в Минске. Овдовевшая мать Степана Андреевича отказалась переезжать в столицу и прожила в деревне до самой своей смерти в 1967 г. Вначале семье Умрейко предоставили жилплощадь в Бумажном переулке, в районе улицы Мясникова. Затем им выделили квартиру по улице К. Маркса в доме, в котором сейчас размещается английское посольство. В начале 1970-х гг. С. А. Умрейко получил квартиру в д. 4 по улице Червякова, в которой прожил до конца своих дней.

В ноябре 1948 г. С. А. Умрейко обратился с просьбой к руководству о переводе его на научную работу и получил назначение на должность директора НИИ педагогики Министерства просвещения БССР. Как руководитель института, он сконцентрировал усилия на организации научных исследований сотрудников по проблемам теории и истории педагогики и народного образования в Беларуси; на изучении, обобщении и распространении передового педагогического опыта; пропаганде педагогических знаний. Степан Андреевич погрузился в изучение проблемы истории развития советской общеобразовательной школы в БССР в 1920–1941 гг. Результатом исследования стала защита кандидатской диссертации на тему «Очерки по истории советской общеобразовательной школы в БССР (1920–1941 гг.)» в Московском областном педагогическом институте. 27 января 1953 г. соискателю была присуждена ученая степень кандидата педагогических наук, а в 1954 г. присвоено ученое звание доцента.

В кандидатской диссертации автор реконструировал развитие общеобразовательной школы в БССР: структуру и сеть школ, контингент учащихся, учительские кадры; содержание, организацию и методику учебно-воспитательной работы; материальную базу. Материалы диссертации послужили основой для написания С. А. Умрейко в соавторстве с И. М. Ильюшиным монографии «Народное образование в Белорусской ССР», в которой отражены важнейшие этапы развития народного образования в республике. Степан Андреевич в послевоенный период был пионером и организатором развития фундаментальных исследований в области истории народного образования и педагогической мысли в Беларуси. По его инициативе в начале 1960-х гг. НИИ педагогики Мини-

стерства просвещения БССР развернул научно-исследовательскую работу по созданию «Очерков истории народного просвещения и педагогической мысли в Белоруссии», в которых С. А. Умрейко стал главным редактором и автором трех глав.

Начало 1950-х гг. принесло Степану Андреевичу много изменений как в профессиональной, так и в личной жизни. В 1951 г. сын Дмитрий поступил на физический факультет БГУ, который окончил с красным дипломом, и принял решение пойти по стопам отца – посвятить жизнь науке и преподаванию. В 1959 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук, остался работать в университете, став известным белорусским ученым-физиком в области молекулярной спектроскопии и люминесценции. В 1970 г. защитил докторскую диссертацию и до выхода на пенсию работал профессором БГУ. В августе 1952 г. С. А. Умрейко вновь назначили заместителем министра просвещения БССР. Он занимал данную должность по март 1964 г. Это важный период в развитии народного образования республики. Знания и педагогический опыт Степана Андреевича оказались востребованы в условиях начавшейся перестройки народного образования в середине 1950-х гг., направленной на сближение школ и вузов с жизнью и потребностями народного хозяйства. Как заместитель министра просвещения, Степан Андреевич руководил процессом перехода средней школы с 1955/56 учебного года к обучению по новому учебному плану и программам, нацеленным на осуществление принципа «политехнизации». Основными нововведениями являлись: преподавание ручного труда в 1–4-х классах, практические занятия в мастерских и на учебно-опытных участках в 5–7-х классах, практикумы по сельскому хозяйству, машиноведению и электротехнике в 8–10-х классах. В школах стали создаваться рабочие комнаты и учебные мастерские. 24 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР принял Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», в соответствии с которым в стране начался переход к восьмилетнему всеобщему обязательному образованию, завершившийся в БССР к середине 1960-х гг.

С приходом к власти Н. С. Хрущева в стране начались проявления десталинизации, либерализации общественно-политической жизни. По счастливому стечению обстоятельств Степан Андреевич не был репрессирован ни в период «большого террора» 1937–1939 гг., ни в ходе послевоенных «чисток», хотя постоянно ощущал угрозу оказаться вне профессии, быть арестованным. В автобиографии обычно писал: «Родился в семье крестьянина-бедняка… Родители до революции 1917 г. служили по найму батраками у помещика имения “Наднемон”. После Октябрьской социалистической революции

Сын С. А. Умрейко – Д. С. Умрейко, доктор физико-математических наук, профессор. На фото – слева

отец получил от местных органов Советской власти земельный участок в размере 2 га». Не желая портить жизнь и карьеру единственному сыну, Андрей Карпович и Мария Михайловна в 1930 г. добровольно вступили в колхоз. Примечательно, что никто из односельчан не сообщил в органы НКВД о непролетарском происхождении Степана Умрейко. Родные и близкие вспоминали о том, что Степан Андреевич очень любил свою малую родину и своих земляков, а они отвечали ему тем же. Несмотря на профессиональную загруженность, он часто бывал в д. Песочное. С его помощью на родной земле был построен мост через р. Неман, прекрасный Дом культуры, новое капитальное здание школы. В открытом 11 апреля 1997 г. в Песочанской школе историко-краеведческом музее один из пяти разделов экспозиции посвящен С. А. Умрейко. Спасло жизнь Степану Андреевичу и его позднее вступление в КПСС – в апреле 1940 г. К этому времени уже прошли масштабные «чистки» в партии и вскоре началась война. Вместе с тем, как вспоминал сын Дмитрий, у отца в послевоенный период стоял наготове собранный чемоданчик. Поэтому демократизация общественной жизни дала Степану Андреевичу долгожданное спокойствие и возможность продолжить свою деятельность на ответственном посту.

С. А. Умрейко (в центре) – председатель белорусской делегации на Восьмой сессии Генеральной ассамблеи ЮНЕСКО. Монтевидео (Уругвай), 1954 г.

С. А. Умрейко (в центре) – председатель белорусской делегации на Десятой сессии Генеральной ассамблеи ЮНЕСКО. Париж (Франция), 1958 г.

В 1954–1962 гг. С. А. Умрейко в качестве главы делегации БССР принимал участие в шести международных конференциях по проблемам просвещения, которые состоялись в Швейцарии, Уругвае, Франции, Чехословакии и Болгарии, где выступал с докладами и сообщениями. Занимая руководящие должности в системе образования, Степан Андреевич совмещал административную работу с научной и педагогической деятельностью. Это помогало избегать свойственного многим чиновникам бюрократического стиля руководства. Знание реальной ситуации в педагогической науке и практике позволяло ему принимать научно обоснованные управленческие решения. В 1949–1964 гг. С. А. Умрейко по совместительству преподавал на кафедре педагогики Минского педагогического института им. М. Горького, читал лекции по теории и истории педагоги-

ки. Они отличались высоким научным уровнем, насыщенностью интересными фактами и примерами из педагогической практики. В отношениях со студентами преподаватель проявлял дружелюбие и уважительность. Один из его студентов вспоминал: «В то время не говорилось о проблемном обучении, тем не менее, Степан Андреевич не просто пересказывал исторические факты развития педагогической науки, а всегда ставил перед нами проблемные вопросы, задачи и нацеливал на поиск ответов на поставленные вопросы. Студенты совместно с преподавателем путем логических рассуждений находили правильный ответ. После того как были как бы “открыты” закономерности того или иного педагогического процесса, Степан Андреевич говорил: “А знаете ли Вы, что эти вопросы обсуждались в прошлые века?” – и переходил к знакомству нас с работами того или иного педагога прошлого. Студентам такой метод включения их в анализ истории педагогических закономерностей очень нравился, и они с нетерпением ждали лекций и семинарских занятий любимого преподавателя».

В 1964 г. С. А. Умрейко по его личной просьбе освободили от должности заместителя министра. По приглашению ректора Белорусского государственного университета А. Н. Севченко он перешел на педагогическую работу в ведущий вуз республики и 25 марта 1964 г. был назначен заведующим общеуниверситетской кафедрой педагогики и психологии, которой руководил до октября 1972 г.

Кафедра педагогики и психологии в период руководства С. А. Умрейко стала одним из центров развития педагогической науки в БССР. Нового заведующего отличали организованность, чувство ответственности и острота понимания главных задач кафедры, умение видеть возможности и потенциал каждого сотрудника. При рассмотрении разноплановых вопросов работы преподавателей (научно-методической, организации педагогической практики, совершенствования психолого-педагогической подготовки студентов, организации их самостоятельной работы и контроля знаний) Степан Андреевич на основе богатого педагогического опыта демонстрировал актуальное видение проблем и проницательность суждений. Он поддерживал востребованные жизнью исследования преподавателей кафедры в области теории и практики обучения и воспитания, направленные на развитие самостоятельности и инициативы обучающихся.

С 1964/65 учебного года кафедра педагогики и психологии стала уделять много внимания улучшению качества педагогической и методической подготовки студентов – будущих учителей средней школы, повышению уровня чтения лекций и ведения практических занятий по педагогике и психологии, пропаганде среди студентов роли и значения педагогической профессии в системе народного образования. В 1960-х гг. отсутствовали новейшие учебные пособия по курсу педагогики. Как следствие, на кафедре практиковалось обсуждение текстов лекций преподавателей. Чтение курсов лекций и проведение практических занятий велось с учетом специфики факультетов и специализации студентов, что повышало их интерес к педагогической теории и к практике работы школы. Поскольку в университете учебные планы не предусматривали изучение истории педагогики, важнейшие историко-педагогические вопросы отражались в курсе лекций по педагогике.

В 1967/68 учебном году кафедра подготовила два учебных пособия в помощь студентам: «Лекции по педагогике» (авторы – С. А. Умрейко, Л. В. Шашков,

LAISSEZ-

Nom Umreiko

Délégation R.S.S. de Biélorussie

Signature :

Le porteur de cette
de représentant d'u
l'Organisation à la
la Conférence Géné
jouit des facilit
immunités diploma
articles 18, 20 et
date de 2 Juille
Gouvernement de
Française et l'U
Siège de l'Unesco
et immunités
fran

Les autorités a
douanières françai
accorder aide

Пролетарыі ўсіх краін, аднайцеся!

ПАСВЕДЧАННЕ № 2269

Тав. Умрэйку Степану Андрэевичу

Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета Беларускай ССР ад 29 кастрычніка 1971 г. прысвоена ганаровае званне Заслужанага настаўніка Беларускай ССР

Старшыня Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР

м. ф.

Сакратар Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР

29 кастрычніка 1971 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 2269

Тов. Умрейко Степану Андреевичу

Указом Президиума Верховного Совета Белорусской ССР от 29 октября 1971 г. присвоено почетное звание Заслуженного учителя Белорусской ССР

Председатель Президиума Верховного Совета БССР

Секретарь Президиума Верховного Совета БССР

29 октября 1971 г.

Избран 2 февраля 1968 г.

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 68

Предъявитель сего тов. Умрейко Степан Андреевич является членом-корреспондентом педагогических наук СССР

Президент Академии педагогических наук СССР

Выдано 1 июля 19

И. Илюшин, С. Кареевко

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БЕЛОРУССКОЙ ССР

Серия Я № 23182 Умрейко (фамилия) Степан (имя) Андреевич (отчество)

Военный билет выдан 12 ноября 1948 г.

I. ВОЕННО-УЧЕТНЫЕ ДАННЫЕ

1. Род войск (служба) Стрелковые

ВУС № 238 236

2. Воинское звание Майор

3. Запас 7 разряда 5

4. Должность Заместитель по учебно-воспитательной работе

5. Должен состоять на учете по 1968 года

GENERAL CONFERENCE
TENTH SESSION
CONFERENCIA GENERAL
DÉCIMA REUNIÓN
CONFÉRENCE GÉNÉRALE
DIXIÈME SESSION
ГЕНЕРАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ДЕСЯТАЯ СЕССИЯ

Entrée : 125, AVEN

Министерство Просвещения РСФСР
МОСКОВСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

С. А. УМРЕЙКО

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ В БЕЛОРУССКОЙ ССР

(1920—1941 гг.)

Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук.

1952 г.

В. П. Мещеряков, М. У. Пискунов) и «Лекции по психологии» (авторы – Е. П. Ересь, Р. И. Водейко и др.). Однако они не были изданы из-за ограниченных полиграфических возможностей. Лишь в 1970 г. вышел в свет подготовленный преподавателями кафедры сборник лекций по педагогике. Повышению интереса студентов к педагогической науке способствовало введение семинарских занятий по педагогике от 4 до 10 часов на учебную группу. На семинарских занятиях изучались вопросы, посвященные программному обучению, формам организации учебной работы в школе, воспитанию и развитию ученического коллектива и др. Наряду с чтением лекций и проведением семинарских занятий по педагогике и общей психологии кафедра руководила педагогической практикой студентов всех факультетов БГУ. В частности, преподаватели кафедры разработали схемы анализа пробных и зачетных уроков студентов в период педагогической практики.

С приходом С. А. Умрейко кафедра педагогики и психологии БГУ укрепила связь со школой. Была разработана тематика лекций по важнейшим вопросам педагогики и психологии, с которыми преподаватели выступали перед учителями, работниками народного образования и общественностью. При участии кафедры в СШ № 12 г. Минска возник университет педагогических знаний, в котором проводили занятия сотрудники кафедры. Кафедральный коллектив участвовал в работе курсов по повышению квалификации учителей при областных и республиканских институтах усовершенствования учителей.

С. А. Умрейко впервые в БССР разработал программу курса «Педагогика высшей школы» и читал лекции для аспирантов БГУ. В области дидактики высшей школы он заострил внимание на необходимости разработки таких вопросов, как установление тесной взаимосвязи обучения с практикой; диагностика уровня знаний студентов; изучение проблем и направлений совершенствования вузовских лекций и педагогического мастерства преподавателя; изучение путей активизации познавательной деятельности студентов, стимулирования и организации их самостоятельной работы, развития у них самодисциплины, самоконтроля и самоответственности.

На кафедре проводилась большая работа по подготовке научно-педагогических кадров. В 1965 г. открылась аспирантура, готовившая специалистов по педагогике и психологии. Под научным руководством Степана Андреевича защитили свои диссертации 22 кандидата и 2 доктора педагогических наук. Обсуждение диссертационных работ носило характер плодотворной дискуссии, позволявшей увидеть и оценить в работе главное и элементы новизны. Научную полемику Степан Андреевич вел с позиций логики, научно-теоретически обоснованно, суждения высказывал открыто и доброжелательно. Допуская максимум самостоятельности, свободу творчества, умел вести молодых исследователей к

С. А. Умрейко выступает на открытии Международной конференции славистов. 1968 г.

цели. Опытный педагог являлся заместителем председателя республиканского Совета по координации научно-исследовательских работ по педагогическим наукам, членом экспертной комиссии ВАК, председателем совета БГУ по защите диссертаций и присуждению научных степеней по философским и историческим наукам.

В центре внимания С. А. Умрейко всегда находилась проблема подготовки будущих учителей. Имея за плечами опыт работы учителем и руководителем школы, управленческой деятельности в системе образования, он понимал ведущую роль учителя в педагогическом процессе и недостатки его подготовки в вузе. Залог успеха Степан Андреевич видел в тесной взаимосвязи и взаимозависимости теоретической и практической подготовки специалистов. По его мнению, для того, чтобы обеспечить профессиональную и психологическую готовность будущего учителя к применению полученных знаний, необходимо ставить во главу угла изучение теоретических основ педагогики и психологии, сочетая его с изучением и наблюдением за учебно-воспитательным процессом в действии, анализом наблюдений и систематическим учетом полученных результатов. Он привлекал внимание к задаче формирования основ педагогического мастерства, включающего умение передавать знания учащимся, знание возрастных особенностей восприятия и мышления учащихся, условий их развития, объема, характера и глубины их жизненного опыта. Положительными качествами учителя Степан Андреевич считал инициативность, способность к смелому почину, умение успешно решать сложные педагогические задачи, а отрицательными качествами – инертность, безответственность, тягу к бумажной волоките, заслоняющей живые дела. Последователь педагогических взглядов К. Д. Ушинского, Н. К. Крупской, А. С. Макаренко, он пропагандировал идеи воспитания у подрастающего поколения гражданственности, патриотизма и интернационализма, коллективизма, высоких нравственных качеств. Эти идеи нашли отражение в монографии «Патриотизм учителей и школьников Белоруссии в борьбе против немецко-фашистских оккупантов», написанной в соавторстве с А. И. Залесским и П. Н. Кобринцем.

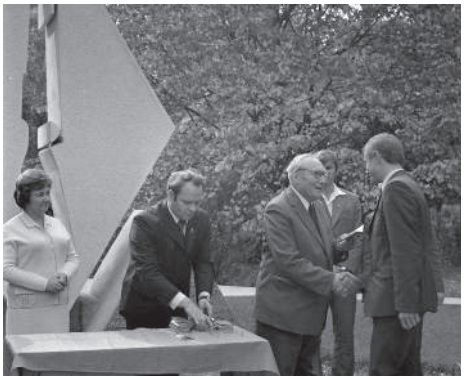
С. А. Умрейко принимает экзамен по педагогике. Начало 1970-х гг.

Созвучными современности являются гуманистические взгляды С. А. Умрейко, который считал, что воспитательная работа должна строиться не на приказаниях, регламентациях, поучениях, навязывании мнений воспитателя, а опираться на активность и инициативу учащихся, способствовать развитию их самостоятельности. Воспитатель должен глубоко знать духовный мир детей, их интересы и потребности, понимать их чувства и мысли. Принцип гуманного подхода к учащимся предполагал понимание их психологии, уважение человеческого достоинства как условие взаимопонимания и культуры общения.

По инициативе С. А. Умрейко в 1971–1975 гг. кафедра педагогики и психологии разрабатывала научно-исследовательскую тему «Коммунистическое

воспитание студентов в университете и педагогических вузах». Ее целью выступало изучение опыта работы ректората, деканатов, кафедр, общественных организаций университета по созданию системы воспитательной работы. Социологическая лаборатория БГУ, в свою очередь, проводила исследования по темам «Социальная характеристика студенческой группы», «Формирование студенческого коллектива и его влияние на личность студента». Педагогические исследования в университете были направлены на совершенствование содержания образования с ориентацией на активную творческую деятельность будущих специалистов. По итогам научно-исследовательской работы кафедра педагогики и психологии подготовила к изданию монографию. С. А. Умрейко и его коллеги разработали содержание комплексной программы воспитательного процесса в университете. В ней обосновывались главные формы работы всех подразделений вуза в направлениях нравственного, эстетического, военно-патриотического, физического воспитания студенческой молодежи. В системе всестороннего развития личности студента на завершающем этапе Степан Андреевич акцентировал внимание на необходимости специальной работы педагогов по организации самовоспитания и саморазвития студентов.

С 1967 по 1974 г. С. А. Умрейко занимал должность проректора по учебной работе гуманитарных факультетов БГУ. Он проявил себя как принципиальный, трудолюбивый, дисциплинированный, требовательный к себе и к подчиненным руководитель. Это обеспечило уважение и авторитет со стороны преподавателей и студентов. Его выступления на заседаниях ректората, научных и методических конференциях университета всегда вызывали живой интерес, побуждали к размышлениям, были научно обоснованны и конструктивны. На должности проректора уже в самом начале проявилась такая черта Степана Андреевича, как стремление лично на месте изучить вопрос или проблему. Ректорат волновали посещение лекций и организация самостоятельной работы студентов. Во время подготовки одного из докладов проректор прошелся по кабинетам, лабораториям и библиотеке университета и обнаружил там только лаборантов – в лабораториях – и небольшое количество студентов – в библиотеке. Затем были посещены занятия на вечернем отделении юридического и филологического факультетов. Как оказалось, на лекциях отсутствовало до 50 % студентов. В своем докладе С. А. Умрейко предложил способы решения обсуждаемых проблем, в частности рационально организовать труд, отдых и деятельность студента в университете. Сам он хорошо понимал необходимость четкого планирования всех форм учебного труда преподавателей и студентов. По инициативе Степана Андреевича в университете начал внедряться разработанный им курс научной организации труда студентов. Его содержание охватывало вопросы



С. А. Умрейко вручает студентам комсомольские билеты у памятника погибшим в годы Великой Отечественной войны. Университетский городок. Начало 1970-х гг.

Слева направо: проректоры БГУ С. А. Умрейко и А. Я. Малышев с министром высшего и среднего специального образования БССР Н. М. Мешковым у входа в главный корпус университета. Начало 1970-х гг.

теории и практики планирования и гигиены труда обучающихся. Сотрудники кафедры педагогики и психологии впервые занялись исследованием процессов утомляемости и работоспособности студентов. Результаты исследований использовались в целях оптимизации учебно-воспитательного процесса и работы преподавателей.

Степан Андреевич успевал решать большое количество вопросов, вести общественную и научную работу и, как все его коллеги-преподаватели, проводить занятия со студентами и аспирантами. В первый год своей работы он выполнил нагрузку в количестве чуть ли не 900 часов. В дальнейшем объем учебных занятий только возрастал, доходя до 1075 часов: С. А. Умрейко читал курс педагогики на разных отделениях многих факультетов БГУ. Он умел находить общий язык со студентами и дневной формы обучения, и заочной. Ведя борьбу с формализмом в преподавании, профессор подчеркивал воспитывающую роль педагогики как учебного предмета, обращая внимание на значение принципа историзма.

Характер С. А. Умрейко как человека неразделим с его научным и педагогическим мировоззрением. Знакомые и близкие называют ряд его достоинств, среди них – отзывчивость, открытость, искренность, доброта, стремление помочь людям. Самой сильной чертой характера Степана Андреевича являлась коммуникабельность. Он любил людей, и они к нему испытывали огромное уважение. У него был очень большой круг общения: белорусские поэты Максим Танк, Анатолий Астрейко и А. Русак, председатель Совета Министров БССР Т. Я. Киселев, министр просвещения И. М. Ильюшин (с ним связывала и личная дружба) и многие другие. Свободное время Степан Андреевич любил проводить в родительском доме, за книгами. Он с удовольствием читал произведения Янки Купалы, И. Науменко, Максима Танка.

В 1968 г. в жизни С. А. Умрейко произошло знаковое событие – избрание членом-корреспондентом Академии педагогических наук СССР, в состав которой входили видные ученые и деятели народного образования. Каждый член-корреспондент состоял в одном из отделений АПН в соответствии со своей специальностью. Главной обязанностью действительных членов и членов-корреспондентов Академии являлось обогащение науки новыми работами путем лично осуществляемых научных исследований, организации коллективной разработки ведущих научных проблем и научного руководства данной разработкой. Деятельность С. А. Умрейко соответствовала этим требованиям. Он принимал участие в работе АПН СССР по созданию коллективных трудов по истории развития педагогической мысли и школы народов СССР. Для этих изданий им были написаны главы «Развитие народного

образования и педагогической мысли в Белоруссии (1941–1966 гг.)», «Развитие просвещения и педагогической мысли белорусского народа в XIII–XVII вв.», а также статьи по вопросам просвещения и педагогической мысли в Беларуси для Большой советской энциклопедии. Всего педагогическое наследие ученого-педагога насчитывает свыше 100 научных публикаций по вопросам дидактики, теории и практики обучения и воспитания, истории просвещения и педагогической мысли Беларуси – в периодической печати, научных сборниках, коллективных научных трудах. С. А. Умрейко – автор двух монографий.

Регулярно на кафедре педагогики и психологии БГУ С. А. Умрейко делал сообщения по материалам работы сессий АПН СССР, анализировал психолого-педагогические проблемы, разрабатывавшиеся учеными разных регионов Советского Союза. Он заострял внимание на актуальных педагогических проблемах, видя в них теоретические и прикладные аспекты и ориентируя сотрудников кафедры на их разработку. На кафедре по его приглашению выступали академик АПН СССР П. Р. Атутов, вице-президент АПН СССР А. Г. Хрипкова и др. Стремясь к расширению научных связей с учеными-педагогами России, Степан Андреевич направлял своих сотрудников на консультации в институты АПН СССР. Сам также выезжал в зарубежные университеты и выступал с лекциями по проблемам развития педагогики в СССР: в Софийском университете (Болгария) – в 1968 г., Йенском (Германия) – в 1969 г., Люблянском (Югославия) – в 1969 г.

Как член-корреспондент АПН СССР С. А. Умрейко в конце 1960-х – 1970-е гг. активизировал исследования актуальных педагогических проблем в белорусских вузах. Впервые он поставил вопрос о создании в ведущих вузах БССР кафедр педагогики высшей школы, своевременно предложил программу исследования

Руководители БГУ с представителями зарубежной делегации
у входа в главный корпус университета. С. А. Умрейко – второй справа в первом ряду.
Начало 1970-х гг.

С. А. Умрейко (слева) в физической лаборатории БГУ. Начало 1970-х гг.

научно-прикладных проблем высшего образования в республике. Среди прочих заслуг Степана Андреевича на поприще науки и организации проведения исследований главной можно считать создание в БССР собственной школы истории педагогики. Под его руководством на кафедре БГУ были подготовлены диссертации по таким темам, как «Педагогическая деятельность Я. Коласа и его педагогические взгляды», «Школа Белоруссии в восстановительный период (1921–1925 гг.)», «Школа, учитель и учащиеся Белоруссии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)», «Педагогическая печать Белоруссии в борьбе за построение новой трудовой школы (1917–1932 гг.)» и др. Степан Андреевич полагал, что научные исследования в области истории образования и педагогической мысли в Беларуси 1960–70-х гг. станут базой для последующих исследований проблем истории отечественного образования.

Присвоение воинских званий и вручение военных билетов выпускникам БГУ. Президиум, в центре проректор университета Степан Андреевич Умрейко. 1972 г.

С. А. Умрейко вел и многогранную общественную деятельность: избирался в состав партийных и советских органов, являлся членом редколлегии «БСЭ» по разделу «Народное образование, педагогика и психология», был членом президиума республиканского правления общества «Знание», членом Учебно-методического совета Министерства просвещения БССР. Степан Андреевич являлся одним из учредителей и первым председателем Педагогического общества Беларуси. Он регулярно выступал с лекциями перед учительской аудиторией, пропагандировал достижения педагогической науки.

В 1971 г. С. А. Умрейко было присвоено звание заслуженного учителя БССР. За плодотворную педагогическую и научную деятельность он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», медалью «За трудовую доблесть», пятью почетными грамотами Верховного Совета БССР. В 1972 г. ученому-педагогу присвоили звание профессора.

В начале 1970-х гг. у Степана Андреевича ухудшилось состояние здоровья. Он принял решение оставить работу в ректорате и уйти на пенсию. В заявлении на имя ректора БГУ В. М. Сикорского профессор писал, что в результате сможет «сосредоточить больше внимания руководству Педагогическим обществом

БССР, как его председатель, и выполнить обязательство перед АПН БССР о написании Истории просвещении и педагогической мысли в Белоруссии». В феврале 1974 г. просьбу удовлетворили, и С. А. Умрейко остался в должности профессора кафедры педагогики и психологии на 0,5 ставки. Однако состояние здоровья продолжало ухудшаться. Степан Андреевич попросил перевести его с 1 января 1975 г. на должность профессора-консультанта кафедры. В июне 1978 г. Степана Андреевича госпитализировали после сердечного приступа, а через две недели он скончался за полгода до своего 70-летия.

Совет Министров БССР постановлением от 8 апреля 1980 г. увековечил память выдающегося педагога: имя С. А. Умрейко было присвоено Песочанской средней общеобразовательной школе Копыльского района Минской области, а на его могиле на Восточном кладбище Минский горисполком установил надгробие. В историю БГУ и всей Беларуси Степан Андреевич Умрейко вошел как выдающийся ученый-педагог и государственный деятель, внесший большой вклад в исследование истории отечественной школы и педагогической мысли, актуальных проблем теории и практики воспитания, педагогики высшей школы, в организацию и развитие народного образования.

Ольга Игоревна Ершова

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю 4

Интеллектуальная элита Беларуси 6

ИЗ ПЛЕЯДЫ ПЕРВЫХ...

Евгений Иванович БОРИЧЕВСКИЙ
Выдающийся литературовед и переводчик 9

Петр Афанасьевич БУЗУК
Классик украинского и белорусского языкознания, основоположник белорусской лингвистической географии 21

Иосиф Васильевич ВОЛК-ЛЕВАНОВИЧ
Один из основоположников современного белорусского языка и научного языкознания в Беларуси 33

Илья Яковлевич ГЕРЦЫК
Ученый-экономист – теоретик и практик, исследователь макроэкономических процессов 47

Дмитрий Иванович ДОВГЯЛЛО
Один из основоположников архивного дела в Беларуси, ученый-археограф, источниковед 56

Василий Данилович ДРУЩИЦ
Выдающийся историк-источниковед 70

Александр Карлович ЛЕНЦ
Выдающийся ученый-психиатр и невропатолог, основоположник физиологического направления в белорусской психиатрии и антропологии Беларуси 84

Василий Антонович ЛЕОНОВ
Основоположник педиатрического образования и науки в Беларуси, действительный член АН БССР 104

Петр Аристархович МАВРОДИАДИ
Основоположник комплексной научной школы биологов, гистологов и цитологов Беларуси, директор Института биологии БАН 115

Александр Александрович МАНОВ
Выдающийся ученый-экономист, один из основоположников экономического образования в Беларуси 133

Виктор Васильевич ЯКУНИН
Выдающийся ученый-экономист, один из профессоров – основателей Белорусского государственного университета 142

ИЗ КОГОРТЫ ВЫПУСКНИКОВ АЛЬМА-МАТЕР

Лаврентий Семенович АБЕЦЕДАРСКИЙ
Организатор системного преподавания истории Беларуси, автор и редактор первых послевоенных учебников по отечественной истории 151

Иван Николаевич ЛУЩИЦКИЙ
Основоположник исследований общественно-политической и философской мысли Беларуси, член-корреспондент АН БССР 168

Петр Захарович САВОЧКИН
Историк-россиевед, белорусист и славист, организатор исторического образования и разноплановых научных исследований 179

Антон Никифорович СЕВЧЕНКО
Выдающийся ученый-физик, профессор, академик, директор Института физики и математики АН БССР 196

Григорий Лазаревич СТАРОБИНЕЦ
Незаурядный ученый-химик, член-корреспондент АН БССР, заслуженный деятель науки БССР 206

Иван Григорьевич ТИЩЕНКО
Незаурядный ученый-химик, член-корреспондент АН БССР, заслуженный деятель науки БССР 218

Федор Иванович ФЁДОРОВ
Выдающийся физик-теоретик, организатор физической науки в Беларуси, действительный член АН БССР 226

ПОКОРИТЕЛИ НОВЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ВЕРШИН

Федор Дмитриевич ГАХОВ
Выдающийся ученый-математик и педагог, действительный член АН БССР 239

Василий Алексеевич ДЕМЕНТЬЕВ
Основоположник геоморфологической и ландшафтной научных школ, исследователь в области теории физической географии и физико-географического районирования 251

Константин Игнатьевич ЛУКАШЁВ
Выдающийся ученый в области геологии, геохимии и палеогеографии, геохимии биосферы, академик, вице-президент АН БССР 261

Иван Степанович ЛУПИНОВИЧ
Выдающийся ученый-почвовед и агрохимик, академик АН БССР и Академии сельскохозяйственных наук БССР, заслуженный деятель науки БССР 279

Степан Андреевич УМРЕЙКО
Государственный деятель, ученый-педагог, член-корреспондент Академии педагогических наук СССР 287

Научное издание

Белорусский государственный университет:
100 лет на благо Отечества

Король Андрей Дмитриевич
Бурачонок Александр Вячеславович
Гужаловский Александр Александрович и др.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА БЕЛАРУСИ.
ОСНОВОПОЛОЖНИКИ БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (1919–1981)

Редактор *Е. А. Логвинович*
Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Художественный редактор *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *Л. В. Жаборовская*
Компьютерная верстка *О. В. Гасюк*
Корректоры *Е. И. Бондаренко*, *Н. В. Яненко*

Подписано в печать 30.06.2020. Формат 70×100/16. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,51. Уч.-изд. л. 27,7.
Тираж 200 экз. Заказ 4077.

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Издательско-полиграфическое
частное унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, офис 2, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.